

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 6

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 2022

Журнал основан в 1889 г.
Выходит 6 раз в год
Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);
“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва), **С.А. Арутюнов** (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, главный редактор (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
П.С. Куприянов (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
Е.В. Попова (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
В.В. Трепавлов (д.и.н., Ин-т российской истории РАН, Москва),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Уральский федеральный ун-т),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссориин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чவர் (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67
Интернет-сайт: <https://eo.iea.ras.ru>, e-mail: ethnoreview@iea.ras.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences

ETNOGRAFIČESKOE OBOZRENIÉ

№ 6

NOVEMBER–DECEMBER 2022

Founded in 1889
Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); *Sovetskaiia Etnografia* (1931–1991)
Publication frequency: 6 issues per year
Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Pavel Kupriyanov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitry Mikhel (RANEP, Moscow), **Evgeniya Popova** (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vadim Trepavlov (Inst. of Russian History, Moscow), **Elena Trubina** (Ural Federal U., Ekaterinburg)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:
Rm 1807, 32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia;
phone +7 (495) 938-1867

Website: <https://eo.ica.ras.ru>; e-mail: ethnoreview@ica.ras.ru

Специальная тема номера:

Цифровые технологии и трансформации повседневности

(отв. ред. – С.В. Соколовский)

<i>С.В. Соколовский.</i> Виртуальность как повседневность	5
<i>А.Р. Медведева.</i> Шизоаналитический контекст взаимодействия пользователя с цифровым объектом: аффордансы интерфейса	11
<i>Е.Г. Лактюхина.</i> Здесь будет город-смарт: цифровой контроль детских перемещений в постсоветском городе	26
<i>С.В. Соколовский, О.Н. Подлесных.</i> Юмор и биополитика: мемы Рунета в разгар пандемии	40
<i>Е.К. Соколова, С.Ю. Шевченко.</i> Развитие навыков в киберспорте как производство гибридного субъекта	61

Дискуссия

<i>Д.В. Верховцев.</i> Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе	79
<i>С.С. Алымов, Л.С. Перепелкин, С.В. Соколовский, В.А. Тишков, В.А. Шнирельман, Д.В. Верховцев.</i> Этнос post-mortem: размышления и комментарии	102

Статьи и материалы

<i>А.Г. Козинцев, А.Ю. Милитарев.</i> Лексикостатистическая классификация афразийских языков: новые подходы	132
<i>В.В. Ростовцева, М.Л. Бутовская.</i> Нейтральное лицо человека несет отпечаток его эмоциональности	160
<i>Э.Г. Александренков.</i> “Туанакхатабей”, “сибонеи”, “индейцы”: аборигены Кубы в XVI – первой половине XVII в.	178
<i>Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова.</i> Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои.....	196
<i>В.В. Васильева.</i> Социальная логистика: частные предприниматели и поставки продуктов на “северные окраины”	213

Критика, обзоры, рецензии

<i>М.К. Любарт.</i> “Американская мечта” российской эмиграции и ее адаптация к современной американской реальности (рец. на кн.: Шалыгина Н.В. Русские американцы: поиск новых идентичностей. М., 2021)	233
<i>И.А. Снежкова.</i> Положение молодежи в финно-угорских республиках (рец. на: Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски: монография / Ю.П. Шабаетов, В.Н. Бирин, Н.П. Миронова и др. М.: РГГУ, 2021)	238

Special Theme of the Issue: Digital Technologies and Transformations of the Everyday (guest editor *S.V. Sokolovskiy*)

<i>Sokolovskiy S.V.</i> Virtuality as Mundanity [Virtual'nost' kak povsednevnost']	5
<i>Medvedeva A.R.</i> Schizoanalytical Context of a User Interaction with a Digital Object: Interface's Affordances [Schizoanaliticheskii kontekst vzaimodeistviia pol'zovatelya s tsifrovym ob'ektom: affordansy interfeisa]	11
<i>Laktyukhina E.G.</i> We'll Build a Smart City: Digital Control over Children's Mobility in Post-Soviet Cities [Zdes' budet gorod-smart: tsifrovoi kontrol' detskikh peremeshchenii v postsovet'skom gorode]	26
<i>Sokolovskiy S.V., and O.N. Podlesnykh.</i> Humour and Biopolitics: RuNet Memes during the Pandemic [Yumor i biopolitika: memy Runeta v razgar pandemii].....	40
<i>Sokolova E.K., and S.Y. Shevchenko.</i> Development of Skills in E-Sports as the Production of a Hybrid Subject [Razvitie navykov v kibersporte kak proizvodstvo gibridnogo sub'ekta].....	61

Discussion

<i>Verkhovtsev D.V.</i> Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses [Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazychnom diskurse]	79
<i>Alymov S.S. L.S. Perepelkin, S.V. Sokolovskiy, V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman, and D.V. Verkhovtsev.</i> Ethnos Post-Mortem: Thoughts and Comments [Etnos post-mortem: razmyshleniia i kommentarii].....	102

Research Articles

<i>Kozintsev A.G., and A.Y. Militarev.</i> A Lexicostatistical Classification of Afrasian Languages: New Approaches [Leksikostatisticheskaiia klassifikatsiia afraziiskikh yazykov: novye podkhody]	132
<i>Rostovtseva V.V., and M.L. Butovskaya.</i> Human Neutral Face Bears an Imprint of Emotionality [Neitral'noe litso cheloveka neset otpechatok ego emotsional'nosti]... 160	160
<i>Aleksandrenkov E.G.</i> On “Guanahatabeys”, “Siboneys”, and “Indians”: The Aborigines of Cuba in the 16 th – First Half of the 17 th Century [“Guanakhatabei”, “sibonei”, “indeitsy”: aborigeny Kuby v XVI – pervoi polovine XVII v.]	178
<i>Veselkova N.V., and E.V. Pryamikova.</i> Memorative Landscape of a Small City: Configurations and Layers [Memorativnyi landshaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi]	196
<i>Vasilyeva V.V.</i> Social Logistics: Private Entrepreneurs and Food Supplies to the “Far Reaches” of the Russian Arctic [Sotsial'naia logistika: chastnye predprinimateli i postavki produktov na “severnye okrainy”]	213

Book Reviews and Critiques

<i>Lyubart M.K.</i> The “American Dream” of Russian Immigrants and Its Adaptation to the Current American Reality [“Amerikanskaia mechta” rossiiskoi emigratsii i ee adaptatsiia k sovremennoi amerikanskoi real'nosti]: A Review of <i>Russkie amerikantsy: Poisk novykh identichnostei</i> [Russian Americans: Search for New Identities], by N.V. Shalygina	233
<i>Snezhkova I.A.</i> The Condition of Youth in Finno-Ugric Republics [Polozhenie molodezhi v finno-ugorskikh respublikakh]: A Review of <i>Molodezh' v politicheskom i kul'turnom prostranstve respublik s finno-ugorskim naseleniem: pozitsii, nastroyeniia, riski: monografiia</i> [Youth in the Political and Cultural Space of the Republics with Finno-Ugric Population: Positions, Sentiments, Risks], by Y.P. Shabaev, V.N. Birin, et al.	238

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (отв. ред. – С.В. Соколовский)

ВИРТУАЛЬНОСТЬ КАК ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

актуальность и виртуальность, виртуальная реальность, повседневные практики, кибер-реальность, философская антропология

Аннотация

Вводная статья темы номера, фокусом которой стали трансформации повседневности под влиянием цифровых технологий. Редактор темы предлагает рабочую типологию реальностей, представляя краткие характеристики различных виртуальных феноменов на материалах нарастающей цифровизации повседневных практик. Эта тема развивается в статьях Е.Г. Лактюхиной, А.Р. Медведевой, Е.К. Соколовой и С.Ю. Шевченко, С.В. Соколовского и О.Н. Подлесных, также кратко представленных в данном введении.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках плана НИР ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Не забывшиеся еще карантин и локдауны превратили онлайн-коммуникации в необходимость – все от школьников до пенсионеров вынуждены были приспосабливаться к цифровым реалиям обучения, работы, потребления, лечения и досуга. Публикуемый в этом номере тематический выпуск¹ затрагивает лишь незначительную часть тех трансформаций, которым подверглась наша повседневность в последние годы. Стоит, впрочем, заметить, что некоторые типы виртуальной реальности знакомы человечеству практически с момента его становления. Сон и дневные грезы остаются захватывающими виртуальными феноменами, но к числу последних относятся также все виды искусств, которые еще Платон рассматривал как излишнее удвоение реальности. К этому перечню, как справедливо отмечает одна из участниц этого выпуска Арина Медведева, следует отнести также воображение и фантазию². Использование гипербол или иронии тоже способно производить измененный,

Статья поступила 03.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.09.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В. Виртуальность как повседневность // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 5–10. <https://doi.org/10.31857/S086954152206001X> EDN: МРҮЈДУ

Sokolovskiy, S.V. 2022. Virtual'nost' kak povsednevnost' [Virtuality as Mundanity]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 5–10. <https://doi.org/10.31857/S086954152206001X> EDN: МРҮЈДУ

отклоняющийся от реальности мир. Впрочем, в эпоху фейков, постправды и дезинформократии сама “настоящая” реальность, от которой отталкиваются все стратегии ее репрезентации, становится неотличимой от коллективной галлюцинации.

Вспомним, однако, что виртуальная реальность никогда не принадлежала исключительно человеку. Животные используют покровительственную окраску и мимирию, т.е. создают эффект отсутствия или выдают себя за особей другого, более опасного вида, тем самым удваивая образ реальности; они играют, имитируя борьбу и охоту. Эти примеры свидетельствуют о том, что наше разделение реальности на физическую и виртуальную имеет прямое отношение к режимам истинности, и само это разделение входит в эпистемические и этические представления о справедливом и должном. Таким образом, реальность понарошку, реальность-не-взаправду, игровая реальность, реальность воображаемая и фантазматическая, оказывается компонентой сложного понятия виртуальности – этого сенсорно иллюзорного мира, присутствующего во множестве обыденных практик. В конечном итоге весь наш опыт, получаемый в результате проб и ошибок, может быть представлен как маятниковое движение между иллюзией мира и миром реальным, корректирующим, иногда жестоко, эту иллюзию.

Еще одной характеристикой, позволяющей сравнивать рассматриваемые здесь типы реальности, является их отношение к действию (даже если это мышледействие или речевая активность), акциональный контекст развертывания этих реальностей. Типичная для восприятия мира любым живым существом редукция служит основанием для эффективного действия в этом мире, одновременно производя версию, отличную от полной, не подвергшейся такой редукции реальности. Однако редуцированная версия остается все же истинной постольку, поскольку обеспечивает эффективность взаимодействия с ближней средой. Иными словами, не всякая отклоняющаяся от полноты восприятия версия оказывается иллюзорной и виртуальной. К тому же некоторые типы виртуализации не имеют отношения к игровой реальности, они строятся скорее на системе редукций. К этим типам относится, как мне представляется, и реальность *цифровая*.

Почему именно *цифровая* реальность принесла столь разительные перемены в нашу жизнь и только ли она виновата в этом? Одной из рабочих гипотез является повсеместный рост присутствия цифровых технологий и их внедрение во все сферы жизни, иными словами, *цифровая тотализация* (виртуализация) обыденности. Наша жизнь уже давно превратилась в жизнь среди и посредством экранов³, причем речь идет не только о телевидении, кино или рекламных щитах, перешедших в цифровой формат. Эти привычные медиа сегодня с трудом конкурируют с планшетами, смартфонами, вебкамерами, платежными терминалами, ридерами, цифровыми часами, устройствами дополненной реальности и т.д. и т.п. В Москве люди моложе 35 лет⁴ при перемещении по городу практически не отрываются от экранов смартфонов и ридеров; исключением являются только поездки на средствах индивидуальной мобильности (электросамокатах, гироскутерах, моноколесах и т.д.), когда экраны заменяются наушниками, в которых звучит оцифрованная музыка. Такое массивное вторжение виртуальности в повседневность меняет ее фундамент – восприятие времени и пространства.

Особенности киберпространства сегодня существенно влияют на развитие медиа. В современных исследованиях медиа конкурируют множество подходов и школ (теории коммуникации, информационного общества, дискурса и т.д.), обзор которых остается самостоятельной задачей. Упомянутый в статье Арины Медведевой Фридрих Киттлер, один из наиболее влиятельных теоретиков

медиа, в полемике по поводу знаменитого тезиса Маршалла Маклюэна “посредник и есть сообщение” (“the media is the message”) утверждал, что медиа предшествуют субъекту и создают его (“доминирующие сегодня информационные технологии целиком контролируют понимание и его иллюзии” [Kittler 1999: xl]; “не только мы программируем машины, они тоже программируют нас” [Kittler 2001: 66]). Сегодня, спустя 20-летие после публикации переводов этих работ Киттлера, ни у кого из специалистов уже не остается сомнений, что, создавая новые аудитории, медиа постоянно производят новые потребности своих потребителей, определяют эстетические вкусы и этические нормы, т.е. формируют и реформируют (пост)современного субъекта. Два момента, содержащиеся в анализе интерфейса в статье Медведевой, могут особенно заинтересовать антропологов: постулирование наличия аналогового интерфейса у любого объекта и постулирование необходимости восприятия интерфейса как порога или пространства, в котором осуществляется перевод, что сближает трактовку медиации Киттлером с материальной семиотикой Бруно Латура и Изабель Стенгерс. Оба утверждения, как мне представляется, способны существенно обогатить этнографию материальности.

Кейс цифрового наблюдения за детьми, проанализированный в статье Елены Лактюхиной, ставит интересную для городской антропологии проблему взаимодействия цифровой инфраструктуры с другими инфраструктурами, сетями и ритмами города. Помимо этого, он демонстрирует роль технологий геолокации, которые облегчают для нас ориентацию в пространстве и маршрутизацию, но одновременно обнаруживают наше местонахождение для любых заинтересованных лиц, где бы они ни находились. Мало того, что смартфон следит за перемещениями, он делает вас достижимыми (вас можно услышать и увидеть, с вами можно связаться в любой момент времени практически в любой точке мира), отслеживает ваши интересы, документирует приобретения и затраты, контакты и связи, состояние здоровья и кошелька, идентифицирует ваши уникальные облик и голос. Цифровые следы и складываемые из них цифровые личности затем продаются, используются, крадутся, и этот бизнес давно стал основой для наиболее эффективных экономических и политических стратегий. В статье Лактюхиной приводятся материалы, предоставляющие возможность развивать концепции Джереми Бентама и Мишеля Фуко⁵ о паноптической природе власти и соотношении в разных видах деятельности поднадзорности и безнадзорности/беспризорности применительно к новым медиа. В этих оптических режимах сохраняется неравенство между надзирателем и надзираемыми, и оба режима связаны с моральным и социальным статусами личностей, находящихся по разные стороны используемых для отслеживания устройств.

Однако сама цифровая среда не абсолютно прозрачна. Она вносит собственные искажения в получаемые образы реальности; она существенно дефициентна. Профессионалы знают, сколь значительно снижается качество звука или изображения при цифровой обработке и передаче по интернет-каналам. Ставшие привычными и потому уже почти не воспринимаемыми дефициты цифровой виртуальности усугубляются *фокализацией* – направленностью камеры или микрофона на источник звука или “сцену происходящего”. Например, видеоконференции, в отличие от обычных встреч, представляют собой серию фокальных событий с взятыми крупным планом говорящими головами. Происходящее за рамкой фокуса, не говоря уже об отключении столь важных каналов восприятия, как запах и тактильность, выпадает. Эти особенности цифровой среды требуют специальных коммуникативных умений и техник тела, поскольку взаимодействие с интерфейсом обычно конкурирует с социальным взаимодействием, отнимая время у последнего и создавая регулярные “технические” сбои (чело-

век забывает включить или выключить микрофон, не справляется с очередностью выступлений и сервисами голосования и т.п.). Кроме того, крупные планы нарушают паттерны обыденного общения лицом к лицу, становятся стрессом, ведущим к быстрому утомлению и отключению от происходящего. Свидетельством этого является пониженная по сравнению с офлайн-версией эффективность дистанционного образования (см. пример из статьи Сергея Соколовского и Ольги Подлесных, высмеивающий уровень знаний школьника после длительного периода “карантинного” обучения).

Почему же “цифра”, имея столько недостатков, продолжает захватывать все новые сферы деятельности? Один из ответов лежит в сфере экономики: оставаясь эрзацем реальности, “цифра” стала доступнее и дешевле “оригинала” не только в финансовом отношении, но и в отношении экономии усилий и времени. Мы давно забыли о почте с ее очередями для отправки телеграмм, переводов и писем или совершения междугородних звонков. Уже выросла пара поколений, не подозревающих об этих сложностях. Оплата счетов и любые банковские операции можно осуществлять из дома или находясь в пути практически в любой точке мира, где есть связь. Телевидение, кино и радио также доступны онлайн, причем с возможностями, отсутствующими в их аналоговых версиях. Урезая “избыточность жизни”, цифровая виртуальность спрямляет пути к достижению целей. Похожим образом работает сама природа, позволяя нам различать фигуру и фон, значимое и незначимое, существенное и то, что можно без особого ущерба игнорировать. Предлагая вместо карты схему, виртуальная среда выступает в качестве своеобразного аналога схематизмов человеческого сознания; за счет алгоритмизации искусственный разум оказывается в некоторых операциях эффективнее разума, созданного природой. И поскольку разум человека склонен экономить усилия и выбирать наименее затратные альтернативы, это не может не смещать выбор в пользу виртуальности, не требующей стольких интеллектуальных затрат, как значительно менее предсказуемая реальность.

Кейс геймеров и киберспорта, анализируемый в статье Елены Соколовой и Сергея Шевченко, иллюстрирует глобальную проблему “опережения технологическим развитием адаптационных возможностей человека”. Гипотетическое ее решение авторы видят в “необходимости внедрения новых технологий, способствующих ускорению в освоении новых навыков”. Очевидный логический круг в этом рассуждении (новые технологии тоже требуют адаптации), как мне представляется, может быть преодолен лишь за счет включения в объем понятия “технологическое развитие” психотехник и техник тела, т.е. психосоматической компоненты, что выводит нас на проблему переосмысления самой сущности человека и представления его в качестве киборга, техноморфы или техносимбионта. Одной из разновидностей техник тела, помимо привычек и телесных диспозиций, являются навыки – интегрированные в схему тела и закрепленные рутинным повторением диспозиции, которые и оказываются среди прочего объектом внимания в данной статье. Акцент на возникновении *коллективного* (и/или гибридного) субъекта при формировании навыков – оригинальный вклад авторов в развитие этого сложного понятия. Отмечу также ценное методологическое наблюдение, вытекающее из представленного Соколовой и Шевченко анализа и призывающее к коррекции предмета киберантропологии:

... не ясно, в каком смысле изучаемыми акторами становятся именно киборги, а не просто цифровые объекты и процессы. Эти объекты и процессы определенным образом связаны с людьми, обладающими телами и культурной идентичностью, но сама эта связь оказывается вне проблемного поля киберантропологии, понимаемой только как антропология киберпространства. В дисциплинарном отношении “киборг” очищен до цифрового и в определенном смысле лишен самостоятельной агентности.

В целом данный выпуск предоставляет достаточно интересный материал для трактовки новой киберреальности как уже состоявшегося синтеза реальностей физической и виртуальной, что ставит перед антропологами (как работающими в области антропологии философской, так и в антропологии социально-культурной) масштабную задачу переосмысления основного предмета исследований – человека.

Примечания

¹ В журнале неоднократно публиковались статьи и специальные выпуски по цифровой антропологии (см., напр.: *Этнографическое обозрение*. 2020. № 1).

² Воображаемые параллельные миры являются скорее правилом для социального общения, нежели экзотикой. Мы регулярно ошибаемся, приписывая неверные мотивы действиям других людей. Как замечает британский философ Джон Сёрль, наши действия в значительной степени зависят от того, что мы думаем, когда их совершаем, и потому стороннему наблюдателю невозможно установить, что именно я делаю, когда гуляю в парке: “направляюсь в сторону Патагонии, перемещаю молекулы воздуха, или разнашиваю свои ботинки” (Searle 1984: 58). Наши догадки относительно реальных событий окружающего мира полны несоответствий, и мир далеко не всегда одергивает и поправляет нас, так что жизнь в параллельной реальности – скорее факт, чем изобретение фантастов и философов.

³ Я заимствую фразу из названия популярного франко-итальянского новостного онлайн-издания *Vivre par(mi) les écrans*, публикующего короткие рецензии и сообщения о выставках, книгах и статьях о цифровой реальности.

⁴ Эта возрастная граница выбрана не случайно – более старшие поколения застали жизнь без интернета и успели сформировать несколько иные привычки.

⁵ Как отмечает Фуко, анализируя соответствующие утверждения Бентама: “Проблема не в том, каковы фундаментальные права и как фундаментальные права разделяют область возможного управления и область фундаментальной свободы. Линия раздела проходит между двумя сериями вещей <...> раздел проходит между *agenda* и *non agenda*, тем, что нужно сделать, и тем, чего делать не нужно” (Фуко 2010: 26).

Научная литература

Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010.

Kittler F. Gramophone, Film, Typewriter. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Kittler F. Experience in the Era of Information // *Exploding Aesthetics* / Eds. A.W. Balkema, H. Slager. Amsterdam: Lier en Boog, 2001. P. 59–66.

Searle J. Minds, Brains and Science. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Editor's Introduction

Sokolovskiy, S.V. Virtuality as Mundanity [Virtual'nost' kak povsednevnost']. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 5–10. <https://doi.org/10.31857/S086954152206001X> EDN: MPYJDU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

virtuality and actuality, virtual reality, quotidian practices, cyber-reality, philosophical anthropology

Abstract

The article is an introduction to the special issue of the journal on “Digital Technologies and Transformations of the Everyday”, offering a tentative typology of realities and presenting brief characteristics of various virtual phenomena, drawing on observations about the increasing digitalization of everyday practices. The topic is further elaborated in the contributions by E.G. Laktyukhina, A.R. Medvedeva, E.K. Sokolova and S.Y. Shevchenko, S.V. Sokolovsky and O.N. Podlesnykh, briefly outlined here.

References

- Foucault, M. 2010. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. St. Petersburg: Nauka.
- Kittler, F. 1999. *Gramophone, Film, Typewriter*. Stanford: Stanford University Press.
- Kittler, F. 2001. Experience in the Era of Information. In *Exploding Aesthetics*, edited by A.W. Balkema and H. Slager, 59–66. Amsterdam: Lier en Boog.
- Searle, J. 1984. *Minds, Brains and Science*. Cambridge: Harvard University Press.

ШИЗОАНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ С ЦИФРОВЫМ ОБЪЕКТОМ: АФФОРДАНСЫ ИНТЕРФЕЙСА

А.Р. Медведева

Арина Ринатовна Медведева | <https://orcid.org/0000-0001-8911-5100> | arinamka@gmail.com | к. филол. н., старший преподаватель кафедры теории медиа | Челябинский государственный университет (ул. Братьев Кашириных 129, Челябинск, 454001, Россия)

Ключевые слова

интерфейс, аффордансы, философия медиа, шизоанализ, компьютерные игры, сборка

Аннотация

В данной статье рассматривается интерфейс в контексте теории и философии медиа как одна из пропозиций цифрового пространства и цифровой коммуникации. Анализ исследовательских трудов в области философии интерфейса показывает, что существуют два основных взгляда на влияние интерфейса на коммуникацию: интерфейс как фильтр для любых данных (Л. Манович) и интерфейс как специфичная коммуникативная ситуация “антивыбора” (А. Галлоуэй). Однако общим свойством концепции интерфейса становится его подвижная структура: это пространство, где единицы информации постоянно подвергаются переводу с одного языка на другой. Этот перевод осуществляется на стыке сборок цифрового объекта и пользователя при помощи аффордансов. В статье предлагается описание такой подвижной структуры и выявление смысловых узлов, выраженных аффордансами, на основании разработанного Ф. Гваттари и Ж. Делёзом шизоанализа. Результаты шизоанализа компьютерной игры “Диско Элизиум” показывают, что взаимодействие сборок осуществляется по компенсаторному принципу – через поиск гармонии во взаимодействии обеих сборок. Аффордансы материализуют те смысловые узлы, которые способствуют сближению и гармонизации сборок.

С осмыслением цифрового пространства перед исследователями неизбежно вставали вопросы о природе “цифры”, о возможности сопоставления человеческой нервной системы (или любой другой) с устройством цифрового пространства, о расширении человеческих психических процессов “вовне” (в глобальную сеть) и пересечении различных цифровых траекторий. Цифровая технология, логика экрана, насыщенный уровень интеракции, пересечение всех медиа в одном месте (своего рода метамедиа) – все эти проблемные узлы, так или иначе сосредоточенные вокруг прежде всего компьютерной технологии, получили объединение в лаконичном термине “интерфейс”.

Статья поступила 03.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Медведева А.Р. Шизоаналитический контекст взаимодействия пользователя с цифровым объектом: аффордансы интерфейса // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 11–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060021> EDN: MQUHUH

Medvedeva, A.R. 2022. Schizoanaliticheskiy kontekst vzaimodeistviia pol'zovatel'ia s tsifrovym ob'ektom: affordansy interfeisa [Schizoanalytical Context of a User Interaction with a Digital Object: Interface's Affordances]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 11–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060021> EDN: MQUHUH

В обсуждениях пересечения цифровой антропологии, теории и философии медиа, говоря об интерфейсе, невозможно избежать разговора о технологии как “расширении” (*extensions*) (см. подробный обзор: *Соколовский 2020*). Вслед за М. Маклюэном, который маркировал медиа как внешние расширения человека, можно говорить и об интерфейсе как расширении когнитивного устройства человека, материализации структуры выстраивания связей, ведь

именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия. Содержания, или способы применения таких средств столь же разнообразны, сколь и неэффективны в определении формы связывания людей. На самом деле очень типично, что “содержание” всякого средства коммуникации скрывает от наших глаз характер этого средства (*Маклюэн 2007: 11*).

Фактически здесь М. Маклюэн пишет о том, что интерфейс в большинстве случаев остается скрытым в процессе коммуникации, поскольку основное внимание участников взаимодействия сосредоточено на содержании передаваемого сообщения. Однако именно интерфейс, с одной стороны, ограничивает пути доступа к содержанию, но с другой – обозначает те траектории, по которым происходит интерпретация получаемого сообщения и доступ к его содержанию.

Технологиям уделяли внимание многие научные дисциплины, однако нам бы хотелось сосредоточиться на понимании технологий как медиаторов в контексте взаимодействия с внешним миром. Такое расширение технологий можно встретить в философии и теории медиа, для которых большое значение приобретают специфичность взаимодействия в рамках конкретной технологии (или коммуникационной материализованной плоскости), возможности и ограничения конкретных технологических плоскостей передачи импульсов от одной системы к другой.

Схожую идею высказывал Ф. Киттлер, который рефлексировал по поводу реплики Ф. Ницше “инструменты письма воздействуют на наши мысли” (*Nietzsche 1975–1984: 172*). Для Ф. Киттлера появление компьютерной технологии становится возможностью для умственного постижения имплементации, а значит, и понимания неких структур движения и перевода знаков внутри технического объекта – алгоритмов, получивших материальное выражение (*Kittler 2015: 186*). Х. Гумбрехт дает крайне точное определение необходимости постижения таких структур, ведь суть коммуникации не в неких заложенных диаграммах значений, а в постижении отношения одного значения к другому (*Гумбрехт 2006: 60*). Иными словами, ключевым становится понятие контекста, для которого структура эквивалентна траекториям, доступным человеку, взаимодействующему с ней. Именно контекст создает условия для соотносительности различных единиц в восприятии; это он указывает реципиенту, на что обратить внимание: какие импульсы принять, а какие игнорировать.

Несмотря на то что исследования интерфейса в основном остаются в жесткой зависимости от появления самого термина для обозначения системы представления (репрезентации пользователю) функционала цифрового устройства, а также от траекторий взаимодействия с ним, идея интерфейса как некой общей структуры, задающей основной алгоритм коммуницирования субъектов, существовала и до появления собственно материального представления (другими словами, до массового распространения пользовательского компьютера, сделавшего интерфейс видимым, значимым и открытым для исследования и описания). Мы можем проследить своеобразные “мечты об интерфейсе” в исследованиях постструктуралистов, так или иначе проявляющиеся в выражении так наз. языка-объекта, свободного от идеологии, либо отвлеченного метаязыка.

Р. Барт в своей работе “Система моды” (Барт 2003) выделяет основу “семиологического парадокса”, заключающуюся в том, что, закрепляя за вещами (объектами реального мира) символические знаки или давая им название, преобразовывая их в единицу естественного языка, сознание пытается рационализировать их. Преобразование единицы реального мира в виртуальную (знак, язык) способствует остановке объекта для его дальнейшего рассмотрения. Вещь как процесс становится смыслом, как только мы сосредотачиваемся на ее понимании или интерпретации, т.е. останавливаемся.

При этом для исследователя важна не кристаллизовавшаяся форма, а скорее набор коннотативных значений, порождающихся ею. Р. Барт приводит следующие характеристики этих значений:

...[они] могут иметь форму ассоциаций (например, описание внешности персонажа, занимающее несколько фраз, может иметь всего одно коннотативное означаемое – “нервозность” этого персонажа, хотя само слово “нервозность” и не фигурирует в плане денотации); они могут представлять также в форме реляций, когда устанавливается определенное отношение между двумя местами текста, иногда очень удаленными друг от друга... Наши лексии должны стать как бы ячейками сита, предельно мелкими ячейками, с помощью которых мы будем “снимать пенки” смысла, обнаруживая коннотации (Барт 1989: 427).

Таким образом, коннотация – это значение, стоящее за языком, так или иначе подразумевающееся, но продиктованное в основном культурным полем общества, “выросшее” в нем или из него, как из питательной почвы.

Для исследователя проблема коннотации – это проблема идеологии. В работе “Мифология” Р. Барт пишет о мифе как “особой системе, и особенность эта заключается в том, что он создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него; миф является вторичной семиологической системой. Знак (то есть результат ассоциации, концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означаемым во второй системе” (Там же: 78). Создается ситуация постоянного функционирования идеологического текста, являющего собой особый тип смыслопорождающей диктатуры. То есть сам факт определенной последовательности знаков уже есть создание идеологии, а значит, доминирующей смысловой структуры для восприятия. Решение этой проблемы Р. Барт видел в создании антиидеологического текста, названного им “нулевой степенью письма” (Барт 2008). Таким письмом (или языком), по сути, и стал интерфейс, являющийся языком-объектом, языком-структурой.

Для Ж. Деррида важным было изменить взгляд на саму структуру восприятия, отказавшись от наличия чего-либо первичного, а значит, отказавшись и от догматичности мышления: «“Различение” кладет конец власти одних смыслов над другими, заставляя вспомнить не только о философии Востока, но и о досократиках, о гераклитовом круговращении, “игре”» (Derrida 1972: 13). Идея алгоритмичности интерфейса отчасти реализует эту мечту, отказываясь от догматичности информации, скорее представляя ее как плоскость, создающую условия для равноценности единиц контента, в совокупности образующих эту плоскость.

Неудивительно, что Ж. Деррида останавливается на идее грамматологии. Грамматология – наука о графических элементах: буквах алфавитного письма, иероглифах китайского идеографического письма. Греческое слово *грамматология* означает науку о буквах в смысле графических элементов, название работы Ж. Деррида “О грамматологии” (“De la grammatologie”) объявляет о решительно научном подходе к письму, реализованному в графических элементах. Последовательно разрушая идею о первичности означаемого, Ж. Деррида приводит к мысли о неизменности лишь структуры:

В последнее время на первый план все чаще выходит письмо: любая фиксация следов (кинемато-графия, хорео-графия), любая про-грамма (или “пред-письмо”) выступают как письмо или запись в широком смысле слова. Тем самым прежний идеал фонетического письма, никогда, по сути, и не реализовавшийся, отступает. <...> В нынешней ситуации обнаружилось, что всякий знак (и устный, и письменный) есть лишь знак знака, след следа, означающее означающего, звено в бесконечной цепи отсылок, никогда не достигающей означаемого. Тем самым все стало письмом – или даже прото-письмом (*archi-écriture*), общим условием артикуляции. Как правило, мы не замечаем это необычное “письмо”, и это вполне естественно, так как оно затмевается звуком и его особой ролью в процессе говорения, восприятия речи (*Деррида* 2000: 33–34).

По сути, развитием грамматиологии и стало исследование интерфейсов, что отразило их первоначальное название *графический пользовательский интерфейс*. Наука о печатных знаках проявилась как наука об “иконках”, ставших материальным (зримым) воплощением интерфейса.

Однако от “мечты об интерфейсе” научная мысль перешла к осмыслению факта наличия интерфейса как материализованной структуры. Л. Манович в работе “Язык новых медиа” отметил, что с появлением понятия интерфейса стало возможным говорить о материализации того, что ранее было скрыто от наблюдения – самой структуры, самого алгоритма: “Как только окно браузера заменило и вместило в себя кино, телевизионный экран, стену в галерее и библиотеку, новая модель заявила о себе: вся прошлая и современная культура демонстрировалась и воспринималась посредством компьютера и через призму логики пользовательского интерфейса” (*Манович* 2018: 100). Л. Манович понятие алгоритма связывает не только с прямым действием, но и со сменой направления мысли.

Алгоритм выступает главным организующим принципом для любой системы, будь она выражена хоть нарративом, хоть поведением: “Нарратив не требует от читателя выполнения алгоритма или алгоритмически обусловленного поведения, как это происходит в играх. Однако между ними есть и нечто общее: и читатель, и игрок должны раскрыть внутреннюю логику игры или рассказа в процессе продвижения по сюжету” (Там же: 277–278). Таким образом, Л. Манович утверждает новую парадигму “контент-интерфейс” в оппозицию “содержанию-форме”. По мысли исследователя, интерфейс можно найти в любом объекте, более того, рецепция объекта в основном работает на взаимодействии интерфейса и когниции. Идея как метатаркас структуры считывается из алгоритма или внутренней связности объекта.

Однако при разговоре об интерфейсе как метатехнологии, метамедиа, метаструктуре неизбежным становится вопрос о сущности интерфейса. Есть ли разница между графическим пользовательским интерфейсом и интерфейсом аналоговым, по сути, присущим любому объекту?

Безусловно, интерфейс “производит” присутствие, но и сам по себе может стать этим самым присутствием. Такую проблему интерфейса обозначил А. Галлоуэй в своей работе “Эффект интерфейса”. Во многом продолжая идеи Л. Мановича, А. Галлоуэй соглашается, что интерфейс действительно является своего рода глобальным фильтром для разных самоценных медиа аналогового эпохи. Тем не менее сама возможность такого фильтра является специфической коммуникативной ситуацией. А. Галлоуэй считает, что вопрос об определении интерфейса следует ставить не в терминах предметности и что более пристальное внимание следует уделить внутреннему движению: как такие отношения создают непоследовательность, границу? или, наоборот, как специфическая локальная связь преуспевает в создании согласованности, центрирования?

Таким образом А. Галлоуэй подходит к проблеме определения интерфейса: это медиа или медиация? Вспоминая сократовское понимание коммуникации

как “процесса написания непосредственно на душе другого”, исследователь рассуждает о большом выборе, стоящем в такой ситуации: “(1) медиация как процесс неминуемой, если не немедленной, реализации другого (и, таким образом, в то же время самости) или (2) <...> медиация как непреодолимый распад себя и другого, создающий протигворечие” (Galloway 2012: 26). Репрезентация либо ясна либо сложна, либо врожденная либо внешняя, либо прекрасна либо обманчива, либо уже известна либо бесконечно интерпретируема. А. Галлоуэй отмечает эти крайности, чтобы позднее привести к пониманию интерфейса как недвижимого маятника, который “не смеет” выбрать один из вариантов. Интерфейс “не смеет” выбирать, так как в нем нет подобной функции, он изначально содержит в себе потенциал для любого из возможных выборов. Для обозначения еще более глубокого понимания “антивыбора” А. Галлоуэй вводит понятие интрафейса:

Интрафейс – это слово, используемое для описания этого воображаемого диалога между работоспособным и неработающим: интрафейс – это есть интерфейс, внутренний по отношению к интерфейсу. <...> Интрафейс нерешителен, потому что он всегда должен одновременно манипулировать двумя вещами (периферией и центром) (Ibid.: 40).

Его основной характеристикой становится балансирование между центром и границей с невозможностью предпочтения одной из сущностей. Интрафейс можно понимать как нескончаемую возможность, абсолютно виртуальное пространство. Иными словами, интрафейс – это виртуальная структура интерфейса, его код, содержащий в себе все возможности для репрезентации информации.

Таким образом, интерфейс постоянно меняется; это место, где информация перемещается от одного объекта к другому, от одного узла в системе к другому, игнорируя потребность в какой-либо остановке или кристаллизации. То есть интерфейс – это не “что” происходит, а “как” происходит, это внутренняя система связей. Это – метафорически выражаясь – внутренности объекта, его организм. Из-за безостановочного движения интерфейс предстает как плоскость тотальной неопределенности, поэтому во многом он определяется именно как поверхность. С одной стороны, такое понимание интерфейса в значительной степени связано с основной формой его репрезентации – экраном. С другой стороны, плоскость приобретает онтологический характер в связи с интерфейсом как нечто унифицирующее и безграничное, неспособное к остановке, плоскость для “скольжения” различных данных. Для А. Галлоуэя интерфейс становится “значительной поверхностью”. Интерфейс как термин гораздо больше привязан к своему материальному воплощению (графический пользовательский интерфейс), но в случае интрафейса разговор уже идет о специфической структуре организации данных.

Одним из общих соглашений в рамках осмысления интерфейса Л. Мановичем и А. Галлоуэем становится следующий тезис: графический пользовательский интерфейс, безусловно, является переработкой и совмещением уже существующих медиа. Л. Манович называет его фильтром для всех видов данных, А. Галлоуэй говорит о том, что сам факт этой фильтрации создает особый эффект восприятия.

И если для восприятия первичным становится движение, подвижность этой структуры, то мы совершенно точно не можем избежать процесса перевода или мутации различных данных внутри наблюдаемого объекта. Графический пользовательский интерфейс позволяет буквально увидеть, как одна система знаков мутирует в другую. Но – что особенно важно – такое мутирование внезапно стало подконтрольным человеку при помощи аффордансов.

Аффордансы в интерфейсе имеют то же значение, что и в психологии, – потенциальные интеракции с объектом. Иными словами, это материализованные сигналы, указывающие на возможную перекомпоновку представленной системы. Важно понимать, что перекомпоновка может носить как актуальный, так и сугубо виртуальный характер, т.е. осуществляться при помощи когниции. Если в терминах графического пользовательского интерфейса аффордансы выражены буквально – как способы интеракции с контентом, управляемые кликом мыши, т.е. действием актуализированным, то в “старых” медиа аффордансы были закодированы, и на их считывание или игнорирование уже требовались совсем другие ресурсы – когнитивные.

Например, обратимся к пространственному представлению информации в живописи. Здесь в качестве аффордансов выступают правила композиции, которые пытаются создать условия для линейности восприятия. Фактически, композиция подсказывает реципиенту, в каком порядке, с какого угла рассматривать картину. Однако в силу закодированности аффордансы вынуждают действовать по принципу “нанизывания” одного элемента на другой из-за претензии на нарративность изображения. Более обобщенным определением аффордансов интерфейса в аналоговых технологиях можно назвать “прием” (в литературе, например). Функция приема состоит в том, чтобы создавать узловые сущности восприятия, которые являются сигналом к смене знаков.

В таком контексте перекомпоновка системы, заложенная в аффордансе, также становится сигналом к смене траектории и выстраиванию новой последовательности. В отлаженной последовательности важным становится возможность контроля контекста. В терминах алгоритма это попытка вызвать четкую последовательность реакций при помощи определенных импульсов, что справедливо для всех аффордансов – и цифровых, и аналоговых.

В таком случае вопрос об обнаружении аффордансов стоит остро, ведь они проясняют суть работы интерфейса, репрезентируют те подвижные смысловые узлы, которые способствуют смене восприятия. Определение аффордансов фактически отвечает задаче, которую обозначила М.В. Загидуллина в своей работе о панмедиаатизации: обнаружение материальных причин “самодвижущности” медиа (Загидуллина 2019: 154). Однако обнаружение аффордансов порождает смежные вопросы. Как они могут быть репрезентированы в пространстве интерфейса? Какие именно операции аффордансы порождают при восприятии? И можно ли их описывать в терминах процесса: как знак становится сигналом, порождая новые сигналы или знаки?

Подобные вопросы уже были сформулированы Ф. Гваттари в его работе “Шизоаналитические картографии” (Guattari 2012). Исследователь предлагал выделять четыре базовые сущности любого процесса (ассамбляжа): потоки (F), машинные типы – филум (Φ), вселенные (U) и территории (T). Для Ф. Гваттари было важно, что машина процесса работает постоянно, все время мутирует и готова стать чем-то другим. Каждый из этих четырех доменов генерирует семиотические тензоры, которые позволяют двум диадам взаимодействовать друг с другом. Несмотря на то что сам Ф. Гваттари не закрепляет какие-либо типы данных за доменами, он тем не менее уточняет характеристики доменов. Домены формируют диады по принципу смежности: систему (F–Φ) и структуру (T–U). Система является актуальной, структура же виртуальна. Строго говоря, актуальность – это материализованная представленность, виртуальность же постигается умственно, это некие данные, которые извлекаются из актуальных данных, но материальностью непосредственно во внешнем мире не обладают.

Другим проблемным аспектом становится рассматривание пересечений между сущностями в аспекте наслоения данных доменов друг на друга. Каждая

из диад (системная и структурная) использует один тип кодировки данных. Проще говоря, для потоков (F) нет никаких препятствий для передачи данных в филум (Ф); точно так же, как территории (Т) обмениваются информацией с вселенной возможностей (U). Однако для передачи информации между параллельными диадами используются семиотические тензоры:

- энерго-сигнальные потоки (F) используют тензор T_s – чувственные территории (передача перцептивных сигналов);
- абстрактный филум (Ф) использует N – нозмы (мысленное представление о предмете, проецирование связей);
- экзистенциальные территории (Т) используют $Diag$ – диаграммы (схема понятия, схема ожиданий);
- бестелесные вселенные (U) используют P_m – машинные пропозиции (установление структурной иерархии между компонентами).

Использование тензоров необходимо для перекодировки информации между диадами. Язык одной диады отличается от другой. Как только тензоры одной диады замыкаются в другой, происходит задействие синапсов аффекта (S_a) и эффекта (S_e). Синапсы аффекта задействуются в структурной диаде (Т–U); синапсы эффекта – в системной диаде (F–Ф). Когда мы говорим о коммуникации, эти перекодировки необходимо анализировать, поскольку именно в них могут скрываться разнообразные нестыковки восприятия, проблемы непонимания и отрицания информации. Возможным ответом, который может дать шизоанализ, становятся траектории движения внутри и снаружи.

Мы обращаем внимание именно на шизоаналитический подход в поиске аффордансов как смысловых узлов для восприятия по двум причинам: 1) как видно из приведенных выше оснований, шизоанализ приспособлен для отслеживания перевода знаков, в том числе с актуального языка на виртуальный, от материального знака к смыслу, пониманию или интерпретации; 2) при помощи разметки цифрового пространства обозначениями, предложенными шизоанализом (домены и семиотические тензоры), исследовательский фокус внимания может быть сосредоточен на движении компонентов, а не на их означивании.

Таким образом, прикладная разметка пространства кажется нам значительным шагом к фиксации движения разнородных компонентов цифрового пространства, что приобретает особенную важность, учитывая замечания Л. Мановича и А. Галлоуэя об интерфейсе как фильтре разных данных.

Чтобы продемонстрировать использование такой модели при анализе интерфейса, мы рассмотрим компьютерную игру “Диско Элизиум”, которая показывает, как при помощи интерфейса закладывается основа для перестройки сборки, существующей у игрока. Выбор именно игры в качестве материала для анализа обусловлен тремя причинами: 1) наглядность интерфейса (физически представлен в игровом пространстве); 2) большой отклик от критического игрового сообщества, с примерно одинаковым впечатлением от игры (схожесть интерпретации); 3) специфичность использованных цифровых аффордансов в игре.

Прежде всего, кратко обозначим особенности изометрической компьютерной ролевой игры “Диско Элизиум”. Актуальная диада системы (F–Ф) выражена игровым пространством, а ее изменение возможно при помощи точно таких же актуальных действий игрока. Виртуальная диада (Т–U) выражена интерфейсом, который организует различные части игрового пространства и отвечает за вспомогательные функции работы с ним: меню, графическое оформление управления персонажем и его характеристиками, диалоговое окно, инвентарь и пр. Аффордансы же, в терминах самого Ф. Гваттари, выступают срезамми потоков-действий, уточняя функциональность, доступную игроку.

Вопрос, который может возникнуть при взгляде на такую компоновку элементов, формулируется следующим образом: почему интерфейс относится к виртуальной диаде, хотя в пространстве игры явно представлен? Здесь нам стоит подчеркнуть такое свойство интерфейса, как “прозрачность”, которое является прямым следствием абстракции языка интерфейса. Об использовании абстракции для удобства взаимодействия писала К. Йоргенсен, отмечая, что в основе интерфейса лежит принцип сходства по внешнему виду или функциям между представлением и представляемой системой, а также существует необходимость в конструировании структуры взаимодействия таким образом, чтобы она оставалась невидимой для реципиента (*Jørgensen 2013*).

О метафоричности и непрозрачности интерфейса также писали Дж. Д. Болтер и Д. Громала. Ими отмечается, что, несмотря на все попытки спрятать интерфейс от взгляда пользователя, все же в случаях, когда нужно заставить интерфейс работать, наблюдается взаимодействие непосредственно с ним (напр., для активации программы). Тогда интерфейс становится “зеркалом, отражающим пользователя и его отношение к компьютеру” (*Bolter, Gromala 2003: 145*).

Феномен прозрачности характерен для любого интерфейса, неважно насколько он отдален от нас во времени. Интерфейс фильма, например, тоже стал для нас прозрачным, как и интерфейс книги (*Ibid.: 145*). Этим же объясняется и использование главной метафоры интерфейса – образа окна. Могла бы быть и рамка, но такой выбор имел бы прямо противоположное значение. Причина в том, что рамка – это то, что окружает и замыкает окно или картину. Текстовая рамка напоминает нам об интерфейсе, в то время как текстовое окно помогает нам забыть об интерфейсе и сосредоточиться на тексте или данных внутри (*Ibid.: 148*). Таким образом, знакомый интерфейс перестает восприниматься как отдельный материальный конструкт (что, в терминах Ф. Гваттари, означало бы перенос интерфейса в пространство актуальной системы, с которой приходится взаимодействовать, чтобы уточнить его функционал).

Рис. 1. Взаимодействие сборки игры со сборкой игрока

Рис. 2. Окно создания персонажа в “Диско Элизиум” при начале новой игры

Однако при взаимодействии игрока с цифровым объектом происходит слияние двух сборок за счет отзывчивости диад. Иными словами, мы можем предположить, что сборка психики игрока может начать функционировать в пространстве сборки игры (см. Рис. 1). Но чтобы достичь этого слияния, а следовательно, и (возможно) повлиять на нее, необходимо к этой системе проложить путь. Каждая из сборок (игры и игрока) представлена одинаковыми доменами, но наполнение этих доменов различается. Предпосылками для слияния и обновления сборки игрока становятся готовность принять условности цифрового представления и “прозрачность” интерфейса, а значит, готовность забыть о том, что игра – это искусственно созданный объект. Сборка сама по себе стремится к завершению, устранению затруднений в переводе сигналов или знаков между диадами. Любой слом сборки требует нивелирования критической ошибки и поиска той системы/структуры, которая сможет этот слом устранить (восстановить гармонию).

В данном анализе мы сосредоточимся на двух ключевых сломах сборки: начальный экран создания персонажа и вовлечение в изменившиеся условия ролевой компьютерной игры. Два таких момента покажут нам, зачем нужны изменения *системного* (внутри диады F–Ф) и *структурного* (внутри диады T–U) характера и на что они могут повлиять в восприятии цифрового объекта.

Самый первый компонент сборки, который подвергается мутации, – это ролевая система. С визуальной точки зрения – наличия узнаваемых аффордансов – она очень похожа на структуру распределения характеристик в классических ролевых играх (см. Рис. 2). У игрока, знакомого с таким жанром, узнавание происходит за счет наличия диаграмм, которые структурно соответствуют представленному визуальному пространству. Диаграммами-аффордансами в данном случае выступают шкалы распределения характеристик, расположенные слева, и окна с навыками, занимающие большую часть экрана. При помощи этих

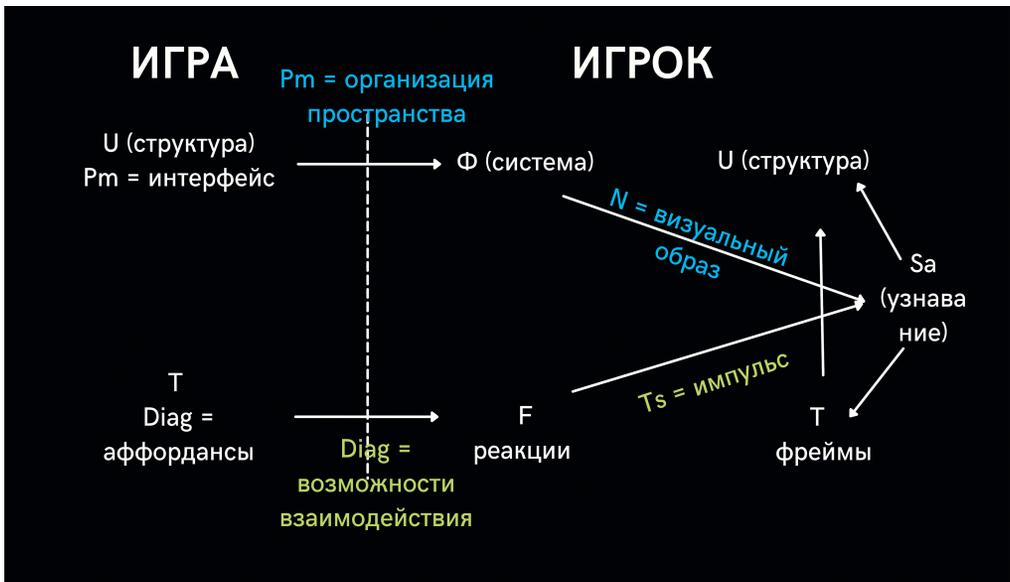

Рис. 3. Обработка структуры интерфейса сборкой игрока

аффордансов формируется узнаваемая визуальная структура, подобная сетке из квадратов и цифр, которая считывается игроком в первую очередь (визуальное узнается быстрее).

Обработанная системой визуальная структура продвигается к структуре вселенной возможностей игрока (см. Рис. 3). Такое узнавание становится источником подтверждения ряда ожиданий от геймплея. Например, игрок может вспомнить про следующие устойчивые фреймы, связанные с ролевыми играми: постоянное совершенствование героя до уровня высочайшей эффективности, превалирование актуального действия, решение квестов, важность боевых навыков. Данные фреймы могут стать актуальными для игрока, который знаком с условиями жанра; они же формируют первичные ожидания от игровых механик, т.е. функционируют в качестве диаграмм в психическом восприятии игрового объекта. Если диаграммы извлекаются в процессе обработки виртуальной структуры окна создания персонажа, то они создают особую пропозицию для восприятия.

Диада возможностей (Т–U), обогащенная первичным знанием (знакомая визуальная структура), взаимодействует уже не с интерфейсом, раз уж она его смогла идентифицировать, а с содержанием. Но содержание становится для игрока неожиданным. Из-за структурной аналогии игрок сохраняет знание о том, что эти навыки эквивалентны по своей функции боевым, а значит, станут способом решения проблем (квестов), которые поставит перед ним игра. Это первый слом сборки: акцент смещен не на актуальное действие (боевые навыки), а на когнитивные особенности восприятия. Однако где их искать в устройстве самой игры – игрок пока не знает, поэтому диада возможностей (Т–U) в том числе может дать установку системной диаде (F–Φ) сфокусироваться на каких-то других аспектах (если это навыки, то они совершенно точно должны влиять на стиль прохождения игры).

Первая попытка слияния сборок основана одновременно на узнавании и переворачивании этого узнавания. Структура совпадает по функциям, но не по

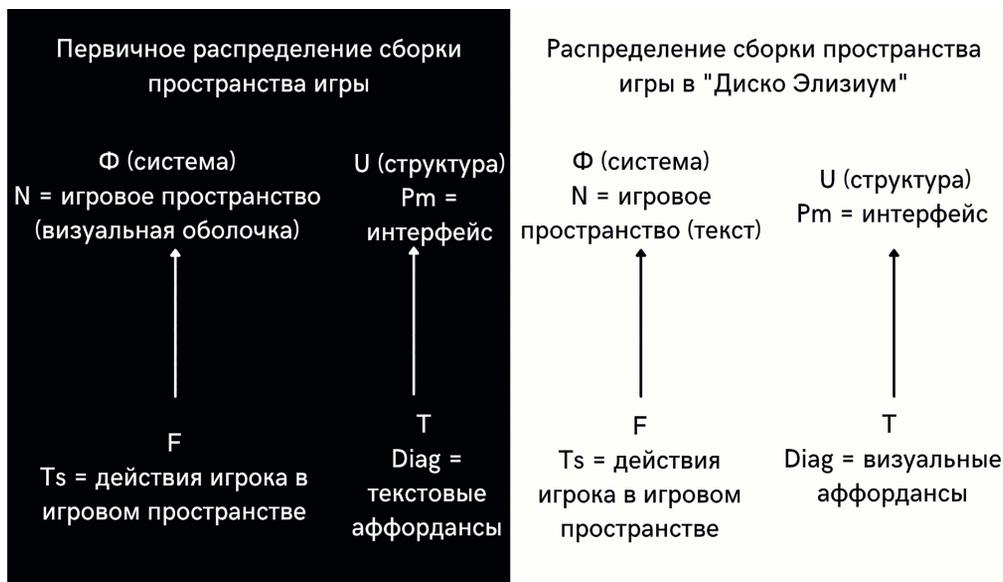

Рис. 4. Отличие в использовании игрового пространства сборки игры “Диско Элизиум” от аналогичных ролевых игр

ожидаемому содержанию. Этот слом потребует определенного “заполнения” для формирования законченной сборки. Итак, структурный элемент пока сохраняется, но требует системы, которая сможет подтвердить закономерность использования подобного содержания. Это первый момент слома.

После создания персонажа игрок сталкивается непосредственно с игровым процессом. Чтобы сосредоточить внимание игрока на диалоговом окне и тексте, используется затемнение привычного игрового пространства: сначала игрок взаимодействует только с текстом в правой части экрана, визуальное же пространство, по которому перемещается игрок, остается вне фокуса его внимания. Такое использование пространства создает ситуацию акцентуации: поскольку само игровое пространство остается скрытым, игрок вынужден считать пространство текста как основное, игровое.

Здесь стоит отметить, что для изометрических ролевых игр характерно активное использование текста. Кроме того, в таких играх текст является механистическим инструментом подачи сюжета, во многом отстраненным от переживаний героя, что тоже обоснованно: так игрок сильнее чувствует связь с персонажем и может рефлексировать на тему происходящих событий сам, а не от лица героя. Описание квестов, диалоговые ветки и последствия его решений – все это дает игроку текст. В игре “Диско Элизиум” текст описывает пространство только глазами героя и становится пространством для актуальных действий игрока. В терминах шизоанализа это фактически означает следующее: текст, который был диаграммой (а значит, ресурсом для некой большей структуры), в игре “Диско Элизиум” становится системой, отдельным игровым пространством (см. Рис. 4). Происходит то, что Ф. Гваттари называл ретерриторизацией. Визуальное пространство – теперь функциональный интерфейс, основное же действие перемещено в пространство текста.

Все навыки, которые игрок выбирал для своего героя, влияют на внутренний и внешний диалоги персонажа в ходе развертывания сюжета. Игрок понимает, что большую часть взаимодействия с игрой занимает текст, а не открытое

прямое действие в столкновениях с другими людьми. Интерес представляют исключительно когнитивные действия игрока и специфика восприятия, которая и создавалась в рамках ролевой системы. То есть аффордансы текста стали аффордансами взаимодействия со всей игрой.

Однако возможность принятия игроком такого слома сборки, где нет боевой системы и текст используется в качестве основной механики взаимодействия с игрой, заключается в том, что на основе узнавания интерфейса структурная диада игрока (Т–У) начинает взаимодействовать непосредственно с филумом игры. То есть интерфейс уже не воспринимается, становится прозрачным, но ищет основу для себя, выраженную системой. В привычном понимании ролевых игр пространство непосредственного управления героем (передвижение по карте, интеракция с объектами и боевые столкновения) является основным; именно это пространство считывается как филум, активно взаимодействующий со сборкой игрока и отдельно с его структурной диадой (Т–У). Таким образом, филум в сборке игры – это система, которая предоставляет возможность для актуальных действий игрока (F). Для структурной диады игрока взаимодействие с филумом – это предельно, в цифровых терминах, закриптованный процесс, представляющий собой цепочку операций “задача–решение” при выполнении квестов.

Однако, поскольку в игре отсутствует боевая система (как самый распространенный способ решения любых проблем в ролевых играх), игрок вынужден искать привычную цепочку действий в другом пространстве, и он находит ее в тексте. В “Диско Элизиум” структурная диада возможностей сталкивается с другой системой реализации актуальных действий игрока. Утвердить такую смену филума можно в том случае, если система будет подталкивать игрока к большему взаимодействию. Чтобы такой процесс произошел, игрок, в терминах Ф. Гваттари, должен постоянно включать синапс эффекта (Se); но синапсы аффекта и эффекта всегда действуют вместе. Следовательно, система игры должна подавать сигналы, которые в рамках сборки игрока структура будет считывать аффективно, тем самым включая и синапсы эффекта игрока, которые и выражаются актуальным действием через потоки (F). В данном случае такой процесс может происходить, потому что игра рассчитана на то, что игрок получает массу эмоций именно от текста и тех вариантов описания действительности, которые сгенерированы на основе выбранных в начале навыков. Эмоциональная отдача создает условия для повторной интеракции с текстом – через более активный выбор реплик и большее внимание к нему. Эмоциональное “причащение” происходит через наблюдение траекторий, которые может использовать структура для осмысления реального пространства. Таким образом, происходит слияние структурной диады сборки игрока с системной диадой игры. А значит, уже филум игры начинает влиять на структуру и “делиться” с ней ресурсами для новых пропозиций.

Тотальная линейность сюжета также рассчитана на то, чтобы сигнализировать игроку, что его внимание должно быть сосредоточено на другом – на том, как герой по-разному ощущает себя в одних и тех же обстоятельствах. Поэтому здесь не может быть ошибок и неправильных выборов, любое действие ведет игрока к новому опыту.

Игра “Диско Элизиум” демонстрирует, как умелое манипулирование уже существующей в опыте игрока сборкой позволяет заложить основу для ее изменения. Такой процесс связан с использованием аффордансов и последующей их корректировкой при помощи игрового пространства. Аффордансы через использование системы импульсов позволяют обращаться к уже освоенным когнитивным паттернам. В данном случае мы имеем дело со следующей цепочкой операций:

1. Узнаваемая структура попадает в систему, которая не подчиняется структуре: содержание не соответствует ожиданиям, связанным с такой структурой.

2. Подобный когнитивный диссонанс создает условия для поиска новой системы, которая сможет способствовать выражению устойчивой структуры. Иными словами, структура в моменте после создания персонажа находится в уязвимом состоянии, без поддержки системы.

3. Поэтому система начинает доминировать над структурой (что выражается в переконпоновке визуального и текстового пространств внутри игры) и диктует ей другие условия для пропозиций, ведь пропозиции и ноэмы взаимодействуют друг с другом.

Аффордансы материализуют те смысловые узлы, которые содействуют трансформации сборки. Данный кейс показывает, как можно использовать аффордансы, чтобы такой переход облегчить: за счет аналогии они могут “обмануть” устойчивые структуры, сохраняя их в целом похожими, но все-таки подвергая мутации некоторые элементы. Интерфейс позволяет такой процесс замедлить, что способствует большей вовлеченности в условности технологии, принятию новых правил оперирования структурой для обретения нового опыта.

Научная литература

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
- Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
- Барт Р.* Нулевая степень письма / Сост., науч. ред., авт. предисл. и коммент. Г.К. Косиков. М.: Академический проект, 2008.
- Гумбрехт Х.-У.* Производство присутствия: чего не может передать значение / Пер. с англ. С.Н. Зенкина. М.: НЛЮ, 2006.
- Деррида Ж.* О грамматики / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
- Загидуллина М.В.* Панмедиатизация: закат вербальной коммуникации. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2019.
- Киттлер Ф.* Медиа философии/философия медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 2 (104). С. 173–188.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007.
- Манович Л.* Язык новых медиа / Пер. с англ. Д. Кульчицкой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Соколовский С.В.* Экстенсии как техносоматические сборки: к истории одной идеи // Corpus Mundi. 2020. Т. 1. № 1. С. 15–35.
- Bolter J.D., Gromala D.* Windows and Mirrors: Interaction Design, Digital Art, and the Myth of Transparency. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
- Galloway A.R.* The Interface Effect. Cambridge: Polity Press, 2012.
- Guattari F.* Schizoanalytic Cartographies. L.: A&C Black, 2012.
- Derrida J.* Marges de la philosophie. Paris: Ed. de Minuit, 1972.
- Jørgensen K.* Gameworld Interfaces. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Nietzsche F.* Letter toward the End of February 1882. Briefwechsel: Kritische Gesamtausgabe, 1975–1984.

Research Article

Medvedeva, A.R. Schizoanalytical Context of a User Interaction with a Digital Object: Interface's Affordances [Schizoanaliticheskii kontekst vzaimodeistviia pol'zovatelia s tsifrovym ob'ektom: affordansy interfeisa]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 11–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060021> EDN: MQUHUH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Arina Medvedeva | <https://orcid.org/0000-0001-8911-5100> | arinamka@gmail.com | Chelyabinsk State University (129 Brat'ev Kashirinyh St., 454001, Chelyabinsk, Russia)

Keywords

interface, affordances, philosophy of media, schizoanalysis, computer games, assemblage

Abstract

This article discusses the concept of the interface in the context of the theory and philosophy of the media, as one of the propositions of digital space and digital communication. Analysis of research works in the field of the interface philosophy shows that there are two main views on the effect of communication interface: an interface as a filter for any data (L. Manovich) and an interface as a specific communicative situation “anti-choice” (A. Galloway). However, its mobile structure becomes the general property of the interface concept: this is a space where units of information are constantly being translated from one language to another. Such a transfer is carried out at the intersection of the digital object assemblages and the user with the help of affordances. It is assumed that the description of such a mobile structure and identification of semantic nodes expressed by the affordances is possible with the help of schizoanalysis developed by F. Guattari and J. Deleuze. The results of the schizoanalysis of the computer game “Disco Elysium” show that the interaction of assemblages is carried out on a compensatory principle, the search for harmony in the interaction of the structure and system of both assemblages. The affordances materialize those semantic nodes that contribute to such harmonization of assemblages.

References

- Bart, R. 1989. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics; Poetics], edited by G.K. Kosikov. Moscow: Progress.
- Bart, R. 2003. *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [System of Fashion: Articles on the Semiotics of Culture], edited by S.N. Zenkin. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx.
- Bart, R. 2008. *Nulevaia stepen' pis'ma* [Zero Degree of Writing], edited by G.K. Kosikov. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Bolter, J.D., and D. Gromala. 2003. *Windows and Mirrors: Interaction Design, Digital Art, and the Myth of Transparency*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Derrida, J. 1972. *Marges de la philosophie* [Margins of Philosophy]. Paris: Ed. de Minuit.
- Derrida, J. 2000. *O grammatologii* [On Grammar], translated by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
- Galloway, A.R. 2012. *The Interface Effect*. Cambridge: Polity Press.
- Guattari, F. 2012. *Schizoanalytic Cartographies*. London: A&C Black.

- Gumbrecht, H.-U. 2006. *Proizvodstvo prisutstviia: chego ne mozhet peredat' znachenie* [The Production of Presence: What the Meaning Cannot Convey], translated by S.N. Zenkin. Moscow: NLO.
- Jørgensen, K. 2013. *Gameworld Interfaces*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kittler, F. 2015. Media filosofii/filosofia media [Media Philosophy/Philosophy of Media]. *Logos* 25 (2): 173–188.
- Manovich, L. 2018. *Yazyk novykh media* [The Language of New Media], translated by D. Kulchitskaia. Moscow: Ad Marginem Press.
- McLuhan, M. 2007. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: External Human Extensions], translated by V. Nikolaev. Moscow: Giperboreia; Kuchkovo pole.
- Nietzsche, F. 1975–1984. *Letter toward the End of February 1882*. Briefwechsel: Kritische Gesamtausgabe.
- Sokolovskiy, S.V. 2020. Ekstensii kak tekhnosomaticheskie sborki: k istorii odnoi idei [Extensions as Technosomatic Assemblies: On the History of One Idea]. *Corpus Mundi* 1 (1): 15–35.
- Zagidullina, M.V. 2019. *Panmediatizatsiia: zakat verbal'noi kommunikatsii* [Panmediatization: The Decline of Verbal Communication]. Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД-СМАРТ: ЦИФРОВОЙ КОНТРОЛЬ ДЕТСКИХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОМ ГОРОДЕ

Е.Г. Лактюхина

Елена Геннадьевна Лактюхина | <https://orcid.org/0000-0003-4003-3643> | Laktuchina@mail.ru | к. социол. н., доцент кафедры урбанистики и теории архитектуры Института архитектуры и строительства | Волгоградский государственный технический университет (пр. им. Ленина 28, Волгоград, 400005, Россия)

Ключевые слова

умный город, детская мобильность, постсоветский город, контроль мобильности, умные часы, советский архитектурный модернизм

Аннотация

Статья посвящена анализу цифрового контроля детской мобильности в постсоветских городах. Ставится проблема взаимосвязи архитектуры, сложившейся транспортной системы и цифровой инфраструктуры постсоветских городов в новых практиках родительского контроля перемещений детей. Анализируется контекст установления и распространения детской носимой электроники: влияние транспортной структуры города, не приспособленной для детей и подростков как пользователей. На материале интервью с родителями, пользователями детской носимой электроники, анализируются лакуны в цифровой инфраструктуре города, образующиеся в районах с малоэтажной застройкой и низкой плотностью заселения. Сделаны выводы о том, что цифровые устройства задают новое пространство видимости, преобразуя детскую повседневность и укрепляя исключенное положение детей в городском пространстве.

В начале 2021 г. прокурор Сан-Франциско заявил о намерении подать иск против школ города в связи с тем, что нахождение на карантине способствует ухудшению психического здоровья учащихся: по данным Детской больницы Окленда, в период пандемии число подростков, нуждающихся в экстренной помощи из-за попыток суицида выросло на 66%, нуждающихся в госпитализации по состоянию психического здоровья – на 75% (Русская служба* ... 2021). Во многих европейских странах, переживших карантин, отмечены схожие данные. Увеличенные нагрузки, постоянное нахождение под наблюдением,

* Источник информации выполняет функции иноагента.

Статья поступила 03.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Лактюхина Е.Г. Здесь будет город-смайт: цифровой контроль детских перемещений в постсоветском городе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 26–39. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060033>
EDN: MRAICO

Laktyukhina, E.G. 2022. Zdes' budet gorod-smart: tsifrovoi kontrol' detskikh peremeshchenii v postsovetskom gorode [We'll Build a Smart City: Digital Control over Children's Mobility in Post-Soviet Cities]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 26–39. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060033>
EDN: MRAICO

невозможность побыть наедине с собой, запрет на праздное шатание по улицам города серьезно вредят самочувствию детей и подростков. Карантин явился значительным изменением повседневности в большей степени для взрослых, дети же потеряли незначительную часть своей свободы перемещений, однако они и имели незначительную часть свободы, следовательно, потеряли последнее.

Проблема ограничения детской свободы – рост числа сопровождаемых перемещений, “продление” периода детства и т.д. – стала общим местом для социологов, психологов и урбанистов (*Barker et al.* 2009; *Fotel, Thomsen* 2004). В специальной литературе и медийном дискурсе закрепилось определение современных детей как “поколения пассажиров задних сидений” (*Gerosa et al.* 2015). Причины, по которым родители массово переходят на личное сопровождение детей в школу, различны: широкополосные дороги рядом с домом, отсутствие пешеходных маршрутов до школы, удаленность мест детской активности, недоверие к общественному транспорту и т.д. Кроме того, персональное сопровождение ребенка к местам его активностей включается в современное представление о “хорошем родителе” (*Dowling* 2000), расширяя и усиливая практики надзора за детьми. Культура родительства традиционно включает присмотр за ребенком, что выражается в различных практиках “смотрения” (дети, не имеющие семьи, попадают в категорию “беспризорные”, *надзор* в домах *призрения* выполняет государственная машина). С другой стороны, с развитием законодательства о защите прав детей, детской психологии, новой социологии детства (*Qvortrup* 1991; *Matthews* 2007), поднимающих вопрос детской агентности и права на участие в определении собственной повседневности (*Altman* 1975; *Ambert* 1986), обнаруживаются негативные последствия тотального наблюдения. Наблюдение за детьми перестает быть однозначной категорией практики заботы и становится моральной категорией, предполагающей “правильное” и “неправильное” исполнение.

Ханна Арендт, различая “жизнь”, связанную с семьей и приватностью, и “мир” как публичное, говорит о том, что современное воспитание производит эмансипацию детей – признание самобытности их мира. Однако эта эмансипация оборачивается изгнанием из жизни семьи (из-под присмотра взрослых и приватности) в мир, специально созданный для детей, но публичный. “Как могло случиться, что детей подвергли тому, что отличает мир взрослых в первую очередь, а именно публичности, как раз после того, как решили, что ошибкой всех прошлых способов воспитания было то, что в ребенке видели только маленького взрослого?” (*Арендт* 2014: 278). Отделение “присмотра” за детьми от приватной семейной жизни и погружение его в специальные места мира детства разрывают привычную организацию повседневности: ситуацию соприсутствия детей и взрослых. Это соприсутствие поддерживало еще одну форму присмотра за детьми – со стороны сообщества взрослых, которое находится между публичным миром и приватной жизнью, выделенными Арендт.

Семья связывала ребенка с другими взрослыми, подростками, сверстниками – иными словами, с локальным сообществом, в которое были включены родители. По мнению Рэя Ольденбурга, “сообщество – это коллективная реальность, которая не зависит от присоединения или исключения любого конкретного человека” (*Ольденбург* 2014: 338). Оно формируется благодаря третьим местам в городе (третьим после дома и места работы) и всей архитектуре в целом. В малоэтажных домах с двориками, на узких улицах с открытыми торговыми лавками жильцы знают друг друга в лицо, многих по именам, знают детей, живущих в округе, и насторожатся, увидев чужака. Постепенно дворовое сообщество сменяется “личным” – социальной сетью. Сети практичны, помогают в карьерном росте, приспособлены под конкретные интересы, перерастают “местечковость”

сообществ и главное элитарны – доступны только взрослым и мобильным. Человеку “сетей” не нужны традиционные общественные места. Но вместе с разрушением сообщества уходит растворенное в нем невключенное стороннее наблюдение за порядком; безопасность улицы, создававшаяся соприсутствием заинтересованных жильцов малоэтажек, сменилась гражданским невниманием жильцов микрорайонов многоквартирных домов с камерами видеонаблюдения:

Публичный образ... приходит сегодня на смену публичному пространству, где в прежние времена совершалась общественная коммуникация: улицы, людные площади уступают позиции экрану и электронному оповещению, вслед за которыми маячат способные видеть вместо нас, смотреть вместо нас “машины зрения”. <...> Действительно, коль скоро публичное пространство уступает место публичному образу, мы должны быть готовы к тому, что надзор и освещение также будут переведены с переулков и бульваров в ведение терминала домашнего оповещения... (*Virilio* 1994; цит. по: *Маккуайр* 2014: 203).

Очевидно, цифровые технологии, включаясь в городскую среду, задают новый уровень видимости для детской повседневности. Каким образом цифровое наблюдение происходит в постсоветском городе, как цифровизация связана с городскими инфраструктурами и как цифровая публичность влияет на практику детской повседневности?

Цифровизация городского пространства

В 2008 г. компанией IBM была предложена идея умного города как интеграции всех его систем в информационной среде для улучшения качества жизни и эффективности управления. Эта идея подхвачена и по-своему развита крупнейшими IT-компаниями во многих городах мира, что выразилось в цифровизации различных областей городского пространства. В российских городах цифровизация преимущественно касается транспорта и безопасности в общественных местах. В последнее десятилетие реализуется программа внедрения интеллектуальных транспортных систем (ИТС); их элементы: камеры видео- и фотофиксации, геопозиционирование общественного транспорта, системы безналичной оплаты, “умные” светофоры и т.д. Эта программа преимущественно направлена на оптимизацию дорожного трафика и его контроль, а на основании анализа аккумулируемых больших данных корректируются маршруты общественного транспорта. Параллельно выстраивается цифровая инфраструктура города: сотовые сети с высокой пропускной способностью, беспроводной интернет, общие правила работы цифровых технологий, позволяющие подключать к сети новые устройства. Промышленный интернет – “интеграция машин с датчиками, программным обеспечением и системами связи, которые вместе образуют Интернет вещей” (*Грингард* 2016: 68) – способствует созданию цифровой инфраструктуры и делает возможной межмашинную коммуникацию и развитие цифровых практик в городе.

Почему в постсоветских городах цифровизации подвергается именно транспорт? Одним из возможных ответов будет следующий: советские города проектировались в расчете на общественный транспорт. В крупных городах основным транспортным коридором был метрополитен, который дополнялся наземным общественным транспортом. Это была согласованная система перевозок, выстроенная из единого центра. С 1990-х годов начинается прогрессивный рост автомобилизации, вырастают скорость и объем городского трафика. Одновременно с этим происходит “дерегулирование” услуг общественного транспорта, на улицах постсоветских городов появляются маршрутные такси (маршрутки), они заполняют лакуны в организации перевозок людей, потом начинают кон-

курировать с общественным транспортом и практически лидируют до 2010-х годов, когда муниципальный транспорт снова укрепляется в городском трафике. Однако маршрутки по-прежнему реализуют значимую часть общественных перевозок во многих российских городах.

Так, например, к концу 2000-х годов в Волгограде действовало более 200 коммерческих пассажирских маршрутов.

Рост интенсивности движения “маршруток”, при сохранении общей закономерности роста интенсивности движения автотранспорта 20% в год, значительно превышает рост интенсивности движения ТС в городе. В 2003–2004 гг. интенсивность движения в дневное время легковых автомобилей в центре города в одном направлении не превышала 980 авт/ч, маршруток – 300 авт/ч. Интенсивность общественного пассажирского транспорта большой вместимости (троллейбусов и автобусов) составляла 60 авт/ч. В 2005–2006 гг. рост интенсивности движения продолжился: по легковым автомобилям интенсивность достигла 1250 авт/ч, а по “маршруткам” превысила 600 авт/ч. Интенсивность движения общественного транспорта не изменилась (*Железнов и др.* 2007: 247–248).

Пример Волгограда сопоставим со многими российскими городами того периода.

Как правило, маршрутки в научной литературе рассматриваются как паратранзит. «Термин “паратранзит” появился в среде американских транспортных инженеров и планировщиков в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Этимология слова (*para* – греч. “за пределами”, “нерегулярный” и *transit* – амер. “общественный транспорт”) подсказывает, что оно обозначает неконвенциональный, “нерегулярный” общественный транспорт» (*Возьянов и др.* 2017: 32). Паратранзит как противоположность регулярному транспорту чаще ориентирован на обслуживание специфических мест, в которые нецелесообразно проводить постоянные маршруты, и особых групп граждан, например, маломобильных. Американский урбанист Вукан Вучик, отвечая на вопрос о московских маршрутках, сказал, что “это скорее пародия на массовый общественный транспорт, которая зародилась в результате непродуманного дерегулирования его деятельности, чем паратранзит” (*Вучик* 2011: 71). Действительно, маршрутные такси чаще подменяют собой муниципальный транспорт и копируют его (есть расписание, маршрут и регулярность трафика), чем дополняют. Однако маршрутки не становятся собственно общественным транспортом и сохраняют черты паратранзита. Как меняется восприятие мобильности в городе, когда главный общественный транспорт в нем паратранзит?

При доле в 10% от всех транспортных средств в Волгограде на маршрутки приходится около 80% ДТП на пассажирском транспорте (*Железнов и др.* 2007: 247–248). Отчасти это объясняется самим способом организации их работы. Маршрутки – пространство, где правила складываются стихийно, нигде не закрепляются и не живут долго. Одновременно практикуются и вполне легитимны разные способы оплаты проезда (“...возможен индивидуальный или групповой расчет, передача денег через несколько пассажиров водителю и сдачи в обратном направлении, оплата через валидатор с помощью электронной карты и другие высокотехнологичные устройства, передача денег кондуктору” [*Сивков* 2016: 112–113]), сосуществуют разные режимы соблюдения правил ПДД (посадка и высадка пассажиров только на остановках ОТ или по требованию пассажира, т.е. последний никогда не знает заранее, какой стратегии придерживается водитель) и т.д.

Городской муниципальный транспорт – элемент инфраструктуры города, при “поломке” в нем (нарушение маршрута, изменение стоимости проезда и т.д.) легко найти ответчика, существуют механизмы “починки” (водитель, использующий порочную практику, получит выговор или штраф). В маршрутном такси

ответственность размыта, в представлении общественности, это по-прежнему “частники”, даже в условиях, когда они фактически подчинены муниципалитету. Таким образом, за последние 10–15 лет в постсоветских городах основным агентом в системе городской мобильности стал небезопасный транспорт со слабо регулируемым пространством взаимодействий. Такой транспорт очевидно не дружелюбен к уязвимым категориям населения, самыми многочисленными представителями которого являются дети и подростки.

Маршрутные такси в постсоветских городах – царство неопределенности поведенческих стратегий, что требует постоянной “включенности” пользователя в процесс; этим транспортом нельзя пользоваться рутинно, полагаясь на знание правил, так как правила нестабильны, а маршруты гибки. То есть этот транспорт предполагает “бодрствующего взрослого” (*Шюц* 2003: 3), способного точно квалифицировать меняющуюся ситуацию, вступать в коммуникацию с незнакомцем, договариваться, отстаивать свои права. Следовательно, подростки 10–12 лет, тем более дети младшего школьного возраста без сопровождения – это не типичные пассажиры маршрутки. Родителями этот вид транспорта воспринимается как небезопасный и неподходящий для ребенка.

С развитием цифровой повседневности к таким недостаткам маршруток, как небезопасность и непредсказуемость, добавляется еще и “непросматриваемость”. С началом цифровизации городского транспорта маршрутки попали в маргинальную группу, они не представлены ни на электронных табло на остановках ОТ, ни в профильных мобильных приложениях для смартфонов. Хотя и конвенциональный общественный транспорт в Волгограде, став цифровым, не стал более удобным, экологичным, безопасным или низкопольным, что важно для детей и подростков, тем не менее появившаяся цифровая городская транспортная инфраструктура позволяет родителям самостоятельно организовывать мобильность детей.

Практики контроля детской мобильности

Для анализа практик контроля детской мобильности родителями важно обратить внимание на структуру современной городской семьи. По данным Росстата больше 20% детей рождаются вне зарегистрированного брака (Росстат 2009), примерно 1/3 детей воспитываются только матерями, с учетом высокого уровня разводов можно предположить, что эта цифра значительно больше, так как женщины далеко не всегда оформляют статус “мать-одиночка”. Однако фактически после развода дети остаются с матерью (доля отцов-одиночек около 1%) – даже при включенности отца в процесс воспитания, финансовой помощи и присутствии в жизни ребенка – рутинные ежедневные практики ухода за ними, к которым следует отнести и ежедневную мобильность, остаются в ведении матери. Развод усиливает мобильность каждого члена семьи: чтобы поддерживать родственные отношения, дети должны перемещаться от одного родителя к другому, женщины, чтобы выполнять и семейные, и профессиональные обязанности в одиночку, должны перемещаться вдвое больше. В последние несколько лет покупка автомобиля сопровождает рождение ребенка. Надлежащее детское развитие связывается с посещением многочисленных развивающих и обучающих занятий с самого раннего возраста. При одиноком материнстве автомобиль практически необходим, однако и он не способен удовлетворить запрос на небывалый рост детской мобильности. Одиноким матери детей и подростков выстраивают собственные сети мобильности из элементов городской цифровой инфраструктуры. Одна из практик, набирающих популярность, – использование службы такси. Женщины часто вызывают такси,

чтобы не участвовать лично в поездке с ребенком к местам его активностей. Ценность этого способа мобильности в его просматриваемости: на протяжении всего маршрута родители могут наблюдать движение машины с ребенком, дистанционно оплачивать поездку, получать оповещение о его прибытии в пункт назначения. При этом изначально такси не предполагает перемещения ребенка без сопровождения взрослых, фактически это является нарушением; родители договариваются лично с водителем, устанавливают с ним приятельские отношения, доплачивают за отступление от формального правила, обмениваются номерами телефонов. Довольно быстро эта практика формализуется: службы такси открывают специальные услуги по транспортировке несопровождаемых детей, подбирают специальных водителей. В качестве индивидуальной занятости появляется работа автоняни – водителя с частным автомобилем, который помогает ребенку без сопровождения родителей добраться до нужного места, встречает и провожает его до дверей, при необходимости помогает одеваться. Однако, в силу более высокой платы за специальные детские перевозки в сравнении с нелегальной “врезкой” в непрофильное такси, не вполне легальная практика продолжает существовать.

Гораздо большему вмешательству цифровых устройств подвергается пешеходная детская мобильность. Одновременно с городскими системами наблюдения разрабатываются и профильные – для различных служб, производств, логистических компаний и т.д. Детские учреждения также включаются в этот процесс, наиболее популярной является система электронных пропусков PERCo-S-20 “Школа”. Дети, пересекая границы школы, дважды в день отмечаются в виртуальной базе данных, родители получают смс-оповещения о том, что их ребенок прибыл в школу, покинул ее или не пришел вообще. Разработчики связывают пропускной контроль с безопасностью и успеваемостью. Сайт специализированной школьной системы сообщает: “...контроль прогулов и опозданий учащихся способствует улучшению посещаемости и, как следствие, росту качества знаний. Уверенность родителей в безопасности ребенка и рост показателей качества знаний повышают рейтинг школы” (Система безопасности... б.г.). Пропускной контроль в школе схож с КПП на режимном объекте или заводе, где прогулы и опоздания неприемлемы. Ребенок должен находиться в школе, если он прогуливает – он в опасности, с ним может произойти все, что угодно.

После выхода ребенка из школы к мониторингу его движения подключается носимая электроника – браслеты и умные часы. Родители отслеживают его перемещения, наблюдая за маршрутом через специальное приложение, подключенное к детским часам: “Ну, и когда он в школу идет, можно открыть приложение, посмотреть, где идет, поторопить, если нужно. <...> Идти-то тут всего минут 10 пешком. Но контролируем его, какой дорогой пошел, успел ли дойти, и дошел ли вообще” (Виктор, 32 года; сын 8 лет; май 2019 г). Пользователи умных часов отмечают, что их дети перестали задерживаться по дороге из школы, это воспринимается как однозначно позитивный эффект (“раньше дочь шла из школы два часа, теперь доходит за 15 минут”).

Собственно, контроль детских перемещений появляется задолго до цифровых устройств. Традиционные его формы – запрет посещения тех или иных мест и ограничение мобильности в определенное время. Эти правила обладают определенной гибкостью: одни меняются в течение дня, другие – в зависимости от наличия сопровождающих (как сверстников, так и взрослых). Кроме того, подростки могут, в тайне нарушая правила, отстаивать свою самостоятельность и доказывать избыточность того или иного ограничения, демонстрируя отсутствие негативных последствий от систематического его нарушения.

Цифровые устройства задают новое пространство видимости, они закрепляют не только правило, но и форму исполнения этого правила: маршрут и затраченное на него время. Помимо этого происходит повышение ситуативной осведомленности: то, что говорит ребенок и как он себя ведет в отсутствии родителей, также становится им доступным через так наз. одноканальный звонок – прослушку в умных детских часах.

Логика, в которой действуют детские мониторы контроля перемещений, хорошо согласуется с тенденциями современного воспитания, наиболее ярким элементом которого является раньше и всестороннее развитие ребенка, для чего нужен жесткий тайминг. В более широком контексте стремление к рациональной трате времени поддерживает вся цифровая инфраструктура города – она возникла и развивалась как ответ на потребность в большей рационализации повседневности и экономии времени.

Так, умная транспортная сеть направлена на то, чтобы не образовывались пробки, чтобы пропустить большой поток автомобилей за меньшее время, медицинская носимая электроника направлена на мониторинг состояния здоровья для более высокой продуктивности и своевременной реакции на отклонения, чтобы не тратить время на долгое лечение запущенных болезней. Стремление к рациональности “вшито” в технические устройства цифровой инфраструктуры: передача данных должна быть быстрой; информацию нужно накапливать, анализировать и использовать; передвижения должны быть оптимальными и прагматичными.

Поведение ребенка, подключенного к этой сети, не может интерпретироваться в отрыве от ее логики. Приложение для мониторинга детской мобильности предлагает родителям систему правил и запретов, более четко обозначенных, чем устные ограничения (напр., обозначение разрешенной зоны для прогулок, при пересечении которой приложение оповещает родителей о нарушении), а также диапазон моральных оценок перемещений (можно поставить лайк за соблюдение правил или отреагировать на нарушение). Мы видим, что облачная архитектура – объединение технологий – действует как городская архитектура:

...образует исключительно некий элемент опоры, которая обеспечивает известное распределение людей в пространстве, канализирует их циркуляцию, а также кодифицирует их взаимоотношения. Следовательно, архитектура образует не только элемент пространства: она мыслится вписанной в поле социальных отношений, в рамках которых вводит известное количество специфических последствий (Фуко 2006: 233).

Нельзя сказать, что последствием распространения цифрового контроля становится исчезновение детей с улиц, так как это произошло гораздо раньше. Впечатления россиян от пребывания в старых европейских городах обычно были связаны именно с этим:

Они сравнивают “здесь”, “у нас” (в России, Санкт-Петербурге) и “там”, “у них” (в странах Западной Европы и США). Как правило, отмечается большее присутствие детей в городском пространстве: на улицах, в общественном транспорте, музеях, библиотеках. <...> городская инфраструктура учитывает разнообразие потребностей детей и родителей. Городское пространство “там” представлено как пронизываемое и легкодоступное для взрослых с детьми, что позволяет совмещать работу и материнство, а также отдых/досуг и материнство (Шпаковская 2015: 115–116).

Скорее цифровой контроль закрепляет это исключенное положение детей в городе. Бесцельное шатание по городу, медленная прогулка по пути из школы домой помимо психологической разгрузки дает подростку возможность особого рода взаимодействия с городом – фланерства, с его традицией “рассматри-

вать город с близкого, уличного, расстояния” (Амин, Трифт 2002: 5). Детское фланерство чаще всего происходит по завершении школьных уроков, когда подростки, самоорганизуясь, сбиваются в группы тех, кому по пути, возвращаются домой, по дороге останавливаясь в привлечших их внимание местах или для досужих разговоров. Эта бессмысленная, с точки зрения родителей, практика дает дополнительную живую коммуникацию в группе сверстников, а главное, освоение городского пространства, пользовательский опыт, способность самостоятельно прокладывать и варьировать маршрут.

Благодаря детскому фланерству город получает еще один *ритм* – “стайки” идущих из школы детей. Развивая идею Анри Лефевра, Эш Амин и Найджел Трифт описывают ритмы города как то, что “представляет себя, не будучи присутствующим”: “правила дорожного движения, время начала работы магазинов и школ, рекомендуемые иностранными туроператорами маршруты и т.д.” (Амин, Трифт 2002: 11).

Ритмы города – это координаты, по которым его обитатели и приезжие упорядочивают и оформляют свой опыт города. <...> город зачастую известен нам и устанавливается при помощи этих самых ритмов и сопровождающих их упорядочивающих приспособлений (правила дорожного движения, время работы различных заведений, законы, устанавливающие режимы тишины). Даже и без этих приспособлений порядок можно вычлнить из покрывающих все дневных ритмов (Pison 1997; цит. по: Амин, Трифт 2002: 11).

В самом деле, в городе с его многообразием различного рода деятельности, разбросанной по тысячам мест, поразительным образом отсутствуют хаос и неразбериха, отчасти это так из-за повторов и регулярностей, которые и становятся путями освоения городской жизни.

Когда ребенок подключен к сети контролирующих устройств, выйдя из школы, он рискует получить тревожный звонок родителей в случае своей задержки. Любая деятельность уходит на второй план, наблюдаемый “озабочен лишь тем, чтобы создавать впечатление своего подобающего присутствия” (Гоффман 2017: 116) – включенности в осмысленное и рациональное шествование домой. Его доминирующим опытом является изоляция от города. В рамках данной статьи мы не можем ответить на вопрос, как складываются новые ритмы в городе, которыми дирижирует цифровой контроль, однако мы видим, что эти ритмы не равномерны, когда облачная архитектура сталкивается с бетонной.

Лакуны цифровой инфраструктуры и социальный порядок

Цифровая инфраструктура – машина из плотно пригнанных частей, однако и в ней обнаруживаются лакуны. Альянс контролирующих устройств городской цифровой системы дает сбой в местах города, отличающихся по своей застройке. Этими “островами детской свободы” являются военные городки (ограниченные небольшие территории с малоэтажной застройкой, обслуживающие воинскую часть) или частный сектор (территории с индивидуальной застройкой, часто это отдельные деревни, вошедшие в состав города в ходе его разрастания). Родители детей и подростков, будучи подверженными общей тенденции на приобретение детских контролирующих гаджетов, начинают их использовать, но убеждаются в их бесполезности:

[Ответ на вопрос: использовали ли вы детские умные часы?] Да. Причем и геолокация была не точная. Так как мы живем в N, в военном городке, это обособленный район, мне [приложение от умных часов] показывают, что она в военном городке, а где конкретно – я не могу посмотреть. Они просто показывают одну большую точку, и она гуляющая (Ольга, 37 лет; дочь 12 лет; май 2019 г).

В этих небольших ограниченных районах сохраняются практики, привычные предыдущим поколениям, когда дети ходили в школу без сопровождения начиная с младших классов, одиноко гуляющий ребенок не вызывал подозрений и беспокойства, а к контролю перемещений подключались все взрослые, составляющие местное сообщество.

В школу она сама всегда ходила, я ее никогда не водила. Мне, конечно, говорили: “Мама и папа, как это так, у вас ребенок сам в школу пришел?” Я говорю: “Нормально”. У нас военный городок, достаточно большой, за пределы я не разрешаю выходить, там опасно в плане дорожного движения, машины носятся. А в военном городке она может гулять везде, здесь больше важно чувство времени: если ей сказали в 7.20 быть дома, значит надо в 7.20. И, конечно, когда она уходит, я всегда спрашиваю, с кем она идет гулять, когда приходит, я спрашиваю, с кем гуляла, чем занимались (Екатерина, 37 лет; дочь 8 лет; июнь 2019 г).

При этом школа, игнорируя свое локальное положение, стремится поддерживать цифровой тренд, однако пользователями это воспринимается как избыточность.

[Ответ на вопрос: как используется в школе цифровая пропускная система?] Дочь носит браслет. Это вход в школу, прикладываешь – турникет открывается, а потом в конце недели учителям дают списки – кто пропускал школу. Если ты потерял карточку, то ты пройдешь, но в системе не отмечается, что ты был в школе. Раньше была такая опция, она стоила дополнительные 180 рублей в месяц. И каждый раз, когда ребенок проходил в школу и выходил из школы, мне приходила смс-ка, но, во-первых, это не старшеклассники, которые прогуливают школу или бегают курить куда-то, потом, у меня школа находится... вот, я выхожу на балкон и вижу школу, она прямо под окном. Мой ребенок уже пришел домой – мне только приходит смс-ка, что она вышла из школы. За ненадобностью я отключила эту услугу (Екатерина, 37 лет; дочь 8 лет; июнь 2019 г).

Детские умные гаджеты и школьные браслеты (как и другие устройства того же типа) предполагают использование в крупном городе с плотной застройкой. Эти устройства определяют место положения своего пользователя через GPS (или аналогичные системы), принимая сигнал спутника, или с помощью базовых станций сотовой связи. В районах города с плотной застройкой этих станций достаточно много в расчете на большое количество пользователей, поэтому геолокация здесь определяется с точностью до нескольких метров. В районах с малоэтажной застройкой в военном городке или в поселке таких вышек гораздо меньше, поэтому местонахождение определяется с погрешностью в несколько километров. Кроме того, искажение радиосигнала дает природный рельеф местности, в который “встраивались” дома в частном секторе и в малоэтажных районах, в то время как плотная застройка в крупных советских городах велась в соответствии с принципами Ле Корбюзье: сметались все препятствия на пути, выравнивались огромные площади под собственные нужды.

Таким образом, территории с малой плотностью застройки остаются слабо включенными в цифровую сеть большого города, однако это не абсолютная изоляция – мобильная телефонная связь основательно встроена в отношения и в этих районах, полного отката к традиционным формам контроля, конечно, не происходит:

[Мобильный телефон] это ее [дочери] ответственность, я за этим следить не буду, если она выходит гулять и ее телефон заряжен меньше чем на 50%, то она никуда не идет, пока телефон не будет заряжен. Она должна прийти и отчитаться: я пошла гулять, телефон заряжен, все хорошо. Если она не проследила за своей вещью и не смогла за ней ухаживать – значит, остаешься дома и делаешь так, чтобы эта вещь работала так, как требуется (Ольга, 37 лет; дочь 12 лет; май 2019 г).

Город, поддерживающий цифровую инфраструктуру и нуждающийся в ней, – это город с широкими проспектами и скоростными дорогами, многоэтажной застройкой спальных районов с “ничьими”, прилегающими к домам огромными пустынными территориями. Доминирующая застройка постсоветских городов – возведенные в 1960–1980-е годы здания в стиле, названном в 2010-е годы советским модернизмом. Эти районы – результат “борьбы с излишествами” и влияния модернизма, проникавшего в период оттепели через ставшие доступными архитектурные журналы. Основную идею этого стиля сформулировал и воплотил в своих проектах Ле Корбюзье (*Ле Корбюзье* 1977): разделение в пространстве мест труда, быта и отдыха, “смерть улицы” – разделение потоков движения людей и машин, формальный геометрический порядок, предполагавший функциональную эффективность.

Бесконечность комбинаций становится возможной, когда соединяются неисчислимость и разнообразие элементов. Но человеческий ум теряется и утомляется в таком лабиринте возможностей. Контроль становится немислимым. Нескончаемая духовная усталость приводит в уныние... Причина этого... непокоренная прямая линия. Таким образом, чтобы спасти себя от этого Хаоса, чтобы обеспечить свое существование терпимой, приемлемой структурой, единственно продуктивной для человеческого благосостояния и контроля, человек положил законы природы в основание единственной системы, в которой проявляется величие человеческого духа, – в геометрию (*Le Corbusier* 1935; цит. по: *Скотт* 2005: 181).

Ле Корбюзье хотел сконструировать совершенную контролируемую структуру города, очищенную от “неисчислимого разнообразия элементов”, присущего извилистым улицам старых городов и районам трущоб. Однако точка, с которой виден этот желаемый планировщиком порядок и с которой жизнь узкой улицы воспринимается им как хаос, – на высоте птичьего полета. С этой точки, с заложенной перспективы, может “видеть” только цифровая инфраструктура. Архитектура, рассчитанная на взгляд сверху, нуждается в дополнительном элементе, осуществляющем надзор. Возможно, поэтому Россия является одним из мировых лидеров по числу камер видеонаблюдения в городах (уступая лишь США и Китаю).

Сокрушительную критику “порядок”, созданный Ле Корбюзье, получает от Джейн Джекобс, объявляющей фундаментальной ошибкой “выведение функционального порядка из физического расположения зданий, из их группирования по своим формам, т.е. из визуального порядка” (*Скотт* 2005: 212). Ее порядок – это продукт мелких случайных социальных контактов, возникающих благодаря смешению социальных групп, возрастов, мест работы, отдыха и быта. Именно этот порядок создает контроль и наблюдателей, его поддерживающих. “Запутанные смещения различных видов использований – не хаос. Напротив, они представляют комплексную и высокоразвитую форму порядка” (*Jacobs* 1961; цит. по: *Скотт* 2005: 218). Постсоветский город, дополненный новыми агентами зрения в виде сети цифровых устройств, отслеживает перемещения детей, не вмешиваясь, задает новые правила взаимодействий и порядки. Какие из них закрепятся – покажет архитектура будущего поколения.

Источники и материалы

Русская служба... 2021 – Прокурор Сан-Франциско подал в суд на школы города из-за роста попыток самоубийств среди учащихся // Русская служба “Голоса Америки” 13.02.2021. <https://www.golosameriki.com/a/san-francisco-sues-schools-cites-high-of-suisidal-students/5777120.html> (дата обращения 14.06.2022).

Росстат 2009 – Краткие итоги выборочного обследования “Семья и рождаемость” // Росстат. 2009. <https://tinyurl.com/2гуухrxk> (дата обращения 14.06.2022).

Система безопасности б.г. – Система безопасности PERCo-S-20 “Школа” // PERCo. <https://www.schoolsystem.ru> (дата обращения 14.06.2022).

Научная литература

Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3. С. 1–25.

Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Возьянов А.Г., Кузнецов А.Г., Лактюхина Е.Г. Субмобильности, или о множественности режимов движения в городе // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 30–43.

Вучик В.Р. Транспорт в городах, удобных для жизни. М.: Территория будущего, 2011.

Гоффман Э. Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017.

Грингард С. Интернет вещей. Будущее уже здесь. М.: Альпина Паблишер, 2016.

Железнов Е.И., Федотов В.Н., Богданова Е.В. Повышение безопасности коммерческих перевозок пассажиров в городе // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Наземные транспортные системы. 2007. № 8 (34). С. 247–252.

Ле Корбюзье. Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977.

Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014.

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества. М.: НЛЮ, 2014.

Сивков Д.Ю. Человеческие и нечеловеческие инфраструктуры оплаты проезда в маршрутных такси Волгограда // Антропология в поисках нового языка описания. Тезисы / Отв. ред. Д.А. Функ, И.В. Нам. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2016. С. 112–113.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.

Шпаковская Л.Л. Городская инфраструктура заботы о детях: реальные и идеальные пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4 (81). С. 115–116.

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

Altman I. The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Crowding. N.Y: Brooks/Cole Publishing Company, 1975.

Ambert A.-M. Sociology of Sociology: The Place of Children in North American Sociology // Sociological Studies of Child Development. 1986. Vol. 1. P. 11–34.

Barker J., Kraftl P., Horton J., Tucker F. The Road Less Travelled – New Directions in Children’s and Young People’s Mobility // Mobilities. 2009. Vol. 4. No. 1. P. 1–10.

Dowling R. Cultures of Mothering and Car Use in Suburban Sydney: A Preliminary Investigation // Geoforum. 2000. Vol. 31 (3). P. 345–353.

- Fotel T., Thomsen T.* The Surveillance of Children's Mobility // *Surveillance & Society*. 2004. Vol. 1 (4). P. 535–554.
- Gerosa M., Marconi A., Pistore M., Traverso P.* An Open Platform for Children's Independent Mobility // *Smartgreens 2015 and Vehits 2015, CCIS 579* / Eds. M. Helfert et al. Cham: Springer International Publishing Switzerland, 2015. P. 50–71. https://doi.org/10.1007/978-3-319-27753-0_4
- Matthews S.H.* A Window on the “New” Sociology of Childhood // *Sociology Compass*. 2007. Vol. 1 (1). P. 322–334.
- Qvortrup J.* Childhood as a Social Phenomenon. Budapest: European Centre for Social Welfare Policy and Research, 1991.
- Virilio P.* The Vision Machine. L.: BFI, 1994.
- Le Corbusier.* La Ville radieuse. Boulogne-sur-Seine: Éditions de l'Architecture d'Aujourd'hui, 1935.
- Picon A.* Le temps du cyborg dans la ville territoire // *Annales de la Recherche Urbaine*. 1997. n° 77. P. 72–77.
- Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. N.Y.: Random House, 1961.

Research Article

Laktyukhina, E.G. We'll Build a Smart City: Digital Control over Children's Mobility in Post-Soviet Cities [Zdes' budet gorod-smart: tsifrovoi kontrol' detskikh peremeshchenii v postsovetском gorode]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 26–39. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060033> EDN: MRAICO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Elena Laktyukhina | <https://orcid.org/0000-0003-4003-3643> | Laktuchina@mail.ru | Volgograd State Technical University (28 Lenin avenue, 400005, Volgograd, Russia)

Keywords

smart city, post-Soviet city, children mobility, mobility control, smart watch, wearables, Soviet modern architecture

Abstract

The article examines the use of digital technologies in controlling children's mobility in post-Soviet cities, addressing the issue of interrelationships among architecture, transportation system, and digital infrastructure as reflected in emerging practices of parental control. I investigate the contexts and ramifications of use of mobile gadgets, such as phones and wearables, in the conditions of urban environment where transportation services are poorly adapted to the needs of children. Drawing on interviews with parents who resort to controlling their children with wearable devices, I discuss the various gaps in the city's digital infrastructure that are surfacing and becoming salient especially in the areas or neighborhoods characterized by low-rise residential housing and low population density. I argue that digital technologies create new spaces of visibility, transforming the everyday experience of children and deepening the spatial exclusion of children in the city.

References

- Altman, I. 1975. *The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Crowding*. New York: Brooks/Cole Publishing Company.
- Ambert, A.-M. 1986. Sociology of Sociology: The Place of Children in North American Sociology. *Sociological Studies of Child Development* 1: 11–34.

- Amin, E., and N. Trift. 2002. *Vniatnost' povsednevnogo goroda* [Cities: Remaining the Urban]. *Logos* 3: 1–25.
- Arendt, K. 2014. *Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* [Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
- Barker, J., P. Kraftl, J. Horton, and F. Tucker. 2009. The Road Less Travelled – New Directions in Children's and Young People's Mobility. *Mobilities* 4 (1): 1–10.
- Dowling, R. 2000. Cultures of Mothering and Car Use in Suburban Sydney: A Preliminary Investigation. *Geoforum* 31 (3): 345–353.
- Fotel, T., and T. Thomsen. 2004. The Surveillance of Children's Mobility. *Surveillance & Society* 1 (4): 535–554.
- Foucault, M. 2006. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Pt. 3. Moscow: Praksis.
- Gerosa, M., A. Marconi, M. Pistore, and P. Traverso. 2015. An Open Platform for Children's Independent Mobility. *Smartgreens 2015 and Vehits 2015, CCIS 579*, edited by M. Helfert et al., 50–71. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-27753-0_4
- Goffman, E. 2017. *Povedenie v publichnykh mestakh. Zametki o sotsial'noi organizatsii sborishch* [Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization and Gatherings]. Moscow: Elementarnye formy.
- Greengard, S. 2016. *Internet veshchei. Budushchee uzhe zdes'* [Internet of Things: The Future is Here]. Moscow: Al'pina Publisher.
- Jacobs, J. 1961. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House.
- Le Corbusier. 1935. *La Ville radieuse* [The Radiant City]. Boulogne-sur-Seine: Éditions de l'Architecture d'Aujourd'hui.
- Le Corbusier, C.-E. 1977. *Arkhitektura XX veka* [20th Century Architecture]. Moscow: Progress.
- Matthews, S.H. 2007. A Window on the “New” Sociology of Childhood. *Sociology Compass* 1 (1): 322–334.
- McQuire, S. 2014. *Mediyni gorod: media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo* [The Medis City: Media, Architecture and Urban Space]. Moscow: Strelka Press.
- Oldenburg, R. 2014. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You through the Day]. Moscow: NLO.
- Picon, A. 1997. Le temps du cyborg dans la ville territoire [The Time of the Cyborg in the City Territory]. *Annales de la Recherche Urbaine* 77: 72–77.
- Qvortrup, J. 1991. *Childhood as a Social Phenomenon*. Budapest: European Centre for Social Welfare Policy and Research.
- Schutz, A. 2003. O mnozhestvennosti real'nostei [On Multiple Realities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 3 (2): 3–34.
- Shpakovskaia, L.L. 2015. Gorodskaiia infrastruktura zaboty o detiakh: real'nye i ideal'nye prostranstva [Urban Child Care Infrastructure: Real and Ideal Spaces]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* XVIII (4/81): 115–116.
- Sivkov, D.Y. 2016. Chelovecheskie i nechelovecheskie infrastruktury oplaty proezda v marshrutnykh taksi Volgograda [Human and Non-Human Fare Infrastructures in Volgograd Fixed-Route Taxis]. In *Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniia. Tezisy* [Anthropology in Search of a New Language of Description], edited by D.A. Funk and I.V. Nam, 112–113. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Skott, J. 2005. *Blagimi namereniami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaia kniga.
- Virilio, P. 1994. *The Vision Machine*. London: BFI.
- Vozyanov, A.G., A.G. Kuznetsov, and E.G. Laktyukhina. 2017. Submobil'nosti, ili o mnozhestvennosti rezhimov dvizheniia v gorode [Submobilities, or on the Multiple Modes of Movement in the City]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 30–43.
- Vuchic, V.R. 2011. *Transport v gorodakh, udobnykh dlia zhizni* [Transportation for Livable Cities]. Moscow: Territoriiia budushchego.
- Zheleznov, E.I., V.N. Fedotov, and E.V. Bogdanova. 2007. Povyshenie bezopasnosti kommercheskikh perevozok passazhirov v gorode [Improving the Safety of Passenger Transportation in the City]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Serii: Nazemnye transportnye sistemy* 8 (34): 247–252.

ЮМОР И БИОПОЛИТИКА: МЕМЫ РУНЕТА В РАЗГАР ПАНДЕМИИ

С.В. Соколовский, О.Н. Подлесных

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ольга Николаевна Подлесных | <http://orcid.org/0000-0001-5215-1140> | olga_podlesnyh@mail.ru | научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

цифровая антропология, меметика, теории чтения, концепции юмора, Рунет, пандемия

Аннотация

В статье рассматривается одна из форм реакции населения на административные меры федеральных и региональных органов власти по борьбе с пандемией, наиболее ярко проявившаяся в течение первого года ее развития, а именно – создание и распространение в Рунете с помощью социальных сетей и популярных мессенджеров множества фото- и видеообразов, постеров, коллажей, анекдотов, фотожаб и стихотворных жанров, высмеивающих как распространяемые слухи, так и санитарные меры и изменившуюся в результате применения таких мер (локдаунов, самоизоляции, дистантного обучения и удаленной работы) повседневность. Собранные материалы позволяют оценить роль иронии и всего, что может вызывать смех, в преодолении депрессии и в борьбе со стрессом, кратко рассмотреть существующие концепции юмора, а также уделить внимание методам прочтения мемов как визуальных текстов с системами собственных значений и смыслов.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках плана НИР ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Наиболее ярким периодом в борьбе с пандемией COVID-19 в России стал 2020 г., в течение которого был реализован весь спектр возможных санитарно-эпидемиологических мер – от введения штрафов за появление в публичных местах без масок и перчаток до полного локдауна и санитарных кордонов. Именно 2020 г., по мнению специалистов, отмечен как наиболее активная фаза пандемии, перешедшая в менее активную благодаря разработке вакцин и массовой вакцинации. Уместно ли рассматривать совокупность всех

Статья поступила 03.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В., Подлесных О.Н. Юмор и биополитика: мемы Рунета в разгар пандемии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 40–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060045>
EDN: MREKVX

Sokolovskiy, S.V., and O.N. Podlesnykh. 2022. Yumor i biopolitika: memy Runeta v razgar pandemii [Humour and Biopolitics: RuNet Memes during the Pandemic]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 40–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060045> EDN: MREKVX

принятых мер в терминах биополитики и биовласти и, если да, какие стратегии использовало население – объект этой биополитики? Авторы предлагаемой статьи считают применение такой аналитической рамки вполне оправданным для анализа реакции людей (ирония и юмор) на события первого года пандемии. Поскольку все рассматриваемые далее административные меры регионального и федерального уровней были направлены на охрану *здоровья*, а объектом воздействия было *население* в его медико-биологическом аспекте, постольку осуществляемая в этой сфере власть с достаточными основаниями может рассматриваться именно как *биовласть*, а соответствующие меры регулирования – как *биополитика*.

Биополитика и биовласть

Понятия “биополитика” и “биовласть” давно стали многозначными и понимаются сегодня чрезвычайно широко. Впрочем, отсутствие строгих дефиниций особой проблемы не представляет: использование этих понятий не только в политической философии, но и в исторических, политологических, социологических и антропологических дисциплинах, приспособляющих их для решения собственных задач, объясняет такую многозначность. Объемы этих понятий продолжают меняться, ибо по справедливому замечанию одного из современных исследователей биополитики Тимоти Кэмпбелла, ни круг наиболее влиятельных ученых (своеобразный ареопаг этой исследовательской области), ни четкие представления о ее предмете и объекте до сих пор не сформировались и продолжают обсуждаться по обе стороны Атлантики и Тихого океана (Campbell 2013: 2). Можно, однако, утверждать, что область разворачивания и функционирования биополитики и биовласти совпадает с областью, в которой любые жизненные проявления взаимодействуют с социальными принципами и моральными нормами общества, с одной стороны, и политическими стратегиями и правом – с другой. Предмет этой области знаний весьма широк, а ее границы неопределенны, поскольку включают буквально все аспекты политики, имеющие отношение к здоровью и жизни как каждого отдельного человека, так и населения в целом: *демографическую* политику со множеством ее субъектов, включая государство и граждан (напр., регуляцию рождаемости со стороны семьи); *экологическую* политику в части, влияющей на качество жизни и здоровья (обеспечение санитарно-гигиенических норм качества воды, воздуха и почвы); *аграрную* и *торговую* политики в случае их пересечения с экологией и обеспечением населения продовольствием; *экономическую* политику (распределение и потребление продуктов, а также некоторых связанных со здоровьем населения видов услуг – напр., медицинских – в региональном, государственном и глобальном масштабах); наконец, *научную* и *образовательную* политики в части развития биомедицинских знаний и их распространения среди населения и т.д. Конституируясь на пересечении жизни и закона, сфера действия биополитики и биовласти оказывается территорией, где противоположности природы и культуры, природы и общества утрачивают свои определенность и значение.

Концепция биополитики и биовласти была предложена Мишелем Фуко в курсе его лекций, прочитанном в Коллеж де Франс в 1978–1979 гг. (Foucault 2008), однако ее контуры были представлены несколькими годами ранее в книге “Воля к власти” (Т. 1, “Истории сексуальности”); один из ее разделов был озаглавлен “Право на смерть и власть над жизнью” (Foucault 1976: 175–211). Фуко известен тщательным анализом рождения и распада дискурсивных формаций, в числе которых важное место занял сюжет рождения биополитики – ее форми-

рование было обусловлено сменой власти суверена на режим *власти-знания*. Согласно Фуко, этот тип дисциплинарной и диффузной (т.е. не имеющей единого центра) власти стал все более широко применяться на рубеже XVII–XVIII вв. Он отмечает, что с начала XVIII в. складывается система, которая “выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата”¹ (Фуко 1996: 189). Принципом принуждения в этом типе власти становится *норма*, отклонения от которой наказываются. Новый тип власти – *власть над жизнью* – развивался в двух своих главных формах, образующих два полюса, связанных между собой множеством опосредующих отношений: *властью над телом* (ее Фуко называл *анатомо-политикой*) и *властью над населением*, или *био-политикой народонаселения* (Фуко 1996: 243).

Истоки таких особенностей биовласти, как *диффузность* и *отсутствие* в ее осуществлении *организующего центра*, можно обнаружить уже в концепциях власти у Фридриха Ницше или гегемонии у Антонио Грамши, основанной на *власти убеждения*, весьма близкой к фуколдианской власти дискурса. Сам Фуко так описывает метод аналитики власти в соответствующем разделе “Воли к знанию”:

Анализ в терминах власти не должен постулировать в качестве исходных данных суверенитет государства, форму закона или всеобъемлющее единство некоторого господства; скорее всего, напротив, это только терминальные формы такого анализа. Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, *множественность отношений силы*, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действительности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства. <...> *власть* – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе. <...> *власть осуществляется из бесчисленных точек и в игре подвижных отношений неравенства* (курсив наш. – С.С., О.П.) (Фуко 1996: 192–194).

В последующих работах (изданных уже после смерти философа) Фуко использует термин-неологизм *gouvernementalité* (в русских переводах передаваемый как “правительность”, “правительственность”, “властоментальность”, “правительственная рациональность”, “ментальность правления” или даже “искусство правления”), призванный обозначать феномен сращения новой идеологии с телесными и ментальными диспозициями всех, находящихся под влиянием этой идеологии. Эта специфическая рациональность присуща неолиберальному укладу политики и экономики, главной фигурой которого стало особое человеческое существо – *Номо аэкономичесус*, отличающееся от сформированного властью-знанием предшественника вовлечением все более широкого круга отношений в сферу рыночной регуляции, включая отношения к собственным телу и психике как к ресурсам, из которых надлежит извлекать максимум полезности (Фуко 2010: 285). Основными модусами и механизмами действия власти, как и при прежнем укладе, остаются *нормализация* и *контроль* при явном усилении *самоконтроля*.

Работы Фуко послужили толчком к исследованиям технологий микровласти во множестве областей социальной жизни и научных дисциплин, включая

антропологию. Вполне понятно, что антропологам нашлось что сообщить о повседневных практиках самоконтроля и процедурах нормализации, поскольку эта проблематика уже присутствовала в исследованиях социализации, инкультурации и передачи традиции, однако ее следовало еще переосмыслить в рамках формирования субъекта и соотнести с фуколдианской хронологией биополитики. Поскольку антропология с первых этапов своего становления избрала в качестве привилегированного объекта исследования Другого (по умолчанию “иноукладного” по сравнению с обществом исследователя), а городская антропология собственных обществ сформировалась позднее, антропологи с самого начала сталкивались с разными темпоральностями и ипостасями субъекта (ср.: *Boyer* 2005: 521) и не спешили осваивать новый биополитический лексикон (ср.: *Sahlins* 2002: 41). Отдельные понятия из этого словаря исподволь просачивались поначалу лишь в тематически близкие антропологические специализации, например, в медицинскую, политическую и экономическую.

Недавно ушедший от нас мэтр экономической антропологии Маршалл Салинс (он умер 5 апреля 2021 г. в возрасте 90 лет) весьма скептически относился к увлечению антропологов новой концепцией власти. В работе с симптоматичным названием “В ожидании Фуко, все еще” (ироничный рефрен названия беккетовской пьесы абсурда “В ожидании Годо”) он писал (первое издание этой лекции вышло в 1993 г.):

Текущая фуколдианско-грамшистско-ницшеанская одержимость властью является новейшим воплощением неизлечимого функционализма антропологии. Как и ее структуралистско-функционалистские и утилитаристские предшественники, гегемонизация стирает различия (is homogenizing), растворяя специфичные формы культуры в обобщенных (generic) инструментальных эффектах. Прежде нужно было знать, что “*raison d'être*” *même* [самой причиной существования] прескриптивных шуточных отношений был их вклад в поддержание социального порядка, и даже тотемные церемонии или огородные волхвы (garden magicians) организовывали производство питания. Теперь, однако, “власть” (чем до того являлись “социальная солидарность” или “материальная выгода”) стала интеллектуальной черной дырой, которая всасывает любое содержание культуры. <...> Просто удивительно, какие разнообразные вещи антропологи сегодня могут объяснить с помощью власти и сопротивления, гегемонии и контргегемонии. <...> Вот несколько примеров последних лет из *American Ethnologist* и *Cultural Anthropology*: 1. Прозвища в Неаполе “...прозвища становятся механизмом усиления гегемонии национально доминирующих групп над локальными группами” <...>. 2. Лирическая поэзия бедуинов оказывается контргегемонией (конечно же!). 3. То же можно сказать и о женской моде в Ла-Пасе (да!). 4. Социальная категоризация доминиканских рабов как “крестьян” гегемонична (да!). 5. То же самое – относительно фиесты в Андах, духовности бенгальских женщин среднего класса. <...>. 7. Вьетнамских местоимений. 8. Поминальных причитаний венесуэльских индейцев *Warao*: контргегемония <...> и т.д. (*Sahlins* 2002: 20–23).

Необходимо, однако, отметить, что основным объектом критики, судя по приведенным примерам, оказывается скорее Грамши, нежели его предшественник (Ницше) и последователь (Фуко) в исследованиях власти. Салинс, однако, объективен в документировании увлечения потестарной терминологией в американской антропологии того времени, в которой, впрочем, и описываемый им период сколько-нибудь систематического осмысления концептов биополитики и биовласти еще не происходило.

Диаметральную позицию в оценке наследия Фуко и его значимости для антропологии занял Пол Рабиноу, ставший главным проводником идей французского философа в американской антропологии. Благодаря усилиям Рабиноу, несколькими годами позже Доминик Бойер, специализирующийся на исследованиях климата, энергии и медиа, сравнил популярность Фуко в среде антропологов и востребованность его аналитики с наличием кислорода в атмосфере

(Boyer 2002–2003: 265). Разумеется, за прошедшее с момента этих дискуссий 20-летие наследие Фуко в отношении концепций биополитики, биовласти и “властоментальности” было обогащено и существенно реформировано в работах таких исследователей, как Майкл Хардт и Антонио Негри, Джорджо Агамбен, Роберто Эспозито, Элизабет Повинелли, Кэтрин Миллз и других (ср.: Агамбен 2018; Хардт, Негри 2004, 2006; Esposito 2008; Povinelli 2016; Mills 2018).

Человек становится субъектом и членом локального сообщества, если он освоил и интериоризовал его фоновые знания и практики, нормы и ценности. В этом случае можно говорить и о том, что само сообщество производит особых субъектов за счет власти нормализации. Даже сопротивление власти нормализации обнаруживает знание нормы и является частью этой власти. Наоборот, незнание фоновых практик, нарушение норм, ошибки исполнения простейших действий выдают чужака. Постоянное давление нормирующей власти сообщества, обеспечивающее усвоение норм и фоновых практик, остается важнейшим аспектом манифестации биовласти – власти над самой жизнью и ее повседневными проявлениями. В то же время интериоризация этих норм, ценностей и практик подрастающим поколением обычно рассматривается антропологами и социологами в рамках исследования инкультурации, индоктринации, социализации, социальной адаптации или интеграции в сообщество – процессов, описывающих биополитическое нормирование новых членов сообщества. Все эти наблюдения и утверждения лежат в основе методологических принципов выбора объекта исследования и определения его границ. В данном конкретном случае – это читающие по-русски, знающие местный контекст и понимающие специфику местного юмора пользователи Рунета, что, с одной стороны, демонстрирует наличие возникающих за счет функционирования локальных режимов биополитики и биовласти общих норм и фоновых практик, а с другой стороны, обусловлено ими. Диффузность биовласти предполагает наличие множества ее акторов и сил, как и существование легитимирующих их деятельность идеологий и дискурсов. Функционирующие в киберпространстве идеологии и дискурсы приобретают специфику, а многие их жанры вообще не имеют офлайн-аналогов. Интернет с его технологиями социальных сетей и мессенджеров и массовостью авторов-участников идеально соответствует этой диффузности, обнаруживая различные формы сопротивления традиционным бюрократическим централизованным институтам власти. Среди множества таких форм одной из наиболее действенных оказываются мемы. К их рассмотрению мы и обратимся.

Мемы как власть и контрвласть

Ричард Докинз, автор термина *мем*, ввел его в 1976 г. для обозначения единицы культурного наследия по аналогии с *геном* – единицей наследия биологического (Dawkins 1976). Идея была подвергнута резкой критике, сутью которой было подчеркивание специфики процессов трансмиссии культуры, во многом резко отличающихся от процессов генетических. Однако в 1990-е годы этот концепт стал использоваться вновь, главным образом в отношении “интернет-мемов” (Shifman 2013: 362) – циркулирующих в социальных сетях и мессенджерах цифровых объектов определенной формы и содержания, отражающих позицию их автора по отношению к комментируемым в них событиям. При этом важными характеристиками интернет-мемов, унаследованными ими от концепта 1970-х годов, оставались их способности к репликации и мутированию, иначе говоря – к передаче с изменением формы или содержания от человека к

человеку (или множеству людей), что и позволяет сравнивать мемы с вирусами и генами. Специалист по теории коммуникации Брэдли Уиггинз отмечает идеологическую заряженность мемов и их способность посредством визуальных образов влиять на поведение потребителя за счет погружения его в альтернативный нарратив или альтернативную картину мира (*Wiggins 2017, 2019*).

Нельзя забывать и о социальной роли мемов: циркулируя в замкнутых сообществах, они обеспечивают темы для коммуникации, тем самым укрепляя социальные связи или выступая в качестве триггеров социального активизма. Оставаясь анонимным, альтернативным и слабо контролируемым каналом коммуникации, мемы способны как поддерживать официальные нарративы (ср.: *Pearce, Hajizada 2014*), так и разрушать их, благодаря чему используются в качестве одного из наиболее эффективных средств ведения кибервойн и стали предметом особой дисциплины – военной меметики (ср.: *Finkelstein 2008*).

В рассматриваемом здесь случае мемы выступают прежде всего как инструмент создания альтернативной реальности, предоставляющей пользователям не только возможность символического противостояния принуждению, но и разрядку и способ борьбы со стрессом и депрессией, вызванными социальной изоляцией во время локдауна.

Мемы как отражение хроники событий первого года пандемии

Некоторые из читателей помнят, что в феврале–марте 2020 г., когда новости о пандемии стали ежедневными, но еще не изменили кардинально обыденную жизнь большинства россиян, многие встретили их с недоверием, скептицизмом и подозрением. В жанрах цифровой поэзии – “пирожках” и “порошках” – анонимные авторы так отразили настроения, царившие среди значительной части российского общества в этот период:

коронавирус наступает
на миллионы россиян
но каждый третий атипичен
и пьян

возможно после карантина
приду к друзьям на карнавал
и буду там бродить без маски
неузнанный и всем чужой

во времена когда царила
с коронавирусом борьба
нас разбросала по диванам
судьба

Другим популярным жанром стали частушки:

Что бы нам ни говорили,
Все на это болт забили,
Хрен загонишь нацию
В самоизоляцию!

С каждым днем все шире морда.
Видимо, мутация.
Вот ведь до чего доводит
Самоизоляция!

Взял путевку на Бали,
А вернуться не смогли.
Плюсы есть и минусы
В ентм хреновирусе.

В рассылаемых десятками через WhatsApp и другие мессенджеры постах (текстовых мемах), этих *дацзыбао* цифровой эпохи, такие настроения выразились в высказываниях, иронически обыгрывающих невероятность официального сценария возникновения и распространения пандемии: “Тот, кто говорит, что один человек не может изменить мир, никогда не ел недодваренную летучую мышь!”, “А помните, как Медведев предлагал добавить ещё один выходной день в неделю?! Всего один!!!”, “У кого-нибудь есть весь сценарий на 2020 посмотреть?”, “Российские сыровары решили побаловать покупателя, выпустив сыр Covid-19, он не имеет ни вкуса, ни запаха!”, “Чувствуете, чувствуете? весной пахнет! Я тоже ни фига не чувствую...”, “В январе все гадали, что же нам принесет год крысы, и только историки помнили, что крысы обычно приносят чуму!”.

Первыми мишенями цифровых атак стали обязательные для публичных

Рис. 1*. Заимствованные мемы. Источник: социальная сеть Одноклассники/ОК.ru (<https://ok.ru/group/55270256017418/album/897886209290/910270432522>); автор поста – Юмор за Одессу и Еврейский АнеКККдоТ, 16.12.2020

мест маски и перчатки², а также рекомендации не трогать лицо и мыть руки. Поначалу циркулировали заимствованные за рубежом мемы – выразительные образы, смысл которых читался без подписей (см. Рис. 1).

Текст одного из рассылаемых постеров сравнивал ситуации 2019 и 2020 гг.: “2019. Офицер, в банке появился человек в маске! – 2020. Офицер, в банке появился человек без маски!”; в другом обыгрывался этот же мотив ограбления: “Алло, я уже в магазине, что брат? – Ты в маске? – Да. – Бери кассу!” В крупных городах люди устраивали карнавные флешмобы, в которых масками служили пластиковые коробки от тортов, маскарадные маски и военные противогазы (см. Рис. 2).

Практики обращения с масками подвергались высмеиванию в мемосфере вплоть до отмены их обязательного ношения, для чего среди прочего использовались полюбившиеся фразы из популярных фильмов и герои мультфильмов (см. Рис. 3).

Тема санитарных масок была обыграна и в маркетинговых стратегиях, отразившись, например, в настенных календарях и кондитерских изделиях (см. Рис. 4).

Шопинг и ранние антиковидные меры. В начале пандемии, когда эпидемиологи открыли счет первым ее жертвам в России и ввели первые меры санитарного контроля, российская публика, по телевизору уже наблюдавшая с некоторым недоумением и отстраненным любопытством картины покупательских излишеств за границей и пытавшаяся установить связь между распространением вируса и ростом потребности в туалетной бумаге (напр., австралийский

кризис), сама наводнила бакалейные отделы магазинов и очистила их от любых “долгоиграющих” товаров. Ритейлеры, как это обычно и происходит в рыночной экономике, воспользовались этим и взвинтили цены. Гречка как наиболее популярная крупа в России первая подверглась ценовой атаке, далее последо-

Рис. 2*. Снимки из московского метро, иллюстрирующие риторику преуменьшения и преувеличения опасности заражения. Источники: (фото слева) сайт Piximus (<https://piximus.net/fun/daily-mix-2385>), Daily Mix, part 2385, 17.03.2020; (фрагмент фото справа) сайт Триникси (<https://trinixy.ru/190544-vot-oni-samyie-spokoynye-lyudi-v-eto-neprostoie-vremya-2-foto-video.html>), пост “Вот они, самые спокойные люди в это непростое время”, без авт., 18.03.2020

Рис. 3*. Кадры из фильма Э. Рязанова “Служебный роман” и из мультфильма Р. Качанова и Э. Успенского “Крокодил Гена”. Источники: (слева) сайт Пикабу (https://pikabu.ru/story/masochnyiy_rezhim_7758766), автор поста – ErikZX, 07.10.2020; (справа) социальная сеть Одноклассники/OK.ru (<https://ok.ru/group/55270256017418/album/897886209290/908430205194>), автор поста – Юмор за Одессу и Еврейский АнеКККдоТ, 13.11.2020

вали рис, овсянка, перловка, кукурузная крупа и пшеничная мука, а затем сахар и соль. Когда автор этой статьи зашла после работы в крупный супермаркет в один из таких “батальных” дней, то обнаружила на опустевших полках только растерзанный пакетик киноа – довольно дорогой и экзотический для здешних

Рис 4*. Календари на 2020 и 2021 гг. (слева); “кулинарные новинки” (справа).
Источники: (слева) сайт BigBookName (<https://bigbookname.com/user/arseniy-ushakov-23069397>), автор поста – Арсений Ушаков; (справа) сайт Пикабу (https://pikabu.ru/story/pirozhenko_7848897), автор поста – kakvizadolbali13, 22.11.2020

Рис 5*. Товарный ажиотаж. Источник: сайт MyBgDay (<https://mybgday.com/news/sobytiya/shutki-pro-koronavirus-chast-4-iskusstvo>), пост “Шутки про коронавирус. Часть 4. Искусство”, автор поста – Айляк Балдаран, 06.04.2020

Ешьте три головки чеснока в день, может от вируса это не поможет, но люди будут держаться от вас подальше

Рис. 6*. Фрагмент фото из супермаркета (слева); ироничный комментарий к рекомендации о социальной дистанции (справа). Источники: (слева) сайт “Продукт медиа” (<https://producttoday.ru/2020/05/18/marketing-rossijskih-proizvoditelej-v-uslovijah-pandemii-koronavirusa>), без авт., 18.05.2020; (справа) сайт “Приколы” (<https://mypricol.com/2020/03/karikatury-i-memy-pro-koronavirus.html>), пост “Карикатуры и мемы про коронавирус”, автор поста – Елена [2020]

мест продукт, по большей части употребляемый вегетарианствующими хипстерами. Однако случай туалетной бумаги оказался провальным для отечественных ритейлеров, тщетно пытавшихся соблазнить приверженцев определенных брендов изощренными манипуляциями с ценами. Российская публика решительно отказалась покупать бумаги больше, чем обычно, поскольку старшее поколение еще помнило, что старые газеты вполне для этой цели подходят и могут рассматриваться в качестве “импортозамещения”, а более молодые люди последовали спартанской логике: “меньше еды – меньше нужды”. Возможно, граждане понадеялись, что уж воду в этот трудный момент им не отключат (см.: ироничное отражение ситуации на Рис. 5)³.

Ритейлеры оказались более удачливыми в отношении тех продуктов, которые люди рассматривали как надежные средства народной медицины и профилактики коронавируса. Запасы чеснока, лимонов, имбиря и перца чили были распроданы по непомерным ценам. Куркума, прежде малоизвестная российским домохозяйкам и продающаяся в основном в магазинчиках специй для приверженцев восточной кухни и адептов йоги, стала желанным трофеем и с энтузиазмом употреблялась в таких больших количествах, которые не могли бы рекомендовать даже наимоднейшие и ультрарадикальные диетологи.

Аптеки в начальные месяцы пандемии, когда еще никто не знал, как лечить пациентов с ковидом, потребовали свою долю прибыли. Аскорбиновая кислота (витамин С), аспирин и парацетамол продавались килограммами. Образованная элита предпочла более рафинированные и более дорогие средства, ставшие в то время модными в Европе, такие как гидроксихлорохин, паромоцицин и хлорохин. Все эти причуды и капризы толпы отразились в мемах, часть которых носит документальный характер (см. Рис. 6).

Локдаун. После короткой начальной фазы скептицизма и беспечности в феврале 2020 г. последовал шок от локдауна и продления социальной изоляции, когда власти во многих регионах разрешали только короткие вылазки в соседние продовольственные магазины и аптеки и выгул собак поблизости от места проживания. В некоторых случаях стало значимым даже расстояние от дома или его номер (были установлены дни недели, по которым жильцы четных и нечетных

Рис. 7*. Куда отправиться во время карантина. Источники: (слева) сайт “Толк” (<https://tolknews.ru/news/32398-podborka-memov-pro-koronavirus>), автор поста – ТОЛК, 25.03.2020; (справа) сайт Кемпер-Центр (<https://camper-c.ru/raznoe-2/otpusk-v-aprele-2019-nedorogo-s-detmi-krasivye-mesta-foto.html>), рубрика “Экзотические места для пляжного отдыха”, без авт. [15.04.2020]

домов могли совершать короткие вылазки). Пожилые люди старше 65 лет были изолированы более строго и должны были, по крайней мере в Москве, полагаться на социальные службы и службы доставки. Все эти меры спровоцировали множество протестных реакций и насмешек. Поскольку страны одна за другой закрывали границы и многие авиакомпании отменили международные полеты, отпускные планы автоматически обнулились. Несостоявшиеся туристы вместо тропических пляжей обнаружили себя запертыми в своих квартирах перед телевизором и угрюмым зимним пейзажем за окном (ситуация получила сатирическое название *shutdown*). Фрустрация вследствие нереализованных отпусков нашла выход в создании и потреблении злободневных мемов (см. Рис. 7).

Наиболее креативным и тонким было фото, на котором из картины известного художника-соцреалиста была сделана забавная иллюстрация современных событий (см. Рис. 8)⁴.

В конце первого года пандемии блогеры Рунета соревновались в остроумии, угадывая предновогодние желания (Грета Тунберг пожелала отменить все полеты самолетов и посещение школы; российская олимпийская команда, раз не едет в Токио, пожелала, чтобы и остальные не поехали; Александр Лукашенко пожелал, чтобы продавцы нефти приплачивали клиентам за ее покупку; собаки пожелали, чтобы хозяева надели намордники и умоляли их о прогулке; учителя пожелали в наступающем году не ходить в школу, но получать зарплату; жены пожелали, чтобы мужья перестали ходить по барам и спортивным мероприятиям и т.д.). Итог первого года пандемии был отмечен в блогосфере следующим ироническим комментарием: “Вот и подходит к концу самый короткий год в истории человечества: январь, февраль, карантин, декабрь!”

Рис. 8*. Прогулки по графику (слева); фрагмент картины “Кружевница” работы Василия Тропинина (1776–1857) (справа) – ироничная фоторепродукция с пробками от шампанского вместо коклюшек, намек на количество алкоголя, выпитого во время карантина. Источники: (слева) сайт “Фишки” (<https://fishki.net/3335652-o-progulkah-po-grafiku-v-moskve-raznye-kartinki.html/gallery-7841446/>), пост “О прогулках по графику в Москве”, автор поста – Danny7, 04.06.2020; (справа) https://vk.com/id4055406?z=photo4055406_457242608%2Fallbum4055406_00%2Frev, автор поста – Ирина Шох, 07.04.2020

Социальная изоляция, удаленная работа и образование. Отмена полетов и ограничение передвижений (санитарные кордоны, пропуска на выезд из города и другие меры социальной изоляции, введенные во многих регионах страны) привели к стремительным изменениям в экономике и образовании. В тех городах, где пенсионеры бесплатно пользовались общественным транспортом, они быстро обнаружили, что их транспортные карты заблокированы – эффективная мера для уменьшения числа пассажиров, поскольку большинство пожилых людей не могут позволить себе много ездить без государственной поддержки.

Начальный период пандемии характеризовался нехваткой информации о природе вируса и отсутствием опыта у властей и бизнеса, последствиями чего стали взаимные недовольство и жалобы, что привело к всеобщему смятению, которое было быстро использовано онлайн-комментаторами. Те бизнесы, где дистанционная работа была возможна в принципе, перестроились быстро, но университетским преподавателям и школьным учителям пришлось тяжело, поскольку учебный процесс не был адаптирован для удаленного обучения. Семейная и офисная рутина переплелись и смешались, границы между общественным и частным стали размываться и складываться в новых конфигурациях, что спровоцировало и отчаяние, и веселье. Возникавшие препятствия для нормальной работы и учебы тут же стали предметом множества мемов, служивших главным рупором несогласных с мерами физической изоляции (см. Рис. 9).

Одно из вирусных видео в Instagram**, озаглавленное “После карантина”,

** Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

- Не стреляй, он вроде за хлебом

Рис 9*. Ситуация интервью во время переаттестации (слева); обыгрывается старый кадр (милицейская форма прежнего образца, которая использовалась до 2012 г.); этот мем выходил и с другими подписями (“Не стреляй, он уже не чихает!” или “Целься лучше и не попади в собаку, велено стрелять только в их хозяев!”) (справа). Источники: (слева) сайт АйДаПрикол (<https://idaprikol.ru/picture/cemu-novomu-vy-naucilis-vo-vremya-samoizolyacii-NG4bRxUa7>), автор поста – jamalsp_2019, 16.04.2020; (справа) сайт Author.Today (<https://author.today/post/79056>), комментарий к “Антивирусные мемы. Часть 10”, автор поста – Андрей Федотов, 04.04.2020

представляло школьника у доски, которому предлагалось написать формулу соотношения массы и энергии. Голос преподавателя за кадром требует: «Пиши букву “Е”!»! Школьник пишет на доске прописную “е”. «Большую латинскую “Е”!»», – поправляет преподаватель. Ученик рисует более крупную версию прописной латинской “е”. «Заглавную “Е”!!!», – переходит на повышенный тон учитель. Ученик, наконец, пишет правильный вариант буквы. Учитель: «Что делает энергия? Пиши “равно”». Школьник пишет прописью “Е равно...” – “Как пишется знак равенства?” – (молчание). – “Рисуй две параллельные линии!” Дрожащая рука ученика стирает слово “равно” и проводит две вертикальные линии. “Горизонтальные параллельные линии!!!”, – гремит голос учителя. Далее трудности происходят с кириллическими и латинскими версиями букв “m” и “с”, но кульминация наступает, когда ученику нужно написать финальное “в квадрате” в формуле $E = mc^2$, и он заключает формулу в квадратную рамку, вместо того чтобы написать цифру “2”, означающую возведение “с” во вторую степень. «Пиши цифру “2”!!!», – вопит учитель. Ученическая рука выводит “2” в одном из углов квадрата. “Мимо!” – уже визжит закадровый голос. В видео точно отображены результаты длительного весеннего карантина 2020 г. и множества последующих перерывов в работе школ, когда их администрация должна была спешно реорганизовывать учебные планы в соответствии с практическими требованиями технологий дистанционного обучения.

Поскольку в период карантина 2020 г. власти регионов, сильно пострадавших от пандемии, таких как Краснодарский край или Ивановская область, блокировали въезд в некоторые города и выезд из них с помощью санитарных и полицейских кордонов и ограничивали часы торговли, а также вводили строгую регуляцию перемещения пешеходов, требуя предъявления QR-кодов или специальных пропусков, эти ситуации также нашли отражение в сатирических мемах (см. Рис. 10).

Растущие проблемы с пропусками для машин (пропуски позволяли работающим в соседних городах добираться до своих рабочих мест), неспособность местных администраций выпускать нужное количество разрешений вовремя и отдавать тех, кому они необходимы, от тех, кто просто очень хочет, привели к жульничеству и коррупции, которые также не прошли незамеченными (см. Рис. 11).

Страхи, подозрения, предубеждения. Как уже отмечалось, на ранних стадиях пандемии в стране часть населения встретила административные усилия, состоявшие в тот момент главным образом в гигиенических рекомендациях и

Рис. 10*. Крестоносцы (слева); соревнование дискурсов (справа). Источники: (слева) сайт “Фишки” (<https://fishki.net/3367330-kusochek-smehakarikatury.html>), пост “Кусочек смеха. Карикатуры”, автор поста – Андрей Эйнав, 12.07.2020; (справа) сайт Пикабу (https://pikabu.ru/story/v_svyazi_s_poslednimi_sobyitiyami_7328252?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing), автор поста – Vanna.artist, 30.03.2020

Появились первые образцы пропусков для свободного передвижения по городу во время карантина.

Рис. 11*. “Карантинный пропуск”. Источник: сайт “JoyReactor” (<https://reactor.cc/post/4295271>), пост “Проверенные информационные технологии для карантина”, автор поста – teonik, 30.03.2020

Рис. 12*. Недоверие к вакцинам и лекарствам. Источники: (слева) сайт “Shazoo.ru” (<https://shazoo.ru/2022/02/04/122033/vpechatleniya-ot-ghostwire-tokyo-progulka-po-tokio-nesmotrya-na-pandemiyu>), комментарий к посту “Впечатления от Ghostwire”, автор комментария – sss77, 02.04.2022; (справа) сайт “Форум всея Великия и Малыя и Белья России” (<https://for-ua.info/viewtopic.php?f=2&t=82697&start=12420>), тема “Демотиваторы”, автор поста – alekzenkov, 29.03.2020

санитарных мерах, со скептицизмом и подозрительностью. Когда стали применяться первые вакцины, ковид-диссиденты атаковали их как неэффективные и опасные. Методы лечения и лекарственные препараты также стали популярными мишенями для насмешек (см. Рис. 12). Статистические показатели и оценки числа пострадавших критиковались одновременно и как раздутые, и как преуменьшающие их реальное количество (ср.: «В Росстате сейчас уже не принято говорить “... умерло от коронавируса”, – теперь нужно витиевато заявлять: “... успешно завершили лечение, но с отрицательным результатом”). На одном из постеров для разоблачения статистического жульничества представлен вымышленный диалог в морге между патологоанатомом и сотрудником, заполняющим форму: «Доктор, какую причину смерти я должен записать? – Пиши “коронавирус”. – На теле два огнестрельных и три ножевых ранения! – Пиши “коронавирус с сопутствующими заболеваниями”!»

* * *

Какую роль играют мемы в жизни общества, в рамках которого они циркулируют? Следует ли рассматривать “мемосферу” как мощное средство низового сопротивления властям, настолько эффективное, что его использование способно ниспровергать правительства (это предполагается, например, в исследованиях американского Департамента обороны, анализировавшего меметику как средство ведения современной гибридной войны; ср.: *Finkelstein* 2008; *Metahaven* 2013)⁵? Или, быть может, следует рассматривать мемы, в особенности сатирические и юмористические, как средство борьбы со стрессом, тревогой и депрессией, которое не столько вовлекает население в политическую мобилизацию, сколько помогает ему успешно адаптироваться к плохо прогно-

зируемой и быстро меняющейся ситуации? Такие трактовки меметики, разумеется, не исчерпывают ее возможностей. Спектр ситуаций, которые отражают мемы, настолько велик, что их следует скорее рассматривать в качестве своего рода виртуальных устройств, потенциальностей или аффордансов, которые используются исключительно контекстуально, применительно к конкретным случаям с целями как благими, так и разрушительными. Для лучшего понимания выбранного нами для анализа особого класса визуальных и текстовых интернет-мемов, выражающих “смеховое” отношение к кризисной ситуации (ирония, юмор, сатира), необходима теория чтения и интерпретации мемов со стороны воспринимающей их цифровой аудитории. Одним из эффективных способов прочтения может стать предложенное Львом Выготским различение смысла и значения, в котором смысл понимается как существование более широкого понятия, нежели значение, остающееся лишь одним из аспектов смысла⁶. И хотя это различение использовалось нашим выдающимся психологом только в отношении слов, оно вполне работает и при анализе понимания мемов. Теоретик чтения Луиза Розенблатт, опираясь на идеи Выготского, предложила различать два вида чтения текста: *эфферентное* (от лат. *efferre* – уносить), основой которого является прямое значение составляющих его элементов, а главной задачей – извлечение информации (так мы читаем научные статьи), и *эстетическое*, в котором особый смысл придается ассоциациям и аффективной наполненности текста, создаваемой им атмосфере и получаемым от такого чтения эмоциям (Rosenblatt 1995: 24)⁷.

В своей теории чтения Розенблатт следует вслед за Шиллером, для которого эстетический смысл жизни оставался более важным, нежели политический, моральный, экономический и т.д., что соответствовало тогдашнему пониманию эстетики как общей теории восприятия и вдохновляемому ею антиредукционистскому подходу к пониманию жизни и человека. Такое прочтение меметики предполагает среди прочего, что мы не просто “схватываем” значение мемов (эфферентно их прочитываем), но буквально переживаем, эмоционально “проживаем” их смыслы. Это и объясняет эффективность потребления мемов в рассмотренном случае как средства против обусловленных социальной изоляцией стресса и депрессии.

Меметика может служить и отличным полигоном для тестирования существующих концепций юмора и его объяснительных схем. Одна из таких теорий как раз рассматривает юмор как средство для снятия стресса и разрешения тревожности. Однако есть и множество других теорий/концепций, которые опираются на результаты соответствующих исследований в физиологии, психологии, эстетике и социологии и пытаются интегрировать эти результаты в различные схемы, объясняющие происхождение смешного (как в истории и эволюции человека, так и в ситуациях дня сегодняшнего) и рассматривающие его стимулы, функции, а также смеховое поведение (ср.: Wasilewska 2018). Помимо уже упомянутой концепции освобождения от забот и тревог (*relief theory*), которую разделяли и поддерживали такие видные мыслители, как Герберт Спенсер, Зигмунд Фрейд и Михаил Бахтин, существуют по меньшей мере еще два крупных или основных теоретических подхода, широко использующихся в философских и психологических дискуссиях о природе юмора: теория превосходства (к ней склонялись среди прочих Рене Декарт, Томас Гоббс и Анри Бергсон) и теория несоответствия, поддерживаемая такими выдающимися философами, как Иммануил Кант, Фридрих Шопенгауэр и Сёрен Кьеркегор. Сегодня эти подходы реализуются во множестве вариантов и модификаций (обзоры см. в: McDonald 2012; Olin 2016). И хотя представленная выше подборка мемов едва ли может

стать надежной площадкой для апробации конкурирующих концепций (для этого потребовались бы также прямые свидетельства о восприятии конкретных мемов со стороны их потребителей), ее вполне можно рассматривать как часть необходимых для такой апробации материалов.

Смысл раскрываемой в мемах хронологии событий первого года пандемии оказывается достаточно широким и в географическом, и во временном отношении, поскольку иллюстрирует и иронически комментирует не только функционирование власти в кризисный период в одной отдельно взятой стране, но и отношения цифровой публики и сетевых аудиторий к действиям власти в других странах в условиях этого же и подобных этому кризисов. Как замечает автор термина “капиталистический реализм” британский теоретик культуры и блогер Марк Фишер, идеология этого современного, опирающегося на мощную медиаиндустрию уклада такова, что он буквально не позволяет рассмотреть и по достоинству оценить альтернативные ему социальные устройства. Лишь выход за его дискурсивные рамки, демонстрируемый сетевой меметикой, предоставляет возможность как-то сдерживать этот идеологический напор (Fisher 2009).

В одном из сборников амстердамской группы “Metahaven”, опубликованном в Москве Институтом медиа, архитектуры и дизайна “Стрелка”, эта сетевая контрстратегия характеризуется следующим образом:

Людам, которых необходимо слушать и слышать, постоянно говорят, что у них нет представления о масштабе угрозы, что и является эффективным способом заставить их молчать и навязать свою рамку интерпретации. <...> Шутка имеет потенциал для сопротивления и опрокидывания этой рамки, навязываемой политическим *status quo*... У шутки есть пока неопробованная власть прерывания, более сильная, чем мы могли подозревать. В интернете шутки, если они достаточно заразительны, могут быстро набрать аудиторию в сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч и миллионы людей буквально за несколько минут (Metahaven 2013: 20, 25).

Как заметил по этому поводу один из цифровых аналитиков, новые цифровые технологии обеспечивают “скрытые возможности микропротеста, которые иным образом не смогли бы проявиться, причем таким образом, что отдельные люди начинают себя чувствовать частью чего-то большего”⁸. Одновременно эти технологии гарантируют как отправителю, так и получателю анонимность, обеспечивающую разрыв с официальными модусами коммуникации. Юмор остается весьма специфичным каналом для выражения неодобрения или дистанцирования от действий властей. Он не позволяет последним слишком отрываться от реальности, дает им возможность удерживаться от эксцессов и злоупотреблений, поскольку выглядит смехотворно или стать объектами иронии и сатиры мало кому хочется. Популистские высказывания и неэффективные решения властей всех уровней в период пандемии быстро подвергались осмеянию и в России, и в других странах, где таких решений тоже было немало. Как демонстрируют приведенные выше примеры, комментировались и ненадежная статистика в отношении пострадавших, и коррупция полиции при установлении кордонов, и неуверенность региональных властей в выборе санитарных мер, и продолжительность локдаунов, и эффективность используемых методов дистанционного обучения. Действенность такого обратного канала связи от населения к властям разных специализаций и уровней трудно переоценить. Впрочем, эффективность мемов в любой пропаганде и контрпропаганде давно известна специалистам, иначе бы не существовало такой прикладной дисциплины, как военная меметика (см. подробнее: Finkelstein 2008). Поскольку привилегированной площадкой и средой распространения мемов стали социальные сети и

мессенджеры, цифровая антропология как дисциплина, исследующая онлайн-поведение людей и офлайн-влияние сетей, не должна упускать из внимания эту важную область современной цифровой реальности.

Примечания

* Все изображения, использованные в статье, цитируются исключительно в целях иллюстрирования научной аргументации.

¹ “... qui fonctionnent non pas au droit mais à la technique, non pas à la loi mais à la normalisation, non pas au châtement mais au contrôle, et qui s'exercent à des niveaux et dans des formes qui débordent l'État et ses appareils” (Foucault 1976: 118).

² В постерах был отмечен и спекулятивный рост цен на эти быстро исчезающие из аптек предметы: “Вы заметили, как ловко они ввели налог на воздух: в маске можно дышать за 20 руб., а без нее – за 5000!”. Экономия на одноразовых масках также стала объектом для насмешек авторов постеров: “Китайская пословица: тот, кто перенесет две волны пандемии в одноразовой маске, станет бессмертным!”.

³ Иронический ремейк знаменитого портрета, известного как “Девочка с персиками” (1887) Валентина Серова, на котором вместо персиков на столе лежат несколько рулонов туалетной бумаги с названием “Персик”, вероятно, обозначающим ее бархатистую текстуру и нежный аромат.

⁴ Ироническая версия картины “За мир!” (1950) Федора Решетникова, где с помощью фотошопа один из персонажей картины получил медицинскую маску, а вместо фр. “РАIX” на доме дети исправляют мелом его номер.

⁵ Ср. также: Pearce K., Hajizada A. No Laughing Matter: Humor as a Means of Dissent in the Digital Era: The Case of Authoritarian Azerbaijan // Demokratizatsiya. 2014. No. 22. P. 67–85. (https://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/GWASHU_DEMO_22_1/B158221228502786/B158221228502786.pdf).

⁶ “Смысл слова... оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная. Как известно, слово в различном контексте легко изменяет свой смысл. Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова <...> Реальное значение слова неконстантно. <...> Слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значение. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла” (Выготский 1999: 323–324).

⁷ Для понимания “поэмы или пьесы читатель должен расширить объем своего внимания, включив в него аффективную ауру и ассоциации, вызываемые словами, и сосредоточиться на своих переживаниях – настроениях, сценах, ситуациях, создаваемых в ходе взаимодействия...” (Rosenblatt 1995: 25).

⁸ Чит по: Coleman G. Anonymous: From the Lulz to Collective Action // The New Everyday. 2011. April 6. <http://mediacommons.futureofthebook.org/tne/pieces/anonymous-lulz-collective-action>

Научная литература

Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
- Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.
- Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Boyer D.* The Medium of Foucault in Anthropology // *Minnesota Review. New Series.* 2002–2003. No. 58–60. P. 265–272.
- Boyer D.* Welcome to the New Europe // *American Ethnologist.* 2005. Vol. 32. No. 4. P. 521–523. <https://doi.org/10.1525/ae.2005.32.4.521>
- Campbell T.* Introduction // *Biopolitics. A Reader* / Eds. T. Campbell, A. Sitze. Durham: Duke University Press, 2013. P. 1–40.
- Dawkins R.* The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Esposito R.* Bios: Biopolitics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Finkelstein R.* A Memetics Compendium. Baltimore: University of Maryland, 2008.
- Fisher M.* Capitalist Realism. L.: Zero Books, 2009.
- Foucault M.* Histoire de la sexualité. Vol. 1, La volonté de savoir. Paris: Éditions Gallimard, 1976.
- Foucault M.* The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008.
- McDonald P.* The Philosophy of Humour. Penrith: HEB, 2012.
- Metahaven. Can Jokes Bring Down Governments: Memes, Design and Politics. M.: Strelka Press, 2013.
- Mills C.* Biopolitics. N.Y.: Routledge, 2018.
- Olin L.* Questions for a Theory of Humor // *Philosophy Compass.* 2016. Vol. 11. No. 6. P. 338–350. <https://doi.org/10.1111/phc3.12320>
- Povinelli E.* Geontologies: A Requiem to Late Liberalism. Durham: Duke University Press, 2016.
- Rosenblatt L.* Literature as Exploration. N.Y.: The Modern Language Association of America, 1995.
- Sahlins M.* Waiting for Foucault, Still. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002.
- Wasilewska E.* Humor and Laughter // *The International Encyclopedia of Anthropology* / Ed. H. Callan. Chichester: John Wiley & Sons, 2018. P. 1–7. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1875>
- Wiggins B.* Navigating an Immersive Narratology: Fake News and the 2016 U.S. Presidential Campaign // *International Journal of E-Politics.* 2017. Vol. 8. No. 3. P. 16–33. <https://doi.org/10.4018/IJEP.2017070101>
- Wiggins B.* The Discursive Power of Memes in Digital Culture: Ideology, Semiotics, and Intertextuality. N.Y.: Routledge, 2019.

Research Article

Sokolovskiy, S.V., and O.N. Podlesnykh. Humour and Biopolitics: RuNet Memes during the Pandemic [Yumor i biopolitika: memy Runeta v razgar pandemii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 40–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060045> EDN: MREKVX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Olga Podlesnykh | <http://orcid.org/0000-0001-5215-1140> | olga_podlesnyh@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

digital anthropology, mimetics, theory of reading, humour theories, RuNet, pandemic

Abstract

The authors focus on the specific channel of people's reaction to official biopolitics employed by the Russian federal and regional authorities during the first year of the Covid-19 pandemic. During this period RuNet digital audiences created, disseminated and consumed lots of humorous memes in the form of photo and video images, posters, collages, rhymes and jokes, targeting various official policies, including official morbidity and mortality statistics, sanitary measures, the timing of lockdowns, recommended remedies, current distant education technologies, etc. The commented collection of the digital pandemic memetics provides an opportunity to test various humour theories, as well as to assess theories of visual information reading.

References

- Agamben, G. 2018. *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniia* [The Church and the Kingdom: Towards the Theological Genealogy of the Economy and Government]. Moscow: Institut Gaidara.
- Boyer, D. 2002–2003. The Medium of Foucault in Anthropology. *Minnesota Review. New Series* 58–60: 265–272.
- Boyer, D. 2005. Welcome to the New Europe. *American Ethnologist* 32 (4): 521–523. <https://doi.org/10.1525/ae.2005.32.4.521>
- Campbell, T. 2013. Introduction. In *Biopolitics: A Reader*, edited by T. Campbell and A. Sitze, 1–40. Durham: Duke University Press.
- Dawkins, R. 1976. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.
- Esposito, R. 2008. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Finkelstein, R. 2008. *A Memetics Compendium*. Baltimore: University of Maryland.
- Fisher, M. 2009. *Capitalist Realism*. London: Zero Books.
- Foucault, M. 1976. *La volonté de savoir* [The Will to Knowledge]. Vol. 1, Histoire de la sexualité [History of Sexuality]. Paris: Éditions Gallimard.
- Foucault, M. 1996. *Volia k istine: po tu storonu vlasti, znanii i seksual'nosti* [The Will to Knowledge: Beyond Power, Knowledge and Sexuality]. Moscow: Kastal'.
- Foucault, M. 2008. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Foucault, M. 2010. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. St. Petersburg: Nauka.
- Hardt, M., and A. Negri. 2004. *Imperia* [Empire]. Moscow: Praksis.
- Hardt, M., and A. Negri. 2006. *Mnozhestvo: voina i demoktatiia v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
- McDonald, P. 2012. *The Philosophy of Humour*. Penrith: HEB.
- Metahaven. 2013. *Can Jokes Bring Down Governments: Memes, Design and Politics*. Moscow: Strelka Press.
- Mills, C. 2018. *Biopolitics*. New York: Routledge.
- Olin, L. 2016. Questions for a Theory of Humor. *Philosophy Compass* 11 (6): 338–350. <https://doi.org/10.1111/phc3.12320>

- Povinelli, E. 2016. *Geontologies: A Requiem to Late Liberalism*. Durham: Duke University Press.
- Rosenblatt, L. 1995. *Literature as Exploration*. New York: The Modern Language Association of America.
- Sahlins, M. 2002. *Waiting for Foucault, Still*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Vygotsky, L. 1999. *Myshlenie i rech'* [Thought and Language]. Moscow: Labirint.
- Wasilewska, E. 2018. Humor and Laughter. In *The International Encyclopedia of Anthropology*, edited by H. Callan, 1–7. Chichester: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1875>
- Wiggins, B. 2017. Navigating an Immersive Narratology: Fake News and the 2016 U.S. Presidential Campaign. *International Journal of E-Politics* 8 (3): 16–33. <https://doi.org/10.4018/IJEP.2017070101>
- Wiggins, B. 2019. *The Discursive Power of Memes in Digital Culture: Ideology, Semiotics, and Intertextuality*. New York: Routledge.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ В КИБЕРСПОРТЕ КАК ПРОИЗВОДСТВО ГИБРИДНОГО СУБЪЕКТА

Е.К. Соколова, С.Ю. Шевченко

Елена Константиновна Соколова | <http://orcid.org/0000-0002-4884-5446> | elena.k.sokolova@gmail.com | независимый исследователь (Москва, Россия)

Сергей Юрьевич Шевченко | <http://orcid.org/0000-0002-7935-3444> | simurg87@list.ru | к. филос. н., старший научный сотрудник | Институт философии РАН (ул. Гончарная 12 стр. 1, Москва, 109240, Россия)

Ключевые слова

киберспорт, видеоигры, навыки, технологии, цифровая антропология

Аннотация

Гипотеза о том, что технологическое развитие может опережать адаптационные возможности человека, приводит к мыслям о необходимости внедрения новых технологий, способствующих ускорению освоения новых навыков. Если речь идет о среде, где взаимодействие представлено не только человеческими, но также различными технологическими и человеко-технологическими агентами, эта проблема вызывает особый исследовательский интерес. В статье рассматривается киберспорт как часть тренда цифровизации. Предметом исследования являются практики развития навыков в киберспорте, предполагающие формирование “гибридного субъекта”, который включает в себя технологические экстенсии. На эмпирическом материале рассматривается кейс киберспортивной команды, а также примеры платформенных решений для тренировки игроков.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения: 075-15-2020-798; внутренний номер 13.1902.21.0022] (исполнитель С.Ю. Шевченко)

“Уиндустрии нервный тик, валокордин – стенокардийным”¹ – слова рэпера Охххуигоп образно, но точно описывают происходящее в современном технологическом бизнесе. Подпитываемый рынком рост ожиданий связывается с успехом внедрения новых технологий – и надежды во многих случаях не бесплодны. При этом развитие зарождающихся технологических практик зачастую не последовательно, а идеи проектов реализуются не всегда так, как это видится инициаторам. Шутки о том, что человечество могло бы строить колонии на Марсе, а вместо этого кидается виртуальными птицами

Статья поступила 03.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколова Е.К., Шевченко С.Ю. Развитие навыков в киберспорте как производство гибридного субъекта // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 61–78. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060057> EDN: MRHDKV

Sokolova, E.K., and S.Y. Shevchenko. 2022. Razvitiye navykov v kibersporte kak proizvodstvo gibridnogo sub'ekta [Development of Skills in E-Sports as the Production of a Hybrid Subject]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 61–78. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060057> EDN: MRHDKV

по виртуальным свиньям, как это было в популярной, а теперь забытой игре², содержат долю истины. Но не все так печально. При ближайшем рассмотрении за цифровыми практиками кроются также новые возможности.

В этой статье мы рассматриваем киберспорт как часть большого тренда цифровизации. Предметом исследования являются практики развития киберспортивных навыков; эти практики, как мы покажем в заключительной части статьи, предполагают формирование “гибридного субъекта”, включающего в себя технологические экстенсии, в том числе ради оценки уровня владения навыками.

Видеоигры первенствуют в мировой индустрии развлечений, по доходности опережая кино и музыку: в 2021 г., когда мы проводили наше исследование, выручка от видеоигр составила \$215,6 млрд (PwC 2022). Киберспорт давно не является нишей для гиков. Прогнозируется, что в 2022 г. выручка на этом рынке достигнет \$1,6 млрд (Statista 2021), а глобальная киберспортивная аудитория вырастет на 8,7% – до 532 млн человек, аудитория же тех, кто смотрит киберспортивный контент чаще, чем раз в месяц, составит чуть более 261 млн человек (Newzoo 2022).

На примере видеоигр можно наблюдать, как ускоренное развитие технологий апеллирует к трансформации привычного уклада, а резкие изменения, вызываемые реализовавшимися рисками техногенного характера, такими как COVID-19, только усиливают эффект основного тренда. Гипотеза о том, что технологическое развитие может опережать адаптационные возможности человека (Future Foundation 2017), приводит к мыслям о необходимости внедрения новых технологий, способствующих ускорению освоения навыков. В случае видеоигр, где взаимодействие представлено не только людьми, но и различными технологическими и человеко-технологическими агентами, эта проблема вызывает особый исследовательский интерес.

К киберспортивному полю мы пришли в ходе исследования *нейро- и биохакинга* и поиска актуальных практик. Здесь, как и в биохакинге, можно наблюдать рост массового интереса, коммерциализацию как один из важнейших драйверов развития, а также системный подход к управлению состояниями и целенаправленное формирование навыков в сложной человеко-технологической среде. Материалы статьи подкреплены эмпирически: приводятся данные интервью с профессиональными спортсменами (кейс киберспортивной команды), а также рассматриваются примеры платформенных решений для тренировки игроков.

Game это не play³

В англоязычной литературе используется термин *esports* (также *eSports*, *e-sports*), который определяется как многопользовательская видеоигра, подразумевающая участие профессиональных игроков и зрителей (*Finch et al.* 2020: clxvi). В русском языке ему соответствует устоявшийся термин *киберспорт* (главное ключевое слово для поиска основных статей по этой теме).

При пристальном рассмотрении оказывается, что киберспорт охватывает ограниченное число игр: *Dota 2*, *CounterStrike*, *League of Legends* и др. Наши информанты обращают внимание на то, что есть и другие популярные игры, по которым организуются турниры, но которые не относятся при этом к киберспорту.

Наиболее важными отличиями киберспорта (игра *game*) от видеоигр (игра *play*) являются ориентация на результат и наличие жестких правил, которые принимаются профессиональными участниками: «Тут происходит частый конфликт, потому что в команде оказывается девчонка, парень, который пришел за атмосферу, за веселье, а я говорю: “Что так показываешь? Показывай быстрее!”» (ПМА). Киберспорт – это *game*.

Можно выделить несколько видов участников: игроки или *геймеры (gamer)* – играющие в видеоигры регулярно, спортсмены-любители (*amateur eSports athlete*) – участвующие в турнирах без оплаты (либо с частичной оплатой) и *профессиональные киберспортсмены (professional eSports athlete)* – зарабатывающие игрой на жизнь (Finch et al. 2020: clxv–clxix). Можно увидеть в этой градации также ступени карьеры: любительский уровень – когда просто играют; полупрофессиональный (*полу-PRO*) уровень – когда начинают тренироваться; профессиональный (*PRO*) уровень – когда человек становится частью организации и у него появляется контракт. “Ты начинаешь становиться полупрофессионалом, когда из десяти часов времени, которые ты можешь играть, пять ты играешь, а пять тратишь на саморазвитие: смотришь демки, тренируешь реакцию, тренируешь позиции, тренируешь гранаты, тренируешь стрельбу” (ПМА).

В таком отношении прослеживается ориентация на результат и становится видна разница между *казуалами* (еще одно название просто геймеров), играющими во все подряд для развлечения, и спортсменами, которых молодые геймеры могут считать *задротами*: “Я что, киберкотлета, что ли?” (ПМА). Мотивация является одним из определяющих факторов успеха на пути к профессиональному росту. Например, есть данные о том, что мотивы соревновательности, социализации и развития навыков положительно влияют на карьеру в киберспорте (Bányai et al. 2020). Ну и, конечно же, финансовое вознаграждение играет не последнюю роль в том, что новые поколения обращаются к этому направлению: “Назовите мне профессии, где дети в 17-18 лет могут зарабатывать 5 тыс. евро зарплаты честно” (ПМА). Первоначальные входные барьеры здесь воспринимаются как низкие – “... чтобы поиграть в видеоигру, нужно просто включить компьютер”, – поэтому киберспорт выглядит особенно привлекательным (ПМА). В качестве нашумевшего международного примера, подтверждающего вышесказанное, можно привести историю Дилэйна Парнелла, афроамериканца из Детройта, который построил киберспортивный бизнес, а заодно поспособствовал развитию киберспорта в школах (Ryan, Combs 2022)⁴.

В итоге профессионалом считается тот, кто получает зарплату, имеет обязательства, команду – тот, для кого киберспорт становится работой. Тренировки могут проводиться до 5-6 дней в неделю, в них включаются: разминка (когда спортсмены разыгрываются), разбор игр (как своих, так и соперников), отработка командной тактики, индивидуальная работа с тренером. Есть формат тренировочного лагеря (*bootcamp*), когда собираются команда и тренерский штаб: участники живут некоторое время на полном пансионе, сосредотачиваясь на игре. График в это время может меняться, а к вышеперечисленным элементам тренировки зачастую добавляются физические упражнения, поскольку это также влияет на результат.

Необходимо упомянуть и термины для обозначения коллективов в киберспорте: *команда (team)* – группа игроков, выступающих по одну сторону в соревнованиях, *клан (clan)* – организованная группа игроков, регулярно играющих вместе в одной или нескольких многопользовательских играх, но сосредоточенных на конкретной игре, *лига (league)* – группа игроков или команд, соревнующихся между собой в течение определенного периода времени (напр., сезона) (Finch et al. 2020: clxv–clxx). Кроме того, есть также *штабы*, состоящие из тренеров, их помощников, аналитиков и т.п.

Ключевой рабочей единицей в киберспорте является команда. В команде может быть существенная ротация: “Опять собрали шестерых, из них уже остались двое, и трое новых, и, возможно, сейчас один останется старый и четыре будет новых”. Но один игрок в киберспорте не воин, потому что, даже если он играет хорошо, «индивидуально он и играет с “бомжами”» (ПМА). Тренировки проходят

в команде, результат достигается групповой работой. Обычно в команде есть как минимум один лидер (не обязательно капитан) – человек, который эмоционально поддерживает и *вытаскивает* остальных. Роли распределяются в зависимости от конкретной игры: например, в дисциплине *Counter Strike*, где необходимо и атаковать, и защищать точки, могут быть *снайперы*, *шпионы*, а также *опорники* – люди, которые очень хорошо обороняют позицию.

Киберспорт иногда относят к *пост-спорту*, следуя определению современного спорта (*modern sports*), введенному А. Гуттманом (Нусиуков 2014: 183). Интересно отметить, что видеоигры вообще и киберспорт в частности могут восприниматься как реальность, просто дополненная: “Сейчас новое поколение живет не в виртуальной реальности, а в альтернативной игровой реальности” (ПМА). А принимая во внимание практики профессиональных киберспортсменов, можно говорить, что киберспорт – это спорт, требующий тренировки особых навыков.

Исследования киберспорта

Изучение киберспорта следует за развитием индустрии. Так, в профильном журнале *Games and Culture* представлена статья, обобщающая исследования киберспорта в семи основных областях: бизнесе, праве, спорте (*sports science*), социологии, информатике, психологии и медиа. В числе выводов фиксируется интерес к человеческим качествам команд. В этом смысле киберспорт представлен как новая социотехническая область, направленная на понимание человеческого потенциала и связанных с ним индивидуальных когнитивных или социальных распределенных процессов, институционализированных или низовых (*grassroots*) профессиональных или любительских активностей (Reitman et al. 2020). Интересно также отметить исследования влияния COVID-19, например, статью американских ученых о вызовах и возможностях программ киберспорта в высших учебных заведениях: поскольку университеты США одними из первых перешли на онлайн-модель обучения, студенческий киберспорт не только легко приспособился к дистанционным мерам, но и укрепил свои позиции в кампусах (Cote et al. 2022).

В числе ключевых работ, посвященных социальным аспектам киберспорта, можно выделить сборник под редакцией Даль Ён Джина, рассматривающий глобальный киберспорт и трансформацию восприятия соревновательных игр, в том числе их историю и легитимизацию, бизнес и технологии, медиа и культурные аспекты киберспорта (Jin 2021), а также процитированную выше монографию Д. Финча с соавторами, системно исследующую феномен киберспорта и его влияние на бизнес и общество (Finch et al. 2020). Киберспортивным навыкам посвящен ряд свежих статей: так, в журнале *Frontiers in Psychology* (№ 12, 2021) вышла публикация о социальной поддержке и саморегуляции (см., напр.: Trotter et al. 2021), а журнал *Games and Culture* (№ 15, 2020; № 10, 2015) рассматривает в более широком контексте актуальный вопрос о том, как видеоигры формируют навыки для современной жизни (Hewett et al. 2020; Romero et al. 2015).

Русскоязычный сегмент исследований киберспорта сегодня представлен различными доменами и следует международной модели, описанной выше. Так, в электронной библиотеке “КиберЛенинка” по тегу “киберспорт” выдаются сотни статей, в которых с отрывом лидируют медиаисследования, но представлены здесь и образование, и экономика, и различные социальные науки. В частности, авторов интересуют профили игроков, их мотивация и стили игры, психофизическое состояние, есть также статьи, рассматривающие вопросы профессиональной подготовки киберспортсменов, например, публикуется информация о методиках (Талан и др. 2021) и новых профессиях (Ермаков и др. 2022).

Такое положение косвенно подтверждает актуальность киберспорта как вы-

бранного авторами данной статьи направления исследования, а также востребованность в России и в мире конкретной тематики, связанной с киберспортивными навыками. При этом для обозначения выбранного нами инструментария необходимо взять более широкую рамку и остановиться на теоретической и методологической основе, созданной за последние десятилетия социальными исследователями видеоигр.

Прежде всего в этой связи нужно упомянуть работы Т. Беллсторффа, американского антрополога, который одним из первых начал исследовать видеоигры, отмечая изменения в образе жизни современных людей, связанные с массовым использованием информационных технологий. В одной из ранних работ Т. Беллсторфф обратил внимание на то, что наша новая реальность в своей основе – про игру:

Информационная эра прямо у нас под носом превратилась в эру игр. Представляется вероятным, что игра (gaming) и связанное с ней понятие игры (play) могут стать основной метафорой ряда человеческих социальных отношений с потенциалом новых свобод и нового творчества, а также нового угнетения и неравенства <...> антропологические подходы могут внести существенный вклад в исследования игр, [подходы] достаточно гибкие, чтобы реагировать на непредвиденные, конъюнктурные и прежде всего быстро меняющиеся кибермиры, через которые все сейчас так или иначе проходят в процессе переопределения человеческого проекта (Boellstorff 2006).

В 2010 г. Т. Беллсторфф опубликовал монографию, посвященную опыту игры *Second Life*, где он как антрополог рассматривает “виртуальное человеческое” (Boellstorff 2010), а в 2012 г. издал своего рода учебник для нового поколения исследователей, где предложил этнографию как метод изучения виртуальных миров (Boellstorff et al. 2012). За более чем десять лет, прошедших с этого момента, появился обширный корпус литературы по кибер- и цифровой антропологии (в том числе методологическим аспектам); на русском языке доступен обзор современных исследований в этой области, сделанный С.В. Соколовским (Соколовский 2020).

В связи с темой статьи уместно будет также упомянуть более специализированные методы и направления. Так, развитие медиа заставляет антропологов и других социальных ученых обращаться к вопросам мультисенсорных исследований (см., напр., работы С. Пинк [Pink 2013, 2015]) и исследований тела и технологий: в 2018 г. на русском языке вышло несколько специальных выпусков в журналах “Этнографическое обозрение” (№ 6), “Антропологический форум” (№ 38), “Сибирские исторические исследования” (№ 3) с ценными подборками обзорных статей по теории и методологии антропологии и STS и материалами полевых исследований.

Настоящая работа в некоторой степени продолжает исследования Т. Беллсторффа и других ученых в области компьютерных игр и цифровой антропологии, но при этом учитывает ситуацию перехода от игры как вида досуга к игре как профессии. Мы можем быть геймерами и понимать суть игры, но при этом можем не быть киберспортсменами и не иметь непосредственного опыта профессионала высокого уровня. Можно заметить также, что позиции антропологов в отношении видеоигр могут быть разными. В то время как одни привычно идут в поле и описывают увиденное – например, вместе со своими студентами исследуют видеоигры (Snodgrass 2016), – другие кроме прочего анализируют роли, выделяя “культурных посредников, лазутчиков и защитников, даже изредка участников” и т.д. (Ramer 2020). К этому списку можно добавить “хранителей”, повторяя за Т. Беллсторффом идею о необходимости сохранять непостоянные культурные практики, в том числе виртуальные миры компьютерных игр (Smith 2021).

Как было заявлено во введении – учитывая методологические ограничения, а также существование определенного набора потенциально полезных ролей, – мы видим свою задачу в описании практик киберспорта и в анализе механизмов появления “гибридного субъекта”. Такой субъект, включающий в себя отдельного игрока или всю команду, и его/ее технологические экстензии, существует и за пределами соревновательного процесса, в том числе давая возможность оценить уровень владения игровыми навыками.

Платформенные решения для улучшения навыков в видеоиграх

Прежде чем перейти к разбору кейса киберспортивной команды, предлагает рассмотреть платформы для тренировок. Под *платформой* (*platform*) обычно подразумевается желаемый способ (в том числе устройство) игры (напр., мобильный телефон, консоль, ПК) (*Finch et al.* 2020: clxv–clxx). Наши информанты отмечают качественные изменения в сфере видеоигр с появлением современных платформ, связанных со стримингом: “Когда Twitch⁵ появился, киберспорт сразу стал огромной индустрией <...> Ты в онлайн можешь смотреть, как другие играют, без секунды задержки. Это дало огромный буст⁶, игровая индустрия начала развиваться сумасшедшими темпами” (ПМА).

Платформы, позволяющие повышать игровое мастерство, становятся еще одним шагом в развитии индустрии: они предлагают расширение функционала, дающее возможность геймерам тренироваться. Ниже будут описаны примеры таких технологических и гибридных решений – это основанные ИТ-предпринимателями с русскими корнями международные проекты *Legionfarm*, *Learn2Play (L2P)* и *GOSU.AI*. Эти проекты были выбраны в 2021 г. как иллюстрация к докладу одного из авторов данной статьи на Конгрессе антропологов и этнологов России, и за прошедший год два из них закрылись – ситуация вполне отражает послание *Oxxxumigon*, с которого мы начали разговор, и озвученный выше подход Т. Беллсторффа, призывающего антропологов фиксировать скоротечные виртуальные миры.

Начнем обзор с *Legionfarm* – платформы, которая предлагает геймерам улучшать навыки и получать удовольствие от игры с профессионалами (*PRO*): например, можно играть в *Warzone* и *Apex Legend* с ведущими игроками мира. По информации, размещенной на сайте *Legionfarm*, в настоящее время проект объединяет 60 тыс. клиентов и подписчиков и 5 тыс. профессионалов. Геймер может выбрать себе *PRO* из сотни предложений в режиме реального времени и начать играть. Платформа позволяет прокачивать навыки, изучать эксклюзивные трюки, улучшать свою статистику, объединяться с лучшими в мире игроками, заводить дружеские отношения и отлично проводить время играя. Исходя из набора игр и смещения целенаправленных тренировок с развлечениями, можно сделать вывод, что *Legionfarm* ориентирована на широкую аудиторию игроков, а не на ядро профессиональных киберспортсменов, при этом она позволяет монетизировать наработки. Отметим – и это подтверждает наше наблюдение, – что заметный акцент делается на том, что платформа позволяет найти хорошую компанию для игры: “Быть в команде, состоящей из игроков, которые всегда прикрывают вашу спину, намного лучше, чем играть с рандомами⁷”, – отмечается на сайте проекта (*Legionfarm n.d.*).

Learn2Play (L2P) (похоже, уже не существующий проект, сайты которого в данный момент не открываются) позиционировал себя как киберспортивную образовательную компанию. Более 1,5 млн подписчиков было привлечено на две платформы – *MoreMMR* и *MoreLegends*, которые использовали технологии искус-

ственного интеллекта и машинного обучения для анализа матчей и метааналитики для *Dota 2* и *League of Legends* соответственно. Платформы имели возможность создавать персонализированную образовательную траекторию для каждого пользователя, сочетая индивидуальную обратную связь после матчей, предложение тактических идей, видеоуроки *PRO*, а также внутриигровые задачи для развития игрока. *Learn2Play* проанализировали более 60 млн матчей и выпустили более 2 тыс. видеороликов (Crunchbase n.d.). Из материалов, собранных в 2021 г., на момент, когда платформы еще работали, можно сделать вывод, что игрок получал разностороннюю системную цифровую обратную связь: ему предоставлялись результаты конкретных игр, метаданные, анализ его сильных и слабых сторон и т.п., что вполне в духе подхода “аналитики себя” (*quantified self*⁸) и биохакинга. Похоже, что несмотря на массовость, проект был ориентирован в большей степени на тренировки, а основатели возлагали на него большие надежды (Артюхов 2018).

GOSU.AI, еще одна закрывшаяся платформа, официально сообщает о прекращении работы на своем сайте. Идея проекта состояла в создании виртуального голосового помощника для таких киберспортивных игр, как *Dota 2*. Платформа анализировала матчи и давала персональные рекомендации игрокам, позволяющие улучшить навыки в игре. *GOSU.AI* анализировала действия каждого игрока вплоть до движения его мыши, чтобы предоставить ему прямые рекомендации, в то время как другие платформы собирали “сырую” статистику и находили слабые места игрока в сравнении с другими игроками – и в этом было главное отличие *GOSU.AI* от конкурентов. Таким образом, по опыту взаимодействия *GOSU.AI* больше похожа на виртуального помощника, чем на учебную платформу (TechCrunch 2018); можно посмотреть записи, дающие представление о том, как работала платформа (YouLost Gaming 2021).

В рассмотренных проектах используются разные способы организации развития навыков – от социального взаимодействия в случае с *Legionfarm* до “аналитики себя” и игры против обобщенного другого в *Learn2Play* и голосового персонального помощника в *GOSU.AI*. Несмотря на закрытие двух платформ, кажется, что это интересные эксперименты, результаты которых могут быть использованы в других сферах, например, в персонализированном образовании. При этом профессионалы киберспорта могут относиться к подобным платформенным решениям достаточно скептически, считая их “обещанием светлого будущего казуалам”, в то время как создатели не несут никакой ответственности за конечный результат (ПИМА).

Подход к развитию навыков на примере кейса киберспортивной команды

Киберспорт со стороны тех, кто занимается организацией профессиональных команд, это одновременно и спорт, и бизнес. Менеджеры, работающие в этой сфере, понимают все нюансы деятельности, поскольку многие на заре своей карьеры прошли путь от рядового геймера до киберспортсмена мирового уровня. Прошлые достижения служат основой для новых спортивных побед и поддерживают стремление развивать тему киберспорта всеми доступными способами. Кроме того, на уровне организации работы команды есть ряд факторов, которые заставляют всех участников постоянно думать о материальной стороне, что еще больше нацеливает на результат. Контракты со спонсорами – это прежде всего возможность обеспечить тренировки и организовать буткэмп, а также платить игрокам, тренерам и штабу. Культура *мерча*⁹ в России нет, поэтому приходится рассчитывать на призы и спонсорские контракты. В ситуации, когда, в отличие от обычных видеоигр, в киберспорте нельзя повлиять на результат, купив что-то не-

посредственно в игре, развитие навыков команды становится важнейшей целью: "...киберспорт – это история про чистый навык" (ПИМА).

По мнению наших информантов, в киберспорте 40% успеха обеспечивают игровые навыки, которые спортсмены тренируют, а 60% психофизическое состояние, где 20% – это "физика", а 40% – это "эмоции" и "психология": "...когда хорошее настроение, когда ты уверен в себе, у тебя четче движения, нет лишних движений, суеты <...> весь этот наигранный опыт круто реализуется из состояния уверенности и покоя" (ПИМА). В этой связи можно выделить параметры, наиболее важные для целей нашего анализа: работа со сложностью и работа с психофизическим состоянием.

Сложность игр в киберспорте со временем только растет, и это приводит к тому, что нужно осваивать значительный объем теоретических знаний, прежде чем тренировать навыки, доводя их до автоматизма не только на персональном уровне, но и на командном: "Взять *Dota*, сейчас в ней *PRO* единицы людей в СНГ <...> Когда она вышла, было 20 героев, насколько я помню, с четырьмя скиллами, а сейчас это 130 героев, у каждого по десять скиллов, раньше было шмоток 20, а теперь шмоток 200, они все между собой имеют связи" (ПИМА). Тренировки, направленные на эффективную работу в условиях сложности игры, составляют основной костяк тренировочного процесса, который включает и разборы игр, и тактику. Именно сложностью объясняется необходимость насыщенного, жесткого графика. Поскольку растет барьер входа для профессиональных спортсменов, их число снижается, тогда как сегмент *полу-PRO* становится больше.

Если говорить о психофизическом состоянии, обнаруживается некоторое пересечение с традиционным спортом. Например, это касается отбора в команду: и там и там учитываются возраст и индивидуальные способности претендентов. Сегодня считается, что пик формы игрока приходится на 22–27 лет, причем верхняя граница постепенно движется вниз; "жизненный цикл" спортсмена определяется как короткий. В том, что касается индивидуальных характеристик, обращается внимание на мотивацию и ответственность, возможное соответствие той или иной роли в команде (напр., какой тип, какая энергия, как может управлять собой), на игровые навыки (собственно, насколько хорошо человек играет). Также речь идет о привнесении из привычного профессионального спорта таких моментов, как отработка конкретных телесных навыков до автоматизма (то самое *задротство* в киберспорте), особенное питание во время подготовки и выступлений, работа с состояниями. Так, необходимость фиксации состояния победы, чтобы уметь возвращать себя в него на уровне физических ощущений, подчеркивалась схожим образом и в киберспорте, и в традиционных дисциплинах, таких как прыжки с шестом: "...остановитесь радоваться <...> почувствуете, запомните это ощущение в голове, в шее, в руках, в ногах". Хотелось бы отметить интерес к использованию аналитики и системной обратной связи, а также к целостному индивидуальному управлению психофизическим состоянием: "PRO – это тот, кто будет уметь управлять своим телом", "Поток – это скилл¹⁰" (ПИМА).

Переходя непосредственно к теме тренировок, можно сказать, что это развивающаяся практика. Во времена, когда у команд были скорее координаторы, а не тренеры, разборам игр уделялось гораздо меньше внимания. Сегодня появляются новшества, которые касаются как программных решений, так и оборудования; у команд есть доступ к аналитике (включая разбор игр и глубокую статистику по всем игрокам – кто как двигается, стреляет и т.п.). Есть также программы, связанные с конкретной игрой и внутриигровой оптимизацией: "...софты, которые тебе планируют гранаты, ты им показываешь точку, куда тебе нужно, чтобы она приземлилась, а система тебе показывает, откуда ее можно кинуть" (ПИМА). Большие надежды возлагаются на так наз. обвес: разного рода датчики – от приборов

измерения пульса и движения глаз до нейроинтерфейсов. Программы учатся считывать сигналы с любого доступного оборудования – от клавиатуры и камеры, которая есть практически у каждого, до самых разных дополнительных устройств. Чем больше сигналов, тем точнее можно строить модели и оптимизировать как индивидуальную игру, так и командное взаимодействие. Еще одним интересным моментом является расширение все большего количества опыта на аудиторию зрителей. Пока мы имеем в виду стриминг и чаты, но речь может идти и о некотором мультисенсорном опыте, о котором на практике пока говорить рано, но которого многие ждут: киберспорт – это в том числе индустрия развлечений.

Формально тренировки можно разделить на индивидуальные и командные, но зачастую они перекрываются. Так, прокачка “механики” подразумевает отработку техник движения и отдельным игроком, и всей командой, когда приходится работать “как в синхронном плавании”. Интересно отметить командные ритуалы, например, когда начинается тренировка, есть установка, что всем нужно подойти и встать в определенные точки – *раскинуть*. Кроме игровых моментов внимание уделяется командной коммуникации, работе с эмоциями и физическим состоянием. В настоящее время речь идет скорее о заимствованиях из спорта и некоторых личных профессиональных наработках, *лайфхаках* – работе с питанием, с дыханием, но в перспективе интересны системные практики, внешне напоминающие биохакинг – исследование состояний и возможностей психофизических систем организма и их оптимизация.

Тренер занят постоянным конструированием команды как коллективного гибридного субъекта. По словам наших информантов, у каждого тренера могут быть свои подходы и видения, но его функцию нельзя заменить машиной. Говорится о пользе технологической обратной связи, отмечается рост использования аналитики, но есть уверенность в том, что для профессиональных спортсменов нужен тренер. Тренер видит, как наиболее эффективно использовать особенности членов команды в общей игре, “как видеть точки напряжения людей, работать с ними и куда смотреть”, чтобы максимизировать воздействие. Здесь также важны доверие и навыки коммуникации. Таким образом, можно выделить три ключевых направления взаимодействия в команде и взаимного роста: игрок–технологии, игрок–тренер, игрок–игрок.

Взаимодействие тела и технологий в киберспорте

На семинаре, который мы проводили по теме киберспорта в Институте философии РАН в 2021 г., были затронуты вопросы специфического взаимодействия тела игрока и оборудования, которое используется во время игры. Поскольку этот материал на конкретных примерах разворачивает описание опыта, а зачастую и содержание того или иного навыка, нам показалось полезным привести его ниже.

Игрок и свитчи. Первый вопрос касался того, как техническая составляющая определяет ощущения тела игрока: влияет ли, например, время отклика мыши на то, как человек “переживает себя”. Из ответов киберспортсменов можно сделать интересный вывод. Похоже, что потребность игроков в скорости, качестве, удобстве развивает специальную индустрию, которая производит и продает качественное оборудование по премиальной цене. Профессиональные киберспортсмены приобретают лучшее, дорогостоящее оснащение, специально предназначенное для киберспорта: клавиатуры, мыши, наушники, экраны с высоким разрешением, мощные процессоры. Но профессионалам важен и высокий уровень взаимодействия в команде – эти навыки отрабатываются до автоматизма. Можно отметить случаи кастомизации узкоспециальных паттернов (на примере *свитчей*¹¹) – линейных и тактильных. Некоторым игрокам важно, чтобы при нажатии на кноп-

ку не было отклика, потому что “пульт управления” для них визуальный, это аватар, и он находится на экране, соответственно, фокус внимания направлен на движение на экране. Некоторым, напротив, нужно, чтобы кнопка шелкала, потому что это тактильное подтверждение того, что действие совершено. Пытаюсь совершенствовать технологии, над этим и подобными моментами работают не только производители, но и сами игроки, настраивающие и модернизирующие под себя существующие модели.

Телесно интегрированная клавиатура. Во время игры визуальный фокус игрока на 100% сосредоточен на объектах на мониторе: например, если речь идет о стрельбе – то на прицеле, если об управлении виртуальными войсками – то на карте, по которой идет перемещение армейских подразделений. Тогда как использование клавиатуры – уже сформировавшийся навык, аналогичный навыку вождения машины: начинающие игроки прилагают усилия, чтобы правильно нажимать на клавиши и управлять своим аватаром в виртуальном пространстве, но сознательный процесс управления клавиатурой (как и мышкой) через некоторое время становится бессознательным. “Мы уже не задумываемся, не фокусируем наше внимание на то, что мы нажимаем <...> наши пальцы уже помнят это” (ПМА).

Связь тела игрока с телом аватара. Эта связь была раскрыта при обсуждении вопроса: нужно ли учить человека, сидящего за компьютером, не уклоняться от летящих на экране гранат? Киберспортсмены отметили, что, во-первых, проблема имеет место: на самом деле может быть телесная реакция игрока в ответ на виртуальное действие, например, когда в аватара попадают, поскольку игрок “сживается” с аватаром (особенно если в игре последний представлен видом от первого лица). Во-вторых, что это скорее проблема казуалов, играющих в обычные игры, тогда как профессионалы проходили одни и те же ситуации множество раз и за счет этого довели свою реакцию до автоматизма, “раздружив” реальное тело с аватаром. В ходе обсуждения было высказано сомнение, что отношение между телом и аватаром выстраивается линейно, и это связано с образом тела, которое может восприниматься физическим с четкими границами, тогда как на самом деле оно распределенное, поскольку часть игрока (его эмоции) находится в виртуальном пространстве игры. Решение, которое необходимо принять: как именно настраивать свои телесные “датчики”. Негативно может сказаться не только избыток, но и недостаток телесной реакции – ее непропорциональность/отсутствие, когда игроки испытывают сильные эмоции, но, в отличие от спортсменов других видов спорта (напр., футбола), не могут их выразить.

Также была затронута концепция “жизни” в играх. На старте у аватара есть 100% “жизни” или “здоровья”, которые в процессе игры в определенные моменты могут сокращаться (напр., “ранили”), и в эти моменты может меняться стиль игры, потому что от того, сколько сил осталось у героя, зависят риски, которые игрок может на себя взять. Поскольку это командная игра, здесь можно договариваться с другими членами группы о том, чтобы кто-то действовал более пассивно, или “сыграть на размен” (речь идет о том, что, например, одного игрока команды, у которого мало здоровья, убивают, но благодаря этому противник становится виден на карте, и другой игрок убивает его). В этом есть момент жертвенности, и некоторые профессиональные или полупрофессиональные игроки так не делают – они боятся “умереть”, поэтому тренеры учат: “Ребята, для нас это должны быть единицы с нулями. Задача – выиграть раунд”.

Стресс и особенности среды. На первый взгляд среда в киберспорте может показаться более контролируемой по сравнению с традиционным спортом, но это не совсем так. Когда на международных турнирах игроки из СНГ, привыкшие к “домашним” площадкам в тысячу человек, выходят на 15-тысячный скандирующий стадион, который болеет не за них, или когда в ангаре не справляется

кондиционер и приходится играть при +32, им может быть некомфортно. Можно оказаться не в лучших условиях, когда качество интернет-соединения, так наз. пинг, разный у разных игроков, и это может повлиять на позицию. Но речь идет не только о стадионах. Для молодых игроков непредсказуемым внешним фактором могут быть собственные родители (напр., игрок стримит, у него важная игра, а мама зовет его есть). Предлагаемое решение заключается не столько в ограничении влияния внешних факторов, сколько в необходимости научить игрока управлять эмоциями, помогать ему входить в правильное психофизическое состояние, чтобы он показывал свою лучшую игру и свои лучшие навыки в самых разных обстоятельствах.

Киберпространство без киборгов

Отталкиваясь от описанных практик, мы задались вопросом, каким образом киберантропология мыслит и может помыслить участников киберспортивных соревнований со всеми их технологическими экстенсиями. У Л. Сачмен (*Сачмен* 2019) человек и машина плохо понимают друг друга, тогда как в киберспорте может возникнуть ситуация, когда машина в определенных аспектах может понимать человека в среде лучше, чем он сам. Важно, как именно расширен агент: он погружен в смешанную или дополненную реальность и в этом смысле уже введен в действие, но он не просто расширен (как гонщик или наездник) и не в привычном смысле воплощен. Агент расширен тем, что выполняет функцию направленного управления, т.е. находится в самом центре агентности, как ее понимают в этике и эпистемологии.

Источником вдохновения для многих исследователей, занятых развитием киберантропологии, являются тексты, повествующие о киборгизации или гибридации человека и машины. “Манифест киборгов” Д. Харауэй (*Haraway* 2006) обращен в будущее, в котором размывание границ между людьми и техникой, природой и культурой, гендером и полом заканчивается полной их неразличимостью. “Нового времени не было” Б. Латура, наоборот, повествует о прошлом, в котором природа и культура существовали в гибридизированной форме (*Латур* 2006). Лишь затем, через практику “очистения” – как концептуального (у “нововременных мыслителей”), так и физического (напр., у Пастера), – природному и культурному удалось осуществиться как двум отдельным сферам (Там же). Благодаря этим влияниям киберэтнография стала мыслиться не просто как изучение интернет-сообществ, но как “методологический киборг”, одновременно изучающий онлайн- и офлайн-ситуации (*Teli et al.* 2007).

Такое понимание смысла гуманитарных дисциплин, имеющих корень “кибер-” в названии, не было ни единственным, ни, возможно, доминирующим. Однако довольно общим местом стало выделение киберпространства как особого пласта реальности, либо существующего самостоятельно, либо являющегося репрезентацией мира привычных (офлайн) социальных практик (*Соколовский* 2020). Само киберпространство чаще всего определяется через оппозицию офлайн-реальности (*Teli et al.* 2007), а также через содержательную независимость от нее (*Beseda* 2012). Однако если остановиться на таком понимании, то не ясно, в каком смысле изучаемыми акторами становятся именно киборги, а не просто цифровые объекты и процессы. Эти объекты и процессы определенным образом связаны с людьми, обладающими телами и культурной идентичностью, но сама эта связь оказывается вне проблемного поля киберантропологии, понимаемой только как антропология киберпространства. В дисциплинарном отношении “киборг” очищен до цифрового и в определенном смысле лишен самостоятельной агентности.

Можно признать влияние акул, атакующих трансатлантические оптоволоконные кабели, на стабильность и скорость интернет-соединения, а значит, и на киберпространство, и на происходящие в нем события. Но при этом поведение акул не является объектом изучения киберантропологии. Представляется, что интерес этой дисциплины к человеко-машинным гибридам и к акулам должен различаться и не столько потому, что в первом случае речь идет о человеческой агентности, а во втором – нет. Разница заключается в типе функциональной связи с киберпространством тех действий, которые совершаются человеческими и акулькими телами. Первые оказываются частью практик, в которые вовлечены киборги, вторые – нет.

Киберантропология ориентирована в основном на описание нормативности киберспорта и специфики соревнующихся субъектов, т.е. дисциплинарная специфика киберантропологии может быть определена через уникальные черты киборгов. В данной статье мы предлагаем способ, каким киборги могут быть помещены в фокус исследовательской оптики. Этот способ во многом напоминает подход А. Макинтайра к концептуализации человека гомеровской или классической Греции через изучение способов оправдания (обоснования правильности) поступков и практик в соответствующем сообществе (Макинтайр 2022). А. Макинтайр делает акцент на том, что любая система норм – моральных, судебных (правовых) или соревновательных – апеллирует к галерее идеальных образов человека, создаваемой и признаваемой членами некоторой культурной общности. Сходное понимание природы действующих агентов позволяет переходить от “есть” к “должен” как самим членам сообщества, так и его социальным исследователям (Там же: 86). Под “человеком” в классической Греции понимается “хороший человек”, так же как под “игроком на флейте” – “хороший игрок на флейте”. Такое понимание напрямую связано с так наз. соревновательными (агонистическими) добродетелями – теми совершенствами тела и ума, которые можно продемонстрировать в спортивном состязании или дискуссии. Для того чтобы наличие у индивида таких добродетелей было признано другими членами сообщества, последним достаточно оценить его действия и вовсе не обязательно рассматривать мотивы (Там же: 159–160). То есть для признания соревновательных добродетелей достаточно победы в соревновании при соблюдении правил. Таким образом, понимание того, что можно, а чего нельзя делать в честном состязании, оказывается напрямую связано с концептуализацией природы соревнующихся субъектов. Если мы применим эту простую формулу к выяснению того, как природа киборгов понимается сообществом подвергающихся киборгизации индивидов, то нормативность киберспорта становится интересным объектом исследования. Под нормативностью мы будем понимать “внешние” правила состязаний, несоблюдение которых воспринимается как обман, *читерство*, сходное с употреблением допинга обычными спортсменами или с мошенничеством с экипировкой. Эти правила отличаются от “внутренних” правил действия в виртуальном пространстве, отступление от которых трактуется как ошибка, сходная с попаданием в офсайд в футболе. Несоблюдение “внешних” правил ведет к исключению из игрового взаимодействия, несоблюдение “внутренних” – препятствует победе. Иными словами, мы исследуем не то, во что играют киберспортсмены, а то, как они видят участников честной игры.

Избранная нами постановка вопроса при исследовании киберспорта вполне попадает в русло социологии спорта. При этом она позволяет выпукло обозначить главную особенность киберспорта: соревнующимися субъектами здесь выступают киборги. Они не просто люди, состязающиеся в киберпространстве, и не просто поклонники новых технических видов спорта, пересевшие от штурвала гоночного болида к компьютерному монитору. Они киборги, поскольку их тренером в значительном числе случаев может выступать компьютер с подключенным

к нему “обвесом”. Именно эти цифровые устройства оценивают агонистические совершенства игроков (соревновательные добродетели).

Киберспорт как производство гибридного субъекта. Классические социологические и антропологические исследования спорта также стремятся ставить общие вопросы, до некоторой степени сходные с проблематикой данной статьи. Расцвет спорта в протестантских странах иногда рассматривается в веберовском ключе как важный маркер эволюции социальных структур и норм в соответствующих обществах (Guttman 1978: 147). В контексте репрезентации тела спортсмена изучаются технологии, производящие это тело. Иногда такие аппараты рассматриваются как элементы или материальные воплощения дисциплинарных институтов, которые заняты конструированием индивидов (Гебауэр 2013: 100). Наконец, исследования видеоигр, требующих от участника совершения “неэтичных действий” в виртуальном пространстве, проблематизируют отношения между “внутренними” правилами игры и общественной моралью (Mortensen et al. 2015).

Производство субъекта киберспорта может по двум причинам рассматриваться как феномен своеобразного нейрохакинга. Во-первых, нейрохакинг выступает легитимным способом такого производства, он не приводит к исключению из игры, как допинг или мошенничество с экипировкой. Во-вторых, интерфейсы оказываются не просто средствами конструирования киберспортсмена, они производят его как прозрачного для самого себя агента. То есть они дают оценку соревновательным навыкам спортсмена так же (или даже лучше), как это делает тренер в обычном спорте.

Обе части гипотезы связаны с проблемой границ субъектов киберспорта, с тем, что они включают технические устройства за пределами биологического тела спортсменов. Лучше всего нормативное понимание такой границы, свойственное конкретному спортивному сообществу, видно как раз по критериям исключения из игры, по концептуализации “внешних” правил. Например, гонки Формулы 1 предполагают награждение не только лучших пилотов, но и вручение Кубка конструкторов. Предполагается, что выходящие на трассу болиды не только не одинаковы, но сравнение их конструктивного совершенства является одной из целей гонки. Болиды включены в состязательное пространство как агенты соревнования, но при этом нормативно не слиты с пилотами в единый агент: оценки агонистического совершенства гонщиков и автомобилей связаны, но полностью не объединены. Пятиборка из Германии Аннита Шлеу лидировала после двух элементов программы, но на конуре (соревновании по выездке) ей досталась лошадь, отказавшаяся выполнять команды, что послужило легитимным обоснованием ее проигрыша. То есть лошади (ее характеру и иным свойствам) не приписывается нормативной агентности в том смысле, в каком эта агентность отсутствует у лужи на футбольном поле или у внезапного порыва ветра при стрельбе из лука – они не играют роли при оценке агонистических совершенств соревнующихся субъектов. Чаще всего вопрос о границах участников состязания возникает вокруг технологических артефактов. Например, именно вокруг этого строится дискуссия об использовании гидрокостюмов в соревнованиях по плаванию. Противники их применения стремятся нормативно исключить из спорта элемент технологического соревнования, в котором видят “новую форму допинга”.

* * *

“Новый дивный мир” уже с нами, пусть выглядит это не обязательно так, как планировали визионеры: внедрение прорывных технологий может происходить в сегментах, кажущихся некоторым из нас вторичными. Новые направления мо-

гут оказываться массовыми благодаря связи с бизнесом, но в них также много энтузиастов, что способствует постоянному поиску и интеграции; в итоге, мы можем наблюдать становящиеся вещи, которые приходят и уходят, но двигают мир вперед. Так, на примере поля киберспорта можно видеть, как происходит поиск моделей развития навыков в человеко-технологической среде, действительно показывая широту возможностей для выбора: между аудио, визуальными или тактильными ощущениями, человеком или искусственным интеллектом, глубоким исследованием собственного опыта или сравнением его с опытом миллионов игр, сыгранных другими.

Казус киберспорта, с нашей точки зрения, представляет собой интересную распаковку понятия “навык” в поле, границы которого можно обозначить через указание на “практики себя”, возникновение коллективного (и/или гибридного) субъекта, нейрохакинг, платформенную индустрию. Навык всегда многосоставен, его формирование и проявление требует включения больших ансамблей не-человеческих и человеческих агентов – от тренера до компьютерной мыши и интернет-провайдера. Поэтому яснее всего владение навыком раскрывается через симметричные отношения конкуренции или состязания. Аналитика навыка, его разложение на составляющие обычно осуществляются ради его тренировки. Последнее в значительной степени верно для многих человеческих практик, а не только для спорта высших достижений и киберспорта. Гибридные субъекты возникают как измеренные и оцифрованные также в целях таргетирования тренировочного процесса. Тем самым киберспорт оказывается уже не просто практикой, благодаря которой разные субъекты сравнивают владение навыками, но и подходом к аналитике навыка – подходом, неотделимым от возникновения гибридного субъекта.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ, проект “Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход” [№ соглашения: 075-15-2020-798; внутренний номер 13.1902.21.0022].

Примечания

¹ Oxxxumiron. “Город под подошвой”, 2015.

² Речь про игру “Angry Birds”.

³ Оба слова переводятся с английского как “игра”.

⁴ Киберспортивная платформа Парнелла существует до сих пор: <https://www.playvs.com>, а предисловие к книге написал известный американский рэпер Шон Комбс, известный как Diddy.

⁵ Twitch – видеостриминговый сервис, специализирующийся на тематике компьютерных игр, в том числе трансляциях геймплея и киберспортивных турниров. Видео на платформе Twitch можно просматривать как в реальном времени, так и по запросу. <https://www.twitch.tv>

⁶ От англ. *boost* – ускорение.

⁷ От англ. *random* – случайный игрок.

⁸ Оцифровка и сбор различных количественных данных, аналитика себя.

⁹ Предметы с символикой команды, от англ. *merchandize* – их продажа может приносить существенную выручку, если говорить о профессиональном спорте.

¹⁰ От англ. *skill* – навык.

¹¹ От англ. *switch* – переключатель.

Источники и материалы

- Артюхов* 2018 – *Артюхов Д.* Образовательный проект по Dota: от провала идеи до выхода на международный рынок // CYBERSPORT.RU. 21.03.2018. <https://www.cybersport.ru/blog/dota-2/300314>
- ПМА – Полевые материалы авторов. Интервью и семинар, 2021 г. Материалы анонимизированы по этическим соображениям.
- Crunchbase n.d. – L2PLimited. Crunchbase Company Profile & Funding // Crunchbase. <https://www.crunchbase.com/organization/l2p-limited>
- Future Foundation 2017 – Нейротехнологии: возможности и опасности. Какой мир мы создаем? // Future Foundation. 17.06.2017. <https://youtu.be/4HEw4FtCNd8>
- Legionfarm n.d. – Legionfarm. <https://legionfarm.com>
- Newzoo 2022 – Newzoo Global Esports & Live Streaming Market Report. Free Version // Newzoo. 19.04.2022. <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoo-global-esports-live-streaming-market-report-2022-free-version>
- PwC 2022 – Global Entertainment & Media Revenues Surge to \$2.3 Trillion // PwC. 20.06.2022. <https://www.pwc.com/gx/en/news-room/press-releases/2022/global-entertainment-and-media-outlook-2022-2026.html>
- Ramer* 2020 – *Ramer A.* Esports and the Built Environment: Where the Digital Meets Reality // NAPA. 03.03.2020. <https://practicingsanthropology.org/blog/guest-blog/esports-and-the-built-environment>
- Smith* 2021 – *Smith G.* Anthropology: The Ethnographic Study of Virtual Worlds and Online Culture // Yoair Blog. 24.05.2021. <https://www.yoair.com/blog/anthropology-the-ethnographic-study-of-virtual-worlds-and-online-culture>
- Statista 2021 – eSports Worldwide. Statista Market Forecast // Statista. 12. 2021. <https://www.statista.com/outlook/amo/esports/worldwide>
- TechCrunch 2018 – AI game trainer Gosu.ai raises \$1.9M to give gamers a virtual assistant // TechCrunch. 22.03.2018. <https://social.techcrunch.com/2018/03/21/ai-game-trainer-gosu-ai-raises-1-9m-to-give-gamers-a-virtual-assistant>
- YouLost Gaming 2021 – First Time using GOSU AI Assistant // YouLost Gaming. 04.02.2021. <https://youtu.be/qyg8HNvF3Ds>

Научная литература

- Гебауэр Г.* Тело, созданное аппаратом, и аппарат, создающий тело // Логос. 2013. № 5 (95). С. 97–107.
- Ермаков А.В., Скаржинская Е.Н., Новоселов М.А.* Цифровая трансформация профессий в отрасли “Физическая культура и спорт” // Теория и практика физической культуры. 2022. № 3. С. 6–8.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.
- Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2022.
- Нишуков В.* Понятие спорта // Логос. 2014. № 3 (99). С. 181–190.
- Сачмен Л.* Реконфигурации отношений человек-машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы, 2019.
- Соколовский С.В.* Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150008752-7>
- Талан А.С., Новосёлов М.А., Сложеникин А.К.* Развитие быстроты сложной реакции в киберспорте // Теория и практика физической культуры. 2021. № 4. С. 43.
- Bányai F. et al.* Career as a Professional Gamer: Gaming Motives as Predictors of

- Career Plans to Become a Professional Esport Player // *Frontiers in Psychology*. 2020. No. 11: 1866. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01866>
- Beseda J.* Cyberanthropology: Novel Methodological and Theoretical Challenges for Anthropology of New Worlds // *Non-human in Anthropology: An Interdisciplinary Perspective* / Ed. P. Gibas, K. Pauknerová, M. Stella. Mevart, 2011. P. 257–269.
- Boellstorff T.* A Ludicrous Discipline? Ethnography and Game Studies // *Games and Culture*. 2006. No. 1 (1). P. 29–35. <https://doi.org/10.1177/1555412005281620>
- Boellstorff T.* *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
- Boellstorff T. et al.* *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Cote A. et al.* The COVID Season: U.S. Collegiate Esports Programs' Material Challenges and Opportunities During the 2020–21 Pandemic // *Games and Culture*. 26.04.2022. <https://doi.org/10.1177/15554120221088116>
- Finch D. et al.* *Implications and Impacts of eSports on Business and Society: Emerging Research and Opportunities*. Hershey: IGI Global, 2020.
- Guttmann A.* *From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports*. N.Y.: Columbia University Press, 1978.
- Haraway D.* A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late 20th Century // *The International Handbook of Virtual Learning Environments*. Dordrecht: Springer, 2006. P. 117–158.
- Hewett K., Pletcher B., Zeng G.* The 21st-Century Classroom Gamer // *Games and Culture*. 2020. No. 15 (2). P. 198–223. <https://doi.org/10.1177/1555412018762168>
- Jin D.* (ed.) *Global esports: Transformation of Cultural Perceptions of Competitive Gaming*. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021.
- Mortensen E., Linderoth J., Brown A.* (ed.) *The Dark Side of Game Play: Controversial Issues in Playful Environments*. N.Y.: Routledge, 2015.
- Pink S.* *Doing Visual Ethnography*. Los Angeles: SAGE, 2013.
- Pink S.* *Doing Sensory Ethnography*. L.: SAGE, 2015.
- Reitman J. et al.* Esports Research: A Literature Review // *Games and Culture*. 2020. No. 15 (1). P. 32–50. <https://doi.org/10.1177/1555412019840892>
- Romero M., Usart M., Ott M.* Can Serious Games Contribute to Developing and Sustaining 21st Century Skills? // *Games and Culture*. 2015. No. 10 (2). P. 148–177. <https://doi.org/10.1177/1555412014548919>
- Ryan K., Combs S.* *Ahead of the Game: The Unlikely Rise of a Detroit Kid Who Forever Changed the Esports Industry*. N.Y.: HarperCollins Leadership, 2022.
- Snodgrass J.* Online Virtual Worlds as Anthropological Field Sites: Ethnographic Methods Training via Collaborative Research of Internet Gaming Cultures // *Annals of Anthropological Practice*. 2016. No. 40(2). P. 134–147. <https://doi.org/10.1111/napa.12097>
- Teli M., Pisanu F., Hakken D.* The Internet as a Library-Of-People: For a Cyberethnography of Online Groups // *Forum: Qualitative Social Research*. 2007. No. 8 (3). <https://doi.org/10.17169/fqs-8.3.283>
- Trotter M. et al.* Social Support, Self-Regulation, and Psychological Skill Use in E-Athletes // *Frontiers in Psychology*. 2021. No. 12: 722030. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.722030>

Research Article

Sokolova, E.K., and S.Y. Shevchenko. Razvitie navykov v kibersporte kak proizvodstvo gibridnogo sub'ekta [Development of Skills in E-Sports as the Production of a Hybrid Subject]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 61–78. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060057> EDN: MRHDKV ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Elena Sokolova | <http://orcid.org/0000-0002-4884-5446> | elena.k.sokolova@gmail.com | Independent Researcher (Moscow, Russia)

Sergei Shevchenko | <http://orcid.org/0000-0002-7935-3444> | simurg87@list.ru | Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russia)

Keywords

eSports, video games, skills, technology, digital anthropology

Abstract

The hypothesis that technological development can get ahead of human adaptive capabilities suggests an urgent need for introduction of new technologies that accelerate development of new skills. In an environment where interaction is represented not only by people, but also by technological agents and various human-technological combinations, this problem is of particular research interest. The article explores eSports, which is currently an important part of the pervasive digitalization trend and focuses on the practice of developing skills in eSports, which involves formation of a “hybrid subject” including technological extensions. Based on empirical materials, it considers a case of a professional eSports and examples of platform solutions for training gamers.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [project number 075-15-2020-798; registration number 13.1902.21.0022] (recipient S.Y. Shevchenko)

References

- Bányai, F., et al. 2020. Career as a Professional Gamer: Gaming Motives as Predictors of Career Plans to Become a Professional Esport Player. *Frontiers in Psychology* 11: 1866. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01866>
- Beseda, J. 2011. Cyberanthropology: Novel Methodological and Theoretical Challenges for Anthropology of New Worlds. In *Non-Human in Anthropology: An Interdisciplinary Perspective*, edited by P. Gibas, K. Pauknerová, and M. Stella, 257–269. Mevart.
- Boellstorff, T. 2006. A Ludicrous Discipline? Ethnography and Game Studies. *Games and Culture* 1 (1): P. 29–35. <https://doi.org/10.1177/1555412005281620>
- Boellstorff, T. 2010. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press.
- Boellstorff, T., et al. 2012. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton: Princeton University Press.
- Cote, A., et al. 2022. The COVID Season: U.S. Collegiate Esports Programs’ Material Challenges and Opportunities During the 2020–21 Pandemic. *Games and Culture* 26.04.2022. <https://doi.org/10.1177/15554120221088116>
- Ermakov, A., E. Skarzhinskaya, and M. Novoselov. 2022. Tsifrovaia transformatsiia professii v otrasli “Fizicheskaiia kul’tura i sport” [Digital Transformation of Professions in the Industry “Physical Culture and Sports”]. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul’tury* 3: 6–8.
- Finch, D., et al. 2020. *Implications and Impacts of eSports on Business and Society: Emerging Research and Opportunities*. Hershey: IGI Global.
- Gebauer, G. 2013. Telo, sozdannoe apparatom, i apparat, sozdaiushchii telo [The Body

- Created by the Apparatus and the Apparatus that Creates the Body]. *Logos* 5 (95): 97–107.
- Guttman, A. 1978. *From Ritual to Record. The Nature of Modern Sports*. New York: Columbia University Press.
- Haraway, D. 2006. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late 20th Century. In *The International Handbook of Virtual Learning Environments*, 117–158. Dordrecht: Springer.
- Hewett, K., B. Pletcher, and G. Zeng. 2020. The 21st-Century Classroom Gamer. *Games and Culture* 15 (2): 198–223. <https://doi.org/10.1177/1555412018762168>
- Jin, D., ed. 2021. *Global esports: Transformation of Cultural Perceptions of Competitive Gaming*. New York: Bloomsbury Academic.
- Latour, B. 2006. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [There Was No New Time: Essay on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- MacIntyre A. 2022. *Posle dobrodeteli: issledovaniia teorii morali* [After Virtue: A Study in Moral Theory]. Moscow: Kanon+.
- Mortensen, E., J. Linderoth, and A. Brown, eds. 2015. *The Dark Side of Game Play: Controversial Issues in Playful Environments*. New York: Routledge.
- Nishukov, V. 2014. Poniatie sporta [Conception of Sport]. *Logos* 3 (99): 181–190.
- Pink, S. 2013. *Doing Visual Ethnography*. Los Angeles: SAGE.
- Pink, S. 2015. *Doing Sensory Ethnography*. London: SAGE.
- Reitman, J., et al. 2020. Esports Research: A Literature Review. *Games and Culture* 15 (1): 32–50. <https://doi.org/10.1177/1555412019840892>
- Romero, M., M. Usart, and M. Ott. 2015. Can Serious Games Contribute to Developing and Sustaining 21st Century Skills? *Games and Culture* 10 (2): 148–177. <https://doi.org/10.1177/1555412014548919>
- Ryan, K., and S. Combs. 2022. *Ahead of the Game: The Unlikely Rise of a Detroit Kid Who Forever Changed the Esports Industry*. New York: HarperCollins Leadership.
- Sachmen, L. 2019. *Rekonfiguratsii otnoshenii chelovek-mashina: plany i situativnye deistviia* [Reconfiguration of Human-Machine Relations: Plans and Situational Actions]. Moscow: Elementarnye formy.
- Snodgrass, J. 2016. Online Virtual Worlds as Anthropological Field Sites: Ethnographic Methods Training Via Collaborative Research of Internet Gaming Cultures. *Annals of Anthropological Practice* 40 (2): 134–147. <https://doi.org/10.1111/napa.12097>
- Sokolovskiy, S. 2020. Kiborgi v kiberprostranstve: sovremennye issledovaniia v oblasti kiber- i tsifrovoy antropologii [Cyborgs in Cyberspace: Contemporary Research in Cyber- and Digital Anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 2–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150008752-7>
- Talan, A., M. Novosyolov, and A. Slozhenikin. 2021. Razvitie bystroty slozhnoi reaktsii v kibersporte [Development of Complex Reaction Speed in eSports]. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury* 4: 43.
- Teli, M., F. Pisanu, and D. Hakken. 2007. The Internet as a Library-Of-People: For a Cyberethnography of Online Groups. *Forum: Qualitative Social Research* 8 (3). <https://doi.org/10.17169/fqs-8.3.283>
- Trotter, M., et al. 2021. Social Support, Self-Regulation, and Psychological Skill Use in E-Athletes. *Frontiers in Psychology* 12: 722030. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.722030>

ДИСКУССИЯ

ЭТНОС POST-MORTEM: СОВЕТСКИЕ ТЕОРИИ ЭТНОСА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Верховцев

Дмитрий Владимирович Верховцев | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

этнос, история российской антропологии, теория этноса, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилёв, этничность

Аннотация

Понятие “этнос” и связанные с ним теории этничности уже три десятилетия подвергаются массивной критике и не входят в основной инструментарий российских этнологов и антропологов. Они критикуются за понимание природы этничности в примордиалистском и эссенциалистском ключе, за пренебрежение ее когнитивной составляющей. Однако, несмотря на критику в материнской для них дисциплине, эти теории увеличивают свое влияние весь постсоветский период, растут частота упоминания этноса в научной и массовой литературе и количество цитирований Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилёва. Этнос упоминается в законодательстве, присутствует в речах первых лиц государства; большинство учебников по этнологии и антропологии для студентов вузов описывает этничность в русле этнос-теорий, а за последнее десятилетие этнос проник и в школьное образование. На этом фоне судьба этноса как понятия не кажется предрешенной: он прочно стоит на ногах благодаря поддержке государственных институтов, политических идеологий и растущей популярности научных направлений, биологизирующих этничность.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

Наблюдение за российскими антропологическими (этнологическими) публикациями последних 30 лет может создать впечатление, что термин “этнос” и связанные с ним теории медленно, но верно покидают это дисциплинарное поле. Времена расцвета теоретизирования понятия “этнос” (1910–20-е, 1960–70-е годы) (Алымов 2017: 140) давно прошли и, кажется, уже не вернуться. Вряд ли кому-то из исследователей эта ситуация представится неожиданной, ведь смена парадигм в отечественной этнологии была провозглашена еще на рубеже 1980–1990-х (что совпало и с политическими переменами), после чего полтора десятилетия гремели дискуссии в журнале “Этнографическое обо-

Статья поступила 14.12.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 04.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
EDN: MRIOUL

Verkhovtsev, D.V. 2022. Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazыchnom diskurse [Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069> EDN: MRIOUL

зрение” и были предприняты попытки перезагрузить концепцию этноса (Винер 2005; Рыбаков 2001). Уже в 2010-х эта тема почти не обсуждалась.

Академик В.А. Тишков начал критику советских теорий этноса еще в конце 1980-х, а в 2003 г. выпустил программную монографию с говорящим названием “Реквием по этносу” (Тишков 2003), а также развил свои критические идеи в других работах. В 2016 г. он выпустил статью, в которой подвел итог смене парадигм в этнологии, утверждая, что “обновление теоретико-методологических основ нашей дисциплины (этнологии) прошло в целом успешно”, “этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями” (Тишков 2016: 6). Этнос, по мнению автора, задержался только в текстах смежных дисциплин, таких как археология, философия, политология, а особенно в культурологии и психологии. Там построения ключевых теоретиков этноса – академика Юлиана Бромлея и Льва Гумилёва – еще распространены. Но в целом, заключает В.А. Тишков, междисциплинарные мосты позволят преодолеть недостатки устаревших теорий. В статье 2020 г. тот же автор пишет, что одна из главных трансформаций отечественной этнологии и антропологии связана с тем, что «ушла в прошлое “большая теория” – так называемая теория этноса, а вместе с ней и сводимость дисциплины исключительно к изучению этничности» (Тишков 2020: 79). Складывается впечатление, что активный период функционирования советских теорий этноса давно завершился, а последние центры их распространения постепенно угасают.

Однако, несмотря на почти повсеместный отказ от этноса в антропологии/этнологии, лоно которой породило эту концепцию, публичный дискурс всячески оспаривает своевременность сыгранного по этносу реквиема и перехватывает у ученых инициативу в употреблении термина. Этнос слышится в популярных лекциях, в речах российских политиков и чиновников, со страниц прессы и популярной литературы. Да и науку этнос, в действительности, отнюдь не покинул, и частота его упоминания в научных статьях позволяет усомниться, остатки ли это его былого доминирования или новый восходящий тренд, пока не распознанный? Именно на этот вопрос мы и попытаемся ответить: что происходило с концепцией этноса после утраты ею официального статуса в этнологии, была ли она до конца побеждена, насколько распространена в настоящее время, а главное – какие факторы повлияли на сложившееся положение.

За что пострадал этнос?

Прежде чем мы обратимся к поиску этноса в сегодняшнем научном и публичном дискурсе, разберемся, почему вообще зашла речь о необходимости отпеть этнос и прекратить обращение к этой концепции, откуда она взялась и какие ее основные черты.

В качестве основной линии возникновения концепции С.С. Алымов указывает на представления об этничности, бытовавшие среди приверженцев петербургской антропологической школы второй половины XIX в. (Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевский), а также на воззрения следующего поколения петербургских антропологов Ф.К. Волкова и его учеников в первые десятилетия XX в. (Алымов 2017). Подход петербургской школы характеризовался рассмотрением этнических явлений в связи с адаптацией к географическим условиям, важной их частью признавались расовые особенности, а антропология и этнография относились к естественнонаучным дисциплинам. К 1902 г. ученик Волкова Н.Н. Могиланский предложил считать основным предметом изучения этнографии этнос, он же впервые начал употреблять этот термин; по мнению Алымова, это предложение родилось из дискуссий и размышлений в среде петербургских

антропологов, плотного научного сообщества, сложившегося к этому времени (Там же: 141). Из той же среды вышел и С.М. Широкогоров, автор первой развернутой теории этноса, основанной на его собственных полевых исследованиях Дальнего Востока (Там же: 155).

Теорию С.М. Широкогорова чаще всего относят к социобиологическим теориям, ее биологизм выступает главным объектом критики и анализа. Работы ученого полны биологических метафор, этносы зачастую сравниваются с видами животных, и их отношения представляются в виде борьбы видов за существование (Ушакин 2005: 239–240). В то же время, некоторые комментаторы считают, что “биологическая часть” учения С.М. Широкогорова не является основной и зачастую плохо проработана и слабо аргументирована (Филиппов 2005: 45; Кузнецов 2006: 65). Взгляды исследователя несколько разнятся в ранних и поздних его работах, и если изначально этнос определялся по общему языку, обычаям, укладу жизни, а также верой в общее происхождение, то позднее к этому определению добавилась эндогамия, а также описание этноса как процесса и набора отношений приспособления (Там же: 59–60). Несмотря на то, что широкогоровский этнос имел и субъективные характеристики, связанные с самосознанием, его связь с антропологическим типом и примордиальными культурными чертами была достаточно прочной, что, скорее всего, оказало значительное влияние на позднейшую эволюцию представлений об этносе. Это влияние по-разному оценивается разными авторами: по наиболее радикальной оценке В.Р. Филиппова, значительная часть теоретических положений Бромлея и Гумилёва были напрямую заимствованы из работ С.М. Широкогорова, причем при умолчании (Бромлей)¹ или прямом отрицании (Гумилёв) этих связей (Филиппов 2005).

Почти все видные антропологи, имевшие отношение к разработке концепции этноса, либо не пережили революцию, либо оказались в эмиграции; этнос не был забыт, но оставался на периферийных ролях в дискуссиях 1920-х годов. Причиной его непопулярности в это время была национальная политика большевиков, которая выражалась в коренизации (поддержке местных национальных культур и национальных кадров), а также в объявлении русского национализма (“великодержавного шовинизма”) главной опасностью, в отличие от “малых” национализмов других народностей страны (Мартин 2011: 17–19). Примордиальные концепции чаще всего востребованы именно националистическими идеологиями (Калхун 2006: 76), и в эпоху угнетения русского национализма также пребывали в упадке. В ходе марксистского наступления на этнографию на совещаниях 1929 и 1932 гг. этнос был объявлен буржуазным понятием, несовместимым с марксизмом, а саму дисциплину отправили в “нокдаун”, отведя роль лишь “первой главы в учебнике истории” (Слэзкин 1993: 119). Благоприятные условия для восстановления позиций этноса в СССР возникли в 1930-е, когда в ходе “великого отступления” постепенно реабилитировался русский дореволюционный национализм и его исторические мифы. Благодаря вниманию к жанру этногенеза этнос снова стал проникать в работы этнографов, но понадобилось еще два десятилетия, чтобы они отважились продолжить развитие этнос-теорий.

Эта работа активизировалась в конце 1960-х годов: главная и официальная теория этноса создавалась под руководством молодого директора Института этнографии Ю.В. Бромлея. Несмотря на корни, тянувшиеся к антропогеографии петербургской школы и воззрениям С.М. Широкогорова, новую теорию сложно было обвинить в биологизаторстве. Биологический примордиализм сменился культурным: в сформулированной парадигме, опиравшейся на установки марксизма-ленинизма, этнические явления считались укорененными прежде всего в культуре, связанной с базисом, а этническое самосознание индивида объявлялось зависимым от культуры и вторичным (Бромлей 1973: 110).

Биологический примордиализм сохранился в теории этноса Гумилёва, не имевшей признанного академического статуса, но быстро набравшей популярность. В ней этничность представлялась как производная от пассионарности – своего рода энергии, передающейся при рождении новым поколениям этноса. Таким образом, основные направления осмысления этничности, зарождавшиеся в СССР конца 1960-х, характеризовали этничность в эссенциалистском ключе, связывая ее с какими-то примордиальными (изначальными) и почти неизменными объективными признаками людей: языком, культурой, исторической судьбой (Бромлей) или стереотипом поведения, сложившимся под воздействием пассионарности (Гумилёв).

Ключевым моментом, объединяющим теории этноса Бромлея и Гумилёва, стало выделение особой этнической сферы, автономной от социальной реальности. Этнос отделялся от нации, которая объявлялась лишь высшей формой его развития; он оказывался “биогеографической данностью, своеобразным вертикальным природным стержнем, на который может быть нанизана история народа” (Ушакин 2005: 243). Этнос С.М. Широкогорова и петербургской антропологической школы пришелся ко двору советским ученым в 1960-е, имевшим или унаследовавшим от учителей травматический опыт разгрома этнографии и этноса в 1930-х годах. Тогда критика со стороны молодых марксистов, учеников академика Н.Я. Марра, привела к понижению статуса дисциплины до вспомогательной и репрессиям в отношении этнографов. Теория этноса позволяла отчасти восстановить утраченный самостоятельный статус этнографии и по сути являлась примером миметического сопротивления; опираясь на советский марксизм, хоть и в творческом его понимании, она отделяла этнос от нации и социально-экономических формаций и выводила объект этнографии – этнос – из-под догматических схем истмата (Верховцев, Петрашин 2021).

В англоязычной науке тогда также возрастал интерес к этничности, но фокус рассмотрения, напротив, смещался от примордиальных культурных черт изучаемых обществ к представлениям людей о своей этнической принадлежности. Последняя тенденция особенно ярко выразилась в сборнике “Этнические группы и социальные границы” с теоретическим предисловием Ф. Барта (Барт 2006). Сборник иногда связывают с зарождением конструктивистского подхода к этническим явлениям, в котором доминировало внимание не к объективным этническим признакам, доступным для наблюдения, а к работе сознания человека по идентификации себя и других, воображению своего сообщества, отношению к своей и соседним этническим группам. Конечно, в Советском Союзе тоже ощущали необходимость изучения когнитивных составляющих этничности, и после работ П.И. Кушнера (Кушнер 1949) этническое самосознание все чаще называлось одним из признаков этноса. Однако марксистский догмат о первичности базиса (с которым связана культура) по отношению к самосознанию и сопутствующие политические факторы не позволили Бромлею завершить когнитивный поворот, в полной мере реализовавшийся лишь на Западе. Самосознание было включено в определение этноса лишь как второстепенный этнический определитель, тогда как “объективные признаки” этноса сохранили статус первичных. Вопреки тенденциям мировой науки, советский этнос оформился как глубоко примордиальное явление, что вызывало критику даже со стороны советских ученых-марксистов в 1980-е годы (Алымов 2021: 76).

К 1980-м годам этнос оказался маргинальным явлением на фоне англоязычной мировой науки и воспринимался как фирменный “бренд” советской этнографии, войдя с ней в прочную ассоциацию за рубежом (Dragadze 1980). Помимо неспособности предсказать этнические конфликты в СССР времен перестройки, именно основанность на марксизме-ленинизме, мгновенно лишившемся статуса

метатеории после распада СССР, и отставание в изучении идентичности и вопросов ее конструирования стали основными пунктами критики советской теории этноса на рубеже 1980-х – 1990-х со стороны нового директора Института этнографии В.А. Тишкова, а также В.А. Шнирельмана и других этнографов. Смерть академика Ю.В. Бромлея в 1990 г., распад Советского Союза и начало смены парадигм в отечественной этнографии прочно закрепили за официальной теорией этноса определение “советская”. В 1992 г. умирает и автор альтернативной теории Л.Н. Гумилёв, среди учеников которого не нашлось столь же ярких продолжателей социобиологического направления. Творческий период развития этнос-теорий в целом был завершен и ограничен временем позднего СССР; единичные попытки развить и наполнить новым содержанием старые концепции, упомянутые в начале статьи, не нашли широкого отклика и не вызвали значительной дискуссии. Этнос застыл в форме, приданной ему харизматическими советскими теоретиками.

Таким образом, понятие “этнос” на протяжении всей своей истории оказалось прочно связано с эссенциалистскими и примордиалистскими воззрениями на этничность, которые можно назвать “этнос-мышлением”. Это понятие вводят Д. Андерсон, Д.В. Арзютов и С.С. Алымов. Они связывают его со следующими общими чертами, которые можно проследить на протяжении почти всех 150 лет бытования этнос-мышления в России: коллективная идентичность, общий (физ) антропологический тип и язык, сохраняемый набор традиций или “общность исторической судьбы”, а также общность мировоззрения, “народной психологии” или архетипа поведения (*Anderson, Arzyutov, Alymov 2019: 7*).

Казалось бы, как явление, неотрывно связанное с устаревшей идеологией, советской эпохой и представляющее маргинальный для мировой науки примордиализм, этнос должен был пасть под ударами критиков в первые же постсоветские годы. Однако он оказался гораздо крепче, чем взрастившая его советская идеология.

Этнос в русскоязычном дискурсе

Невидимый расцвет этнос-теорий. Действительно, оптимистическое представление о незавидной судьбе этноса будет подвергнуто серьезному испытанию, если мы обратимся к анализу литературных корпусов и библиометрических баз данных. Крупнейший интернет-ресурс “Google Books”, где проиндексирован огромный массив русскоязычных публикаций, позволяет отследить изменение частотности употребления любых слов и словосочетаний на протяжении какого-либо временного периода при помощи инструмента Google Books Ngram Viewer. Например, при рассмотрении таких терминов, как “этнос”, “этногенез”, “суперэтнос” и “субэтнос”, бывших неотъемлемой частью советского этнос-дискурса, обнаружится, что с середины 1980-х до середины 1990-х годов их использование в литературе непрерывно увеличивается, а после этого времени продолжает сохраняться высокая частота употребления, значительно превышающая показатели собственно советского времени (График 1)².

Этот рост во многом можно связать с легализацией в начале перестройки пассионарной теории, что прослеживается через график употребления термина “суперэтнос”, принадлежащий исключительно глоссарию Гумилёва. Уже во второй половине 1980-х его книги начали издавать, а в 1990-е – переиздавать огромными тиражами; вероятно, именно пассионарной теории, а не теории Бромлея, мы обязаны выходу этнос-терминологии за пределы научного дискурса в прессу и публицистическую литературу. Книги Гумилёва и сейчас популярны у массового читателя, их можно найти в любом книжном магазине, в отличие от научной литературы по антропологии; к этому вопросу мы еще вернёмся ниже, но их доминирование именно в научном этнос-дискурсе отнюдь не так очевидно.

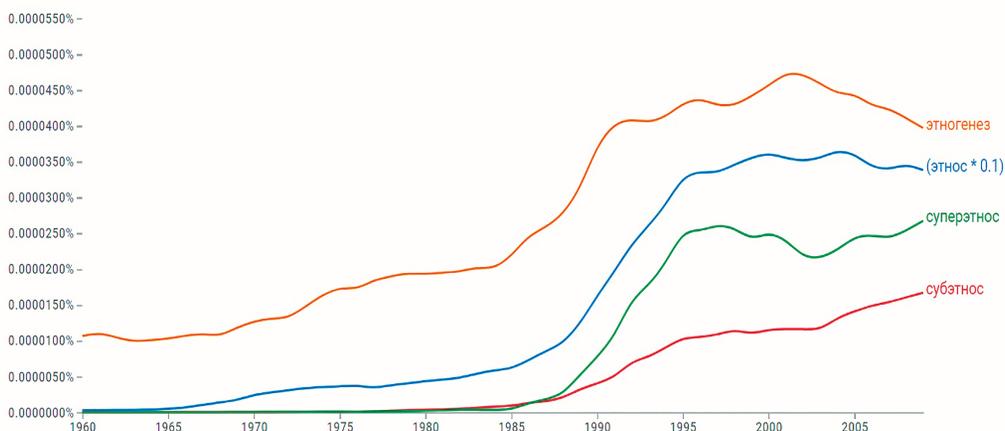

График 1. Частота использования этнос-терминов

Исследование языковых корпусов Google Books весьма продуктивно благодаря охвату огромного количества литературы разных жанров, но имеет свои ограничения. В 2009 г. темпы заполнения баз проекта серьезно упали, поэтому инструмент Ngram Viewer не включает в анализ данные, загруженные после 2008 г. Как же выяснить, сохранялся ли высокий уровень употребления этнос-терминологии в 2010-е годы? Для этого необходимо использовать другие источники: базы научного цитирования Google Scholar и РИНЦ, охватывающие данный период. Они включают исключительно научные работы, но, как правило, не содержат функции поиска по полным текстам статей (РИНЦ), или полные тексты представлены не во всех случаях (Google Scholar). Отчасти проследить тенденции можно и по информации о названиях научных работ, а также анно-

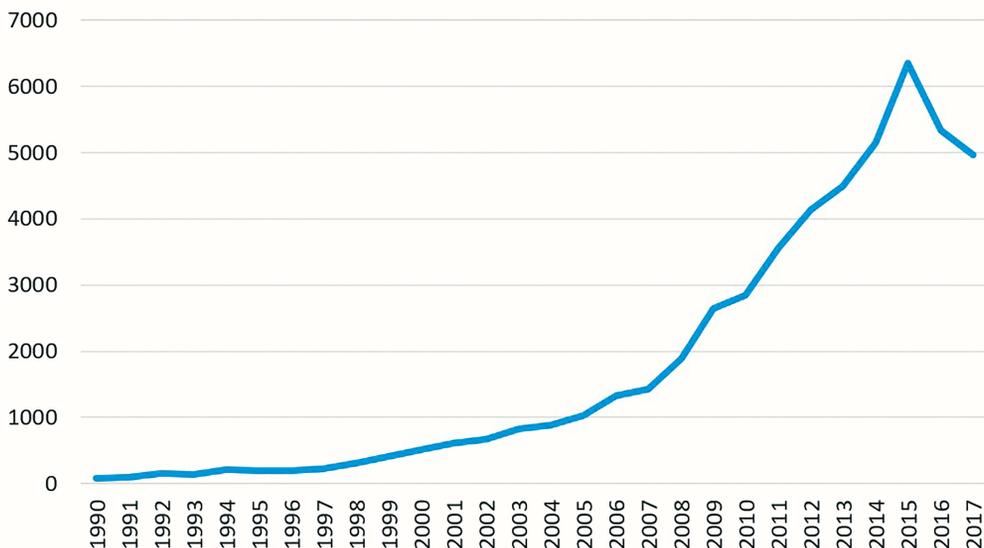

График 2. Упоминание термина “этнос” в научных текстах (Google Scholar)

тациям, ключевым словам и спискам цитируемой литературы (когда такие позиции имеются). На Графике 2 представлено распределение упоминаний термина “этнос” согласно данным Google Scholar за 1990–2017 гг.³

Безусловно, количество упоминаний – менее чуткий параметр, чем частотность, выраженная в процентах работ от всего корпуса. Он не учитывает неравномерность увеличения количества источников, находящихся в базе, и рост количества упоминаний часто может означать численный рост базы, хотя процент работ, употребляющих термин, при этом в реальности не меняется. Кроме того, понятно, что электронные базы и корпуса не являются репрезентативными для всей совокупности русскоязычных или научных русскоязычных изданий. Процессы оцифровки и размещения в интернете электронных версий научных работ начались относительно недавно, и электронные базы растут значительно быстрее, чем общее число научных публикаций. При этом в первую очередь в сетевом доступе оказываются новые работы, тогда как электронные копии многих статей доцифровой эпохи могут никогда не попасть в мировую сеть. Как мы видим из графика, два с половиной десятилетия с 1990 по 2015 гг. демонстрируют экспоненциальный рост упоминаний этноса, хотя, по данным Google Books, экспоненциальный рост начала 1990-х уже в середине десятилетия сменяется плато.

Но при всех оговорках график упоминания этноса показывает важную роль этого термина в научных публикациях. Какие же работы определяют его популярность? Рассмотрим список антропологических (и близких к антропологии)

Таблица 1

<i>Автор</i>	<i>Публикация</i>	<i>Цитирования</i>
Гумилёв Л.Н.	Этногенез и биосфера Земли ⁴	7582
Леви-Строс К.	Структурная антропология	4698
Тэйлор Э.	Первобытная культура	3984
Бромлей Ю.В.	Очерки теории этноса	3511
Кон И.С.	Ребенок и общество	3501
Энгельс Ф.	Происхождение семьи, частной собственности и государства	3469
Фрэзер Д.	Золотая ветвь. Исследование магии и религии	2986
Лурье С.В.	Историческая этнология	2362
Байбурин А.К.	Ритуал в традиционной культуре	2319
Леви-Строс К.	Первобытное мышление	2280
Арутюнов С.А.	Народы и культуры: развитие и взаимодействие	2068
Тишков В.А.	Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии	1990
Толстой Н.И.	Язык и народная культура	1966
Токарев С.А.	Ранние формы религии и их развитие	1964
Тёрнер В.	Символ и ритуал	1947
Бромлей Ю.В.	Этнос и этнография	1823
Зеленин Д.К.	Восточнославянская этнография	1541

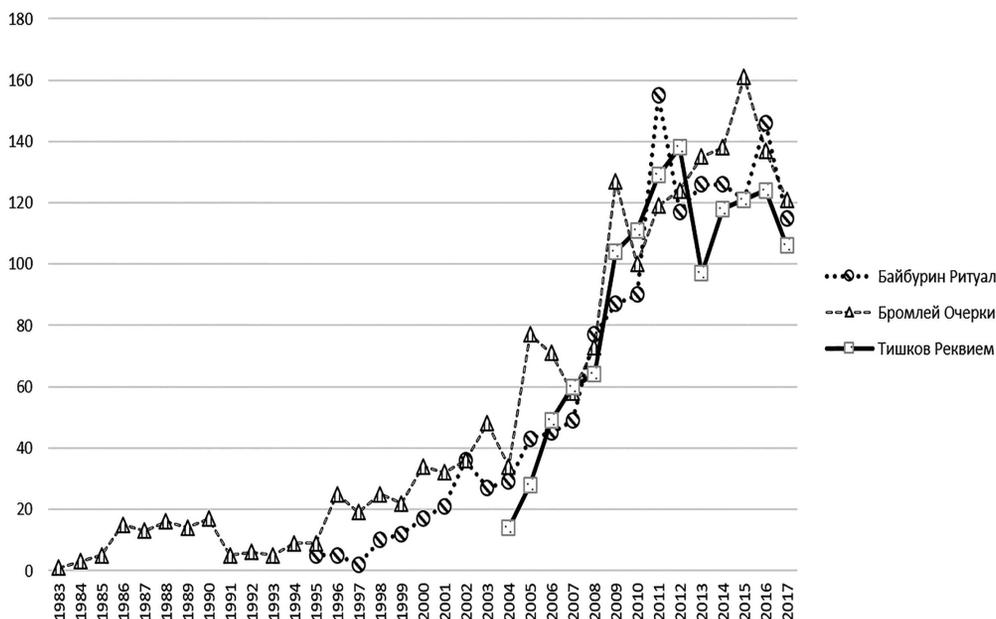

График 3. Цитируемость влиятельных русскоязычных антропологических работ по годам

публикаций на русском языке, имеющих максимальное количество цитирований в Google Scholar (см. Табл. 1); жирным шрифтом выделены отечественные авторы, действовавшие на этнографическо-антропологическом дисциплинарном поле. С большим отрывом его возглавляет монография “Этногенез и биосфера Земли” Гумилёва (Гумилёв 1990) – ключевая работа, целно формулирующая пассионарную теорию этногенеза, – оставляя позади даже книги западных антропологов, переведенные на русский язык. “Очерки теории этноса” Бромлея хоть и уступают в цитируемости переводным работам западных классиков, однако среди отечественных этнологов следуют сразу за работой Гумилёва. При этом в список попала еще одна работа Бромлея “Этнос и этнография”, которая в совокупности с “Очерками” позволяет академику несколько приблизиться к показателям Гумилёва.

То есть работы по теориям этноса продолжают оставаться в русскоязычной науке наиболее цитируемыми и в настоящее время. Причем при сравнении цитируемости “Очерков теории этноса” с двумя следующими по влиятельности работами антропологов (График 3) становится ясно, что высокое место этой монографии не связано с цитированием в советское или раннее постсоветское время. Популярность книг Ю.В. Бромлея, В.А. Тишкова и А.К. Байбурина в течении 2000–2010 гг. росла одинаковыми темпами, хотя их тематика (теория этноса, конструктивистский взгляд на этнологическую проблематику и семиотическое исследование обрядности соответственно) представляет различные направления и даже парадигмы исследования. Аналогичные тренды показывает и колебание числа упоминаний лидера нашего списка монографии “Этногенез и биосфера Земли”⁷⁵.

Итак, несмотря на репутацию этнос-теорий как принадлежащих к советской эпохе, их широчайшая инфильтрация в научный и массовый дискурсы произошла уже после распада СССР. Как кажется, данные корпуса русскоязычных тек-

Упоминания этноса на один журнал в базах

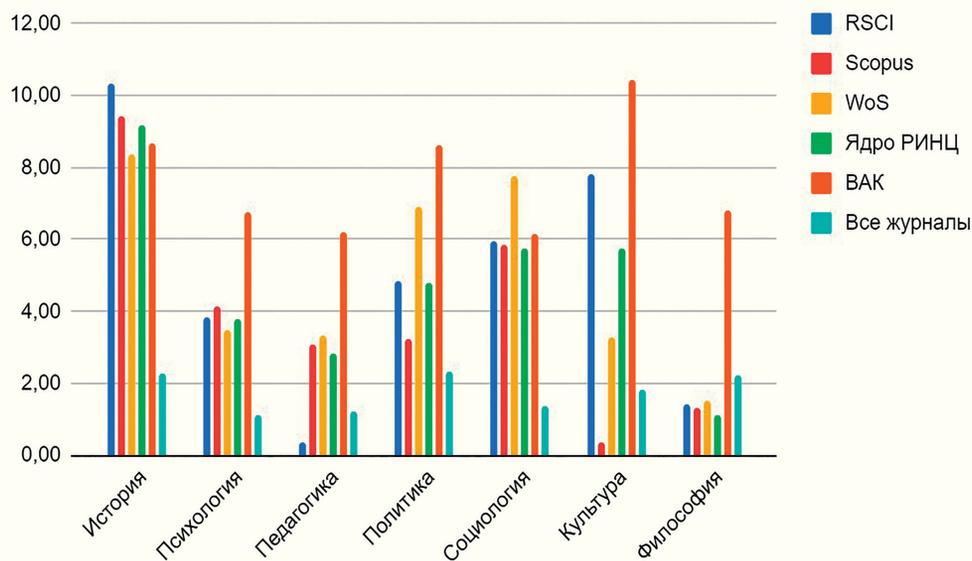

График 4. Упоминания этноса на один журнал в базах

стов Google Books достаточно хорошо высвечивают этот факт для двух первых постсоветских десятилетий; остается лишь сожалеть, что для 2010-х годов столь же представительный источник отсутствует. Однако по данным о цитировании русскоязычных научных работ в области антропологии можно судить о сохранении важной роли этнос-тематики и в этот период. Работы Бромлея и Гумилёва, по данным Google Scholar, все еще самые влиятельные среди работ отечественных этнологов/антропологов, и примерно столь же влиятельны, как переведенные на русский язык работы западных антропологов.

Где “укрылся” этнос? Приблизительно определить, какие именно дисциплины в наибольшей степени сохраняют приверженность этнос-терминологии, можно исходя из данных библиографической базы РИНЦ. В базе журналы имеют привязку к тематической рубрике, и поиск по соответствующим рубрикам дает результат, сколько раз в ней встречается публикация с термином “этнос”. Т. к. в каждой рубрике количество журналов варьируется, то имеет смысл соотносить количество упоминаний термина с этой величиной и получить количество статей с упоминанием этноса на один журнал в рубрике (кратко назовем полученное соотношение “коэффициент этноса”). Конечно, эта величина будет не так показательна, как частотность, определенная в Google Books Ngram Viewer, т. к. на нее влияет толщина журналов (количество статей в одном номере), но для инструментария базы РИНЦ показатель кажется наиболее предпочтительным. Мы ограничимся рассмотрением периода с 2000 по 2020 гг.

Итак, чаще всего этнос встречается в тематических рубриках “История”⁶⁷, “Социология”, “Политика”, “Культура”, “Психология”, “Педагогика” и “Философия”⁷⁷. Помимо дисциплинарной принадлежности, внутри рубрик можно сравнить и коэффициент этноса в различных базах цитирования, таких как перечень BAK, RSCI, ядро РИНЦ, WoS и Scopus. Результаты можно увидеть на Графике 4.

Предварительно считая, что “этнос” – уходящая терминология и ей должны пользоваться на дисциплинарной периферии, можно было бы предположить, что коэффициент этноса будет выше в русскоязычных базах с более легким входением (ВАК, RSCI, ядро РИНЦ) и меньше – в международных базах (WoS и Scopus). Однако эта гипотеза подтверждается не для всех дисциплинарных рубрик. Для истории и социологии во всех базах величина коэффициента внутри рубрики примерно одинакова, что показывает однородность распространения этнос-тематики по изданиям. В остальных дисциплинах явным чемпионом по коэффициенту этноса выступает список ВАК: по количеству включенных в него изданий он в десятки раз превышает количество журналов аналогичной тематики в других рассматриваемых базах. Можно констатировать, что в педагогике, психологии, философии и, вероятно, политических науках (политике) статьи с использованием этнос-терминологии реже появляются в топовых журналах, чем во всех остальных. В рубрике “Культура” ситуация не столь однозначна, тренд на маргинальное положение этнос-терминологии выражен слабо, особенно если учесть малое количество изданий этой рубрики в международных базах цитирования.

Остается вопрос, почему коэффициент этноса заметно ниже для всей совокупности журналов предметной рубрики, чем для совокупности изданий, входящих в базы и списки. Вероятно, дело здесь в том, что общая совокупность содержит также издания, попавшие в базу РИНЦ из-за цитирования, без полного текста и с минимальным описанием, что делает их невидимыми для текстового поиска.

Таким образом, анализ научных работ показывает, что в настоящее время термин “этнос” широко распространен в различных дисциплинарных дискурсах, и употребление этого термина отнюдь не имеет тенденции к сокращению. Логично предположить, что хотя крупные и популярные работы по теории этноса не появлялись уже три десятилетия, этнос-дискурс имеет какую-то иную подпитку, позволяющую сохранять и даже наращивать объем упоминаний этого термина. Быть может, этнос увеличивает свое влияние через образование?

Этнос в школьном и высшем образовании. Действительно, представления об этничности именно в примордиальной форме преподаются сейчас уже в средней школе, но началось это не так давно, с введением новой школьной дисциплины “обществознание”. Документы, регламентирующие ее преподавание, насыщены концепцией этноса по мере конкретизации содержания учебной программы. Если стандарт среднего образования 2012 г. не содержал каких-либо упоминаний этноса, культурной или национальной тематики (Стандарт 2012), то уже в “Примерной основной образовательной программе”, одобренной в 2015 г., в разделе “Социальная сфера жизни общества” предмета “Обществознание” в п. 2.2.2.6 прописана тема “Этнос и нация” (Программа 2015). «Концепция преподавания учебного предмета “Обществознание” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы», утвержденная Министерством просвещения в 2018 г., содержит упоминание этносов как единственное наименование этнических и национальных единиц (Концепция 2018).

Интересно, как реагировали на принятие стандартов авторы учебной литературы; мы можем проследить это на примере учебников по обществознанию разных лет, вышедших под общей редакцией Л.Н. Боголюбова. Еще в 2009 г. четвертое издание не содержало подробного раздела о нации и этнических явлениях, хотя упоминалось понятие “этнос” (Боголюбов и др. 2009). В 2014 г. уже был опубликован текст “Примерной основной образовательной программы”, утвержденный годом позже, что стало причиной значительной переработки восьмого издания учебника: в нем появились разделы, касающиеся нации, этноса, межэтнических отношений. Они имеют достаточно эклектичный вид и в конечном итоге постулируют примордиалистский взгляд на этничность, несмо-

тря на пространные цитаты из книги В.А. Тишкова, такой подход критикующей (Боголюбов и др. 2014: 99). Определение нации, данное в учебнике, представляет собой определение И.В. Сталина из работы “Марксизм и национальный вопрос” 1913 г. (Сталин 1946: 296), склеенное с определением этноса Бромлея (Бромлей 1973: 37). Особенно противоречиво выглядит абзац, объясняющий термин “вынужденная этническая идентичность”, введенный В.А. Тишковым. Хотя последний приводит термин для осуждения государственных процедур приписывания этнической принадлежности в СССР, авторы учебника, также на словах осуждая практики приписывания, фактически воспроизводят советский этнический прекриптивизм: по их мнению, выбор национальности индивида должен ограничиваться национальностями его родителей (Боголюбов и др. 2014: 82).

Выше речь шла об учебниках для профильного уровня. Учебник для базового уровня, выпущенный тем же коллективом авторов в 2017 г., менее подробный, и раздел о нации занимает в нем меньше места; особенно яркие несуразности, связанные с этничностью, туда не попали. Определение нации теперь утратило черты сходства с дефинициями этноса конкретных авторов, однако по-прежнему включало классическое сочетание элементов советской примордиалистской парадигмы – общность культуры, языка и осознание единства. При этом определение нации И.В. Сталина теперь скрылось за эвфемизмом “в начале XX века главными признаками нации считались...”, а добавления Бромлея в части важности самосознания, сформулированные в 1960-е годы, описываются как концептуальные инновации (Боголюбов и др. 2017: 165). Чтобы не создавалось впечатление, что этнический примордиализм вошел в школьную программу лишь в форме учения Бромлея, укажем на литературу, которая пересказывает школьникам и теорию Гумилёва. К примеру, в “Поурочных разработках” Е.Н. Сорокиной к учебнику Л.Н. Боголюбова в качестве дополнительного материала приводится определение этноса Гумилёва и предлагается сравнить его с определением из учебника (Сорокина 2013: 66–67). Естественно, что в программе единого государственного экзамена (ЕГЭ) также присутствуют вопросы про этнос.

Высшее образование этнос вовсе не покидал и существовал там весь постсоветский период, сохраняя преемственность с учебными программами советского времени, вот только теория Бромлея в это время часто дополнялась в учебных курсах теорией Гумилёва (Ямсков 2006). Нам известно 11 учебников по этнологии/антропологии, вышедших в последние десять лет (Козьмин, Бузин 2015; Чешко 2014; Козлова, Козлов 2022; Орлова 2016; Бажуков 2016; Октябрьская 2011; Тишков 2018; Титова 2017; Отюцкий 2018; Елисеев 2021; Борко 2020), при этом лишь 5 из них написаны этнологами/антропологами. В большинстве учебников освещение вопросов этничности делается с позиций этнос-теорий, кроме учебника под редакцией В.А. Тишкова и О.Ю. Артёмовой и учебников, не освещающих вопросы этничности вовсе: О.П. Елисеева и Т.И. Борко. Иногда можно услышать мнение, что этнос-теории более популярны за пределами столичных институтов, но учебники эту гипотезу не подтверждают: в основном они написаны исследователями из Москвы и Петербурга. Нельзя сказать также, что этнос скорее популярен среди неантропологов: из пяти “антропологических” учебников четыре (В.А. Козьмина и В.С. Бузина, С.В. Чешко, И.В. Октябрьской, Т.А. Титовой) освещают этничность в этнос-ключе. Удивительно, но учебник под редакцией В.А. Тишкова и О.Ю. Артёмовой, вышедший почти через три десятилетия после смерти академика Бромлея, можно назвать первым массовым учебником по этнологии/антропологии, не посвятившим этносу отдельный раздел.

В общем, сфера образования – серьезный плацдарм, с которого этнос расширяет свое влияние в массовом дискурсе, но ее содержание всегда в большой степени определяется политической сферой. А как обстоят дела с этносом там?

Этнос в политическом дискурсе. Хотя в советское время термин “этнос” не входил в глоссарий чиновников, и даже национальная политика обходилась обычной марксистской терминологией (Петренко 2006: 171–172), в дискурсе, порождаемом органами власти РФ, этнос уже упоминается достаточно часто, хотя и несистемно и без ссылок на теоретические работы. Мы рассмотрим формальный дискурс законодательств и постановлений и неформальный дискурс политической риторики (в основном в речах президента РФ В.В. Путина).

Одно из самых ранних упоминаний этноса в официальных документах, которое нам удалось найти, было в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР, где говорилось про “развитие немецкого этноса в СССР” (Постановление 1991). Этнос периодически упоминается в течение последующего десятилетия, занимая скорее маргинальное положение в глоссарии органов власти РФ. Наиболее важные документы, которые можно назвать: конституция Хакасии (принята в 1995 г.), где хакасы называются “коренным этносом” (Конституция 1995, ст. 60); закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, где этнос упоминается в определении понятия “этнологическая экспертиза” (Федеральный закон 1999); закон об организации общин коренных малочисленных народов (Федеральный закон 2000).

В XXI в. эта тенденция сохранялась, и употребление термина “этнос” в официальных документах несколько выросло. Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru выдает полсотни упоминаний, в частности в таких документах, как “Стратегия развития туризма” (Стратегия 2014), “Основы государственной молодежной политики” (Основы 2014), “Концепции демографической политики Дальнего Востока” (Концепция 2017) и других. В законодательстве этнос, конечно, не стал важным юридическим термином, однако относительно широко применяется как синоним более традиционных терминов “народ”, “национальность” и “народность”. Упоминания в документах обычно единичны и не позволяют судить о каком-то концептуальном дрейфе терминологии в сторону примордиализма или конструктивизма, тем более что “народ” и “народность” и без влияния “этноса” сами по себе термины, близко связанные с примордиалистским дискурсом.

Однако в неформальных жанрах этнос занимает гораздо более важное место. В 1990-е годы апроприировать пассионарную теорию этногенеза начали многочисленные российские движения националистического толка. Один из наиболее влиятельных оппозиционных политиков того времени, Г.А. Зюганов, под влиянием философа А.Г. Дугина во многом интегрировал учение Гумилёва в идеологию Коммунистической партии РФ. При этом, как пишет М. Бассин, понятие этноса стало у лидера коммунистов двигателем истории вместо традиционного марксистского класса (Bassin 2016: 221).

В.В. Путин, возглавляющий РФ уже более 20 лет, регулярно использует термин “этнос” в своих выступлениях, но кроме этого, он неоднократно и прямо ссылался на работы Гумилёва. Уже в первый год президентства, выступая в Евразийском национальном университете им. Льва Гумилёва в Астане, он называл его “великим евразийцем”, говорил, что “в России с особой теплотой чтят память Льва Николаевича Гумилёва” (Путин 2000). Через четыре года, выступая там же, президент утверждал, что “идеи Гумилёва овладевают сегодня массами”, и называл ученого “выдающимся русским мыслителем” (Путин 2004). М. Бассин проследил, как постепенно, вновь не без влияния философа А.Г. Дугина, в риторику В.В. Путина входило евразийство, часто сопровождавшееся упоминанием и “последнего евразийца” Гумилёва (Bassin 2016: 235–236).

Интересно, что в 2000-х годах Гумилёв упоминается В.В. Путиным чаще всего в связи с евразийством, а в 2010-х риторика смещается в сторону пасси-

онарной теории. Уже в 2012 г. в послании Федеральному собранию президент произнес:

Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от ее внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности, от способности к движению вперед и к переменам (*Путин* 2012).

М. Бассин описывает этот новый период как усиление роли евразийской идеологии в риторике российских государственных деятелей, в связи с подготовкой создания Евразийского экономического союза, что объясняет и обращение к другим идеям Гумилёва, связанным с пассионарностью и циклами этногенеза (*Bassin* 2016: 237–239).

В 2017 г., обращаясь к школьникам, президент РФ сообщил:

...если мы существуем больше 1000 лет и так активно развиваемся, и укрепляем себя, значит, что-то у нас есть такое, что этому способствует? Это “что-то” – это внутренний “ядерный реактор” нашего народа..., который позволяет двигаться вперед. Это некая пассионарность, о которой Гумилёв говорил, которая толкает нашу страну вперед (РИА 2017).

Наконец, совсем недавно, в феврале 2021 г., президент высказался прямо: “Я верю в пассионарность, в эту теорию пассионарности” (РИА 2021). Интересно, что в 2010-х обращение к теории пассионарности происходило тогда, когда нужно было подчеркнуть наличие у России скрытых сил и возможностей, не связанных с экономическим и политическим развитием российского общества и недоступных для экономического и иного анализа.

Хотя в законодательстве этнос не заменил традиционную национальную терминологию советского времени, однако упоминается там, что придает термину вполне официальный статус. В то же время присутствие в речах первого лица государства добавляет термину еще и престижность, причастность к государственно-патриотическому и патриотическому дискурсу. Что же влияет на формирование дискурсов, создающих этносу респектабельную репутацию и открывающих ему двери в образовательные программы?

Почему этнос жив?

Причин, по которым этнос все еще остается нормой в научных публикациях, множество, об этом написано достаточно. Общим местом является представление об упоминавшейся связи примордиализма и националистических идеологий, а также бытовом примордиализме или “феноменологическом переживании простых людей, что их нации всегда уже существуют” (*Калхун* 2006: 75). В этом смысле можно выделить следующие факторы устойчивости концепции этноса: 1) национальный, связанный с доминированием национально ориентированных дискурсов; 2) институциональный, связанный с функционированием институтов, рассматривающих и производящих этничность в эссенциалистско-примордиалистском ключе; и 3) интранаучный, связанный с влиянием тех или иных концепций на тексты про этничность.

Очень заманчиво выстроить эти причины устойчивости в однолинейную схему причинно-следственных связей: идеология формирует институты, и вместе они формируют повестку работ об этничности и нации. Однако ситуация здесь далеко не так однозначна, и в позднесоветский период все три фактора уже существовали, с разной силой поддерживая этнос-дискурсы. Чтобы предложить более сложную структуру отношений идеологических, институциональных и интранаучных факторов, рассмотрим их отдельно.

Пожалуй, самый очевидный фактор, влияние которого не спадало в течение всех 30 лет, прошедших после распада СССР – это институциональный. В постсоветский период РФ сохранила почти в неизменном виде систему национальных автономий, рассматривавшихся в качестве урезанных в своем суверенитете национальных государств; систему переписей населения и текущего учета национального состава; патерналистскую систему помощи и положительной дискриминации малочисленных коренных народов. Важность институционального фактора воспроизводства примордиального представления об этничности давно подчеркивается исследователями.

“Примордиализм как концепция уже стала фактом истории науки, а не ее работающей и используемой моделью”, – писал об этом С.В. Соколовский, но “в России примордиалистские взгляды на этничность будут, очевидно, преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства” (Соколовский 2009: 102–103). Автор перечисляет институты, которые создавали и создают среду производства этничности в России: это этнофедерализм (административное деление и самоуправление по этническому признаку); структура этнической статистики, в том числе в переписях населения; языковая и образовательная политика, “привязавшая” язык к этнической идентичности (Там же: 102).

В.А. Тишков так же констатировал в недавней статье, что исследователям сложно противопоставить современные теории традиционным практикам примордиалистских институтов:

...главное препятствие на пути модернизации отечественной этнологии заключалось даже не в “допотопном примордиализме” и эволюционизме теории этноса, а в социально-политической действительности, основанной целиком на концепте этнонационального государствостроительства при существующем и верхушечно контролируемом этническом национализме... Здесь и сам исследователь оказывается перед искушением, выбирая между новыми теориями и доминирующей практикой (Тишков 2020: 74).

Институциональная база этнос-дискурса не вызывает вопросов, поэтому обратимся к действию других факторов. Очевидно, сохранение этноса в научной литературе 1990-х и 2000-х годов во многом определялось также влиянием советских этнос-теорий, причем если для официальной теории Бромлея это было остаточным влиянием, то для теории Гумилёва – главным периодом расширения влияния в различных дисциплинах и публичном дискурсе. Критика этноса начала 1990-х не привела к созданию в русскоязычной науке корпуса теоретических работ, предлагающих альтернативные взгляды на этничность, хотя бы потому, что такие работы уже были выпущены на Западе. Однако русскоязычная наука, оставаясь достаточно замкнутой в языковом смысле, мало обращалась к иноязычным источникам, а ключевые работы конструктивистского направления мысли начали переводиться на русский только в начале 2000-х годов; до этого времени советские теории этноса оставались самой доступной теоретической рамкой для работ, связанных с этничностью.

График 1 хорошо показывает взрывной рост частоты использования этнос-терминов в печатной литературе с конца 1980-х, продолжавшийся до середины 1990-х годов. За пределами этнографии, переименованной тогда в этнологию, этот рост был обеспечен прежде всего печатью работ Гумилёва и их многократными массовыми переизданиями. Ученый оказался фигурой, которой симпатизировали все разнородные слои постсоветского общества: либеральная интеллигенция сочувствовала трагической судьбе исследователя и его родителей, а собственные политические предпочтения Гумилёва скорее походили на взгляды консерваторов-националистов и находили у них поддержку (Bassin 2016: 181).

В этот период набирал силу и идеологический фактор, националистические нарративы вбирали в себя элементы теории пассионарности (Bassin 2012: 554–555).

В научном дискурсе учение Гумилёва также соперничало с цивилизационными подходами за место глобального метанарратива и в то же время сближалось с ними все теснее (*Ямсков* 2006). Один из кейсов рецепции советских теорий этноса в постсоветской России рассмотрел на примере алтайской социологической школы этновитализма С.А. Ушакин. Он показал, как вокруг этноса, эссенциализированного у Бромлея и откровенно биологизированного у Л.Н. Гумилёва, в 1990-е годы барнаульские ученые выстроили организмические метафоры “жизненных сил этноса”, через которые преодолевался травматический опыт социальных преобразований перестройки (*Ушакин* 2005).

Где-то на рубеже XX–XXI вв. в структуре поддержки этнос-дискурсов произошли изменения. Как показывает График 1, публичный дискурс к этому времени насытился этносом, частотность употребления термина во всей совокупности русскоязычных изданий стабилизировалась. Исследователи уже стали обращать внимание на изменения паттернов научной жизни начала второго тысячелетия, в частности в антропологии. Б.Е. Винер в своей периодизации истории постсоветской этнологии и антропологии делил ее на два периода: 1) 1992–2004 “Кризис надежд” и 2) 2005 – по настоящее время “Период тематической и теоретической диверсификации” (*Винер* 2020: 156–158). Примерно в первой половине 2000-х годов и можно обозначить водораздел, когда инерционное влияние советских теорий уменьшилось, выросло новое поколение исследователей, ученые все чаще брались за разработку тем, далеких от этничности. Сыграли свою роль и накопившаяся масса переводной литературы – работ Ф. Барта, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др., – и выход влиятельной работы В.А. Тишкова “Реквием по этносу” (*Тишков* 2003), предлагавшей новые подходы к этничности, сформулированные в русле конструктивистских воззрений. Эти факторы, вероятно, поспособствовали прекращению роста влияния этнос-дискурса, однако не породили обратного тренда на снижение. Почему?

Уход этноса из языка породившей его дисциплины был компенсирован укреплением положения в глоссарии смежных дисциплин и ростом политического влияния примордиалистских взглядов на этничность. Евразийство, за последние десятилетия получившее сильную ассоциацию с именем Гумилёва, становилось неотъемлемой частью государственной идеологии, увлекая в этот дискурс и этнос в качестве термина пассионарной теории этногенеза. Вероятно, эти два процесса и объясняют появление этноса в программах школьного образования в конце 2010-х годов и сохранение высокой частотности его упоминания в публичном дискурсе.

Действуют и более частные причины, поддерживающие интерес к примордиалистским концепциям и как следствие – этносу. В.А. Тишков регулярно подвергает критике так наз. этногеномику, считая, что она ответственна за уравнивание этнического и генетического (*Тишков* 2013: 35). В то же время он отмечает большую популярность этногеномики в среде националистически и расистски настроенных деятелей. Здесь ученые, связанные с биологией по профилю своей деятельности (генетики), соприкасаясь с этничностью, рассматривают ее с биологических позиций, в чем находят понимание у националистически настроенной общественности. Две предрасположенности к примордиализму смыкаются и усиливают эффект.

Отдельные жанры исследования российских ученых – этногенез и этническая история – напрямую не были связаны с критикой советских теорий этноса, однако зжились на примордиалистском подходе к пониманию этничности и стали своеобразными рефугиумами⁸ для теории этноса внутри российской антропологии. Еще в 2003 г. Т. Уяма писал о сохранении примордиалистского подхода к нациям и этничностям в российской науке: “советская... наука этногенеза

была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным” (Уяма 2003: 42–43). Одно из объяснений может состоять в том, что жанры исследования, тяготеющие к теориям этноса, оказываются более предпочтительными из-за экстранаучных причин, в частности связанных с политическим заказом на построение локальных национальных мифов, что проследил, например, В.А. Шнирельман (*Шнирельман* 2006). В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев отмечали, что на примордиализме строится современная идеология российских этнонациональных движений; сильна эта тема и в “дискуссионных выступлениях ученых-обществоведов из российских (национальных) республик” (*Тишков, Шабаев* 2011: 41). Локальный национальный миф требует создания локальной национальной истории, или, в терминах советской этнографии, этнической истории, для чего безальтернативной базой оказывается одна из примордиалистских этнос-теорий.

Судя по всему, этнос всерьез и надолго закрепился как в публичном, так и в научном русскоязычном дискурсе, чему способствовал целый комплекс причин. Выдержав атаку со стороны ведущих этнологов в начале 1990-х, этнос в изводе Бромлея почти покинул российскую этнологию/антропологию, укрывшись лишь в рефугиуме “этногенеза и этнической истории”, однако в то же самое время этнос Гумилёва экспансивно распространялся в публичном (особенно политическом) дискурсе, не избегая и научного поля. Войдя в систему школьного образования в 2000-х и лишь незначительно потеряв позиции в высшем образовании, этнос продолжает влиять на подготовку научных кадров, усваивающих примордиалистские представления об этничности. Институты, основанные на таком понимании – система национальных автономий, демографического учета, патерналистской помощи коренным народам, – практически не были реформированы после распада СССР и продолжают функционировать в настоящее время. Публичный дискурс сохранил в себе этнос прежде всего благодаря расцвету националистической идеологии, сначала в среде оппозиции (1990-е годы), а затем и на официальном уровне. Этнос-институты, этнос-идеология и этнос-наука на протяжении последних 30 лет взаимно поддерживают друг друга в сохранении актуальности этнос-теорий, и хотя их усилий оказалось недостаточно, чтобы вывести примордиализм из маргинальных позиций в российской науке, однако сложно представить, что без каких-то перемен в области идеологии и реформ государственных институтов присутствие этнос-теории в науке сойдет на нет или хотя бы начнет снижаться.

Думается, что в описанной ситуации достаточно много молодых ученых из различных дисциплин, слушавших в ВУЗах лекции об этносе и часто не имеющих доступа к актуальной литературе по этничности (в основном написанной на английском языке), на вопрос Бруно Латура “где приземлиться?” ответят выбором консервативных этнос-теорий, символизирующих стабильность как самих этнических феноменов, так и линию опоры на национальную традицию в развитии отечественной науки. Это значит, что этнос, вероятно, еще долго будет встречаться в различных дискурсах, пережив не только своих создателей, но и научные похороны этнос-теорий.

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить участников антропологического кружка Н.В. Ссори́на-Чайкова за ценные замечания и мысли, высказанные во время обсуждения черновика этой статьи, а также С.С. Петряшина за дружескую критику на разных стадиях работы над текстом.

Примечания

¹ На самом деле Бромлей в своих работах все-таки ссылается на Широкого-рова, признавая приоритет последнего в разработке теории этноса, но, действительно, не рассматривает их содержательно и не встраивает в генеалогию своих размышлений.

² В связи со значительно более высокой частотностью упоминаний основного термина “этнос”, его график уменьшен в 10 раз в целях наглядности сравнения.

³ Обзор упоминаний охватывает в основном постсоветский период из-за крайне малого (по данным базы) числа цитирований с термином “этнос” в более раннее время. Здесь и далее последним анализируемым годом будет 2017-й, т. к. наблюдается запаздывание индексирования в базе Google Scholar выложенных в интернет научных работ.

⁴ Жирным шрифтом выделены отечественные исследователи, позиционировавшие/позиционирующие себя как этнологи/антропологи.

⁵ Данные по монографии Л.Н. Гумилёва не были помещены на общий график для сохранения масштаба.

⁶ Полностью: “История. Исторические науки”. Мы будем давать сокращенные названия рубрик.

⁷ Журналы могут входить в несколько рубрик одновременно.

⁸ В экологии – участок местности, где определенные виды флоры и фауны сохраняются во время неблагоприятных климатических условий, чтобы вновь распространиться при наступлении оптимума.

Источники и материалы

Конституция 1995 – Конституция Республики Хакасия от 25 мая 1995 года. <https://docs.cntd.ru/document/804957110>

Концепция 2017 – Концепция демографического развития Дальнего Востока до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 года. <https://docs.cntd.ru/document/436744671>

Концепция 2018 – Концепция преподавания учебного предмета “Обществознание” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, утв. коллегией МинПрос 30.12.2018. <https://docs.edu.gov.ru/document/9906056a57059c4266eaa78bff1f0bbe/>

Основы 2014 – Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. <https://docs.cntd.ru/document/420237592>

Постановление 1991 – Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.06.91 г. N 1360-I “О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР”. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102011649&backlink=1&nd=102011206&rdk=1>

Программа 2015 – Примерная основная образовательная программа основного общего образования. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 8 апреля 2015 г. № 1/15). https://fgosreestr.ru/пооп/%D0%BF%D0%BE%D0%BE%D0%BF_0%BE%D0%BE%D0%BE_06-02-2020

Путин 2000 – Путин В.В. Выступление на встрече с преподавателями и студентами Евразийского национального университета имени Льва Гумилева 10.10.2000. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21625> (дата обращения 01.05.2021).

- Путин 2004* – *Путин В.В.* Выступление на международном форуме “Евразийская интеграция: тенденции современного развития и вызовы глобализации”. 2004. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22510> (дата обращения 01.05.2021).
- Путин 2012* – *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения 14.12.2021).
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946.
- РИА 2017* – Путин рассказал, благодаря чему развивается Россия // РИА Новости. <https://ria.ru/20170901/1501562854.html> (дата обращения 14.12.2021).
- РИА 2021* – Зачем Путин напомнил молодой нации о бесконечном генетическом коде // РИА Новости. <https://ria.ru/20210216/genokod-1597581674.html> (дата обращения 30.04.2021).
- Стратегия 2014* – Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102353142>
- Стандарт 2012* – Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413). <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6e0/#friends>
- Федеральный закон 1999* – Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” от 30.04.1999 N 82-ФЗ. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102059473>
- Федеральный закон 2000* – Федеральный закон “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 20.07.2000 N 104-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/

Научная литература

- Альмов С.С.* У истоков теории этноса: Н.М. Могиланский и петербургская антропология конца XIX – нач. XX вв. // Три века российской этнографии. Страницы истории / Отв. ред. А.А. Сирина. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 140–160.
- Альмов С.С.* Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза “национального вопроса” в период перестройки // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 70–92. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92>
- Бажуков В.И.* Социальная и культурная антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2016.
- Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.
- Борко Т.И.* Культурная антропология: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Верховцев Д.В., Петряшин С.С.* Теории этноса vs марксизм: история миметического сопротивления // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 88–104. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1\(11\)-88-104](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104)
- Винер Б.Е.* Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 114–130.
- Винер Б.Е.* Институциональная история российской этнологии. Краткий обзор //

- Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 150–166. <https://doi.org/10.31857/S086954150010839-2>
- Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- Елисеев О.П. Культурно-историческая антропология. М.: Издательство Юрайт, 2021.
- Боголюбов Л.Н. и др. (ред.) Обществознание. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень. М.: Просвещение, 2009.
- Боголюбов Л.Н. и др. (ред.) Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: профил. уровень. М.: Просвещение, 2014.
- Боголюбов Л.Н. и др. (ред.) Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень. М.: Просвещение, 2017.
- Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006.
- Козлова М.А., Козлов А.И. Антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2022.
- Козьмин В.А., В.С. Бузин (ред.). Этнология (этнография): учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2015.
- Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57–71.
- Куршнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения института этнографии. VIII. 1949. С. 3–9.
- Мартин Т. Империя “положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд “Президентский центр Б. Н. Ельцина”, 2011.
- Октябрьская И.В. Основы этнологии. Учебник. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011.
- Орлова Э.А. Социальная и культурная антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2016.
- Отюцкий Г.П. Социальная антропология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Петренко С.П. К вопросу о терминах “этнос” и “этническая общность” // Известия Таганрогского института А.П. Чехова. 2006. № 2. С. 170–174.
- Рыбаков С.Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов. Дисс. ... докт. филос. наук. Московский государственный университет, Москва, 2001.
- Слёзкин Ю.Л. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.
- Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Дисс. ... докт. ист. наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, 2009.
- Сорокина Е.Н. Поурочные разработки по обществознанию. Профильный уровень: 11 класс. М.: ВАКО, 2013.
- Титова Т.А. Этнология. Казань: Издательство Казанского университета, 2017.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–92.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2011.

- Тишков В.А. (отв. ред.) Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: “КДУ”, “Университетская книга”, 2018.
- Ушакин С.А. Жизненные силы русской традиции: о постсоветских теориях этноса // *Ab Imperio*. 2005. № 4. С. 233–277.
- Уяма Т. От “булгаризма” через “марризм” к националистическим мифам: курсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона / Науч. ред. К. Мацузато. Саппоро: Центр славянских исследований, Университет Хоккайдо. 2003.
- Филиппов В.Р. “Теория этноса” С.М. Широкогорова // *Этнопанорама*. 2005. № 3–4. С. 43–52.
- Чешко С.В. Этнология и социальная антропология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки “История”. М.: Академия, 2014.
- Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 4. С. 3–13.
- Ямсков А.Н. “Новые классики”: Л.Н. Гумилев и С. Хантингтон в образовательных программах // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии / Отв. ред. С.В. Чешко. М.: изд. “Оргсервис-2000”, 2006. С. 176–199.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. Grounding Ethnos Theory: An Introduction // *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond* / Eds. D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019.
- Bassin M. National Metanarratives after Communism: An Introduction // *Eurasian Geography and Economics*. 2012. Vol. 53. No. 5. P. 553–556.
- Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia. NY: Cornell University Press, 2016.
- Dragadze T. The place of ‘ethnos’ theory in Soviet anthropology // *Soviet and Western Anthropology* / Ed. E. Gellner. New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 1980. P. 161–170.

Research Article

Verkhovtsev, D.V. Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses [Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazychnom diskurse]. *Ethnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069> EDN: MRIOUL ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitry Verkhovtsev | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

theory of ethnos, ethnos, ethnicity, history of Russian anthropology, Yulian Bromley, Lev Gumilev

Abstract

The notion of ethnos (*etnos* in Russian) and derivative or related theories of ethnicity have by and large fallen out of use among Russian ethnologists and anthropologists

over the last three decades, having become an object of wide-ranging criticism. They have been criticized both for the inflexible explanation of ethnicity in a primordial or essentialist key and for the neglect of its cognitive aspects. Yet it is striking that, despite the critique within the anthropological community, they have been simultaneously and steadily gaining weight and influence outside it. Indeed, during the post-Soviet period, the appearance of the word *ethnos*, as well as citations from authors like Yulian Bromley or Lev Gumilev, became ever more frequent in non-academic sources and non-anthropological academic literature. This word came to law-making and entered speeches of highest government officials. There emerged a plethora of college – lately, even school – textbooks carrying texts that routinely explained ethnicity in terms of theories of ethnos. Considered against this backdrop, the destiny of the notion of ethnos suddenly does not seem so dismal as it keeps thriving owing to the support of state institutions, political ideologies, and new scholarly approaches biologizing ethnicity.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00241]

References

- Alymov, S.S. 2017. U istokov teorii etnosa: N.M. Mogilianskii i peterburgskaia antropologiya kontsa XIX – nach. XX vv. [At the Origins of the Theory of Ethnos: N.M. Mogilyansky and St. Petersburg Anthropology of the Late XX – Early XX Centuries]. In *Tri veka rossiiskoi etnografii. Stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography. Pages of History], edited by A.A. Sirina, 140–160. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Alymov, S.S. 2021. Zabyvaia etnos i natsiiu: etnograficheskie diskussii i ekspertiza “natsional’nogo voprosa” v period perestroiki [Forgetting Ethnicity and Nation: Ethnographic Discussions and Expertise of the “National Question” during the Perestroika Period]. In *Shagi / Steps* 7 (2): 70–92. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92>
- Barth, F. 2006. Vvedenie [Introduction]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial’nye granitsy. Sotsial’naya organizatsiia kul’turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], edited by F. Barth, 9–48. Moscow: Novoe izdatel’svo.
- Bazhukov, V.I. 2016. *Sotsial’naya i kul’turnaya antropologiya: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Social and Cultural Anthropology: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow: Izdatel’svo Yurait.
- Borko, T.I. 2020. *Kul’turnaya antropologiya: uchebnik dlia vuzov* [Cultural Anthropology: a Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel’svo Yurait.
- Bromlei, Y.V. 1973. *Etnos i etnografiia* [Ethnos and Ethnography]. Moscow: Nauka.
- Verkhovtsev, D.V., and S.S. Petriashin. 2021. Teorii etnosa vs marksizm: istoriia mimiticheskogo soprotivleniia [Theories of Ethnos vs Marxism: the History of Mimetic Resistance]. *Kunstkamera* 1 (11): 88–104. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1\(11\)-88-104](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104)
- Viner, B.E. 2005. Postmodernistskii konstruktivizm v Rossiiskoi etnologii [Postmodern Constructivism in Russian Ethnology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 8 (3): 114–130.
- Viner, B.E. 2020. Institutsional’naya istoriia rossiiskoi etnologii. Kratkii obzor [Institutional History of Russian Ethnology. Short Review]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 150–166.
- Gumilev, L.N. 1990. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Leningrad: Gidrometeoizdat.

- Eliseev, O.P. 2021. *Kul'turno-istoricheskaiia antropologiia* [Cultural-Historical Anthropology]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Bogoliubov, L.N., et al., eds. 2009. *Obshchestvoznaniie. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatelnykh uchrezhdenii: bazovyi uroven'* [Social Science. 11th Grade: Textbook for Educational Institutions: Basic Level]. Moscow: Prosveshchenie.
- Bogoliubov, L.N., et al., eds. 2014. *Obshchestvoznaniie. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatelnykh organizatsii: profilnyi uroven'* [Social Science. 11th Grade: Textbook, for General Education Organization: Profile Level]. Moscow: Prosveshchenie.
- Bogoliubov, L.N., et al., eds. 2017. *Obshchestvoznaniie. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatelnykh organizatsii: bazovyi uroven'* [Social Science. 11th Grade: Textbook for Educational Institutions: Basic Level]. Moscow: Prosveshchenie.
- Calhoun, C. 2006. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoria budushchego".
- Cheshko, S.V. 2014. *Etnologiia i sotsial'naia antropologiia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchaiushchikhsia po napravleniiu podgotovki "Istoriia"* [Ethnology and Social Anthropology: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in the Direction of Preparation "History"]. Moscow: Akademiia.
- Kozlova, M.A.; Kozlov, A.I. 2018. *Antropologiia: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Anthropology: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Koz'min, V.A., and V.S. Buzin, eds. 2015. *Etnologiia (etnografiia): uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata* [Ethnology (Ethnography): a Textbook for Academic Undergraduate Studies]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Kuznetsov, A.M. 2006. Teoriia etnosa S.M. Shirokogorova [The Ethnos Theory of S.M. Shirokogorov]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 57–71.
- Kushner, P.I. 1949. Natsional'noe samosoznanie kak etnicheskii opredelitel' [National Self-Consciousness as Ethnic Characteristic]. *Kratkie soobshcheniia instituta etnografii* 8: 3–9.
- Martin, T. 2011. *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina".
- Oktiabr'skaia, I.V. 2011. *Osnovy etnologii. Uchebnik* [Basics of Ethnology. Textbook]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet.
- Orlova, E.A. 2016. *Sotsial'naia i kul'turnaia antropologiia: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Social and Cultural Anthropology: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Otiutskii, G.P. 2018. *Sotsial'naia antropologiia: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata* [Social Anthropology: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Petrenko, S.P. 2006. K voprosu o terminakh "ethnos" i "etnicheskaiia obshechnost'" [On the Question of the Terms "Ethnos" and "Ethnic Community"]. *Izvestiia Taganroghskogo instituta A.P. Chekhova* 2: 170–174.
- Rybakov, S.E. 2001. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniia etnicheskikh fenomenov* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Ethnic Phenomena]. PhD diss., Moscow State University.
- Slezkin, Y. L. 1993. Sovetskaia etnografiia v nokdaune: 1928–1938 [Soviet Ethnography knocked own: 1928–1938]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 113–125.
- Sokolovskii, S.V. 2009. *Antropologicheskoe znanie v pravovom i politicheskom diskursakh* [Anthropological Knowledge in Legal and Political Discourses].

- PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Sorokina, E.N. 2013. *Pourochnye razrabotki po obshchestvoznaniuu. Profil'nyi uroven': II klass* [Lesson Development in Social Studies. Profile Level: Grade 11]. Moscow: VAKO.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviev po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–22.
- Tishkov, V.A. 2020. Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologii: personal'nyi vzgliad v global'noi perspective [From where is Russian Ethnology and where is it going? A Personal View in Global Perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 72–92.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [The Russian People: History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A., and Y.P. Shabaev. 2011. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlia vuzov* [Ethnopolitical Science: Political Functions of Ethnicity: Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Tishkov, V.A., ed. 2018. *Antropologiya i etnologiya: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Anthropology and Ethnology: a Textbook for Undergraduate and Graduate Studies]. Moscow: "KDU", "Universitetskaia kniga".
- Titova, T.A. 2017. *Etnologiya* [Ethnology]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Oushakine, S.A. 2005. Zhiznennye sily russkoi tragedii: o postsovetских teoriakh etnosa [The Vital Forces of the Russian Tragedy: on the Post-Soviet Theories of the Ethnos]. *Ab Imperio* 4: 233–277.
- Ulama, T. 2003. Ot "bulgarizma" cherez "marrizm" k natsionalisticheskim mifam: diskursy o tatarskom, chuvashskom i bashkirskom etnogeneze [From "Bulgarism" through "Marrism" to Nationalist Myths: Discourses on the Tatar, Chuvash and Bashkir Ethnogenesis]. In *Novaia volna v izuchenii etnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona*, edited by K. Matsuzato, 16–51. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University.
- Filippov, V.R. 2005. "Teoriia etnosa" S.M. Shirokogorova [The Ethnos Theory S.M. Shirokogorov]. *Etnopanorama* 3–4: 43–52.
- Shnirel'man, V.A. 2006. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shnirel'man, V.A. 2003. Etnogenez i identichnost': natsionalisticheskie mifologii v sovremennoi Rossii [Ethnogenesis and Identity: Nationalist Mythologies in Modern Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Yamskov, A.N. 2006. "Novye klassiki" L.N. Gumilev i S. Khantington v obrazovatel'nykh programmakh ["New classics: L.N. Gumilev and S. Huntington in Educational Programs]. In *Etnologiya obshchestvu. Prikladnye issledovaniia v etnologii*, edited by S.V. Cheshko, 176–199. Moscow: Orgservis-2000.

ЭТНОС POST-MORTEM: РАЗМЫШЛЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

**С.С. Алымов, Л.С. Перепелкин, С.В. Соколовский, В.А. Тишков,
В.А. Шнирельман, Д.В. Верховцев**

Сергей Сергеевич Алымов | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Лев Станиславович Перепелкин | <http://orcid.org/0000-0002-4400-2011> | leonethnography@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка 12, Москва, 107031, Россия)

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Валерий Александрович Тишков | <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | д. и. н., профессор, академик РАН, научный руководитель | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Виктор Александрович Шнирельман | <http://orcid.org/0000-0001-8469-6583> | shnirv@mail.ru | главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Дмитрий Владимирович Верховцев | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

этнос, история российской антропологии, теория этноса, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилёв, этничность

Аннотация

В настоящей публикации представлено обсуждение статьи Д.В. Верховцева “Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе”, в которой автор размышляет об использовании концепции “этнос” в прошедшее тридцатилетие, обращая внимание на ослабевавшие позиции концепции в собственном языке этнологической/антропологической дисциплины и ее одновременно усиливавшиеся позиции в научно-популярном языке, а также языках масс-медиа, политики, законодательства, непрофиль-

Статья поступила 23.09.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 26.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Алымов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: размышления и комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 102–131. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060070> EDN: MRLFIG

Alymov, S.S., L.S. Perepelkin, S.V. Sokolovskiy, V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman, and D.V. Verkhovtsev. 2022. Etnos post-mortem: razmyshleniia i kommentarii [Ethnos Post-Mortem: Thoughts and Comments]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 102–131. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060070> EDN: MRLFIG

ного высшего и среднего образования. Критические замечания по поводу аргументации автора и свой взгляд на тему излагают С.С. Алымов, Л.С. Перепелкин, С.В. Соколовский, В.А. Тишков и В.А. Шнирельман, вступающие в полемику с автором.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241] (исполнители Д.В. Верховцев, С.С. Алымов и В.А. Шнирельман)

КОНЕЦ ИЛИ ВНОВЬ НАЧАЛО?

С.С. АЛЫМОВ

Статья Д.В. Верховцева – важная попытка продолжить разговор о современном состоянии российской этнологической/антропологической теории. Главный тезис автора сводится к тому, что понятие “этнос” по-прежнему популярно как в публичном дискурсе, так и в языке науки, в том числе в журналах исторических наук, в ряду которых в России по-прежнему числится антропология/этнология. Следует сразу оговориться, что автор не подает свой вывод как свидетельство в пользу истинности теории этноса. Работы по истории антропологии и рефлексия относительно ее современного состояния, к сожалению, часто воспринимаются в нашей науке исключительно с презентистских позиций, в результате чего пишем об истории теории этноса (включая и меня) безосновательно вменяется ностальгия и желание вывести из-под критики эту теорию и ее авторов (Тишков и др. 2020: 87, 102). Такого рода оценки свидетельствуют о слабом положении, в котором находится историография нашей дисциплины: она воспринимается не как самостоятельная область со своими исследовательскими вопросами и (используя понятие П. Бурдье) ставками, но как “служанка” той или иной современной ортодоксии. Таким образом, следует сразу оговорить непродуктивность обсуждения, стремится ли Д.В. Верховцев “реабилитировать” теорию этноса. Поставленные в статье вопросы достаточно интересны сами по себе, чтобы не сбиваться на этот не относящийся к делу предмет.

Статья достаточно убедительно демонстрирует, что понятие “этнос” не только не ушло из языка науки, власти и образования, но и, возможно, переживает своего рода “восходящий тренд”. Сам по себе этот вывод не является новостью – иначе не имела бы смысл и продолжающаяся полемика с этим словупотреблением и соответствующей теорией. Впрочем, не все аргументы статьи выглядят одинаково убедительно. Количественный анализ употребляемости понятия “этнос” вряд ли может сам по себе служить показателем популярности теории этноса в версии Бромлея, Гумилёва или кого-либо еще. Вполне возможно, значительную долю этих употреблений составляют те случаи, когда авторы используют слово “этнос” как более научнообразный синоним понятия “народ”, не вкладывая в него примордиалистского или вообще какого бы то ни было толкования. Высокая цитируемость Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилёва, конечно, показательна, однако она может отражать и интеллектуальную инерцию в периферийных областях академии, и критические упоминания данных авторов.

Тем не менее, устойчивость “этнос-мышления”, о котором писали и мы с соавторами (Алымов, Anderson, Arzyutov 2019: 55–76), действительно существует и требует объяснения. Верховцев предлагает рассмотреть три фактора устойчивости концепции этноса: “1) Идеологический, связанный с доминированием национально ориентированных дискурсов; 2) институциональный, связанный

с функционированием институтов, рассматривающих и производящих этничность в эссенциалистско-примордиалистском ключе; и 3) интранаучный, связанный с влиянием тех или иных концепций на тексты про этничность”. Значимость первого фактора представляется мне очевидной. Взлет популярности теории этноса в публичном пространстве связан с “этническим возрождением” конца 1980–1990-х годов, и этнонациональные активисты, естественно, пользовались наиболее доступным для них на тот момент языком теории этноса. Схожую парадоксальную судьбу понятия “культура” в западной антропологии в конце 1990-х годов комментировал Маршалл Салинс: антропологи поставили под сомнение валидность этой категории почти одновременно с тем, как “объекты” их изучения открыли, что у них “есть культура” и эта категория полезна для отстаивания коллективных прав (*Sahlins 1999*).

Не случайно, что одним из наиболее стойких “очагов” примордиализма, на протяжении 2000–2010-х годов издававших сборники конференций с программным названием “Реальность этноса”, стал Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, чья уходящая корнями в 1920-е годы история связана со становлением как советской этнографии, так и интеллигенции народов Севера. Преподаватели этого института заняты подготовкой учителей, “способных своей профессиональной деятельностью участвовать в сохранении этнокультурной идентичности малочисленных народов крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока” (*Набок 2001: 17*). Не будучи заинтересованы в теоретической связности, авторы этого круга, опираясь на Л.Н. Гумилёва, готовы эклектически сочетать его подход с подходами Ю.В. Бромлея и В.А. Тишкова. Основной их темой представляется отстаивание идеализированной картины традиционной культуры народов Севера и ее межпоколенческой трансмиссии путем “этнопедагогики” и сохранения коллективных идентичностей (*Бережнова, Набок, Щеглов 2007*). В целях более четкого анализа Д.В. Верховцеву следовало бы, однако, уточнить, что именно понимается под “национально ориентированными дискурсами”, т.к. за этим широким определением скрывается целый спектр идеологических пристроек, о чем будет сказано ниже.

Второй фактор, институциональный, также, на мой взгляд, нуждается в комментарии. С.В. Соколовский, В.А. Тишков и другие авторы справедливо указывают на институциональные практики, сохраняющие примордиальное понимание этничности, однако это понимание может быть как связано, так и не связано с собственно теорией этноса. Как показывают многочисленные исследования советской национальной политики 1920–1930-х годов (периода, в который закладывались основы данных институтов), советское нациестроительство опиралось целиком на ленинско-сталинскую теорию нации. Данная теория имела свою динамику, однако была намного более конструктивистской, чем теория этноса, как раз в тот период подвергавшаяся резкой критике с марксистских позиций. В постсоветское время, как показывает Д.В. Верховцев, “этнос” хоть и проникает в юридический язык, но отнюдь там не доминирует, в отличие от традиционных с советских времен “народа”, “народности” и “национальности”. Таким образом, институциональные практики сами по себе не делают необходимым цитирование теоретиков этноса и вообще использование этого понятия.

Статья Верховцева склоняет к мысли, что “посмертное” существование теории этноса – результат отчасти “интранаучного” фактора наличия влиятельного позднесоветского этнос-дискурса, помноженного на идеологический запрос этнического ренессанса. Как уже говорилось, эта позиция не вполне учитывает многообразие идеолого-политических и квазинаучных позиций, в рамках которых этому понятию нашлось новое применение, а равно и самой

новизны этих позиций, отнюдь не сводящихся (как может показаться) к воспроизведению постулатов Бромлея-Гумилёва. К примеру, при всем “биологизаторстве”, национализме и (крипто)антисемитизме Гумилёва (не говоря уже об официальном интернационализме Бромлея), для них были бы неприемлемы расово-биологические трактовки этноса неорасистов и ультранационалистов, справедливо названных В.А. Тишковым “агрессивной антинаукой” (Тишков 2013: 14). После анализа, проведенного В.А. Шнирельманом, вряд ли необходимо подробно останавливаться на этих писаниях (*Шнирельман* 2011, Т. 2: 172–236). Несмотря на то, что политический комментатор Валерий Соловей носит звание доктора исторических наук, а кандидат филологических наук и крайне правый публицист Александр Севастьянов вываливает на читателя мешанину из “научного” расизма XIX в. и советской этнографии и антропологии, их тексты, конечно, не имеют отношения к науке. Широкая распространенность этих текстов, к сожалению, свидетельствует о “толерантности” российского общества к фашиствующей идеологии. Характерно, однако, что даже Гумилёв для подобных авторов – недостаточный “биологизатор” и подвергается ими критике. Является ли такое использование этноса “жизнью после смерти” советских теорий? Не слишком ли далеко отошло это выражение от своего оригинального смысла?

“Этнос” используется, конечно, идеологами консервативной направленности, однако они бывают разных сортов. К примеру, наиболее яркий идеолог традиционализма и неоевразийства А.Г. Дугин не опирается на расизм и фашиствующую науку XIX – первой половины XX вв. Вдохновляясь Хайдеггером и традиционалистской философией, он видит в либерализме “абсолютное зло”, ответственное за разрушение всех коллективных идентичностей и не признающее ценности за этно-религиозными и историческими общностями (Дугин 2009: 34, 48–49). В качестве главного авторитета Дугин выбирает С.М. Широкогорова, а этнос он определяет как “простое общество, органически (естественно) связанное с территорией и скрепленное общей нравственностью, обычаями, знаковой системой” (Дугин 2011: 8). Несмотря на обилие сносок на антропологическую литературу, насквозь мифологичная “этносоциология” Дугина не имеет отношения к академической науке, хотя, как и этнопедагогика работников Института народов Севера, способна отзываться на обеспокоенность современного человека потерей идентичности и ценностной дезориентацией.

Наконец, возвращаясь к интранаучному фактору, следует более пристально разобраться в современном состоянии этнологической/антропологической науки и ее теории. Статья Верховцева дает определенные наводки в этом направлении, однако не предлагает убедительных ответов. В поиске таковых, наверное, следовало бы обратиться к материалам регулярных конгрессов этнологов и антропологов России, печатной продукции сотрудников профильных кафедр и научно-исследовательских центров. Именно такой сфокусированный на профессиональных этнологах и антропологах и использующий качественные и количественные методы анализ может дать ответ на вопрос об истинном месте “этнос-мышления” в нашей науке. На сегодняшний день эта задача, на мой взгляд, не решена, а существующие оценки носят приблизительный и неполный характер. Будем надеяться, что автор обсуждаемой статьи в дальнейших работах ответит на поставленные им самим важные вопросы.

ВОЙНА С ПОНЯТИЕМ “ЭТНОС”, ИЛИ “ЕДИНСТВЕННО ВЕРНАЯ ТЕОРИЯ”

Л.С. Перепелкин

На Водичковой улице дрожки догнала привратница, член конгрегации Святой Марии, и на полном ходу приняла благословение от фельдкурата, перекрестилась, потом плюнула: – Скачут с этим Господом Богом, словно черти! Так и чухотку недолго получить! – и, запыхавшись, вернулась на свое старое место.

Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка. Глава XIII. Швейк едет соборовать.

Чтобы понять, о чем моя статья, достаточно заменить в эпитафии Господа Бога на Теорию Этнуса. И действительно, как я это попытаюсь показать потом, ничего “криминального” в этой теории и нет, и не было. Как, кстати, и в теории Господа Бога (которая, на мой взгляд, стала уже маргинальной). А зачем надо раздувать эти споры – совсем другой, не относящийся к науке вопрос (непонятно, вызван ли он идеологическими или личными соображениями). Начать статью я хочу с большого высказывания прекрасного англо-американского ученого Майкла Манна. Вот что он писал по поводу войны между народностями тутси и хуту в Центральной Африке – Руанде и Бурунди:

До начала обострения на долю хуту приходилось 85% населения в обеих странах, на тутси – 15%. Не меньше 25% руандийцев несут в своих жилах смешанную кровь прабабушек и прадедушек тутси и хуту. Тем не менее, абсолютное большинство идентифицирует себя либо как хуту, либо как тутси. Обе страны имеют нехарактерную для Африки высокую плотность населения и развитые коммуникации, что позволяет высокими темпами производить национальную мобилизацию. <...> Соперничающие группы имеют равные, морально оправданные и реалистичные шансы на создание государства на одной и той же территории (Манн 2016: 745).

Там была страшная резня. Если бы автору статьи или его сторонникам дали бы там высказаться в духе “вы сами себя придумали”, то последствия были бы ясны. Иными словами, никакой “конструктивизм” как опровержение “теории этнуса” невозможен. По крайней мере, в реальной жизни. Но есть социально-политические проблемы, которые могут вызвать конфликты под прикрытием “этничности”.

О чем комментируемая статья, рассмотрим далее. Вот как звучит ее *нафосный лейтмотив*: “...этнос оказался маргинальным явлением на фоне англоязычной мировой науки...”. Полагаю, что автор считает “англоязычную науку (?)” “мировой”, а “иноязычную науку” маргинальной. Но наука определяется в первую очередь не тем, на каком языке она “производится”. Тем более что те сюжеты, которые затрагивает автор, в английском языке описываются понятием “art”, а не “science”.

Почему мне не нравится идея доминирования теории конструктивизма в ее русском изводе? В первую очередь потому, что она стремится вытеснить все другие подходы, т.е. стремится прекратить конкуренцию идей (я называю этот подход “либеральным тоталитаризмом”). Кроме того, эта теория начинается с определенного подлога (а я хорошо знаком с переводчиком книги Б. Андерсона). В оригинале книга называется “Воображенные сообщества” – “Imagined Communities”, т.е. сообщества, которые стали реальностью в результате процесса воображения. А перевели название иначе: “Воображаемые сообщества”,

т.е. сообщества, которых не существует. Но это совершенно другая концепция. Более того, книга Андерсона посвящена отнюдь не этносу, а нациям и национализму. И посвящена она тому, как *культурными средствами формируют нацию, осознающую свое единство* (в том числе и единство происхождения). Этому вопросу посвящено много исследований, но сошлюсь лишь на некоторые: книгу Марка Ферро “Как рассказывают историю детям в разных странах мира” и книгу Эрнста Геллнера “Нации и национализм” (Геллнер 1991; Ферро 1992). В обеих книгах написано (в смысле идей) то же, что и в работе Бенедикта Андерсона.

Нет ни малейших причин объединять проблемы этноса (если они есть!) и нации под одной обложкой и, опираясь на исследования по формированию нации, критиковать чуждые для нее взгляды на этнос. И тем более писать о том, что это “смена парадигм”. Как я понял из книги Т. Куна, парадигма – это общий, абстрактный взгляд на предмет исследования, которым обычно ученый пользуется в своей работе. При этом “устаревшие теории нельзя в принципе считать ненаучными только на том основании, что они были отброшены” (Кун 1977: 19, 69). Как будет видно далее, никакой “смены парадигм” в критике теории этноса не произошло (Перепелкин 2018: 6–20).

Все эти игры с теорией этноса напоминают мне средневековый европейский спор между номиналистами и реалистами. Этот спор начался в XI в. по вопросам о триединой сущности Бога, но скоро перешел на общеполитические вопросы о том, как соотносится общее и частное. Мне больше по душе концепция П. Абеляра, заложившего основу направления “концептуализм” в своей “Диалектике”.

Сторонники этого направления полагали, что общее существует в вещах (in rebus) и обнаруживается в речевых актах. <...> Концептуализм представлял собой осмысление взаимоинтенциональных актов диалогической речи, направленной на схватывание множественных смыслов вещей. Предполагалось, что в речи есть неопределимые элементы, которые будут схвачены или интуитивно, или постигнуты в результате обговаривания. Акцент делался не на понятие, имеющее объективный, общее- и однозначный характер, а на выявление смыслов, что позволяло считать концепт речью самой вещи. Это выявление смыслов является не одноактным, а многоактным процессом, превосходящим пределы его наличного выражения в словах естественного языка (Концептуализм б.г.).

Так и теория этноса (в варианте Ю.В. Бромлея) существует как общий концепт, который так или иначе проявляется в реальности, но без которого ее (реальность) трудно понять. Точно так же без понятия “раса” невозможно существование расоведения и, к сожалению, расизма (Майлз, Браун 2008). Пусть какой-нибудь антрополог скажет, что расы не существуют.

Сейчас критики теории этноса обвиняют его сторонников в “реифицировании” общей идеи, т.е. в гипостазировании. Но это не так, у Ю.В. Бромлея есть лишь отсылки к понятию “этно-социальный организм”, равнозначному нации-этносу. Но в мире немного наций-государств, однородных по этнокультурному признаку (возможно, японцы, корейцы обеих Корей и кто-то еще). Им что, не считать себя японцами и корейцами? Конечно, в современном мире большинство наций-государств полиэтничны и поликультурны, и именно поэтому в мире разработаны нормы применительно к меньшинствам. И особенно закреплены права так называемого “коренного населения” – именно потому, что в условиях общих прав они деградируют или вымрут (Коренное население 1990).

Надо вспомнить, что С.М. Широкогоров создавал свою теорию на основе изучения тунгусских групп, живших тогда родо-племенным бытом в однородных природно-климатических условиях (Широкогоров 2012). Естественно, у подобных групп совпадали культурные и социальные границы (о социальных границах см.: Барт 2006; Перепелкин 2018).

Как известно, люди – стайные (социальные) животные, и мы (как и большинство наших предков) живем группами. Так было и будет всегда, пока не изменится наша человеческая природа (а автору этого хотелось бы?). Причисление себя к какой-то совокупности (по множеству разных признаков) – это нормальное для человека состояние. Оно называется самоидентификацией. Это может быть причисление себя к местным жителями (белорусское “тутейшие”) или связано с местом проживания (северорусские “устыцильмы”). Такая же потребность (или необходимость) в самоидентификации возникает в ходе переписей населения:

Данные переписи представляют собой властный капитал, ибо знание о населении позволяет находящимся у власти лучше знать социальные условия, культурные и другие параметры управляемых и ... осуществлять эффективное управление (Тышков 2003б: 11).

Признаки, по которым люди объединяются в группы, могут быть разными, но групповое существование для человечества непреложно. Иногда, конечно, оно вызывает конфликты. Это, к сожалению, уже сфера исследования этологии, т.к. человек – существо весьма агрессивное, и именно в том случае, когда прокладываются социальные границы (Сапольски 2021: 10). А отменить их невозможно. И это именно то, за чем надо внимательно следить.

В рамках исследования этничности и нации, как известно, существуют три направления: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Каждое из них основано на своих мифах. Примордиализм несет следующий миф: была некогда одна этническая группа, потом эта группа разрасталась, включала другие группы и ассимилировала их, т.е. включала в свой культурно-языковой контекст, а впоследствии, создав государство, становилась нацией. Речь, конечно, идет не о насильственной ассимиляции. Конструктивизм дополняет эту картину другим мифом: нации создаются за счет общих культурных символов. Здесь главный вопрос: кто конструирует и с какой целью? На него может быть несколько ответов: власть собственная, власть зарубежная и интеллигенция. Это интересно посмотреть на примере современной Украины (Перепелкин 2021: 135–160). У инструментализма свой миф, но это больше о меньшинствах: статус группы дает участникам определенные материальные преимущества. Здесь надо помнить, что эти концептуальные положения выдвинуты не в рамках опытной науки (*science*), а в рамках *art*.

Но пора отвлечься на вопросы о научности. Есть реальность, и есть ее эмпирическое исследование, которое должно поддерживать практику, и наоборот. Так оно и происходит: моторы работают, космические ракеты летают, людьми манипулируют: это происходит с наукой экспериментальной. Но надо напомнить, что даже экспериментальная наука работает с неточными показателями, например, с иррациональными числами C , ϕ , π и многими другими так наз. “мировыми константами”, которые не могут быть прочитаны до конца (т.е. в какой-то точке после запятой их использование может и не привести к нужному результату). Есть еще множество причин, почему опытная наука является лишь приближением к реальной действительности, но еще в большей степени это касается *art* – некоей совокупности науки/искусства/идеологии. Кстати говоря, именно С.М. Широкогоров впервые предложил какие-то формально-логические и математические измерения рассматриваемой здесь проблематики (Широкогоров 2012: 80–100). Далее следовали многочисленные подобные попытки перевести *art* в *science*, и они включают довольно успешные примеры (Даймонд, Робинсон 2018). Еще хуже обстоит дело с идеологией, которая есть предельно упрощенная система сведений о картине мира, поставляемых данными науки. Иными словами, идеология вклада в познание не несет, и очень

похоже, что комментируемая статья относится к этой категории. Совсем плохо с точки зрения приближения к реальности дело обстоит со стереотипами, включая этнические. Но именно они становятся объектами манипуляции и возможностью для создания конфликтных ситуаций (Млодинов 2012).

Но вот мое мнение о тематике статьи Д.В. Верховцева, которое я уже высказывал. *Все три концепции являются не противоречащими, а дополнительными по отношению друг к другу.*

Действительно, человечество всегда существовало как совокупность групп, имеющих свои различия. Эти группы могут исчезать за счет процессов инкорпорации – адаптации – аккультурации – ассимиляции, а на их месте возникать (конструироваться) новые группы за счет возникновения новых социальных границ. Подобного рода группы могут пользоваться особыми правами или претендовать на них (Перепелкин 2012: 927).

По сути Д.В. Верховцев предложил закрыть такое направление исследований, как “этногенез и этническая история”. А на каком основании? Не на том ли, что в этом направлении иногда упоминается слово “этнос”? Но люди всегда хотят знать о своем происхождении – пусть даже на уровне мифов. Археология и антропология, а сейчас и генетика, дают им такие возможности. А иногда и весьма достоверные. Повторю еще раз, что причина конфликтов – не достоверное знание (которого по большей части и не может быть, если это касается сегмента *art*), а в манипуляции сознанием со стороны заинтересованных групп.

Теперь несколько слов о практике советской национально-культурной политики. Напрасно автор иронизирует над тем, что советская наука, “вооруженная теорией этноса”, не смогла предвидеть последующие конфликты в СССР. Все с точностью до наоборот. Насколько я помню, в наш институт, который тогда назывался Институтом этнографии АН СССР, поступил заказ из ЦК КПСС (а дело было приблизительно в середине 1980-х годов) на анализ возможных межэтнических конфликтов в стране. Я частично принимал участие в создании этой записки, и поэтому точно помню, что все прогнозы, созданные институтом, были абсолютно точны. Я бы посоветовал автору, прежде чем делать подобные заявления, обратиться в архив Института этнологии и антропологии РАН.

Но надо уточнить, что советская национальная политика рождалась не на пустом месте, а ей предшествовала идейная ситуация в Европе накануне XX в. Речь идет о так наз. “национальном пробуждении” в славянских странах европейских колониальных империй. В этой связи надо сказать о движении “будителей”, которые уж точно были примордиалистами (Будители б.г.), а также о деятельности небольших групп интеллигенции, которая поддержала этот проект (на Украине, например, М.С. Грушевский [Грушевский 2016]). Конец XIX – начало XX вв. большевики провели в дискуссиях с “австромарксистами” по национальному вопросу и сделали из этого определенные выводы. Вывод первый: национальный вопрос является главным для воздействия на массы. Вывод второй: национальная интеллигенция – это тот слой, на который можно опереться при решении некоторых тактических задач о власти. Отсюда и последующая национальная политика, хотя и выводы были не всегда правильными, да и стратегия не совсем выверенной.

В основе советской национальной политики, как это ни удивительно, лежали именно те три концепции, которые сейчас составляют “корзину идей” в области теорий этничности и национализма. Федерализация по этническому (национальному) признаку стала проявлением примордиалистского (исповедуемого местной интеллигенцией) подхода к видению будущего своего (тогда – в далекой перспективе) народа. Отсюда эмпирический вывод о том, что лучший способ организации СССР – это федерация, построенная на этнических/национальных основаниях. Это привело к становлению наций как этносоциальных

организмов, но позволило воссоздать страну после гражданской войны. Если кто-то полагает, что в России сейчас возможно избежать этого принципа, пусть попробует засунуть новорожденного ребенка обратно в лоно матери: неприятно будет и матери, и ребенку. Этого делать не надо.

Конструктивистская идея предполагала создание наций на основе существующих групп населения. Так, хорошо известно, что в Средней Азии до советского времени не было никаких наций, а все считали себя мусульманами (Абашин 2007: 6–7). Подобное происходило по всей стране: нации создавались (конструировались). Это касается и украинской нации, которая в ранние советские годы была создана чуть ли не насильственно (за счет языковой политики, которая навязывала русским украинский язык), а также за счет включения в республику территорий, которые никогда не были украинскими или даже украиноязычными (Корнилов 2017). Но, возвращаясь к ссылке на Сергея Абашина, мне совершенно непонятно следующее его юношеское высказывание: «Хотелось бы когда-нибудь разгромить эту “теорию”, тем более что сама она, в том числе и в этой книге, дает к тому поводы» (Абашин 2007: 4). В чем причина, почему не разгромил, тем более что сейчас это вполне возможно и даже поощряемо? Конечно, Сергей – великолепный этнограф-полевик, но его цитированная работа лишь только подтверждает правильность советской национальной политики.

Наконец, теория инструментализма стала одним из наиболее ярких проявлений советской национальной политики. Это, например, отразилось в заботе о малых народах Севера или о народах, ведущих традиционный образ жизни, и в идее и практике выравнивания уровней социально-экономического развития, весьма затратного мероприятия. Порождала ли эта политика иждивенчество? Я не знаю, но сейчас, после распада СССР, могу уверенно сказать, что эта политика создала основу для развития многих постсоветских наций. В целом, на мой взгляд, советская национальная политика была достаточно успешной, даже если ее сравнивать с политикой в сфере этничности в США, Европе и других западных странах.

А теперь о том, что я приберег для заключения. Почему-то книги Л.Н. Гумилёва автор выделил особо в качестве “ненаучных”. Может быть потому, что они хорошо написаны и их интересно читать? Вот как Гумилёв определяет понятие “этнос”: “...явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли” (Гумилёв 1989: 24). А что, для кого-то ново, что человеческая культура, по крайней мере, на ранних стадиях своего становления, формируется во взаимодействии с природной средой? Или идея пассионарности, которая предполагает, что человечество подвержено неким сукцессиям, или энергетическим толчкам, которые являются основами этногенеза? “Это роднит человечество с прочими явлениями биосферы, тогда как социальные и культурные структуры, свойственные только человеку, имеют иной характер движения” (Там же: 264).

Да, несомненно, Л.Н. Гумилёв придавал в своей этнической и исторической теории большое значение геофизическим процессам и солнечной активности. Но чтобы опровергать его взгляд на мир, сначала надо опровергнуть его предшественников, таких, как П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский и А.Л. Чижевский. Но критики исследований Л.Н. Гумилёва почему-то этого не делают. Может быть, потому что понимают – это им не по зубам. Сам я не большой любитель и читатель творчества Л.Н. Гумилёва, но полагаю, что его теория должна быть достойно представлена в историографии наряду с другими теориями.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ, ИЛИ О КОНЦЕПЦИЯХ ЭТНОСА И ЭТНИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

С.В. Соколовский

Я прочитываю статью Д.В. Верховцева не как повествование об истории конкретной концепции (в этом случае оно оказалось бы совершенно не оригинальным и крайне неполным), но как работу науковедческую, ставящую важный вопрос о судьбе концепций, фактически исключенных из исследовательской повестки в том сообществе, где они возникли, и отправившихся в путешествие по другим дисциплинам, иначе говоря – как исследование междисциплинарного трансфера знаний и тех неизбежных трансформаций, которым эти знания в ходе такого перемещения подвергаются. Эта проблема автором поднимается (в качестве основных он ставит вопросы “что происходило с концепцией этноса после утраты ею официального статуса в этнологии” и “какие факторы повлияли на сложившееся положение”), однако, с моей точки зрения, несмотря на представленные в статье материалы, остается нераскрытой. Возможно, ответы на эти вопросы требуют более детальной аргументации, например, не только сведений о частотности употребления соответствующих терминов, но и анализа влияния авторов друг на друга, привлечения графов цитирований и т.п.). Не менее интересен вопрос, в чем концепции этноса и этничности, о которых идет речь, оказались недостаточными для понимания процессов личностной и коллективной идентификации.

Ответ на первый вопрос требует не только более детальных сведений о том, что именно заимствовалось другими дисциплинами из этих концепций (термины, терминосистемы, тезаурусы как системы связанных понятий, наконец, может быть, концепции или теории, адаптируемые затем для решения иных задач?), но и собственно теоретического контекста, прямое отношение к которому имеют конкурировавшие и сменявшие друг друга концепции развития научного знания Людвиг Флека, логических позитивистов, Карла Поппера, Пола Фейерабенда, Имре Лакатоша, Томаса Куна, Брюно Латура и др., т.к. этнологи, занимавшиеся исследованиями истории собственной дисциплины, пока не смогли предложить теорию, которая объясняла бы динамику заимствований, смену интересов и популяризацию производимого в ней знания. Здесь, конечно, помогли бы детальная география и картография междисциплинарного трансфера знаний и представление об объемах и содержании заимствований. Этим, впрочем, занимаются историки науки, включая некоторых из участников нынешнего обсуждения, но пока не систематически и в рамках узкодисциплинарного контекста, тогда как в данном случае требуется отслеживание судьбы концепции не только в ее историческом и географическом аспектах, но и в плане междисциплинарном, охватывающим сразу все множество социальных наук и гуманитарных дисциплин, где использовались соответствующие термины или понятия. Задача сложная, требующая знакомства с тысячами источников, но благодарная, т.к. ее решение позволило бы уточнить не только историю конкретной концепции, но и, что гораздо важнее, предоставить те необходимые детали эволюции социального знания, которые позволили бы вступить в аргументированный диалог с перечисленными выше концепциями развития науки, разработанными, в основном, на материалах физических и биологических дисциплин¹.

За неимением специализированной и адаптированной к закономерностям развития социального знания концепции, обратимся к предложенной Т. Куном модели, иллюстрирующей смену парадигм в естественных науках. Как известно, Кун видит эту смену как процесс, вызванный обнаружением *серьезных ано-*

малий, что и приводит к пересмотру мировоззрения (т.е. к научной революции), за которым следует новый период накопления знаний (в его терминологии – “нормальной науки”). В предисловии ко второму расширенному изданию своей книги он определяет парадигму как “универсально признаваемые научные достижения, которые на время предоставляют практикующему сообществу модельные проблемы и решения” (Kuhn [1962] 1970: 8). Период нормальной науки рассматривается им как период стабильности ключевых теорий, инструментов, ценностей и метафизических оснований, образующих матрицу дисциплины, что позволяет разрешать возникающие загадки в режиме накопления новых знаний, в то время как при научной революции эта матрица подвергается ревизии для разрешения тех аномалий, с которыми сталкиваются объяснения на основе прежних теорий.

Если опираться на важнейший из перечисленных критериев, делающих необходимым пересмотр существующих концепций – наличие *аномалий*, то Ю.В. Бромлей ни в своих программных статьях конца 1960-х – начала 1970-х годов, ни в первой книге с симптоматически озаглавленной частью “Этнос как динамическая система” (Бромлей 1973: 10–176) таковых не упоминает, а наоборот подчеркивает преемственность между предлагаемой им концепцией с рядом ей предшествовавших, например, с разработками П.И. Кушнера 1940–50-х годов (Там же: 23). В концепции Куна такая преемственность интерпретируется как фаза “нормальной науки”. В отличие от него В.И. Козлов, правда, в книге, опубликованной много позднее, рассматривая “историю разработки теории этноса”, прямо пишет об аномалиях – концепции исторических общностей в изложении “философов-истматчиков”, в соответствии с которой в основе этнических общностей разных экономических эпох лежали разные типы связей – кровнородственные, территориальные, экономические – абстрактные построения, которые он развенчивает (Козлов 1999: 46–47). Кун должен был бы интерпретировать это как революцию и разрыв постепенности, т.е. как смену парадигмы. Напомним, что у Бромлея кровнородственные связи (характерные по Козлову только для рода, этническим сообществом не являющегося) играли заметную роль в его рассмотрении эндогамии как «“стабилизатора” этноса» (Бромлей 1973: 114–124). Логика построения теории этноса, предложенная В.И. Козловым, выглядит убедительнее, нежели реформа терминосистемы, осуществленная Ю.В. Бромлеем. Даже ее столкновение с популярной версией Л.Н. Гумилёва (как и с заимствованной Бромлеем у С.Н. Широкого идеей эндогамии этноса), хотя и подчеркивает гетерогенность теоретических построений Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова, Ю.И. Семенова и др., является, скорее, продолжением старой и значительно более широкой дискуссии о примате в эволюции человечества социального или биологического, природного или обусловленного культурой, врожденного или приобретенного (так наз. *nature/nurture controversy*).

Гетерогенность – т.е. наличие самостоятельных трактовок или моделей у основной группы авторов исторической концепции этноса – свидетельствует о рыхлости гуманитарного знания, в рамках которого наличие “серьезных аномалий” не провоцируют кризиса и пересмотра оснований. Такой кризис возникает скорее благодаря сторонним влияниям и заимствованиям, меняющейся популярности отдельных концепций (научной моде) и рекрутированию сторонников инноваций. Ученые не создают знание в вакууме – им нужно публиковать свои соображения, а для этого убеждать коллег в их серьезности и обоснованности и находить новые аргументы для преодоления критики. Все эти тактики уже на самых ранних этапах развития научного знания исследовались риторикой. В статье “Полевое исследование: идеал и действительность”, опубликованной в этом же журнале почти три десятка лет назад, я сделал попытку описать

этот процесс, обозначив его довольно неуклюжим и плохо понимаемым термином “солидификация факта”. Если бы я был тогда знаком с книгой Б. Латура “Лабораторная жизнь”, я смог бы сэкономить массу усилий, просто сославшись на его детальное описание производства фактов и теорий за счет вербовки союзников и стратегий убеждения. Впрочем, не думаю, что Латур здесь был оригинален, поскольку Т. Кун в “Структуре научных революций”, особенно во втором расширенном издании этой работы, неоднократно обращался к анализу тактик убеждения, прежде всего в случае несоизмеримости концепций (Kuhn [1962] 1970: 199–203). Это дало основание его последователям из числа философов и историков науки утверждать, что его работа сделала окончательно “ясным, что принятие фундаментально новой теоретической перспективы заключается в убеждении, рекрутировании и индоктринации” (Boyd 1993 [1979]: 486). Кун представил весьма убедительную синтетическую концепцию развития научного знания, в которой нашлось место логическим, историческим, психологическим и социологическим факторам, в то время как Латур² уделил особое внимание социологической стороне, включив в нее и всю громаду овеществленных отношений и функций – материальную среду человеческого действия. Это позволило ему уже в самой первой книге, написанной в соавторстве со Стивом Вулгаром, представить науку как ристалище, а научные факты и концепции – как результат состязания сил и как конструкции, возникающие и существующие за счет непрерывной поддержки со стороны рекрутированных “союзников” – людей и прочих вовлеченных в процесс развития знаний в рамках данного исследования акторов: животных, молекул, приборов, текстов.

Я остановился на этих интерпретациях развития научного знания столь подробно потому, что они сообщают нашей дискуссии об “экзгумации” почившей (в этнологии) концепции этноса новый поворот. Мы можем вслед за Куном и Латуром утверждать, что если нечто существует, значит факторы и силы, это существование обеспечивающие, продолжают работать. С моей точки зрения, конкретная теория всегда является частью определенной программы действия. Целью ее разработки и внедрения является не только логическое объяснение положения дел в рассматриваемом фрагменте мира; она всегда предполагает сначала переоценку, а затем и изменение этого положения в определенном направлении. В этом отношении теория этноса была и продолжает работать в контексте идеологии национализма.

Какие действия предлагает теория этноса и в основу каких действий она может быть положена в качестве их легитимации? Теория этноса сегодня как компонент определенной идеологии даже в весьма потрепанных критикой ее версиях продолжает использоваться во всех локальных националистических движениях, обслуживая интересы местных элит и исподволь содействуя трайбализации гражданского общества. Именно по причине их политической значимости вокруг концепций этноса и этничности было сломано так много копий не только у нас, но и в других странах. Ее элементы вошли в конструкции таких концептов, как мультикультурализм, права народов, межэтнические конфликты и т.п., продолжающих активно использоваться в современных обоснованиях политического устройства мультикультурных обществ. Факты существования некоторых устаревших версий данной теории могут объясняться лишь продолжающими работать в их поддержку социальными институтами и кооптацией новых “союзников” как в лице отдельных исследователей³, так и более влиятельных игроков типа церкви или государства. В этом отношении я бы не стал сегодня отбрасывать институциональную версию концепции этничности, в которой последняя выступает как продукт работы обеспечивающих ее воспроизводство институтов. Вместе с более детально разработанными онтоло-

гическими трактовками реальности, в которых социальность рассматривается как совокупный эффект взаимодействия людей, артефактов и натурофактов, она предлагает весьма убедительные объяснения инерционного существования концепций, подобных рассматриваемой здесь советской теории этноса. Иными словами – некоторые специализированные социальные институты (переписи, музеи, карты, так наз. “этнокультурный компонент” в системе образования, соответствующие нормы российского и международного законодательства, соответствующие формации и модусы дискурса, в том числе журналистского) вместе с внеинституциональными факторами и силами продолжают лежать в основе воспроизводства интересующих нас социальных ролей (этнической идентификации), и пока эти роли реализуются на практике, т.е. составляют часть нашей реальности, исследователи будут вынуждены учитывать этот ее аспект в своих концептуализациях. Часть таких концептуализаций строится в угоду интересам отдельных групп и осуществляется на основе отбора одних фактов и представлений и игнорировании других – им противоречащих. Сегодняшнее существование каких-то представлений, связанных с биолого-географическими (Широкогоров, Гумилёв) или социально-историческими (Бромлей и его коллеги) трактовками этнической идентификации, должно объясняться как социальный факт, если, разумеется, мы получим надежные доказательства в пользу существования этого факта, т.е. сможем убедиться, что такие представления действительно продолжают выполнять роль теоретической рамки в научных исследованиях. Остается, впрочем, возможность, что зафиксированные в статье Д.В. Верховцева случаи употребления термина “этнос” мало связаны с соответствующими концепциями, и тогда мы имеем дело либо с псевдонаучными построениями, своего рода карикатурой на научный дискурс, его эмуляцией или симулякром, либо с недостаточно продуманными фрагментами этих концепций – зомби, неудачно эксгумированным трупом теории, о существовании аргументированной критики которой пользователи этих концепций даже не подозревают.

ПОСЛЕ ЭТНОСА

В.А. Тишков

А была ли такая “советская теория этноса” вообще, если понимать под научной теорией форму организации научного знания как целостное представление о явлениях с обоснованием положений на общем принципе или принципах и проверяемых научным методом, в данном случае протоколом этнографического наблюдения или историко-документальным анализом? Применительно к разработкам Ю.В. Бромлея и тех его коллег, которые считали себя соавторами “советской теории этноса”, понятие теории является недопустимым по ряду причин. Конструкции “этносоциального организма” в его надуманных формах *ЭСО* и *этникос* не выдерживают проверочных процедур и при иллюстрировании сводятся к сплошным исключениям из предлагаемой формулы, даже если брать только примеры культурно-схожих социальных коллективов, а тем более – примеры культурно-сложных обществ или же примеры личностного самосознания.

Где начинается и где кончается эсо и этникос и как определяется “носитель этноса” (так наз. этнофор) в его личностном варианте – определить невозможно. Конечно, кроме случаев, где население прошло через процедуры верхушечных и низовых индоктринаций по части “кто есть МЫ?” или же ситуаций этнически избирательной политико-идеологической мобилизации, когда не назваться,

скажем, русским, чеченцем или татаринном фактически невозможно. В одной из моих бесед с Ю.В. Бромлеем он не смог ответить мне на вопрос, что есть ЭСО и этникос на примере хотя бы русских и украинцев. Я не стал спрашивать старшего коллегу, носителем какого этноса он был сам, чтобы не ставить его в еще более сложное положение. Некоторые вариации примордиальных подходов (этносы социально-экономических формаций у В.И. Козлова, компонентная теория этноса у В.В. Пименова, социально-исторические организмы – социоры у Ю.И. Семенова) ситуацию не спасают, ибо они не покидают привычное для отечественного исследователя лоно примордиальности.

Понятно, что мой “Реквием по этносу” (Тишков 2003а) и последующие ревизии были направлены не против этничности вообще, а представляли собой критику доминировавшего в советской этнографии подхода, претенциозно названного теорией. Однако этничность как форма идентичности на основе культурных различий была и остается с нами, только вот этносы никак не определяются в смысле их членства и границ (границ в бартовском смысле как культурных маркеров, а не в кушнеровском в пространственно-расселенческом аспекте). Причем трудности с определением “реальности этноса” на конкретных примерах и проверочных процедурах имеются не только во внешнем мире, но и в родном Отечестве, где на утверждение “списка народов” как некоего коллективного тела со своим психотипом, а теперь даже и генотипом, были затрачены ресурсы нескольких поколений ученых и практиков. Масштабная попытка С.И. Брука своим этнодемографическим справочником (Брук 1986) нарисовать этносы для всех стран мира была крайне уязвимой и внешнему миру не понятной. Не случайно лидер французских коммунистов Жорж Марше жаловался Леониду Брежневу на Институт этнографии АН СССР за то, что он разбивает французскую нацию на отдельные этносы. Хотя собираемые Бруком и Институтом этнографии АН СССР сведения об этнорасовом и конфессиональном составе населения стран мира имели свои смыслы, и они сохраняют свою значимость при условии обновления и коррекции на идентификационную динамику, на выбор-стратегию и на политико-административные воздействия.

Придуманная М.Я. Берзиной на примере Канады паллиативная концепция “переходных групп” (Берзина 1971) была лишь отражением потребности как-то обозначать явную подвижность этнических границ хотя бы в форме тривиальной ассимиляции и смены самосознания. Но, опять же, все это рассматривалось как одна из форм протекающих в историческом времени объективных “этнических процессов”, а не как перемены под воздействием индивидуального выбора, предписанной процессуальности и институализации этничности. Попытки более поздних апологий теории этноса в виде книги С.Е. Рыбакова о “философии этноса” (Рыбаков 2001) вообще обошлись без единого (!) доказательного примера и представляют собою псевдофилософскую схоластику, некритически допущенную в свое время на страницы “Этнографического обозрения” в пылу защиты гниущего концепта этноса.

В отношении мировой антропологической науки можно сказать уверенно, что ни в начале XX в. во времена С.М. Широкогорова, ни во времена Ю.В. Бромлея, а тем более в последние десятилетия никакого признания построений вокруг категории этноса не случилось. Редкие последователи типа немецкого этнолога Вильгельма Мюльмана (Mühlmann 1964) подвергались всеми аргументированной критике, кроме, возможно, Георга Элверта, отдавшего дань примордиальности в анализе этнических конфликтов и “рынков насилия” (Elwert 1999). В целом судьбы научных подходов к феномену этничности (прежде всего в рамках теории социального конструктивизма) за последние полвека были рассмотрены в недавнем сборнике статей ведущих антропологов мира,

посвященном 50-летию с момента выхода в свет знаменитого сборника под редакцией Ф. Барта (*Hylland Eriksen, Jakoubek* 2019). Замечу, что свою статью в этом сборнике я назвал более категорично “От этноса к этничности и назад” в сравнении с осторожным названием схожего русского варианта в “Этнографическом обозрении”: “От этноса к этничности и после”. Вызвано это было распространением примордиального концепта этноса в смежных социальных дисциплинах, а также размахнувшимися в России генетико-биологическими разработками под названием *этногеномика*.

Что касается работ Л.Н. Гумилёва, то здесь изначально был большой вопрос, является ли его теория пассионарности и этногенеза научной? В действительности она антинаучна, ибо отрицает принципы, на которых строится современная наука, а самое главное – это принципы достоверности и проверяемости. Никто и никогда, включая самого Гумилёва, не обнаружил тот самый “перволетчик” для начала этнообразования из природно-космической среды, но именно с этого голословия и начинаются гумилевские конструкции. Что касается “жизни и смерти” этносов, а тем более в их годовом исчислении (около 1500 лет!), то это также целиком выдуманные вещи. На проверку в этнонационалистическом дискурсе все “этноты” оказываются самыми древними и самыми молодыми одновременно, ибо то и другое согревает души этнонационалистов в зависимости от преследуемой ими цели.

Гумилевский поверхностный фундаментализм (не путать с фундаментальностью) причудливым образом превратился почти в новую религию, в которую можно только верить. Он оказался созвучен российскому времени эпохи “пусть расцветают все сто цветов”, наступившей с приходом М.С. Горбачёва. Он резонировал времени всеобщей реабилитации некогда запретного и одновременно бесцензурной демонстрации натурального невежества и политической наглости, когда с телеэкранов заряжали воду и делали дистанционно операции без наркоза, когда этнонационализм оседлал и разрушил государство и на этих же идеях пытался строить новые образования. Конструкции Гумилёва грели души не самых просвещенных людей со многих сторон: здесь было и про новое евразийство как антипод Евроатлантике, и про первичный кирпичик бытия в форме этнических общностей с их внутренней энергией на срок акметической фазы развития этноса, и про зловердных этносов-паразитов, которые пробираются внутрь других этносов и разлагают их изнутри, и еще про многое удивительное и недоказанное. По сути, феномен Гумилёва не является событием и даже фактом науки, это событие из разряда так наз. фольк-истории типа известной фоменковщины или эзотерических явлений типа Карлоса Кастанеды с его учением Дона Хуана. Есть здесь место и для изошренной конспирологии, “божественного замысла” по части отведенной судьбой места тому или иному народу быть “суперэтнотом” с притягательными свойствами, а кому-то – рангами ниже или вообще быть лишенным “комплиментарности”.

Однако следует признать, что “новой хронологией” Фоменко, учением дона Хуана, книгами Гумилёва увлекаются миллионы как обывателей, так и серьезных людей, причем не только в России. Тем более что в работах Гумилёва по истории Евразии и тюркских народов есть полезные сведения, ранее недостаточно представленные в отечественной историографии. Но вот с теорией этногенеза и пассионарности случилась неосознаваемая до сих пор катастрофа в силу ее некритического проникновения в арсенал политических активистов, этнических предпринимателей, медийных неопитов. В самое последнее время “жизненная сила этноса” стала одним из аргументов геополитических рассуждений, компонентом в перечне духовно-нравственных традиций народа, доказательством в политике антимиграционизма, а иногда – оправданием насилия в

отношении “чужих”. Какая-либо линия возражений или научной критики стала трудно допустимой, и многие ученые склонили свои головы перед этим мейн-стримом общественного дискурса.

Автор статьи прав, говоря о том, что в постсоветское время новых и продвигающих разработок теория этноса, как и теория этногенеза и пассионарности, особо не нажила. Но дело в том, что бывшее брюзжание выучеников Бромля и почитателей Гумилёва ныне переродилось в вариант некой академической отстраненности от научной критики с нейтральностью суждений о перспективах этнического примордиализма как в науке, так и в общественном дискурсе. Эта отстраненность характерна для некоторых последних работ по истории отечественной этнологии, включая и статью Д.В. Верховцева, которая заканчивается фаталистической по своей сути констатацией возврата этноса как категории анализа и как концепта в сфере образования, просвещения и управленческой политики.

Нынешний анализ ситуации в науке часто оформляется в наукометрический антураж частотности цитирования и пользования словами-терминами разными акторами, включая лексикон высших лиц государства и правовые тексты. На этой же основе построена и комментируемая мною статья. Однако эта отстраненность и видимая объективность вызывают возражения. Прежде всего сам аргумент цитированности в пользу нарастающей живучести этноса легко опровергается подобными же экскурсами. Так, анализ частотности употребления слова “этнос”, включая его вариации типа “субэтнос”, “суперэтнос”, в публикациях абстрактов докладов российских конгрессов антропологов и этнологов показал, что этот термин из словаря современных российских ученых уходит. Если на четырех последних конгрессах число участников (имеется в виду представленных резюме докладов) возрастает (около 1200 в Екатеринбурге в 2015 г., 1430 в Ижевске в 2017 г., 1615 – в Казани в 2019 г. и около 2122 – в Томске в 2021 году), то само слово “этнос” встречается в этих резюме (причем в некоторых – неоднократно) всего 273 раза в Екатеринбурге, 228 раз в Ижевске, 183 раза в Казани, 211 раз в Томске (с учетом роста числа абстрактов частотность снижается более чем заметно). Однако эти данные носят вспомогательный, а не определяющий ситуацию характер. Использование самого слова может совсем не означать подписку на верность самой конструкции этноса, а просто быть привычным или даже вычурно модным (это больше касается неофитов от этнологии и словаря политиков и пропагандистов) аналогом слов “народ”, “этническая общность”, “национальность” и т.п.

Также более внимательного анализа требуют данные цитирования книг известных авторов. Издание книг и цитирование работ Бромля и Гумилёва (особенно последнего) в большой степени отражают не место их построений в научной среде, а наличие феномена фольк-истори и интеллектуального национализма в этнокультурном варианте – своего рода этнодискурс или *этнос-мышление*, если использовать выражение С.С. Алымова и его соавторов (*Anderson, Arzyutov, Alyumov* 2019). Противостоять этому довольно сложно, но можно и нужно, особенно если бытовая этноментальность, даже в случае цитирования самыми высокими руководителями, проникает в учебные тексты, в сферу просвещения, в политическую пропаганду.

Вообще складывается впечатление, что существуют как бы две реальности или два плохо пересекающихся пространства: наука и нон-фикшн. Казалось бы, последний должен представлять собою популярное знание, но именно – знание, а не фантазии (не путать с фантастикой!), эзотерику и конспирологию. Однако в реальности, если посмотреть, что издается и читается в мире, а также переводится на русский язык в сфере нон-фикшн, мы увидим именно трактаты эзотерического, конспирологического и этногенетического характера. Многочис-

ленные клоны Карлоса Кастанеды существуют и хорошо кормятся на бытовых фобиях и на эмоциональных озабоченностях людей разного ранга и уровня образования. Плохо, если подобная облегченность в понимании научности проникает в саму профессиональную среду, когда недоучившиеся у преподавателей с фальшивыми диссертациями некоторые представители поколения ЕГЭ начинают “делать науку”, ставя целью не добывание нового знания, а выращивание собственного “хирша”, и устраивают своего рода академический хайп.

Именно в этом ряду я рассматриваю попытки в мировой и, отчасти, в российской антропологии и этнологии размыть предмет нашей науки и ее цеховую основу – этнографический метод. Делается это под видом “экспериментальной антропологии”, “антропологии всечеловечности” или так называемой “постгуманистической (читай – постчеловеческой) антропологии” – своего рода “антропологии листьев и камней”, по меткому замечанию антрополога Сергея Ушакина. То, что ныне один известный канадский философ и популяризатор предлагает своей книгой “После этноса” (Rees 2018) в качестве революции в антропологии, есть не что иное, как отказ от анализа культурных смыслов в жизни общества и от поиска оптимальных формул обустройства культурно сложных обществ и достойной в нем жизни современного человека. Эта отрешенность от человеческого, часто под видом “ухода в цифру” или в “виртуальность”, не согласуется с научными интересами и озабоченностями большинства современных социально-культурных антропологов.

Один из лидеров нашего цеха, социальный антрополог и исследователь национализма Арджун Аппадурай недавно опубликовал критический анализ этнополитической ситуации в Индии и политики руководства страны в лице правящей националистической Бхаратия Джаната парти (БДП), определив антиисламскую направленность господствующей идеологии Хиндутвы как форму *геноцидализма* – идеологии и политики, которая логически ведет к массовому насилию вплоть до возможного истребления 200 миллионов индийских мусульман (Appadurai 2022). Но не только полуторамиллиардная Индия, а и многие другие страны, и в том числе Россия, нуждаются в антропологическом анализе проблем развития и благополучия современных культурно сложных наций-государств, сохранения и воспроизводства культурного наследия народов, исторической памяти и идентичности, межэтнических взаимодействий и общегражданской солидарности, правовых и социально-культурных регуляторов общественной жизни, ответственного правления на всех уровнях – от местных сообществ до общегосударственного.

Все эти вопросы – это вопросы жизни человека и создаваемых им коалиций, институтов и явлений, т.е. приоритетные вопросы социально-культурной антропологии и этнологии. Для сторонников инноваций в антропологии могут быть привлекательны темы типа антропологии холода, звука в поле, тайного знания, “русской смерти” и других сюжетов, но невозможно уводить интересы нового поколения исследователей от вышеперечисленных мною главных тем российских ученых-гуманитариев. Именно по этой причине, на мой взгляд, гуманистическая миссия нашей науки, профессиональные стандарты и этика одной из ведущих социогуманитарных наук должны сохраняться и всячески отстаиваться служителями цеха. Теория этноса мертва, но этнокультурное многообразие России и остального мира сохраняется, а его исчезновение будет означать социальную энтропию, т.е. конец жизни человечества.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОПУЛЯРНОСТИ ТЕОРИИ ЭТНОСА

В.А. Шнирельман

Разговор о популярности теории этноса считаю своевременным. В этом отношении следовало бы иметь в виду следующее.

Во-первых, следует проводить различия между эпохой модерна, к которой относится советский период, когда ученые и наука имели особый высокий статус и были отделены от общества, в публичной сфере хранившего молчание. Тогда научные вопросы обсуждались в основном только в среде специалистов, а до общества научная информация доходила через учебники, научно-популярные произведения и беллетристику. Дилетантов в эту область не пропускали, и взаимоотношения ученых с обществом были однонаправленными.

Но с падением цензуры в период перестройки СССР вступил в эпоху постмодерна. Общество активно заговорило, причем на разные голоса. Граница между научным и ненаучным дискурсом начала быстро размываться. Престиж ученых падал. Одновременно появилось немало смельчаков (писателей, публицистов, журналистов), которые отважно вступали в полемику с учеными, по-своему и для своих собственных целей используя доступные им научные (и псевдонаучные) теории со связанной с ними терминологией. В этом ряду оказалась и теория этноса, использовавшаяся для самых разных надобностей. В результате она выплеснулась далеко за рамки, отводившиеся ей ранее. Отсюда и резкий рост числа отсылок к ней.

Это, в частности, относится и к теории Льва Гумилёва, которая в советские годы не только не набирала популярность, но и не находила поддержки у специалистов и даже подвергалась жесткой критике. Правда, публичные лекции Гумилёва имели большой успех, но не у специалистов, а у любителей, которые до второй половины 1980-х годов не имели площадки для публичного обсуждения его идей.

Во-вторых, книги Гумилёва привлекали своим красочным языком, неожиданными сюжетами и захватывающими предложениями по решению, пусть и псевдонаучному, сложных социальных и этнических проблем. Они служат яркими образцами научного популизма, причем Гумилёв и сам это хорошо сознавал, т.к., не найдя поддержки в науке, пытался всеми силами заработать народную славу. Этому, разумеется, способствовали и беспрецедентные тиражи его книг, что объясняется поддержкой со стороны могущественного тогда А.И. Лукьянова. А в постсоветское время эти книги много раз переиздавались различными издательствами. И по тиражам с Гумилёвым не может соперничать ни один из действительно высокопрофессиональных специалистов, помещенных автором вместе с ним в таблицу цитируемости. Мало того, его теорию популяризировали журналисты и телевизионщики. Это продолжается до сих пор. Так, 23 января 2022 г. по телеканалу «Культура» был показан популярный фильм, прославлявший Гумилёва и его теорию этногенеза. Никакого ее анализа не давалось, и зрителю предлагалось принять ее на веру хотя бы из сочувствия к жизненным мытарствам Гумилёва.

Именно поэтому авторитет Льва Николаевича резко вырос в 1990-е годы, когда он прослыл в народе едва ли не самым выдающимся отечественным историком. Ведь других авторов общественность не знала, тогда как его книги, имевшие солидную рекламу, продавались на каждом углу. Вот почему, как показывает автор, по индексу цитирования Гумилёв намного опережает других известных специалистов. Однако автор не ставит вопрос о том, идет ли речь о позитивном или негативном цитировании. Ведь в постсоветские годы в адрес

теории Гумилёва раздавались не только дифирамбы, но и высказывались весьма критические суждения⁴.

В-третьих, благодаря своему популизму, его теория привлекала внимание чиновников и работников силовых ведомств (именно из этой среды вышел В.В. Путин). Она соблазняла своими простыми решениями и отвечала чаяниям и представлениям этого контингента. Людям нравились такие наукообразные термины, как “суперэтнос”, “пассионарность”, “фазы этногенеза” и пр. А разбираться в хитросплетениях, противоречиях и недомолвках теории Гумилёва они не только не желали, но и не могли, не имея соответствующего образования.

В-четвертых, это самое печальное, по тем же причинам его теорию подхватили немало вузовских профессоров (культурологи, философы, социологи, историки, психологи и пр.). Примечательно, что они полностью игнорировали критический анализ теории Гумилёва. Скажем, я неоднократно разбирал его ксенофобские построения и показывал слабость его аргументов, нередко связанных с недостаточным знанием достижений мировой антропологии, которую он фактически обошел стороной, при этом гордо называя себя “отцом русской этнологии”. Но как со мной, так и с другими критиками, никто не решался спорить. Критику в отношении Гумилёва многие попросту оставляют без внимания. Зато в год его столетнего юбилея (2012 г.) не было недостатка в вузовских конференциях, где звучали призывы развивать и дальше его теорию. А между тем, как мне приходилось объяснять, взгляды Льва Николаевича, близкие западным “новым правым”, служат (псевдо)научным обоснованием нового (культурного) расизма (*Шнирельман* 2011: Т. 1). Иными словами, если в постсоветской России и появился научный расизм, то немалую роль в этом сыграли теории Гумилёва (*Шнирельман* 2022).

Но речь должна идти не только об этом, а также о многочисленных фактических ошибках в его работах, о его опоре на устаревшие и давно вышедшие из обращения взгляды и подходы XIX в., о его ссылках на выдуманные источники и пр. По сути, своих оригинальных идей у него почти что не было. Но, чтобы это понять, нужно хорошо знать историографию проблемы. Известно, что Гумилёв сутками просиживал в Государственной публичной исторической библиотеке, где читал массу старой литературы XIX – начала XX вв., откуда и брал многие свои идеи. Скажем, цифру 1200-1500 лет, которой он определял сроки существования этноса, он нашел у Константина Леонтьева, а тот в свою очередь заимствовал это у востоковеда Я. Буркхардта. Поэтому идеи Гумилёва возвращают нас в XIX век, но нужно ли нам туда возвращаться (хотя некоторым политикам это, похоже, нравится)?

Наконец, имелся еще один чрезвычайно важный фактор, делавший востребованной советскую теорию этноса. Сам этнофедеральный принцип построения государства требовал реификации этноса. Отсюда неизбежные примордиализм и эссенциализм. Д.В. Верховцев пишет об этом как об институциональном факторе. Ведь конструктивистский подход ставит этот принцип под сомнение. Автор правильно упоминает склонности этнонационализма к эссенциализации этноса, но не объясняет причин. Тем самым он обходит вопрос о социальной и политической роли этнического фактора, примеров чему в советской и постсоветской действительности можно найти немало. Для меньшинств категория этноса служила и служит важным политическим ресурсом, включающим язык, культуру и историю (в т.ч. этногенез) как существенные опоры в борьбе против дискриминации. Вот почему, когда в 1980-е годы американские антропологи сдвинулись к конструктивизму, это было враждебно встречено, скажем, индейцами Южной Америки (да и не только ими). И было бы важно проанализировать, что в связи с этим происходило в

той же американской науке, как там приняли этот вызов, как это отразилось на том же конструктивистском подходе.

Кстати, речь идет не только о меньшинствах. В обстановке определенного кризиса то же самое происходит и с доминирующим большинством, примером чего и служит, например, русский национализм. Это во многом объясняет любовь к построениям Гумилёва. Поэтому, как мне кажется, трудно обсуждать эту проблему, обходя фактор дискриминации, – а это очень непростой вопрос. Ведь и К. Леви-Строс понимал, что признание культурных различий моментально ставит вопрос о дискриминации. Поэтому его подходы очень полюбились французским крайне правым, а левые критиковали его за расизм. В чем-то это похоже на ситуацию с Гумилёвым. Хотя Леви-Строс и Гумилёв фигуры совершенно несопоставимые, это говорит о том, что даже великий ученый может попасть в очень неудобную ситуацию, если затрагивает весьма чувствительные проблемы, для обсуждения которых одних лишь научных подходов и аргументов недостаточно – нужно учитывать еще социальный и политический контекст.

В связи с этим возникает и другая проблема, связанная с “индивидуальным выбором”. Такой выбор вполне возможен в условиях реальной демократии. Но в условиях иных политических режимов он затруднен все тем же принципом дискриминации, заставляющим индивида держаться “своей группы”, где он только и может ожидать защиты. Об ином выборе здесь трудно говорить. В этих условиях сама политическая и социальная действительность ведет к появлению пресловутых “социальных тел” – в виде рас в Америке, этносов в России, религий – в той же Индии.

И возникает вопрос: кого можно противопоставить этнонационалистам? Империалистов? Космополитов? Или кого-то еще? Боюсь, что в обстановке возвращения агрессивного национализма (а вовсе не “расцвета ста цветов”) большого выбора не остается. Думаю, в этом контексте надо рассматривать и неоевразийство, в котором прозорливые критики еще в 1920-х годах усмотрели неоимпериализм. Но ведь то же самое напрямую относится и к модному цивилизационному подходу, который тесно связан с концепциями Гумилёва. А является ли он “научной теорией”?

И, наконец, не имеет ли теория этноса, появившаяся, по сути, лишь в конце 1960-х годов, отношение к “традиционным ценностям”, не входит ли она, по мнению некоторых, в их состав? Такое переосмысление встречается нередко. Напомню, что в 1920-е годы большевики активно создавали новые нации и прекрасно сознавали, что занимаются конструированием. По словам А.И. Микояна, бывшего тогда генеральным секретарем Северокавказского крайкома ВКП(б), “советская власть создает нации; советская власть помогает оформиться отдельным племенам как нациям... Самое оригинальное – то, что советская власть, самая интернациональная власть, создает и организует новые нации” (цит. по: *Алиев* 1926: 9). Поэтому в те годы о каких-либо примордиальных нациях/этносах не могло быть и речи. Зато это появилось десятилетия спустя, когда режим забронзовел.

ЭТНОС, ЖИВОЙ И МЕРТВЫЙ

Д.В. Верховцев

Начну я свою заключительную реплику с благодарности всем участникам дискуссии за ценные размышления, важные советы, указания на недостатки исследования и пути их исправления. Конечно, хочется поблагодарить и редакцию

“Этнографического обозрения”, благодаря которой эта дискуссия стала возможной.

Особенно волнительно было почувствовать себя частью легендарных дискуссий между сторонниками конструктивистского и примордиалистского подходов к этничности, которые гремели на страницах настоящего журнала два постсоветских десятилетия. Правда, как мне кажется, Л.С. Перепелкин зачислил меня в их участники несколько незаслуженно и, видимо, авансом, т.к. целью статьи не было ни сравнение теорий этноса с другими подходами к этничности, ни их критика. Безусловно, за критику примордиализма можно засчитать констатацию того факта, что теории этноса прекратили свое развитие тридцать лет назад, что не позволяет характеризовать их как современные подходы к этничности. Но на этом, пожалуй, моя критика и ограничилась, ведь выступать на этом поле после многочисленных критических работ как участников дискуссии В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана и С.С. Соколовского, так и других авторов, вряд ли было бы продуктивно. Все-таки текст статьи “Этнос post-mortem” состоял из анализа факторов, из-за которых застывшие учения продолжают быть частью научных и других текстов, и симпатии к какой-либо определенной теории не являются обязательной частью такого исследования.

Впрочем, оправдать выданный аванс, увы, мне не представляется сейчас возможным. Я более чем уверен, что в пользу тех или иных теорий должны говорить их успешные приложения в исследованиях, а не абстрактные сравнения. Действительно, дискуссии об этничности в англоязычной науке еще с конца 1960-х годов строились в виде диалога примордиализма и новых теорий, родившихся не без влияния социального конструктивизма. Но примордиализм в этих дискуссиях и сам оказывался сконструирован критиками, т.к. больших концепций, которые бы действительно считали этничность сугубо примордиальным явлением, к этому времени уже не существовало (*Варшавер* 2022). Лишь отечественным ученым-этнологам на рубеже 1980-х – 1990-х повезло больше, т.к. в постсоветских странах конструктивизм имел вполне реального, а не сконструированного оппонента в лице этнос-теорий, отчего дискуссии об этничности и проходили эмоциональнее и с большим масштабом. Однако отсутствие новых работ по этим теориям с очевидностью ведет к сворачиванию обсуждения этничности в форме диалога примордиализма и конструктивизма, и каким оно будет – зависит от нас, исследователей.

Замечу, что не считаю, что этнос как концепция должен быть придан забвению. Он десятилетиями доминировал в советской науке и влиял на ученых всего социалистического лагеря, как концепция занимает значительное место в истории этнографии/антропологии, а волны, расходящиеся от брошенного теоретиками этноса камня, мы видим и сейчас, они и послужили поводом к настоящей дискуссии. Отечественные этнологи, в т.ч. участники этой дискуссии, создали значительный корпус работ, который позволяет рассказывать студентам и аспирантам о теориях этноса с указанием на их слабые места, недостатки и опасности приложения в политике и социальной инженерии. Теории этноса, совместно с наработанной критикой, вполне могут вдохновить новых исследователей на создание новых концепций, которые по-новому раскроют нам проблемы групповых идентификаций и их культурных составляющих.

Теперь я хотел бы рассмотреть важные замечания дискуссионтов, непосредственно касающиеся содержания статьи. С.С. Алымов замечает, что отсутствие терминологии теории этноса в советском политическом дискурсе и незначительность ее присутствия в постсоветском политическом дискурсе не позволяют говорить об институциональной поддержке теории этноса. Прежде всего, это заключение не совсем вяжется с фактом обучения этносу институтом среднего образования начиная с 2000-х годов, что оказывает прямую поддерж-

ку этнос-дискурсу. Если же говорить о других институтах, то они оказывали и оказывают этносу поддержку иного рода. Кажется, в репликах дискутантов сложился консенсус, что различные государственные институты действуют исходя из примордиальных представлений об этничности, хотя и обозначая преимущественно этнические группы “народами”, “народностями” и “национальностями”. Но ведь теория этноса Ю.В. Бромлея и была глобальным проектом “перевода” (в терминологии Б. Латура [Латура 2006: 71]) обществоведческой (марксистско-ленинской) терминологии национальных отношений в сугубо этнографическую терминологию, созданную на основе понятия “этнос”. Этот перевод легко осуществлялся при пересечении границ идеологического и этнографического дискурсов, идеи этнографов и этносоциологов могли апроприроваться в тексты обществоведов и наоборот. И этот перевод стал возможен именно благодаря структурной эквивалентности терминологии двух дискурсов, и конкретно – ее примордиалистской основе.

Таким образом, когда советские институты, став российскими, продолжили оперировать примордиалистской этничностью в форме “народов” и “национальностей”, при общении с научным (экспертным) сообществом перевод оказался возможен, в основном, лишь в тех же знакомых терминах теории этноса или нейтральных “этническая общность” и “этническая группа”. Да, российским ученым стали доступны альтернативные концепции, но как перевести “народ” в лишенные определенности и четких границ термины: “этничность”, описывающую качество, или “идентификацию”, описывающую процесс? Необходимость взаимодействия с дискурсом институтов оказалась важным фактором сохранения в этнологии именно этноса и описывающих его теорий. В этом смысле я не оспариваю утверждение С.С. Алымова и В.А. Тишкова, что причиной такого положения является, прежде всего, “этнос-мышление”, однако хотел бы это утверждение дополнить: этнос-мышление в постсоветскую эпоху могло быть “переведено” в сферу этнологии преимущественно в виде терминов этнос-теорий, другой научной формы выражения примордиального понимания этничности практически не существовало и не существует до сих пор.

Схожим образом можно ответить и на другое, вполне справедливое замечание С.С. Алымова, что среди многочисленных упоминаний термина “этнос” значительную часть занимает его употребление как более «научообразного синонима понятия “народ” [без вложения] в него примордиалистского или вообще какого бы то ни было толкования». Несмотря на отсутствие терминологической рефлексии у таких авторов, стремящихся к наукообразию, сам факт выбора именно слова “этнос” значительно увеличивает вероятность обращения в будущем именно к примордиалистским теориям. Причем это может сделать как сам автор, желая ближе познакомиться с темой этничности, так и его читатели; обратившись с запросом по поводу “этноса” к словарям, энциклопедиям или базам цитирования. Они обнаружат там именно работы Бромлея и Гумилёва, ведь “этнос” теоретизируется именно в них! И еще более увеличат показатели цитирования этнос-теоретиков в нашем чарте антропологической литературы.

В целом я вполне согласен с участниками дискуссии, что статья в большей степени ставит вопросы, чем на них отвечает. Тема посмертного существования научной теории, точнее, ее осколков в виде терминов, отдельных положений, формальных ссылок, оказалась настолько обширной, что основная часть текста оказалась посвящена описанию поля, на котором разворачивается сюжет статьи, и постановкой исследовательских вопросов. Конечно, довольно крупные и важные сюжеты, такие как непосредственный анализ научной литературы, показывающий контекст упоминания термина “этнос” и авторов этнос-теорий, оказались и вовсе не затронуты, что позволило лишь наметить причинно-

следственные связи между дискурсами, укрывшими этнос. Но автор надеется, что ценные советы и идеи, которые были получены от участников дискуссии, помогут продолжить исследование в нужном направлении.

В частности, реплика С.С. Соколовского – это очень развернутый и фундированный план по исследованию теории этноса как парадигмы, с предложением обратиться к построениям исследователей науки, прежде всего – Т. Куна и Б. Латура. С благодарностью воспользуюсь намеченными программами исследования и прокомментирую, что подходы Б. Латура, видимо, являются здесь более предпочтительными. В отечественной этнографии/антропологии главными факторами, влиявшими на историю, не всегда были исключительно научные дискуссии и их общественный резонанс. Идеологическое влияние коренным образом поменяло повестку советской этнографии в 1930-е годы, корректировало ее во второй половине 1940-х, устанавливало рамки весь позднесоветский период, а ослабление идеологического контроля в перестройку послужило толчком к кардинальному пересмотру теоретического багажа этнологии. В этом смысле именно подходы Б. Латура позволяют не заикливаться на интранаучных закономерностях функционирования парадигм и уравнивать их в правах с факторами идеологии и политики.

О том же пишет и В.А. Шнирельман, указывая, что на распространение идей Л.Н. Гумилёва несоизмеримо большее влияние оказала публицистика, чем академические публикации, ведь популярность общественная способствует возвращению отвергнутых теорий и в науку. В этом же смысле я вполне согласен с замечанием В.А. Тишкова о том, что антропологический анализ не должен избегать вторжения в общественно-политическую сферу, особенно если его туда ведут изучаемые вопросы. Я надеюсь, что если моя статья и не смогла дать полный и всеобъемлющий ответ на вопросы о причинах и путях распространения этнос-представлений после снижения интереса к ним внутри науки, то во всяком случае показала, как далеко расходятся те самые круги от брошенного камня, и на какие, казалось бы, далекие от антропологии темы теперь оказывает влияние этнос-теория. А вот глубину и результат этого влияния еще предстоит оценить в дальнейших исследованиях русскоязычного этнос-дискурса.

В заключение хотелось бы пригласить к дальнейшей разработке темы как участников, так и читателей этой дискуссии. Ведь продолжающееся звучание этноса как в публичном, так и в академическом дискурсе, его влияние на политические действия и идеи свидетельствуют о важности исследования причин такой ситуации, рассмотрения ее развития и необходимости предложений, примиряющих бытовые, академические и публичные подходы к этничности. В чем нам и должны помочь, по справедливому замечанию В.А. Тишкова, “гуманистическая миссия нашей науки, профессиональные стандарты и этика одной из ведущих социогуманитарных наук”.

Примечания

¹ Я не утверждаю, что особенности развития социального и гуманитарного знания не становились предметом рефлексии у философов и историков науки (только по философским проблемам историографии изданы десятки томов), однако можно констатировать, что в таких работах доминирует представление о кумулятивности знания, а проблематика разрывов и революций, хотя и обсуждается (ср.: *Winch* 2003 [1958]: 42), но пока не привела к появлению принципиально новых концепций, сколько-нибудь радикально отличающихся от предложенной Куном.

² Здесь мне видится, прежде всего, влияние философии Ж. Делёза, в которой существование любых объектов, включая теоретические, представлено как сетевой или полевой (имеется в виду силовое поле) эффект взаимодействия

различных влияний и сил, как проявление потока становления, удержаться в котором и значит существовать.

³ Цели таких исследователей могут быть сугубо локальными и прагматичными, вплоть до размещения публикаций и защит диссертаций – именно из такого рода карьерных практик и состоят сегодня, как мне представляется, такие области исследований (я здесь рассматриваю случай российской этнологии) как изучение так наз. “этнических конфликтов” или “межэтнических отношений”.

⁴ См., напр.: *Лурье* 1990; *Дьяконов* 1992: 226–228; *Клейн* 1992; *Янов* 1992; *Данилевский* 1996; *Ларюэль* 2006; *Шнирельман* 1996, 2006, 2012: 57–75; *Шнирельман*, *Панарин* 2000; *Рогачевский* 2001; *Chernykh* 1995: 146–147; *Bassin* 2016.

Источники и материалы

Коренное население 1990 – Коренное население: глобальное стремление к справедливости: доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М.: Международные отношения, 1990.

Будители б.г. – Будители // Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Будители> (дата обращения: 28.02.2022).

Концептуализм б.г. – Концептуализм // Новая философская энциклопедия. <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0108964e31320b69fd553108> (дата обращения: 16.02.2022).

Appadurai 2022 – *Appadurai A. Modi's India Has Now Entered Genocidalism, the Most Advanced Stage of Nationalism // The Wire. 10.01.2022* <https://thewire.in/politics/narendra-modi-india-genocidalism>

Научная литература

Абашиш С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейа, 2007.

Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы). К предстоящему съезду горских народов. Ростов-на-Дону: Севкавказкнига; Крайнациздат, 1926.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: “КАНОН-пресс-Ц”; “Кучково поле”, 2001.

Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006.

Бережнова Л.Н., Набок И.Л., Щеглов В.И. Этнопедагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2007.

Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады: этностатистическое исследование. М.: Наука, 1971.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.

Варишвер Е.А. “Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма”: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. № 3. С. 31–58.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

Грушевский М.С. Освобождение России и Украинский вопрос. Статьи и заметки. М.: Книга по требованию, 2016.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.

Даймонд Дж., Робинсон Дж. (ред.) Естественные эксперименты истории. М.: АСТ, 2018.

Данилевский И. Читая Льва Гумилёва // История. 1996. № 13 (апрель). С. 8–9.

- Дьяконов И.М. “Огненный дьявол”: по поводу работ Л.Н. Гумилёва // Нева. 1992. № 4. С. 225–228.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009.
- Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.
- Клейн Л.С. Горькие мысли “привередливого рецензента” об учении Л.Н. Гумилёва // Нева. 1992. № 4. С. 228–246.
- Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.: Старый сад, 1999.
- Коренько В.А. К критике Л.Н. Гумилёва // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35.
- Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. СПб.: Питер, 2017.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Ларюэль М. Опыт сравнительного анализа теории этноса Льва Гумилёва и западных новых правых доктрин // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 36–43.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
- Лурье Я. К истории одной дискуссии // История СССР. 1990. № 4. С. 128–132.
- Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЭН, 2008.
- Манн М. Тёмная сторона демократии: объяснение этнических чисток. М.: Изд-во “Пятый Рим”, 2016.
- Млодинов Л. (Не)осознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. М.: Livebook, 2012.
- Набок И.Л. Этнология и этнологическое знание в современном образовательном пространстве // Реальность этноса. Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. С. 10–19.
- Перепелкин Л.С. Этнос // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.М. Резника. М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 923–934.
- Перепелкин Л.С. Проблема “Иного” в российской жизни: феномен социальных границ и объект национально-культурной политики. СПб.: Алетей, 2018.
- Перепелкин Л.С. Очерки по прикладной социально-культурной антропологии. М.: Институт востоковедения РАН, 2021.
- Рогачевский А. Лев Гумилёв и еврейский вопрос // Солнечное сплетение. 2001. № 16–17. С. 358–368.
- Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.
- Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003а.
- Тишков В.А. (ред.) На пути к переписи. М.: ОАО Авиаиздат, 2003б.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А. и др. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
- Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических явлений. М.: URSS, 2012.

- Шнирельман В.А.* Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1996. № 11. С. 4–45.
- Шнирельман В.А.* Лев Гумилёв: от “пассионарного напряжения” до “несовместимости культур” // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8–21.
- Шнирельман В.А.* “Порог толерантности”. Идеология и практика нового расизма. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры, 2012.
- Шнирельман В.А.* Научный расизм – советский и постсоветский // Современный расизм: идеология и практика. Сборник научных статей / Под ред. В.А. Шнирельмана. М.: Издательско-торговая корпорация “Дашков и К^о”, 2022. С. 11–105.
- Шнирельман В.А., Панарин С.А.* Лев Николаевич Гумилёв: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С. 5–37.
- Янов А.* Учение Льва Гумилёва // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116.
- Alymov S., Anderson D., Arzyutov D.* Etnos Thinking in the Long Twentieth Century // Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond / Ed. by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. P. 21–76.
- Anderson D.V., Arzyutov D.V., Alymov S.S.* (eds.). Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019.
- Bassin M.* The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2016.
- Boyd R.* Metaphor and Theory Change: What is “metaphor” a metaphor for? // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. 2nd Ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993 [1979]. P. 481–532.
- Chernych E.N.* Postscript: Russian Archaeology after the Collapse of the USSR – Infrastructural Crisis and the Resurgence of Old and New Nationalisms // Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology / Ed. by Ph.L. Kohl and C. Fawcett. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 139–148.
- Elwert G.* (ed.). Dynamics of Violence: Processes of Escalation and De-escalation in Violent Group Conflicts. Berlin: Duncker und Humblot, 1999.
- Hylland Eriksen T., Jakoubek M.* (eds.). Ethnic Groups and Boundaries Today. A Legacy of Fifty Years. London and New York: Routledge, 2019.
- Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. 2nd Enlarged Ed. Chicago: The University of Chicago press, 1970 [1962].
- Mühlmann W.E.* Rassen, Ethnien, Kulturen. Neuwied and Berlin: Luchterhand Verlag, 1964.
- Rees T.* After Ethnos. Durham and London: Duke University Press, 2018.
- Sahlins M.* Two or Three Things that I Know about Culture // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 1999. No. 5 (3). P. 399–421.
- Winch P.* The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy. 2nd Ed. London: Routledge, 2003 [1958].

Research Article

Alymov, S.S., L.S. Perepelkin, S.V. Sokolovskiy, V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman, and D.V. Verkhovtsev. Ethnos Post-Mortem: Thoughts and Comments [Etnos post-mortem: razmyshleniia i kommentarii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 102–131. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060070> EDN: MRLFIG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Alymov | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Lev Perepelkin | <http://orcid.org/0000-0002-4400-2011> | leonethnography@yandex.ru | Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Rozhdestvenka St. 12, Moscow, 107031, Russia)

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Valery Tishkov | <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Viktor Shnirelman | <http://orcid.org/0000-0001-8469-6583> | shnirv@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Dmitry Verkhovtsev | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

theory of ethnos, ethnos, ethnicity, history of Russian anthropology, Yulian Bromley, Lev Gumilev

Abstract

This article presents critical comments and responses to the essay “Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses” [Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazыchnom diskurse] by Dmitry Verkhovtsev, in which the author ponders over the use and misuse of the notion of *ethnos* in Russian academic and non-academic milieus during the last three decades, pointing to the striking fact that, despite the critique within the anthropological community, this notion has been simultaneously and steadily gaining weight and influence outside it. This discussion features contributions by Sergei Alymov, Lev Perepelkin, Sergei Sokolovskiy, Valery Tishkov, and Viktor Shnirelman.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00241] (recipients D. Verkhovtsev, S. Alymov, V. Shnirelman)

References

- Abashin, S. 2007. *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity]. St. Petersburg: Aleteia.
- Aliev, U. 1926. *Natsional'nyi vopros i natsional'naiia kul'tura v Severo-Kavkazskom krae (itogi i perspektivy)*. *K predstoiashchemu s'ezdu gorskikh narodov* [National Question and National Culture in the North Caucasus Region (Outcomes and Prospects): Toward the Coming Congress of Highland Peoples]. Rostov-na-Donu: Sevkvavkniga; Krainatsizdat.

- Alymov, S., D. Anderson, and D. Arzyutov. 2019. Ethnos Thinking in the Long Twentieth Century. In *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond*, edited by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov, 21–76. Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- Anderson, D.V., D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov (eds.). 2019. *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- Anderson, B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities]. Moscow: “KANONpress-Ts”; “Kuchkovo pole”.
- Barth, F. (ed.). 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial’nye granitsy. Sotsial’naia organizatsiia kul’turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries]. Moscow: Novoe izdatel’stvo.
- Bassin, M. 2016. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Berezhnova, L.N., I.L. Nabok, and V.I. Shcheglov. 2007. *Etnopedagogika: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Ethnopedagogy: A Textbook for Universities]. Moscow: Akademiia.
- Berzina, M.Y. 1971. *Formirovanie etnicheskogo sostava naseleniia Kanady: etnostatisticheskoe issledovanie* [The Formation of the Ethnic Composition of Canada’s Population: An Ethno-Statistical Study]. Moscow: Nauka.
- Boyd, R. 1993 [1979]. Metaphor and Theory Change: What is “Metaphor” a Metaphor for? In *Metaphor and Thought*, edited by A. Ortony, 481–532. 2nd Ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bromlei, Y.V. 1973. *Etnos i etnografiia* [Ethnos and Ethnography]. Moscow: Nauka.
- Bruk, S.I. 1986. *Naselenie mira. Etnodemograficheskii spravochnik* [World Population. Ethnodemographic Handbook]. Moscow: Nauka.
- Chernych, E.N. 1995. Postscript: Russian Archaeology after the Collapse of the USSR – Infrastructural Crisis and the Resurgence of Old and New Nationalisms. In *Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology*, edited by Ph.L. Kohl and C. Fawcett, 139–148. Cambridge: Cambridge University Press.
- Diamond, J., Robinson, J. (red.) 2018. *Estestvennye eksperimenty istorii* [Natural Experiments of History]. Moscow: AST.
- Danilevskii, I. 1996. Chitaia L’va Gumileva [Reading Lev Gumilev]. *Istoriia* 13 (aprel’): 8–9.
- D’iakonov, I.M. 1992. “Ognennyi d’iavol’”: po povodu rabot L.N. Gumileva [Angel of Fire: On Lev Gumilev’s Works]. *Neva* 4: 225–228.
- Dugin, A.G. 2009. *Chevertaia politicheskaiia teoriia. Rossiia i politicheskie idei XXI veka* [A Fourth Political Theory. Russia and Political Ideas of the 21st Century]. St. Petersburg: Amfora.
- Dugin, A.G. 2011. *Etnosotsiologiia* [Ethnosociology]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Elwert, G. (ed.). 1999. *Dynamics of Violence: Processes of Escalation and De-escalation in Violent Group Conflicts*. Berlin: Duncker und Humblot.
- Ferro, M. 1992. *Kak rasskazyvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira* [How History Is Taught to Children in Different Countries]. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress.
- Grushevskii, M.S. 2016. *Osvobozhdenie Rossii i Ukrainskii vopros. Stat’i i zametki* [Liberation of Russia and the Ukrainian Question]. Moscow: Kniga po trebovaniu.
- Gumilev, L.N. 1989. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnic Genesis and Biosphere]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Hylland Eriksen, T., and M. Jakoubek (eds.). 2019. *Ethnic Groups and Boundaries Today. A Legacy of Fifty Years*. London and New York: Routledge.
- Klein, L.S. 1992. Gor’kie mysli “priveredlivogo retsenzenta” ob uchenii

- L.N. Gumileva [Bitter Thoughts of a “Nerdy Reviewer” on Lev Gumilev’s Teachings]. *Neva* 4: 228–246.
- Kozlov, V.I. 1999. *Etnos. Natsiia. Natsionalizm. Sushchnost’ i problematika* [Ethnos, Nation, Nationalism: Essence and Issue]. Moscow: Staryi sad.
- Koreniako, V.A. 2006. K kritike L.N. Gumileva [Toward the Critique of L.N. Gumilev]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 22–35.
- Kornilov, V.V. 2017. *Donetsko-Krivorozhaskaia respublika. Rasstreliaannaia mechta* [Donetsk–Kryvyi Rih Republic: The Shot Dream]. St. Petersburg: Piter.
- Kuhn, T. 1977. *Struktura nauchnykh revoliutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress.
- Kuhn, T. [1962]. 1970. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd Enlarged Ed. Chicago: The University of Chicago press.
- Laruelle, M. 2006. Opyt sravnitel’nogo analiza teorii etnosa L’va Gumileva i zapadnykh novykh pravyykh doktrin [An Essay in Comparative Analysis of Lev Gumilev’s Theory of Ethnos and Western Right-Wing Doctrines]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 36–43.
- Latour, B. 2006. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii*, edited by O.V. Kharkhordin. St. Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Lur’e, Y. 1990. K istorii odnoi diskussii [On the History of One Debate]. *Istoriia SSSR* 4: 128–132.
- Mailz, R., and M. Braun. 2008. *Rasizm* [Racism]. Moscow: ROSSPEN.
- Mann, M. 2016. *Temnaia storona demokratii: ob’iasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing]. Moscow: Izd-vo “Piatyi Rim”.
- Mlodinow, L. 2012. *(Ne)osoznannoe. Kak bessoznatel’nyi um upravliaet nashim povedeniem* [Subliminal: How Your Unconscious Mind Rules Your Behavior]. Moscow: Livebook.
- Mühlmann, W.E. 1964. *Rassen, Ethnien, Kulturen* [Races, Ethnic Groups, Cultures]. Neuwied and Berlin: Luchterhand Verlag.
- Nabok, I.L. 2001. Etnologiiia i etnologicheskoe znanie v sovremennom obrazovatel’nom prostranstve [Ethnology and Ethnological Knowledge in Contemporary Education]. In *Real’nost’ etnosa. Etnologiiia v pedagogicheskom obrazovanii: problemy i perspektivy* [The Reality of Ethnos. Ethnology in Pedagogical Education: Problems and Prospects], 10–19. St. Petersburg: Izdatel’stvo RGPU im. A.I. Gertsena.
- Perepelkin, L.S. 2012. Etnos [Ethnos]. In *Sotsiokul’turnaia antropologiiia: Istoriia, teoriia i metodologiiia: Entsiklopedicheskii slovar’* [Sociocultural Anthropology: History, Theory, and Methodology], edited by Y.M. Reznik, 923–934. Moscow: Akademicheskii Proekt, Kul’tura; Kirov: Konstanta.
- Perepelkin, L.S. 2018. *Problema “Inogo” v rossiiskoi zhizni: fenomen sotsial’nykh granits i ob’ekt natsional’no-kul’turnoi politiki* [The Problem of the “Other” in Russian Life: Phenomenon of Social Boundaries and the Object of National and Cultural Policies]. St. Petersburg: Aleteia.
- Perepelkin, L.S. 2021. *Ocherki po prikladnoi sotsial’no-kul’turnoi antropologii* [Essays in Applied Social-Cultural Anthropology]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.
- Rees, T. 2018. *After Ethnos*. Durham and London: Duke University Press.
- Rogachevskii, A. 2001. Lev Gumilev i evreiskii vopros [Lev Gumilev and the Jewish Question]. *Solnechnoe spletenie* 16–17: 358–368.
- Rybakov, S.E. 2001. *Filosofiiia etnosa* [Philosophy of Ethnos]. Moscow: IPK Gossluzhby.
- Sahlins, M. 1999. Two or Three Things that I Know about Culture. *The Journal of the Royal Anthropological Institute* 5 (3): 399–421.

- Sapolsky, R. 2021. *Biologiia dobra i zla. Kak nauka ob'iasniaet nashi postupki* [Biology of Good and Evil: How Science Explains Our Actions]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Shirokogorov, S.M. 2012. *Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh iavlenii* [Ethnos: A Study of Basic Principles of Change in Ethnic Phenomena]. Moscow: URSS.
- Shnirel'man, V.A. 1996. Evraziitsy i evrei [Eurasians and Jews]. *Vestnik Evreiskogo Universiteta v Moskve* 11: 4–45.
- Shnirel'man, V.A. 2006. Lev Gumilev: ot “passionarnogo napriazheniia” do “nesovmestimosti kul'tur” [Lev Gumilev: From “Passionate Tension” to “Incompatibility of Cultures”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 8–21.
- Shnirel'man, V.A. 2011. “Porog tolerantnosti”. *Ideologiia i praktika novogo rasizma* [Threshold of Tolerance: Ideology and Practice of New Racism]. Vol. 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shnirel'man, V.A. 2012. *Khazarskii mif: ideologiia politicheskogo radikalizma v Rossii i ee istoki* [The Khazar Myth: Ideology of Political Radicalism in Russia and Its Origins]. Moscow: Mosty kul'tury.
- Shnirel'man, V.A. 2022. Nauchnyi rasizm – sovetskii i postsovetskii [Scientific Racism – Soviet and Post-Soviet]. In *Sovremennyyi rasizm: ideologiia i praktika. Sbornik nauchnykh statei*, edited by V.A. Shnirel'man, 11–105. Moscow: Izdatel'sko-torgovaia korporatsiia “Dashkov i K”.
- Shnirel'man, V.A., and S.A. Panarin. 2000. Lev Nikolaevich Gumilev: osnovatel' etnologii? [Lev Nikolaevich Gumilev: A Founder of Ethnology?] *Vestnik Evrazii* 3 (10): 5–37.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekvie'm po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnicity. Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. (ed.). 2003. *Na puti k perepisi* [On the Way to Census]. Moscow: OAO Aviaizdat.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [The Russian People: History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A., et al. 2020. Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiia: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive [From Where is Russian Ethnology and Where is it Going? A Personal View in Global Perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
- Varshaver, E.A. 2022. “Perestat' pinat' mertvuiu loshad' primordializma”: aktual'nye povestki dnia v konstruktivistskikh issledovaniakh etnichnosti [Stop beating the Dead Primordial Horse: Actual Agendas in Constructivist Research of Ethnicity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 3: 31–58.
- Winch, P. [1958]. 2003. *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy*. 2nd Ed. London: Routledge.
- Yanov, A. 1992. Uchenie L'va Gumileva [The Teaching of Lev Gumilev]. *Svobodnaia mysl'* 17: 104–116.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АФРАЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

А.Г. Козинцев, А.Ю. Милитарев

Александр Григорьевич Козинцев | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Александр Юрьевич Милитарев | <http://orcid.org/0000-0002-5684-3053> | amilitarev@gmail.com | д. филол. н., профессор-консультант | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125267, Россия)

Ключевые слова

лексикостатистика, афразийские языки, семитские языки, египетский язык, берберские языки, чадские языки, кушитские языки, омотские языки

Аннотация

Лексикостатистическая классификация 205 афразийских (АА) языков осуществлена по базе данных А.Ю. Милитарева различными методами кластеризации и снижения размерности на основании 100-словных списков. Построены укорененные деревья и сети, применена псевдопространственная модель. Предложенное А.Ю. Милитаревым разделение АА языков на северные (семитские, египетский, берберские, чадские) и южные (кушитские и омотские) подтверждается, хотя монофилия кушитской семьи под вопросом. В пределах семитской семьи арамейские языки с предположительно родственным им сабейским занимают центральное положение, будучи связанными со всеми остальными. Является ли левантийская группировка, включающая, наряду с арамейскими и сабейским языками, ханаанейские и угаритский языки, монофилетическим таксоном или языковым союзом – неясно. Эфиосемитскую и современную южноаравийскую ветви нельзя считать сестринскими. В пределах эфиосемитской ветви северные языки промежуточны между южными и остальными семитскими языками, что, видимо, отражает историю распространения семитской речи от берега Красного моря вглубь континента.

Цель данной работы – применить аналитические методы, не нашедшие еще широкого применения в лексикостатистике, к базе данных по афразийским (АА) языкам, созданной А.Ю. Милитаревым (далее – А.М.) на основании 100-словных списков, представляющих все или репрезентативное большинство ветвей/семей и групп/подсемей АА макросемьи (*Militarev* 2000, 2004, 2005, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015)¹. В случаях, когда слова отождествлены на базе более широкой (включающей не только лексику 100-словных списков) этимологии,

Статья поступила 04.04.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 23.07.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Козинцев А.Г., Милитарев А.Ю. Лексикостатистическая классификация афразийских языков: новые подходы // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 132–159. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060082> EDN: MRORLQ

Kozintsev, A.G., and A.Y. Militarev. 2022. Leksikostatisticheskaja klassifikatsiia afraziiskikhazykov: novye podkhody [A Lexicostatistical Classification of Afrasian Languages: New Approaches]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 132–159. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060082> EDN: MRORLQ

дается отсылка к этимологической афразийской базе данных, разработанной А.М. Милитаревым совместно с О.В. Столбовой (*Militarev, Stolbova* 2007). Сходная попытка уже была предпринята по отношению к базе данных Г.С. Старостина и его коллег, основанной на 50-словных списках (GLD-1 n.d.; *Козинцев* 2021).

Один из ключевых вопросов АА классификации, от которого зависит, в частности, решение проблемы АА прародины, состоит в том, являются ли омотская и кушитская семьи сестринскими. А.М. дает на него утвердительный ответ (*Militarev* 2005: 398). Он не только относит омотские языки к АА макросемье, что некоторые лингвисты отрицают (*Theil* 2012), но и считает возможным говорить о кушомотском языковом единстве, возникшем еще в Передней Азии. Эту позицию в целом разделяет В. Блажек (*Blažek* 2013a, 2013b). Из данной точки зрения вытекает следующее: своеобразие омотской семьи было преувеличено предшествующими авторами (в частности Г.К. Флемингом); кроме того, оно усугубляется субстратными влияниями, в основном со стороны нилотских языков, а также заимствованиями из равнинно-восточнокушитских (в первую очередь оромо), горно-восточнокушитских (скорее всего, сидама и дараса) и, возможно, центрально-кушитских языков – причем, особенно в последнем случае, определить как сам факт (т.е. отличить заимствование от общей унаследованной лексики), так и направление заимствования очень трудно, и разные авторы часто занимают противоположные позиции и в отношении каждого отдельного случая, и в оценке общей тенденции.

Сторонники же гипотезы африканской прародины АА языков, причисляющие омотские языки к АА, обычно рассматривают омотскую ветвь как наиболее раннюю в АА макросемье (*Fleming* 2006: 140; *Blench* 2006: 148; *Ehret* 2011: 142; см. также неопубликованные данные Г.С. Старостина, цит. по: *Blažek* 2013b: 126).

Другим ключевым вопросом является статус почти вымершего языка онгота (юго-запад Эфиопии), который А.М. относит к омотским (см., напр.: *Militarev* 2006: 510–511). Между тем Г.К. Флеминг считал его отдельной ветвью АА макросемьи (*Fleming* 2006: 135–139), а В. Блажек сближает его с нило-сахарской макросемьей (*Blažek* 2007). Г.С. Старостин называет онгота языком-изолятом (*Старостин* 2013: 226–227), а Г. Сава и М. Тоско пишут о нем как о креольском языке, имеющем нилотские, омотские и кушитские черты (*Savà, Tosco* 2000).

В первой части статьи использована общеафразийская база данных (семитская семья представлена в ней 27 языками), во второй – только семитская, представленная 56 языками.

Общеафразийская база

Использованы данные о 176 языках следующих ветвей АА макросемьи (для удобства использования сокращения расположены в алфавитном порядке в пределах семей):

I. Кушитские: AFA – афар, ALA – алагава, ARE – арборе, ASA – аса, AWN – аунги, BAY – байсо, BIL – билин, BON – бони, BRJ – бурджи, BRN, BRP, BJV – беджа (по словарям Л. Райниша, Э. Роупера и М. Ванхоуве соответственно), BUR – бурунге, DAN – дахало, DAS – дасенеч, DIR – дирайта, DRS – дараса, ELM – эльмоло, FAL – фаллаша, GBZ – гобезе, GLG – голанго, GWD – гаввада, HDY – хадийя, HRS – харсо, IRQ – иракв, JID – джидда, KAI – кайлинья, KEM – кемант, KGA – хамтанга, KHA – хамта, KMB – камбатта, KMR – хамир, KNF – кунфал, KON – консо, MAA – маа, MSH – машиле, ORM – оромо, QWA – квадза, QWR – квара, RND – рендилле, SAN – сахо, SID – сидамо, SML – сомали, TSA – цамай, WAG – вааг, YAK – яaku (могогодо).

II. Омотские: ANF – анфилло, ARI – ари, BAN – банна, BSK – баскет, BWO – бворо, CHA – чара, DCH – даче, DIM – диме, DOK – докка, DRZ – дорзе, DZM –

дизи-маджи, DZN – дизи-наи, DZS – дизи-шеко, GFA – гофа, GLL – галила, GMB – гимира-бенчо, GMS – гимира-ше, GMU – гему, GNJ – ганджуле, GNZ – ганза, HMR – хамер, KCH – качама, KFA – кафа, KLO – кулло, KYR – койра, MAO – мао-бамбеши, MCH – моча, MHZ – мао-хозо, MLE – мале, MLO – мало, MSZ – мао-сезо, OYD – ойда, UBA – убамер, WEL – велайта, YEM – йемса, ZAL – зала, ZRG – зергула, ZYS – зайсе.

III. *Онгота* – ONG.

IV. Семитские: АКК – аккадский, AMH – амхарский, ANC – древнеарамейский, VAB – вавилонский арамейский, BIB – библейский арамейский, EAR – египетский арамейский, GEZ – геэз, HAR – харари, HBR – иврит, HOB – хобьот, HSS – харсуси, JIB – джиббали, MEC – мекканский арабский, MHR – мехри, MLT – мальтийский арабский, MND – мандейский, OFF – официальный (имперский) арамейский, PAL – палестинский арамейский, PHO – финикийский, QUR – коранический арабский, SAB – сабейский, SOD – соддо, SOQ – сокотри, SYR – сирийский арамейский, TGR – тигре, TNA – тигринья, UGR – угаритский².

V. Египетские: ВОН – бохайрский диалект коптского, EGY – египетский, FAY – фаюмский диалект коптского, SHI – сахидский диалект коптского.

VI. Берберские: ADG – адгхак, AUJ – ауджила, AYR – айр, FJH – фоджаха, GHD – гхадамес, GHT – гхат, HGR – ахаггар, IZD – издег, MZB – мзаб, NFS – нефуса, RIF – риф, SHW – шайя, QBL – кабийский, SIW – сиуа, SKN – сокна, SLL – семлаль, TIM – тимимун, TIQ – тайток, ZNG – зенага.

VII. Чадские: BCH – бачама, BDM – будума, BOL – боле, BRA – бура, DBA – даба, FAK – фали-кириа, FYE – фьер, GDE – гуде, GDR – гидар, GLV – главда, HIN – хиги-нкафа, HSA – хауса, JGU – джегу, KIR – киир, KRA – кера, KRY – карийя, KUJ – куджарге (принадлежность его к чадской семье проблематична), LLE – леле, LOG – логоне, MAS – маса, MDR – мандара, MFA – мафа, MFU – мофу, MGM – мигама, MKK – мокилко, MNJ – мунджук, MSG – мусгу, MUB – муби, MWA – мауа, NDM – ндам, NGZ – нгизим, PAA – паа, PDK – подоко, PVE – певе, SUK – сукур (сакур), SUR – сура, TER – тера, TUM – тумак, UBI – уби, ZAR – зар, ZMB – зиме-батна.

Использованы также данные о языке хадза (HDZ), отношение которого к АА макросемье не вполне ясно. По традиционным представлениям, хадза не принадлежит к АА языкам. Согласно Г.С. Старостину (*Старостин* 2008), его носители изначально говорили на койсанском языке, который затем испытал сильное влияние со стороны АА языков. Впрочем, Г.С. Старостин не отвергает возможность родства хадза с АА макросемьей. Согласно же последним данным А.М., лексические сходжения хадза с АА языками вызваны глубинным родством, а не заимствованиями из отдельных АА ветвей. В некоторых случаях, правда, когнаты трудно отличить от заимствований, но совпадения и в базисной, и в общей лексике слишком многочисленны, чтобы их можно было приписать случайности или заимствованиям из самых разных, даже удаленных, афразийских языков. Что касается специфического родства хадза с отдельными АА ветвями, то здесь результаты довольно противоречивы. Можно говорить о большей близости хадза к южным (кушитским и омотским), чем к северным (семитским, египетскому и берберским) языкам. Большое число сходжений отмечено с кушитской семьей, особенно с беджа, что вполне понятно, но почти столько же – с чадской, что понять труднее. Можно предположить глубинное родство хадза с чадской семьей и некоторое число заимствований, в основном неидентифицированных, из кушитских (не считая нескольких очевидных заимствований из иракв) и особенно североомотских языков. Альтернативный вариант – специфическое родство хадза, например, с беджа или омотской (конкретно североомотской) ветвью и некоторое количество неопознанных заимствований из чадских языков. Это ма-

вероятно ввиду удаленности хадского ареала от Танзании; кроме того, археологические и генетические данные указывают на то, что носители хадза жили в данной местности не менее 50 тыс. лет, возможно, и гораздо дольше (*Shriner et al.* 2018). Еще один вариант, к которому сейчас склоняется А.М.: хадза относится к третьей южной ветви АА макросемьи.

Своеобразие данной работы в методологическом и междисциплинарном аспектах состоит в том, что ее авторы представляют не только разные научные специальности и несколько неожиданные для этих специальностей “побочные” сферы интересов, но и придерживаются разных, в чем-то даже полярных теоретических установок.

Один из них, А.М. Милитарев – лингвист-компаративист, интересы которого выходят далеко за пределы лингвистики и в последние годы сосредоточены на возможностях реконструкции фрагментов древней и особенно древнейшей истории с помощью лингвистических методов (этимологии, реконструкции праязыковой лексики), поэтому в заявленной теме А.М. больше фокусируется не на полученной им традиционным способом уточненной лексикостатистической классификации афразийских языков – и, соответственно, ее более “стереоскопическом”, разностороннем представлении новыми методами кластеризации и снижения размерности, – а на гораздо более сомнительном с точки зрения мейнстрима методе глоттохронологии, единственно дающем надежду на соотнесение лингвистических, исторических, археологических и генетических датировок. Являясь представителем Московской школы компаративистики и достаточно ортодоксальным последователем С.А. Старостина в сильно усовершенствованной последним методике лексикостатистики/глоттохронологии, А.М. твердо стоит на позиции: один предок у каждого естественного языка (особые и сравнительно редкие явления креольских языков и пиджинов здесь не обсуждаются), считая, что ареальные влияния – объект выявления и устранения из лексикостатистических подсчетов (именно поэтому их результат тем более точен, чем лучше разработан языковой таксон в сравнительно-историческом плане)³, а трудно- или вовсе не выявляемые влияния (“ареально-генетические” связи, при которых когнаты сохраняются в сестринских диалектах, а затем и языках благодаря соприкосновению их ареалов, – см. ниже) лишь создают неизбежный “шум”, сравнимый с этимологическими проблемами, возникающими из-за таких трудно поддающихся анализу явлений, как контаминация, корневая вариантность или метатеза.

Другой автор, А.Г. Козинцев (далее – А.К.) – физический и культурный антрополог, интересы которого тоже существенно выходят за рамки соответствующих дисциплин и сосредотачиваются в последнее время на новых методах лексикостатистической классификации языков разных (макро)семей, несколько скептически относится к глоттохронологии. А.К., в отличие от А.М., подвергает сомнению постулат об одном предке у каждого языка, тем самым отрицая универсальную применимость генеалогической модели к задачам классификации, и признает “ареально-генетические связи” в духе волновой теории Й. Шмидта.

Мы надеемся, что это несколько экзотическое “трение” разных и даже полярных позиций двух авторов при полной готовности к совместному поиску научной истины – пусть даже такой частной, как добываемая в данной статье – даст ту самую творческую искру, без которой этот поиск не может привести к так наз. прорыву в науке.

Методы, примененные к материалу А.Ю. Милитарева А.Г. Козинцевым – последнему принадлежит, соответственно, и большинство последующих комментариев, – относятся к категории фенетических (дистантных, т.е. основанных на показателях обобщенной близости – доле слов, признанных совпадающими), а не кладистических (основанных на анализе каждого слова по отдельности).

Многие считают это недостатком, но в некоторых отношениях дистантные методы имеют преимущество. В частности, для моделей, которые здесь используются, применимы лишь они.

Первая модель – генеалогическая – использовалась в двух разновидностях. Одна из них – простое родословное древо, построенное методом BioNJ (Gascuel 1997). Это усовершенствованный метод ближайшего соседа (NJ), который, в свою очередь, выгодно отличается от обычного невзвешенного парно-группового метода построения дендрограмм (UPGMA). Важно, в частности, что NJ и BioNJ не требуют предположения об одинаковых темпах эволюции. Иными словами, длина сестринских ветвей в общем случае различна. Кроме того, эти методы создают неукорененные деревья, тогда как в UPGMA они автоматически укореняются по нижней ветви. В данном же случае укоренение деревьев, как и выбор корневой группы, – результат сознательного решения. Вторая разновидность – сетчатое древо, в котором учитываются не только вертикальные (генеалогические), но и горизонтальные (ареальные) связи⁴. Такое древо заведомо исключает узко-генеалогический подход, согласно которому, как уже было указано выше, у каждого языка может быть всего один предок. Из сказанного следует, что обе разновидности генеалогической модели могут давать сходные результаты, но в случаях, когда условия, предъявляемые узко-генеалогической моделью, не выполняются, результаты могут существенно различаться. Сетчатое древо дает наглядное представление о том, насколько сильно эти условия нарушаются в конкретных ситуациях, составляющих, судя по всему, правило, а не исключение. Речь идет не только о неучтенных заимствованиях, попавших в списки базовой лексики, ведь сам процесс ветвления родословного древа подчинен не только хронологическим, но и географическим закономерностям. Вследствие таких закономерностей возникают “ареально-генетические” связи, при которых когнаты сохраняются в сестринских диалектах, а затем и в языках благодаря соприкосновению их ареалов (Хелимский 1982: 24–25). Сложность этих связей, не поддающихся учету при узко-генеалогическом подходе, и отражают новые модели.

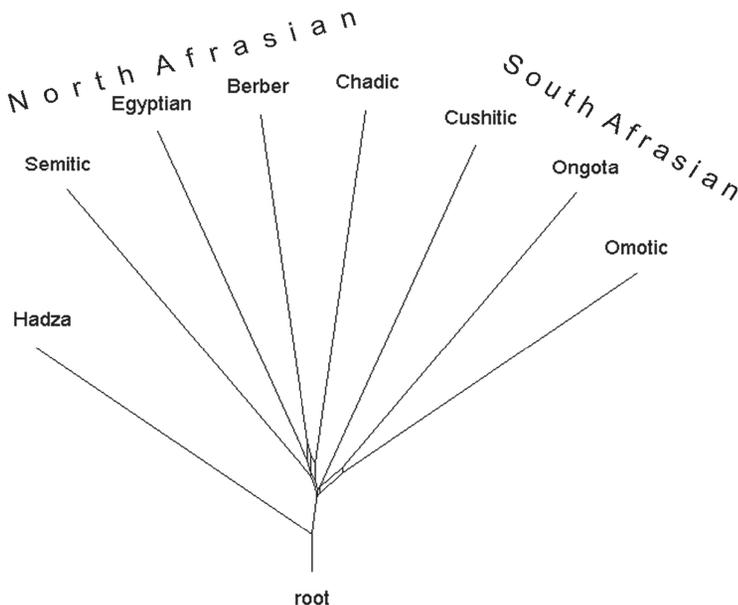

Рис. 1. Сетчатое древо АА семей, укорененное по хадза

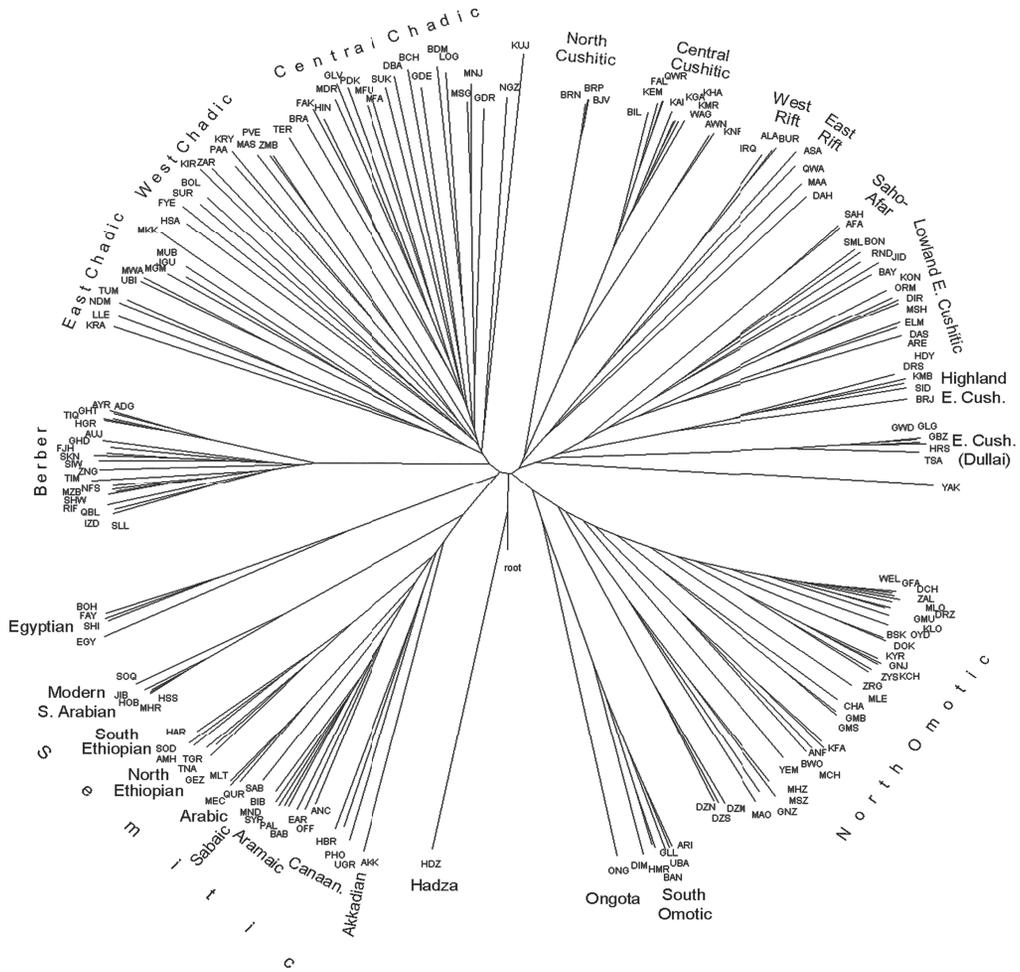

Рис. 2. Родословное дерево АА языков, укорененное по хадза (обозначения см. в тексте; электронную версию дерева см.: РД-2)

Вторая модель – ареальная. В ней языки представлены не в виде ветвей, а в виде точек на плоскости, созданной неметрическим многомерным шкалированием матрицы попарных расстояний (относительного числа несовпадений). Точки соединяются в многомерном пространстве кратчайшим путем – с помощью минимального остовного дерева⁵. Эта модель еще дальше от глоттохронологической, зато открывает широкие перспективы для ареального анализа.

Построим по усредненным данным сетчатое дерево АА семей. Укореним его по формально внешнему (во всяком случае, с наименее ясным местом в классификации) таксону – хадза (см.: Рис. 1). Такой выбор мотивирован тем, что, если пренебречь заимствованиями⁶, сходство той или иной семьи с внешним языком вызвано сохранением черт языка, являвшегося их общим предком.

Структура дерева выражена слабо. Выделяются описанные А.М. группировки: северная (семитско-египетско-берберо-чадская) и южная (кушомотская, к которой принадлежит онгота). Это отличается от классификации Г.С. Старостина и

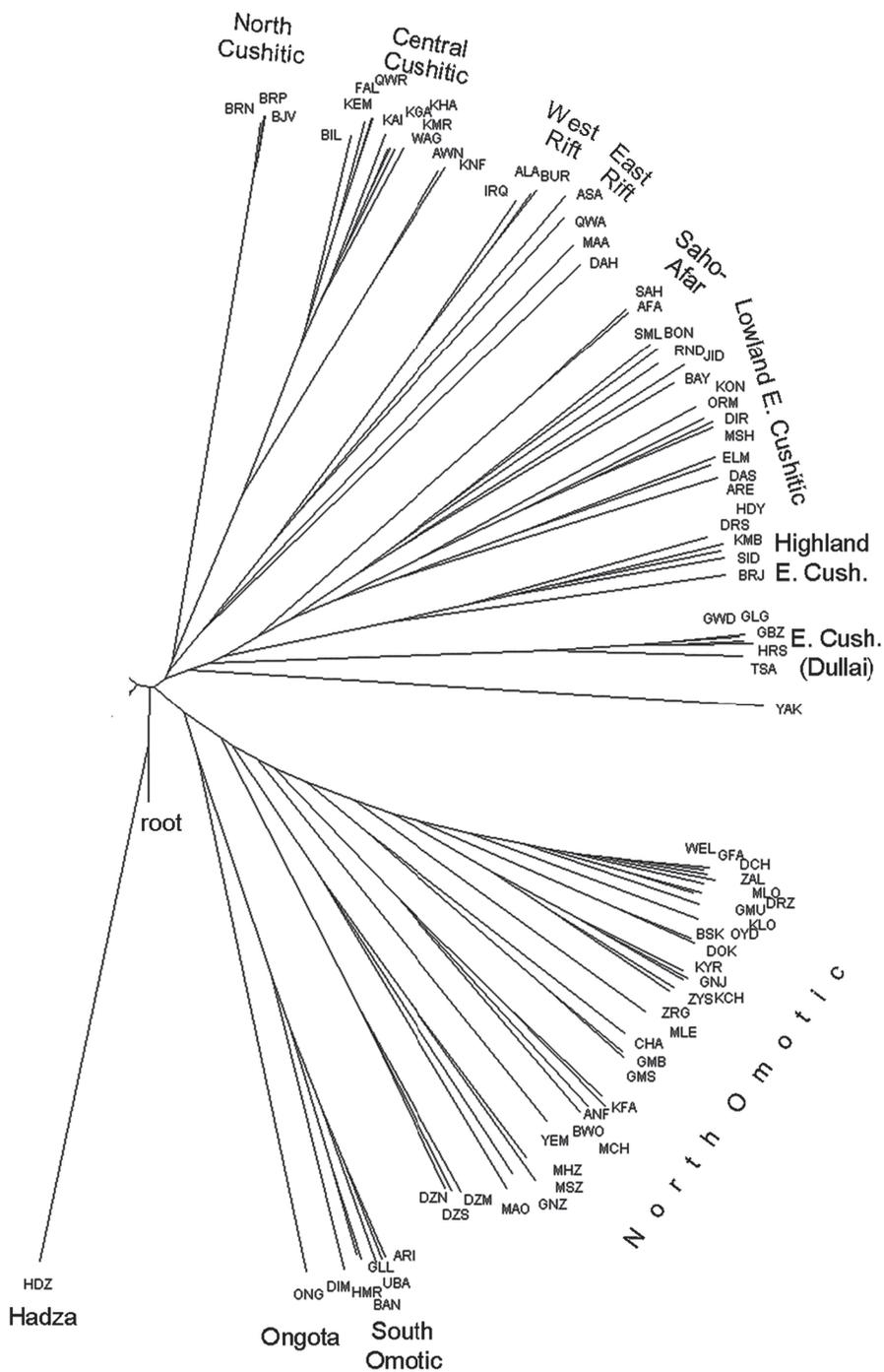

Рис. 3. Родословное дерево южно-АА языков (обозначения см. в тексте; электронную версию дерева см.: РД-3)

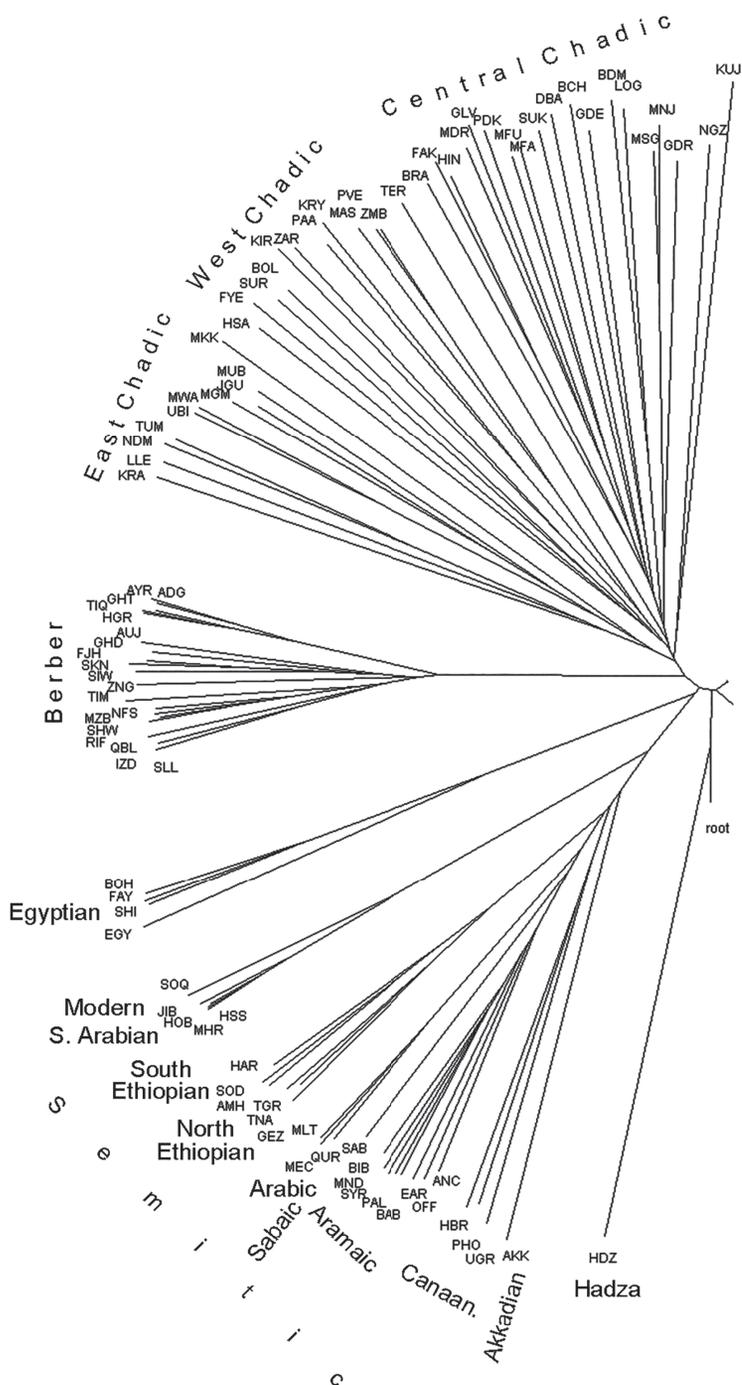

Рис. 4. Родословное дерево северно-АА языков (обозначения см. в тексте; электронную версию дерева см.: РД-4)

коллег, где омотская ветвь оказывается древнейшей в АА семье, а кушитская – сестринской по отношению к северным АА семьям вместе взятым (РД-1).

Обе АА группировки распались, судя по всему, вскоре после их обособления (южная – почти сразу же, северная – вскоре после этого). Коллатераль у основания ветвей показывает, что в пределах южной группировки язык онгота не только родствен омотской семье, но и связан с ней ареальными контактами. При этом онготская ветвь находится в промежутке между омотской и кушитской. Действительно, в онгота есть заимствования из южно-омотского языка хамар (хотя в нескольких случаях можно предположить и противоположное направление заимствований: из онгота в хамар) и восточно-кушитского языка цамай (группа дуллаи). В пределах северной группировки египетская, берберская и чадская ветви особенно близки и генеалогически, и ареально; семитская чуть более обособлена.

Посмотрим на генеалогические отношения отдельных АА языков. Сначала используем простое древо, построенное методом BioNJ. В качестве корневого языка снова выберем хадза (см.: Рис. 2; то же древо, показанное крупным планом отдельно для южной и северной группировок, см.: Рис. 3 и 4 соответственно).

Мы видим здесь, в сущности, то же, что на древе семей (см.: Рис. 1): обе южные семьи разделяются почти сразу же после того, как их общий предок отделяется от предка северно-АА языков (см. Рис. 3). Далее распадается кушитская семья, за ней омотская. Северно-центральнокушитская, а также рифтская и восточнокушитская подсемьи возникают почти одновременно. Ситуация с омотской семьей иная: ее распад выглядит цепью множества последовательных моментов ветвления, причем первой обособляется южноомотская ветвь, к которой принадлежит онгота, а потом одна за другой отделяются северноомотские ветви, начиная с дизоидной. Отчасти сходные результаты были получены В. Блажеком в классификации кушитских – с главным отличием в позиции дахало – и омотских языков (*Blažek* 1997, 2008).

В северной группировке АА языков (см.: Рис. 4) сначала обособляются семитская ветвь с египетской (сестринской по отношению к ней), затем берберская отделяется от чадской. В пределах семитской ветви первым обособившимся языком оказывается общий предок современных южноаравийских языков – праюжносемитский, по А.М. Аккадский язык обособляется вторым, хотя хронологически именно он, наряду с эблаитским, является наиболее древним из известных семитских языков. И наконец возникают (почти одновременно) три западносемитские ветви: ханаанейская (иврит, финикийский, угаритский⁷), арабско-арамейская с южноаравийским эпиграфическим (сабейским) языком и эфиопская. Это несколько отличается от лексикостатистической классификации А.М., где выделяются ветви левантийская (угаритская и ханаанейско-арамейская, или южно-левантийская, включающая сабейский язык, что также отличает эту классификацию от большинства принятых в семитологии), арабская и эфиопская.

Если не считать египетской ветви, включающей коптские диалекты⁸, самой консолидированной ветвью АА макросемьи является берберская, распавшаяся сравнительно недавно. Чадская же семья значительно менее однородна, возможно, по причине разных субстратов. Косвенным указанием на это служит то, что чадские популяции генетически чрезвычайно гетерогенны (*Tishkoff et al.* 2009; *Shriner, Rotimi* 2018). К сожалению, у нас нет достаточных данных по не-АА языкам Африки, позволяющих количественно учесть роль субстратных явлений в дифференциации не только чадской, но и кушитской и омотской семей, а также в своеобразии онгота.

Сетчатое древо АА языков (см.: Рис. 5–7) вносит определенные коррективы, и ветви расположены здесь не так, как на простом древе. Во-первых, выбор хадза в качестве корневого языка может быть подвергнут сомнению. Его носители – соседи носителей западнорифтских языков, в частности языка иракв, который

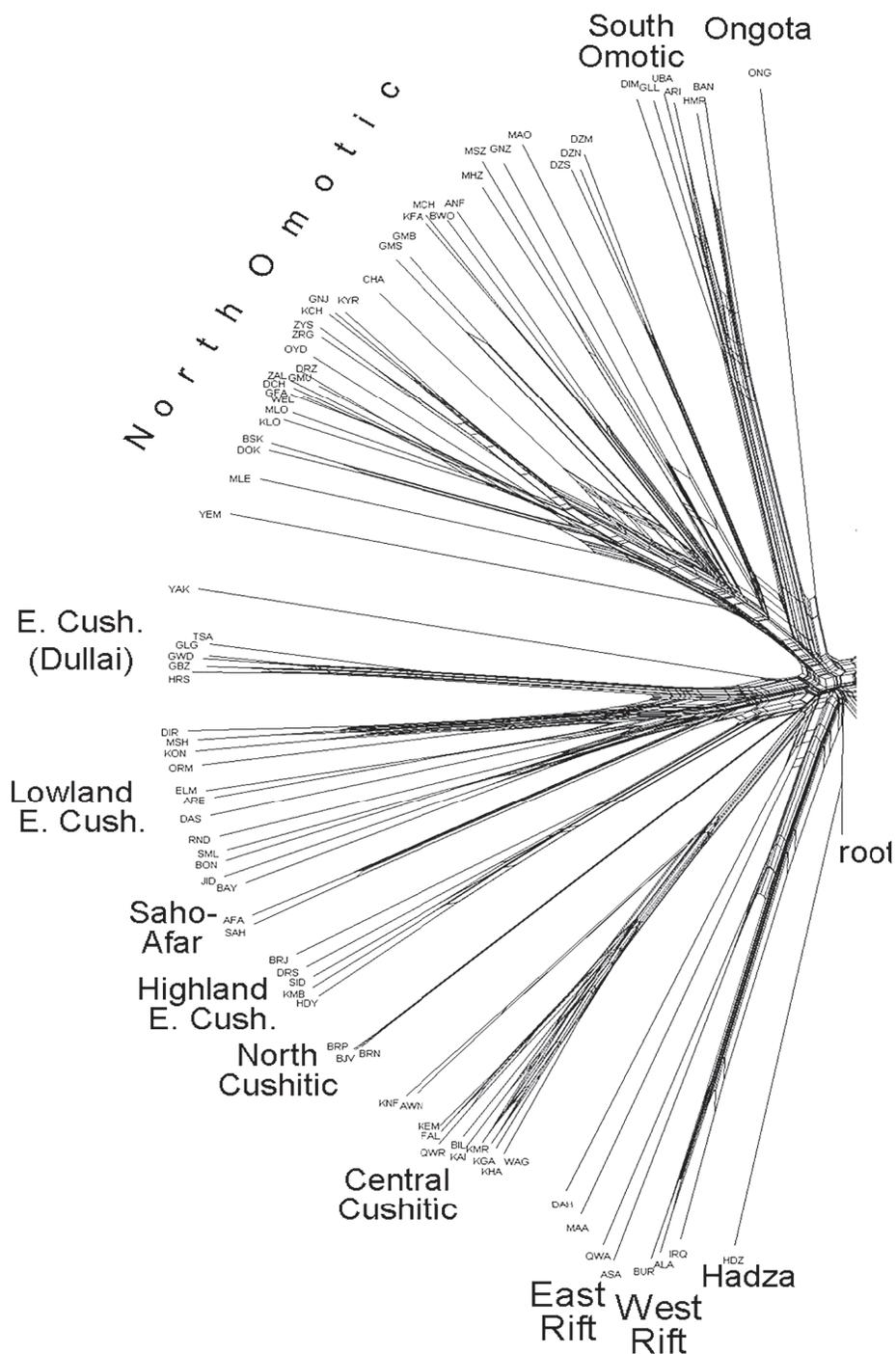

Рис. 6. Сетчатое древо южно-АА языков
(обозначения см. в тексте; электронную версию древа см.: РД-6)

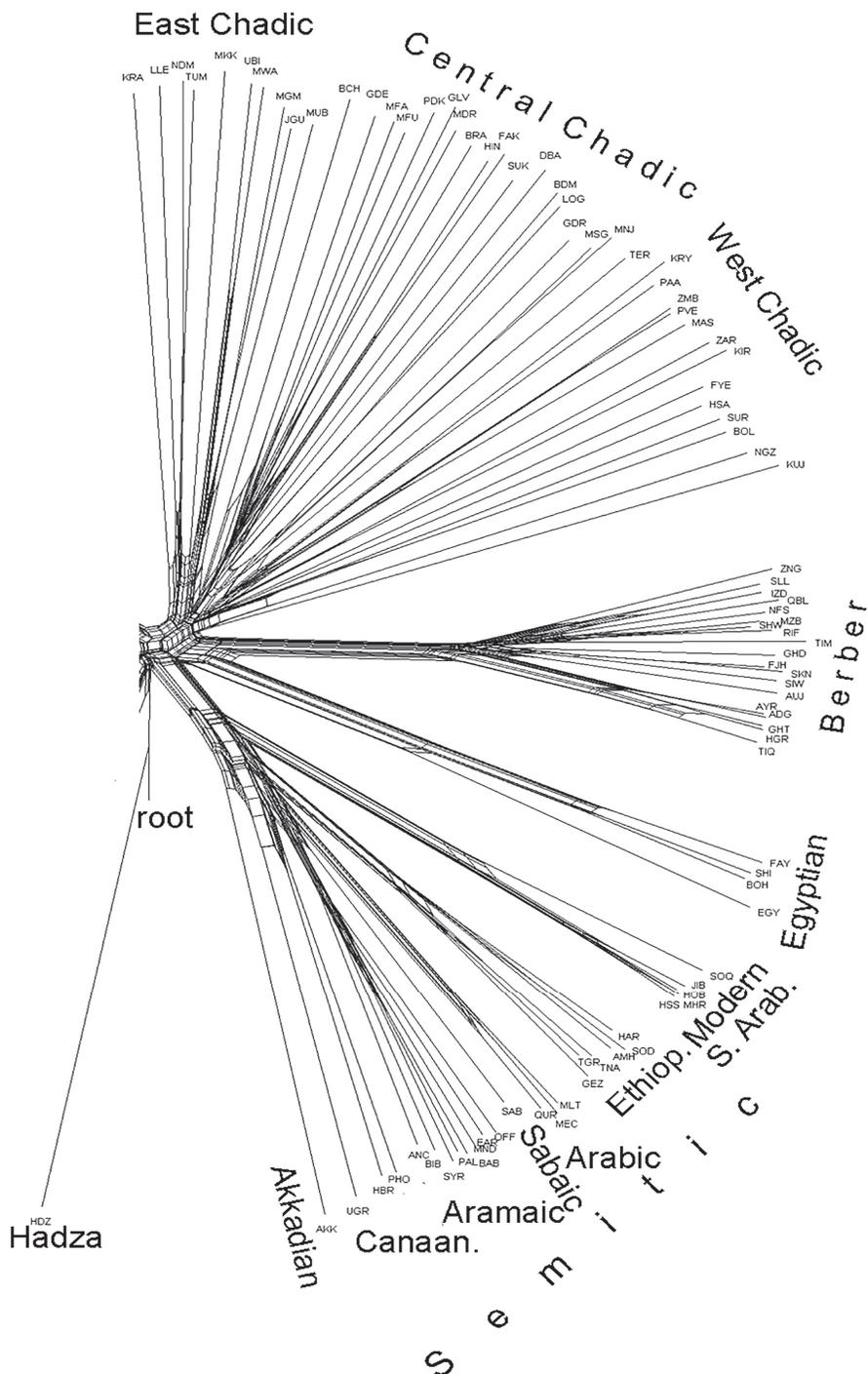

Рис. 7. Сетчатое дерево северно-АА языков (обозначения см. в тексте; электронную версию дерева см.: РД-7)

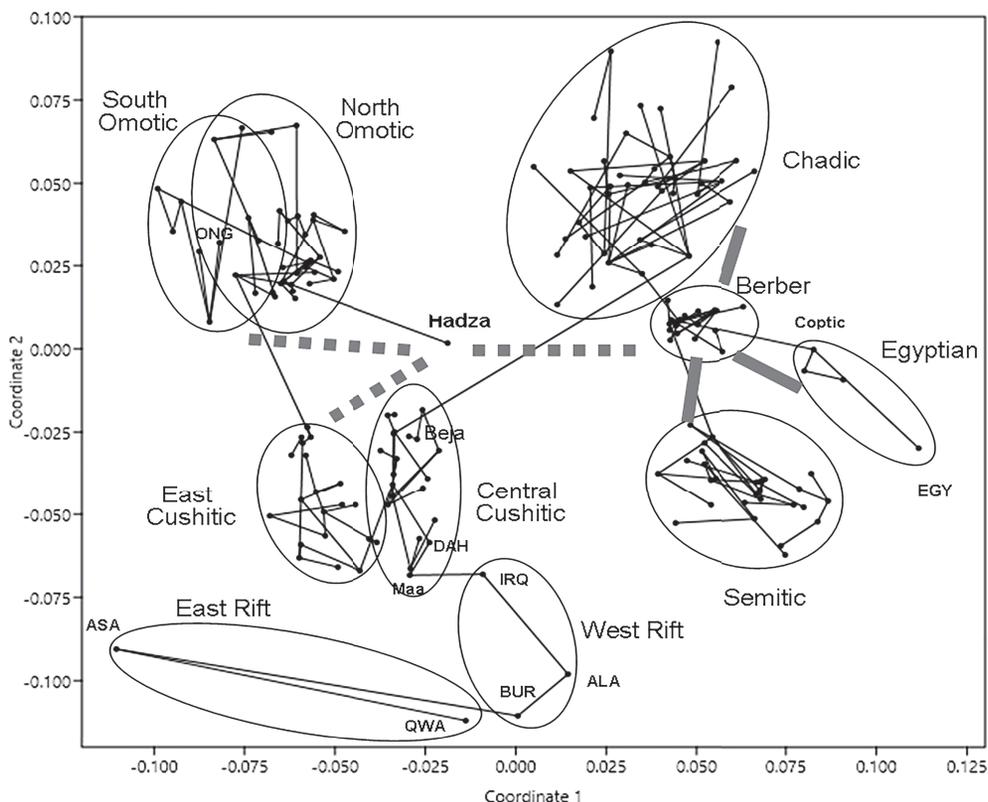

Рис. 8. Взаимоположение языков и семей по результатам неметрического многомерного шкалирования матрицы лексических соответствий. Точки – языки, прямые линии – ребра минимального остовного дерева, показывающего кратчайший путь соединения точек в многомерном пространстве (тонкие линии – по данным об отдельных языках, толстые сплошные – по усредненным данным о семьях и изолированных языках, связанных на уровне 9–12% лексических совпадений, толстые пунктирные – на уровне 7–8% совпадений); овалами обведены семьи (обозначения см. в тексте)

(Orel, Stolbova 1995: X), хотя в последующих работах О.В. Столбовой по чадской этимологии все кушитские языки входят в отдельную ветвь афразийской макросемьи, без объединения с омотской (см., напр.: Столбова 2016). Результаты нашего анализа подтверждают реальность кушомотской макросемьи. Правда, как показывает даже предельно схематизированное обычное дерево (см.: Рис. 2), общий ствол, соединяющий ее с корневой частью, очень короток. Густая сеть ареальных связей на сетчатом дереве (см.: Рис. 5) делает противопоставление северной группировки АА языков южной еще менее отчетливым. Дифференциация североомотской подсемьи здесь уже не кажется цепью последовательных ветвлений, как на Рис. 3, из-за очень интенсивных контактов между омотскими, особенно североомотскими, языками (см.: Рис. 6).

Обратимся к ареальной модели (см.: Рис. 8). Хотя у такого графика с формальной точки зрения в принципе не может быть ни корня, ни центра, усредненные данные о семьях и изолированных языках выявляют два центра.

Южный, подобно корню деревьев (см.: Рис. 1–7), пусть и не локализован точно, должен находиться вблизи языка, либо не принадлежащего к АА макросемье, но близкого к ней, либо, во всяком случае, наиболее обособленного в ее пределах, – хадза. Двумерная проекция, в отличие от сетчатого древа (см.: Рис. 5, 6), не обнаруживает специфической близости хадза к западнорифтской ветви кушитской семьи.

Так как двумерная проекция, в отличие от древа, передает прежде всего общие соотношения, жертвуя частностями, анализ связей между отдельными языками ничего не дает, за некоторыми исключениями. Так, в пределах кушитской семьи бросается в глаза аномально большое различие между двумя восточно-рифтскими языками – квадза и аса. На сетчатом древе (см.: Рис. 6) язык аса промежуточен между квадза и западнорифтским языком бурунге. На двумерной же проекции аса весьма удален и от квадза, и от бурунге, хотя и соединен с ними обоими. Это очень нетипичный случай, требующий особого анализа. Ареальная модель, в отличие от генеалогической, способна выявить такие аномалии.

Ребра минимального остова древа связывают реконструированный южный центр как с обеими южными семьями (омотской и кушитской), так и с одной из северных – берберской. Ввиду позднего распада последней может показаться странным, что именно она оказалась вблизи предполагаемого северного центра дифференциации АА макросемьи, будучи соединена, помимо южного центра, с тремя северно-АА семьями – семитской, египетской и чадской (эти связи особенно сильны). Тот же результат получен по базе данных Г.С. Старостина и коллег (Козинцев 2021). Однако, хотя дочерние берберские языки молоды, праберберский возник вскоре после распада северно-АА группировки (см.: Рис. 4, 7). Поэтому его родство с отдельными северными ветвями установить трудно: на простом древе (см.: Рис. 4) он родствен чадской ветви, тогда как на сетчатом (см.: Рис. 7) и на двумерной проекции (см.: Рис. 8) – как чадской, так и египетской, в особенности коптской.

Псевдоареальная модель позволяет выявить некоторые градиенты, в большинстве случаев географические. Так, восточнокушитские и центральнокушитские языки промежуточные между омотскими и рифтскими, центральнокушитские – между восточнокушитскими и западнорифтскими, берберские – между семитскими и чадскими, а также между египетскими и чадскими. Возможно, это отражает пути расселения северных афразийцев: сначала с востока на запад вдоль северного побережья Африки, затем на юг – в Сахель. Возможны и хронологические градиенты. Заслуживает внимания, например, то, что позднеегипетские (коптские) диалекты обнаруживают сдвиг от более ранней стадии египетского языка в сторону берберских языков. Средняя доля лексических совпадений египетского языка с берберскими равна 8,4%, для коптских диалектов она возрастает до 12,7%. Из 19 берберских языков нет ни одного, который был бы ближе к египетскому языку, чем к коптским диалектам. Даже самый слабый тест (двусторонний знаковый) показывает, что вероятность случайности такого распределения меньше, чем один шанс из 262 тыс., т.е. что на поздней стадии развития египетского языка ареальные его связи с берберской семьей явно усилились⁹. Деревья не могут выявить такие закономерности, а потому генеалогический и ареальный методы дополняют друг друга. Это хорошо видно на примере египетской ветви: сравнение ранней стадии ее развития (собственно египетской) и поздней (коптской), строго говоря, неправомерно в рамках генеалогического подхода, не допускающего сравнение предков с потомками на равных правах¹⁰. Ареальная же модель свободна от такого ограничения и способна выявить диахронические сдвиги в развитии языка (в данном случае – в сторону сближения с берберскими языками).

Семитская база

Использованы данные о следующих 56 семитских идиомах:

I. Аккадский – АКК.

II. Ханаанейские: HBR – иврит, PHO – финикийский.

III. Угаритский – UGR¹¹.

IV. Сабейский – SAB.

V. Арамейские: ANC – древнеарамейский, ASS – современный “ассирийский” арамейский, BAB – вавилонский арамейский, BIB – библейский арамейский, CHR – христианский арамейский, EGP – египетский арамейский, MLL – маалула, MND – мандейский, NAB – набатейский, NRW – нерва, OFF – официальный арамейский, PAL – палестинский арамейский, PLM – пальмирский арамейский, SAM – самаритянский арамейский, SYR – сирийский арамейский, TUR – туройо, URM – урмийский, ZKH – захо.

VI. Арабские: ALG – алжирский арабский, BKH – бухарский арабский, CPR – кипрский арабский, EGY – египетский арабский, HDR – хадрамаутский арабский, IRQ – иракский арабский, JRD – иорданский арабский, KSH – кашкадарьинский арабский, LBN – ливанский арабский, LYB – ливийский арабский, MEC – мекканский арабский, MLT – мальтийский арабский, MRC – марокканский арабский, PLS – палестинский арабский, QUR – коранический арабский, SDN – суданский арабский, SRN – сирийский арабский, YEM – йеменский арабский¹².

VII. Современные южноаравийские: HOB – хобьот, HSS – харсуси, JIB – джиббали, MHR – мехри, SOQ – сокотри.

VIII. Эфиосемитские: южные: AMH – амхарский, ARG – аргобба, CHH – чаха, GAF – гафат, HAR – харари, SOD – соддо, WOL – волане; северные: GEZ – геэз, TGR – тигре, TNA – тигринья.

Сетчатое древо основных подразделений семитской семьи, укорененное по самому древнему из представленных в базе языков – аккадскому, показано на Рис. 9. Следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, арамейская и сабейская ветви короче других, что может свидетельствовать либо о замедленном темпе их эволюции (это предположение не разделяется ни одним из авторов данной статьи), либо о значительной роли ареальных связей с иными семьями. Самая же длинная ветвь – современная южноаравийская, что, возможно, отражает ее ускоренное развитие в условиях изоляции (это предположение разделяет лишь А.К.). Во-вторых, ветви древа в пределах кластеров расположены не в произвольном порядке, как на обычном древе, а в том, который определяется ареальными контактами. Последние показаны в виде коллатералей у основания ветвей. Видно, в частности, что современные южноаравийские языки имели контакты с эфиосемитскими, эфиосемитские – с арабскими, а арабские – с сабейским языком. Сабейский, в свою очередь, контактировал с родственными ему арамейскими языками, арамейские языки – с ханаанейскими, а ханаанейские – с угаритским.

Посмотрим на генеалогические отношения отдельных семитских языков. Сначала используем простое неукорененное древо, построенное методом BioNJ (см.: Рис. 10).

Хотя большинство ветвей семитской семьи – арамейская, арабская, современная южноаравийская и эфиопская – выделяются достаточно четко, такая классификация заведомо неудовлетворительна, так как ранг одного из древнейших известных семитских языков – аккадского – явно занижен. Здесь он оказывается не самостоятельной ветвью, а всего лишь веточкой, пусть и наиболее обособленной, в кусте, включающем кроме нее собственно ханаанейские языки (финикийский и иврит), а также угаритский.

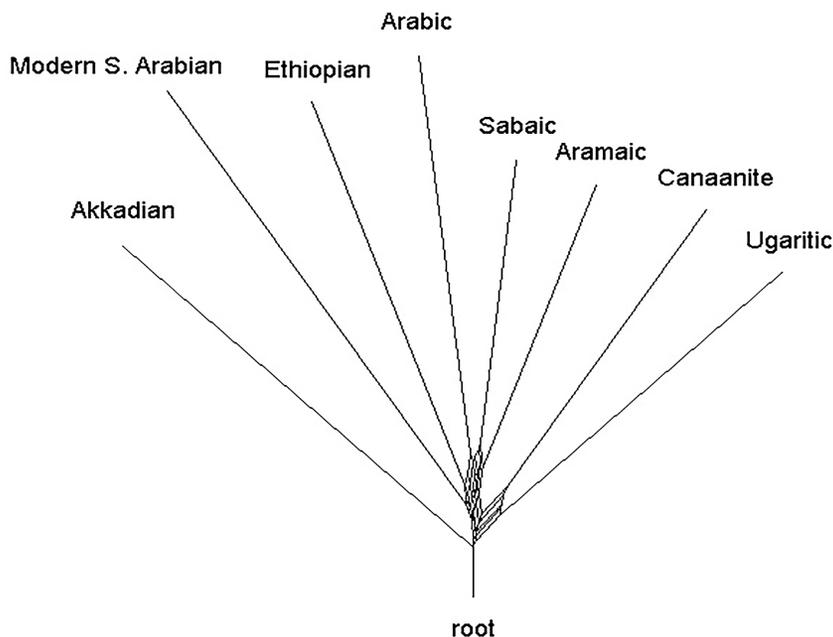

Рис. 9. Сетчатое дерево семитских семей и обособленных языков, укорененное по аккадскому языку

Одна из причин такой аномалии в том, что неукорененные деревья, создаваемые методом NJ/BioNJ, адекватно передают лишь взаимоположение ветвей в верхней части кроны, тогда как порядок ветвления дерева на нижних уровнях остается неизвестным. Для укоренения необходимо выбрать либо внешний язык (в общеафразийской части статьи таким языком был хадза), либо язык, принадлежащий к данной семье, но обособившийся раньше других. Вариантов тут два: либо аккадский, либо предок современных южноаравийских языков. На то, что именно последние, в отличие от аккадского, могут представлять древнейшую ветвь семитской семьи, указывают данные А.М. К сожалению, этот вариант проблему не решает – топология дерева при укоренении его по языку, предковому для современных южноаравийских, остается в точности той же, что и при отсутствии корня.

Остается аккадский язык (см.: Рис. 11). Данный вариант выглядит несколько более адекватно, но аккадский все равно “притягивает” к себе угаритский и ханаанейские языки, которые отделяются от корня вслед за ним. Арамейская ветвь оказывается сестринской по отношению к арабской, а не к ханаанейско-угаритской; к тому же кластеру относится и сабейский язык, который здесь выглядит более родственным арабским, чем арамейским идиомам. Современные южноаравийские и эфиосемитские языки входят в один таксон в качестве сестринских ветвей. Последний результат соответствует выводам ряда авторов (*Bender 1970; Hetzron 1972: 17; Boivin et al. 2009; Kitchen et al. 2009*). Однако исходные данные заставляют в этом усомниться: среднее число соответствий между современными южноаравийскими и эфиосемитскими языками составляет всего 19,4%, тогда как современные южноаравийские языки в среднем ближе

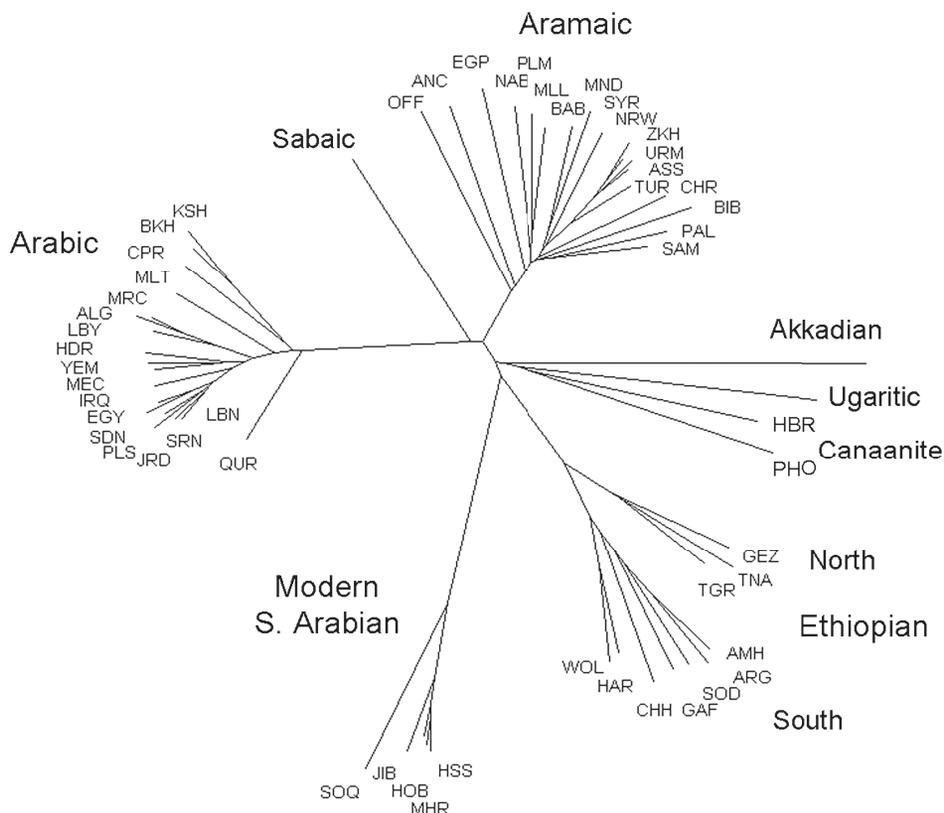

Рис. 10. Неукорененное родословное дерево семитских языков (обозначения см. в тексте)

к арамейским (25,5%) и арабским (21,2%), а эфиосемитские – к арамейским (31,5%), арабским (25,5%) и аккадскому (21,9%). Итак, полученный результат – артефакт кластерного анализа.

Построим теперь сетчатое дерево, которое снова укореним по аккадскому (см.: Рис. 12). Такое дерево, отражающее не только вертикальные связи, но и горизонтальные, на первый взгляд, легче совместить с идеей А.М. о северозападнесемитской (левантийской) ветви, включающий ханаанейские и арамейский языки, а также угаритский (см. также: *Коган, Лёзов* 2009: 205–805). Подобно простым деревьям (см.: Рис. 10, 11), сетчатое дерево показывает, что изоглоссы, объединяющие данные языки, имеют в значительной мере ареальное происхождение (ср.: *Kogan* 2015: 600). Сабейский же язык, который на простых деревьях несколько ближе к арабским идиомам, чем к арамейским, здесь промежуточен между теми и другими. Неясна природа коллатералей, соединяющих иврит с официальным арамейским, а сабейский с кораническим арабским (поэтому простые деревья создают иллюзию того, что сабейская ветвь – сестринская по отношению к арабской). Идет ли здесь речь об ареальных связях или о сохранении предковой лексики, сказать трудно. Развитие праязыков – раннеарабского¹³, праарамейского, праэфиосемитского и праханаанейского – отображается на сетчатом древе в виде рядов параллельных линий (диалектов?), что особенно заметно в случае раннеарабского языка. Язык же, предковый по отношению к

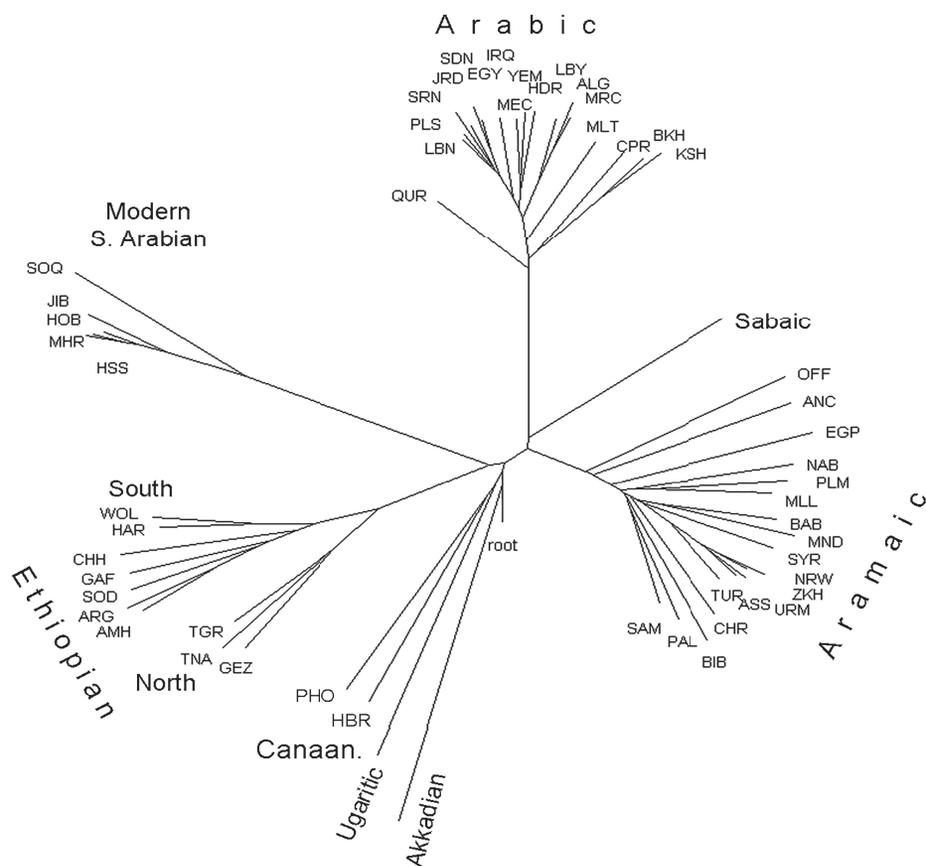

Рис. 11. Родословное дерево семитских языков, укорененное по аккадскому языку (обозначения см. в тексте)

современным южноаравийским, был значительно однороднее. Он и существовал дольше всего, тогда как языки-предки арамейских и особенно ханаанейских языков распались значительно раньше. Все это видно и на простых деревьях (см.: Рис. 9–11).

Эфиосемитская и южноаравийская ветви и на сетчатом древе кажутся сестринскими, хотя перемычка, отделяющая их от корневой части древа, почти отсутствует. Интересно, что если укоренить данное древо по языку, предковому для современных южноаравийских, то не меняется практически ничего: топология древа остается почти той же, что и при выборе аккадского языка в качестве корневого. Это усиливает сомнения в том, что эфиосемитские и современные южноаравийские языки объединены специфическим родством.

Двумерная проекция (см.: Рис. 13) вносит в этот вопрос окончательную ясность: о филогенетической близости эфиосемитских и современных южноаравийских языков не может быть и речи (тот же результат, основанный на иных подходах, см.: Kogan 2015: 599–600). Сестринские ветви здесь, как ни удивительно, вообще отсутствуют, за исключением обеих групп эфиосемитских языков (см., впрочем, ниже). Подобная конфигурация не может быть адекватно передана с помощью генеалогической модели, нацеленной именно на

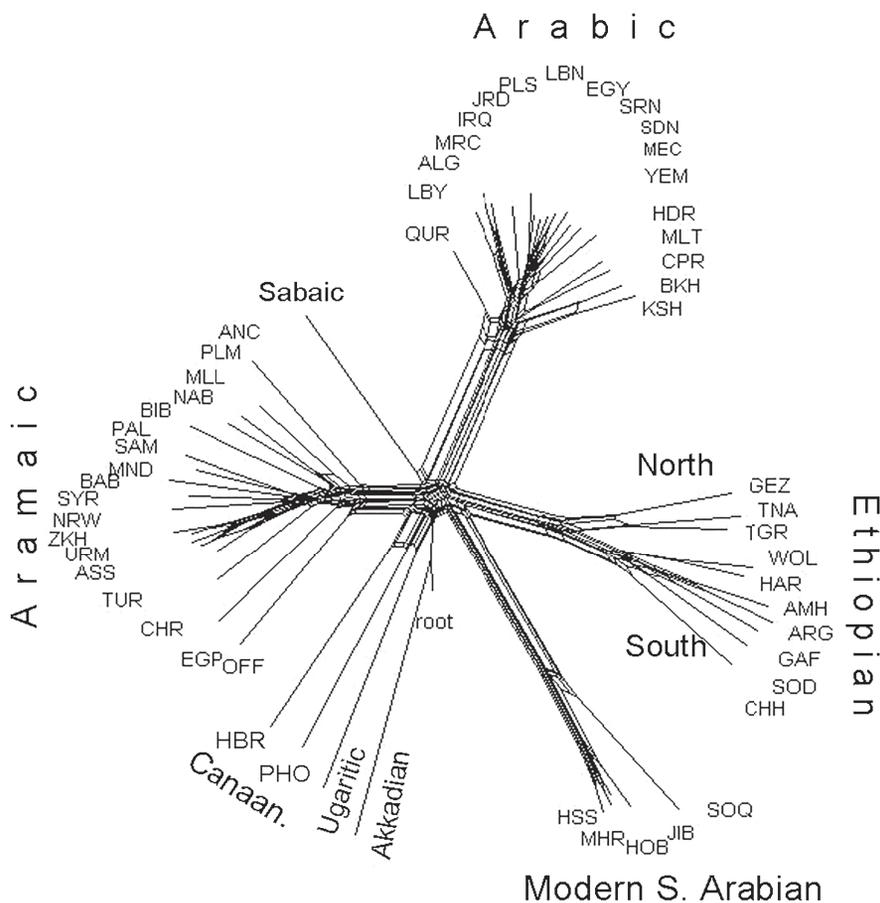

Рис. 12. Сетчатое дерево семитских языков, укорененное по аккадскому языку (обозначения см. в тексте)

выявление сестринских ветвей. Быть может, полученный результат – артефакт пространственной модели? Нет, потому что при использовании ее на более высоком – афразийском – уровне сестринские пары четко выявляются. Таковы, в частности, южноомотская и североомотская, восточнокушитская и центральнокушитская (сближающаяся с беджа), восточнорифтская и западнорифтская ветви (см.: Рис. 8). Но при этом главные афразийские ветви мало различаются по степени обособленности: амплитуда колебания средней доли лексических совпадений с другими ветвями составляет всего 2,1% – от 5,4% у кушитской ветви до 7,5% у берберской. В случае же семитских ветвей размах значительно больше – 14,4% (см. ниже).

Арамейская ветвь с сабейским языком занимает на графике центральное положение. Ребра минимального остонового дерева соединяют ее с тремя другими ветвями, а близкородственный ей сабейский язык – с четырьмя. Между тем ни одна из прочих ветвей не имеет более одной непосредственной связи. По степени лексического своеобразия ветви располагаются так (в порядке возрастания средней доли совпадений с другими): современная южноаравийская – 20,7%; аккадская – 24,0%; эфиопская – 27,0%; арабская – 27,1%; угаритская – 28,9%, ханаанейская – 31,2%; арамейская – 34,7%; сабейская – 35,1%. На обобщенном

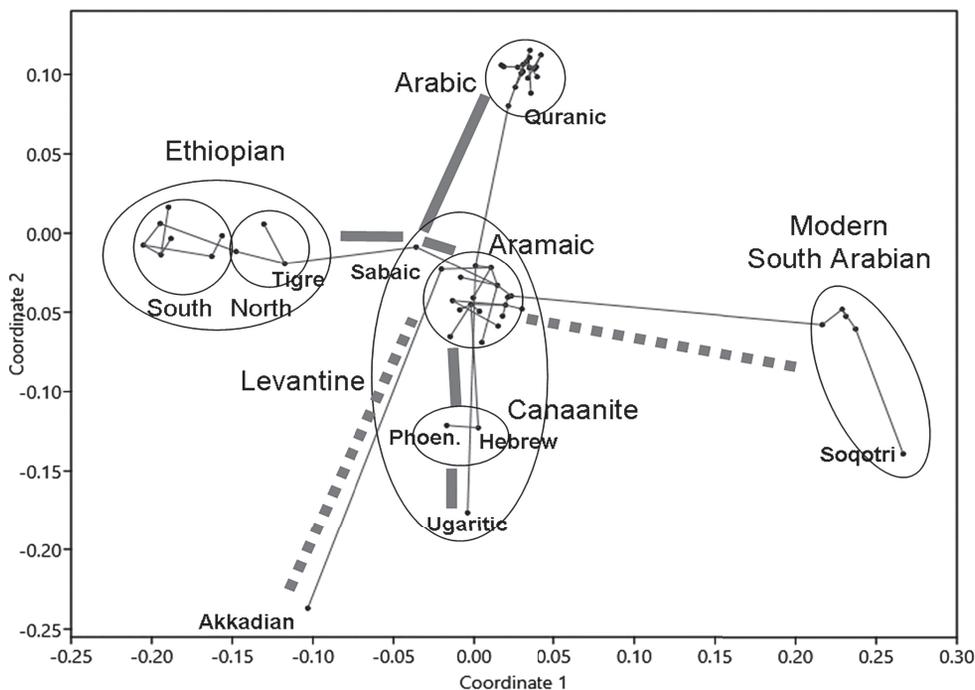

Рис. 13. Взаимоположение семитских языков по результатам неметрического многомерного шкалирования матрицы лексических соответствий. Точки – языки, прямые линии – ребра минимального остовного дерева, показывающего кратчайший путь соединения точек в многомерном пространстве (тонкие линии – по данным об отдельных языках, толстые сплошные – по усредненным данным о семьях и изолированных языках, связанных на уровне 37–47% лексических совпадений, толстые пунктирные – на уровне 26–29% совпадений); кругами и овалами обведены основные ветви (обозначения см. в тексте)

сетчатом древе (см.: Рис. 9) центральное положение арамейских и сабейского языков проявляется в малой длине соответствующих ветвей. В рамках генеалогического подхода это заставило бы рассматривать вопрос о замедленном темпе их эволюции, что маловероятно.

Представляется, что ареальный подход в данном случае более адекватен: центральное положение арамейской группы, вероятно, связано с ролью арамейского как *lingua franca* на всем Ближнем Востоке в течение длительного времени. Поэтому речь, скорее всего, идет не о консервации предковой лексики в арамейских идиомах, а об “ареально-генетических связях” (Хелимский 1982: 24–25), при которых когнаты сохраняются благодаря контактам. Если какая-то ветвь, в отличие от других, играет роль “универсального донора”, то ее своеобразие при прочих равных должно быть минимальным.

Сабейская ветвь наименее удалена от остальных. Она связана в большей степени с арамейской, чем с арабской, как могло бы показаться при использовании генеалогической модели (см.: Рис. 10–12)¹⁴. Усредненная доля лексических совпадений сабейского языка с арамейскими идиомами равна 47,4%, с арабскими – 38,4% (согласно критерию Манна-Уитни, различие в высшей степени значимо: $U=12,5$, $z=4,75$, $p<0,001$). “Арамейское” уклонение коранического арабского языка видно и здесь.

Является ли левантийская (северозападносемитская) группа, включающая, согласно А.М., арамейские и ханаанейские языки, а также угаритский, монофилетическим или же полифилетическим таксоном, т.е. языковым союзом? Иными словами, является ли арамейская группа с сабейским языком сестринской по отношению к ханаанейской группе и угаритскому языку? Простые деревья дают на это отрицательный ответ (см.: Рис. 10, 11), сетчатое дерево – неопределенный (см.: Рис. 12). В двумерной проекции, как мы уже сказали, сестринских групп в строгом смысле вообще нет, причем ветви сильно различаются по степени своеобразия. То, что это своеобразие минимально у левантийских ветвей, особенно у арамейской с сабейским языком, заставляет предполагать, что именно эти ветви находились в средоточии семитского языкового универсума, поддерживая множество контактов, что затрудняет решение вопроса об их монофилии.

Интересно взаимоположение обеих ветвей эффиосемитской группы (см.: Рис. 13). Выясняется, что даже они, несмотря на их обособленность от прочих, не могут считаться сестринскими в строгом смысле слова, что видно и на деревьях (см.: Рис. 10–12): северная ветвь обособляется первой, южная – второй. Северная при этом оказывается промежуточной между южной и прочими семитскими ветвями. Видимо, это отражает распространение семитских языков от побережья Красного моря вглубь Африканского континента путем единой миграционной волны (*Булах, Коган* 2013: 29). В современной южноаравийской группе особое положение занимает сокотри, противостоящий прочим языкам данной группы (см.: Рис. 11–13). Это явный результат его долгой изоляции.

Представляется, что использованные методы открывают интересные перспективы для классификации АА языков и для компаративистики в целом, а значит, и для реконструкции этнокультурной истории на разных этапах. Они применимы также в этнографии, археологии и иных смежных областях.

Благодарности

А.М. пользуется случаем выразить благодарность Л.Р. Городецкому, поделившемуся с ним 100-словными списками ряда современных арабских идиомов, полученными от их носителей.

Мы признательны анонимным рецензентам нашей статьи, чьи замечания помогли ее улучшить, а также всем многочисленным коллегам, дискуссии с которыми были для нас чрезвычайно важны.

Примечания

¹ Последние усовершенствованные А.М. 100-словные списки готовятся к публикации.

² Один из рецензентов – без сомнения, авторитетный семитолог – высказал ряд во многом справедливых претензий к группировке семитских языков в нашей статье. В частности, понятия “египетский арамейский” и “официальный арамейский” перекрываются (то же относится к терминам «современный “ассирийский” арамейский» и “урмийский арамейский”). Авторам это хорошо известно. Однако составленные по соответствующим корпусам “официальных арамейских” и “египетских арамейских” текстов 100-словные списки совпадают, во-первых, не на 100% (расходятся в пунктах “not” и “walk”), а во-вторых, покрывают только часть 100-словника (48 слов + три синонима представлены в текстах на “официальном арамейском”, 52 слова + три синонима – на “египетском арамейском”). Вариант объединения двух 100-словных списков в один представляется паллиативом. Мы сознаем, что перекрывание создает избыточ-

ность, однако, как показывают графики, оно все-таки неполное и дает возможность получить дополнительную информацию.

³ Рецензент пишет: “Огромнейшее большинство афразийских таксонов в сравнительно-историческом плане разработаны *крайне плохо* или *вообще не разработаны*” (курсив наш. – А.К., А.М.) и «В статье встречаются такие (на взгляд рецензента. – А.К., А.М.) малонаучные концепты, как “совпадающие слова”. Что такое “совпадающие слова”? Мне это решительно не понятно. Совпадающие семантически? Точно (“смерть” = “смерть”) или приблизительно (“смерть” = “ветшать”)? Совпадающие фонетически? Но неужели авторам настолько хорошо известны законы афразийского консонантизма, чтобы судить о “совпадении” между отдельными словами живых чадских, семитских или омотских языков?» Комментарий А.М.: В этих суждениях игнорируется многолетняя работа целого ряда афразистов, начиная с И.М. Дьяконова, выработавших систему регулярных консонантных соответствий и этимологизировавших огромные пласты лексики большинства афразийских языков. Замечания рецензента основаны либо на предвзятом отношении к исследованиям, выходящим за рамки общеизвестного, либо на недостаточном внимании к опубликованным работам О.В. Столбовой, В. Блажека, Г. Такача, самого А.М. и многих других авторов, разработавших законы консонантизма в отдельных афразийских ветвях и группах. Под термином “совпадающие слова” в контексте лексикостатистики ничего иного, кроме слов, полностью совпадающих семантически и фонетически на основании регулярных консонантных соответствий, иметься в виду не может. Кроме того, рецензент полагает, что нам следовало уделить внимание глагольной морфологии. Это другая и серьезная проблема, к теме статьи и вообще к лексикостатистике прямого отношения не имеющая.

⁴ Обе разновидности генеалогической модели реализованы с помощью пакета SplitsTree4 Д. Хусона и Д. Брайанта. <https://software-ab.informatik.uni-tuebingen.de/download/splitsree4/welcome.html> (дата обращения: 24.03.2022).

⁵ Ареальная модель реализована с помощью пакета PAST Э. Хаммера, версия 4.05. <https://www.nhm.uio.no/english/research/resources/past> (дата обращения: 24.03.2022).

⁶ В данном случае пренебречь возможностью заимствований не удастся ввиду соседства носителей языка хадза и западнорифтских языков (см. в тексте).

⁷ А.М. не относит угаритский язык к ханаанейским, считая его особой ветвью в пределах левантийской группы. Однако этот язык очень близок к ханаанейским.

⁸ Комментарий А.М.: Неожиданным и, по-видимому, неадекватным результатом является раннее отделение коптских диалектов от “собственно египетского” языка. Теоретически существование такого раннеегипетского диалекта – как бы “пракоптского” – возможно, но обсуждать этот вопрос имеет смысл, только если им заинтересуются египтологи. Комментарий А.К.: Такой результат вызван чисто методической причиной: генеалогическая модель направлена на выявление сестринских ветвей и исключает непосредственное сравнение предков с потомками. Строго говоря, предковая линия перестает существовать в момент, когда она разделяется на дочерние. Это заметно ограничивает применимость данной модели.

⁹ Один из рецензентов отнесся к этому выводу с крайним недоверием, да и нас полученный результат сильно удивил. Обращение к исходным данным не позволяет дать ему культурно-историческую интерпретацию. Но никакого иного объяснения кроме ареального не усматривается, если, конечно, использованный материал не содержит некоего скрытого дефекта.

¹⁰ В глоттохронологии использование разновременных языков возможно бла-

годаря поправкам, разработанным С.А. Старостиным (*Бурлак, Старостин* 2005: 142). Но при этом ни один из непосредственно сравниваемых языков все равно не может быть предковым по отношению к другому. Так как данное исследование не основано на глоттохронологических постулатах, поправки не вносились.

¹¹ Традиционно угаритский язык не причислялся к ханаанейским (*Коган* 2009а, 2009б), с чем согласуются результаты А.М. По новой версии Л.Е. Когана, угарит следует включить в эту группу (*Коган* 2015: 343–349, 600). Наши подсчеты также свидетельствуют о значительной лексической близости угаритского к собственно ханаанейским языкам.

¹² Проблема с арабскими идиомами, отмеченная и одним из рецензентов (в меньшей степени она относится и к современным арамейским), состоит в том, что при записи списков со слов информантов фиксировались, кроме имени информанта и (обычно) его возраста, лишь населенный пункт, чей идиом он представлял, и страна, откуда он прибыл (опросы проводились в Москве, в основном среди арабских студентов). Дополнительного исследования с целью выяснить, к какой группе арабских идиомов относится данный, не проводилось.

¹³ Лексикостатистическое и глоттохронологическое сравнение между собой живых арабских идиомов и коранического арабского дает несколько необычный результат: оно не выявляет “праарабский” язык (в отличие от явно выявляемых “праэфиопского”, “праарамейского”, “праюжносемитского” и др.), вернее, он выглядит очень поздним, близким к рубежу эр, что исторически совершенно невероятно. Возможная интерпретация: все включенные в сравнение арабские идиомы, восходящие к относительно недавно (немногим более двух тысяч лет назад) разделившемуся праязыку – одному из арабских диалектов, наложились на все другие арабские идиомы, существовавшие в Аравии с III тыс. до н.э. и фактически их вытеснили.

¹⁴ Последний результат может быть отчасти вызван тем, что сабейские тексты прочитывались в первую очередь с помощью арабского словаря и в сравнении с арабской лексикой.

Источники и материалы

- РД-1 – Родословное древо языков Евразии и Африки, построенное Г.С. Старостиным с соавторами.
http://starling.rinet.ru/new100/eurasia_short.jpg (дата обращения: 24.03.2022).
- РД-2 – Родословное древо АА языков, укорененное по хадза.
<https://disk.yandex.ru/i/VGfYIVJNoHoNbw> (дата обращения: 24.03.2022).
- РД-3 – Родословное древо южно-АА языков.
<https://disk.yandex.ru/i/PiJHGGEAJrH11A> (дата обращения: 24.03.2022).
- РД-4 – Родословное древо северно-АА языков.
<https://disk.yandex.ru/i/5FkkYTnNKxzW7A> (дата обращения: 24.03.2022).
- РД-5 – Сетчатое древо АА языков, укорененное по хадза.
https://disk.yandex.ru/i/VvaQxV_thpDt4Q (дата обращения: 24.03.2022).
- РД-6 – Сетчатое древо южно-АА языков.
<https://disk.yandex.ru/i/XXtlOsSSg9C6Zw> (дата обращения: 24.03.2022).
- РД-7 – Сетчатое древо северно-АА языков.
<https://disk.yandex.ru/i/j3VCJClxaYPMw> (дата обращения: 24.03.2022).
- GLD-1 n.d. – The Tower of Babel: The Global Lexicostatistical Database.
<http://starling.rinet.ru/new100/trees.htm> (дата обращения: 24.03.2022).
- Militarev, Stolbova* 2007 – *Militarev A., Stolbova O.* Afroasiatic Etymology. 2007.
<https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basena me=\data\semham\afaset&first=1> (дата обращения: 24.03.2022).

Научная литература

- Булах М.С., Коган Л.Е.* Эфиосемитские языки // Языки мира. Семитские языки. Эфиосемитские языки / Ред. М.С. Булах, Л.Е. Коган, О.И. Романова. М.: Academia, 2013. С. 13–141.
- Бурлак С.А., Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание. М.: Academia, 2005.
- Коган Л.Е.* Угаритский язык // Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Л. Коган, С. Лёзов. М.: Academia, 2009а. С. 205–238.
- Коган Л.Е.* Ханаанейские языки // Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Л. Коган, С. Лёзов. М.: Academia, 2009б. С. 239–278.
- Козинцев А.Г.* Азия или Африка? О локализации афразийской прародины // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 25–42. <https://doi.org/10.31857/S086954150016696-5>
- Старостин Г.С.* К вопросу о генетической принадлежности языка хадза // Африканский сборник 2007 / Отв. редактор В.Ф. Выдрин. СПб.: Наука, 2008. С. 262–278.
- Старостин Г.С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1, Методология. Койсанские языки. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Столбова О.В.* Этимологический словарь чадских языков. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. <https://book.ivran.ru/f/ilovepdfmerged.pdf>
- Хелимский Е.А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые контакты. М.: Наука, 1982.
- Коган Л.Е., Лёзов С.В.* (ред.) Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009.
- Bender M.L.* A Preliminary Investigation of South Arabia // Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. Addis Ababa: Haile Selassie I University, 1970. P. 26–37.
- Blažek V.* Cushitic Lexicostatistics: The Second Attempt // Afroasiatica Neapolitana: Studi Africanistici, Seria Etiopica. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1997. P. 171–188.
- Blažek V.* Nilo-Saharan Stratum of Ongota // Advances in Nilo-Saharan Linguistics / Eds. M. Reh, D.L. Payne. Köln: Köppe, 2007. P. 1–10.
- Blažek V.* Lexicostatistical Comparison of Omotic Languages // In Hot Pursuit of Language in Prehistory: Essays in the Four Fields of Anthropology in Honor of Harold Crane Fleming / Ed. J.D. Bengtson. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 57–148.
- Blažek V.* Indo-European Zoonyms in Afroasiatic Perspective // Вопросы языкового родства: Международный научный журнал. 2013а. № 9. P. 37–54.
- Blažek V.* Levant and North Africa: Afroasiatic Linguistic History // The Encyclopedia of Global Human Migration. Vol. 1, Prehistory / Ed. P. Bellwood. L.: Blackwell, 2013b. P. 125–132. <https://doi.org/10.1002/9781444351071.wbeghm815>
- Blench R.* Archaeology, Language, and the African Past. Lanham: Altamira Press, 2006.
- Boivin N. et al.* Archaeological, Linguistic and Historical Sources of Ancient Seafaring: A Multidisciplinary Approach to the Study of Early Maritime Contact and Exchange in the Arabian Peninsula // The Evolution of Human Populations in Arabia / Eds. M.D. Petraglia, J.I. Rose. Berlin: Springer, 2009. P. 251–278.
- Ehret C.* History and the Testimony of Language. Berkeley: University of California Press, 2011.
- Fleming H.C.* Ongota: A Decisive Language in African Prehistory. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006.

- Gascuel O.* BIONJ: An Improved Version of the NJ Algorithm Based on a Simple Model of Sequence Data // *Molecular Biology and Evolution*. 1997. Vol. 14. No. 7. P. 685–695.
- Hetzron R.* *Ethiopian Semitic: Studies in Classification*. Manchester: Manchester University Press, 1972.
- Kitchen A. et al.* Bayesian Phylogenetic Analysis of Semitic Languages Identifies an Early Bronze Age Origin of Semitic in the Near East // *Proceedings of the Royal Society B*. 2009. Vol. 276. No. 1668. P. 2703–2710. <https://doi.org/10.1098/rspb.2009.0408>
- Kogan L.* *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Boston: Walter de Gruyter, 2015.
- Militarev A.* Towards the Chronology of Afrasian (Afroasiatic) and Its Daughter Families // *Time Depth in Historical Linguistics*. Vol. 1 / Eds. C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2000. P. 267–307.
- Militarev A.* Another Step towards the Chronology of Afrasian (I) // *Babel und Bibel 1, Ancient Near East, Old Testament and Semitic Studies* / Ed. L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, S. Tishchenko. М.: Изд-во Ипполитова; Waynona Lake: Eisenbrauns, 2004. P. 282–333.
- Militarev A.* Once More about Glottochronology and Comparative Method: The Omotic-Afrasian Case // *Аспекты компаративистики = Aspects of Comparative Linguistics* / Под ред. И.С. Смирнова М.: РГГУ, 2005. С. 339–408.
- Militarev A.* Towards the Genetic Affiliation of Ongota, a Nearly Extinct Language of Ethiopia (II) // *Babel und Bibel 3* / Ed. L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, S. Tishchenko. М.: RGGU; Waynona Lake: Eisenbrauns, 2006. P. 489–512. <https://doi.org/10.1515/9781575065823-018>
- Militarev A.* A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 1–34 // *Вопросы языкового родства: Международный научный журнал*. 2010. № 3. P. 43–78.
- Militarev A.* A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 35–54 // *Вопросы языкового родства: Международный научный журнал*. 2011. № 5. P. 69–95.
- Militarev A.* A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 55–74 // *Вопросы языкового родства: Международный научный журнал*. 2012. № 7. P. 71–104.
- Militarev A.* A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 75–100 // *Вопросы языкового родства: Международный научный журнал*. 2014. № 11. P. 159–185.
- Militarev A.* Addenda and Conclusion of an Etymology-Based 100-Item Wordlist for Semitic Languages // *Вопросы языкового родства: Международный научный журнал*. 2015. № 13 (1–2). P. 91–138.
- Orel V., Stolbova O.* *Hamito-Semitic Etymological Dictionary: Materials for a Reconstruction*. Leiden: E.J. Brill, 1995.
- Savà G., Tosco M.* A Sketch of Ongota, a Dying Language of Southwest Ethiopia // *Studies in African Linguistics*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 59–135. <https://doi.org/10.32473/sal.v29i2.107366>
- Shriner D. et al.* Genetic Ancestry of Hadza and Sandawe Peoples Reveals Ancient Population Structure in Africa // *Genome Biology and Evolution*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 875–882.
- Shriner D., Rotimi C.N.* Genetic History of Chad // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. Vol. 167. No. 4. P. 804–812. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23711>
- Theil R.* Omotic // *Semitic and Afroasiatic: Challenges and Opportunities* / Ed. L. Edzard. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 369–384.

Tishkoff S.A. et al. The Genetic Structure and History of Africans and African Americans // Science. 2009. Vol. 324. No. 5930. P. 1035–1044.

Research Article

Kozintsev, A.G., and A.Y. Militarev. A Lexicostatistical Classification of Afrasian Languages: New Approaches [Leksikostatisticheskaia klassifikatsiia afraziiskikh yazykov: novye podkhody]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 132–159. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060082> EDN: MRORLQ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alexander Kozintsev | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Alexander Militarev | <http://orcid.org/0000-0002-5684-3053> | amilitarev@gmail.com | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia)

Keywords

Lexicostatistics, Afroasiatic languages, Semitic languages, Egyptian language, Berber languages, Chadic languages, Cushitic languages, Omotic languages

Abstract

A lexicostatistical classification of 205 Afrasian languages was carried out on Alexander Militarev's database according to 100-item lists using various clustering and dimensionality reduction methods. Rooted trees and networks were constructed, and a quasi-spatial model was applied. The separation of Afrasian languages into two groups, northern (Semitic, Egyptian, Berber, and Chadic) and southern (Cushitic and Omotic) is supported, although the monophyly of the Cushitic family is questionable. Within the Semitic family, Aramaic languages together with the apparently related Sabaic take a central position, being connected with all others. Whether or not the Levantine group, which, apart from the above, includes Canaanite languages and Ugaritic, is a clade or a Sprachbund is not clear. Ethiosemitic and Modern South Arabian are not sister branches. Northern Ethiosemitic languages are intermediate between Southern Ethiosemitic and other Semitic languages, possibly evidencing the spread of Semitic inland from the Red Sea coast.

References

- Boivin, N., et al. 2009. Archaeological, Linguistic and Historical Sources of Ancient Seafaring: A Multidisciplinary Approach to the Study of Early Maritime Contact and Exchange in the Arabian Peninsula. In *The Evolution of Human Populations in Arabia*, edited by M.D. Petraglia and J.I. Rose, 251–278. Berlin: Springer.
- Bender, M.L. 1970. A Preliminary Investigation of South Arabia. In *Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies*, 26–37. Addis Ababa: Haile Selassie I University.
- Blažek, V. 1997. Cushitic Lexicostatistics: The Second Attempt. In *Afroasiatica Neapolitana: Studi Africanistici, Seria Etiopica*, 171–188. Napoli: Istituto Universitario Orientale.
- Blažek, V. 2007. Nilo-Saharan Stratum of Ongota. In *Advances in Nilo-Saharan Linguistics*, edited by M. Reh and D.L. Payne, 1–10. Köln: Köppe.

- Blažek, V. 2008. Lexicostatistical Comparison of Omotic Languages. In *In Hot Pursuit of Language in Prehistory: Essays in the Four Fields of Anthropology in Honor of Harold Crane Fleming*, edited by J.D. Bengtson, 57–148. Amsterdam: John Benjamins.
- Blažek, V. 2013. Indo-European Zoonyms in Afroasiatic Perspective. *Voprosy yazykovogo rodstva = Journal of Language Relationship* 9: 37–54.
- Blažek, V. 2013. Levant and North Africa: Afroasiatic Linguistic History. In *The Encyclopedia of Global Human Migration. Vol. 1, Prehistory*, edited by P. Bellwood, 125–132. London: Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444351071.wbeghm815>
- Blench, R. 2006. *Archaeology, Language, and the African Past*. Lanham: Altamira Press.
- Bulakh, M.S., and L.E. Kogan. 2013. Efiosemitskie yazyki [Ethio-Semitic Languages]. In *Yazyki mira. Semitskie yazyki. Efiosemitskie yazyki* [Languages of the World. Semitic Languages. Ethio-Semitic Languages], edited by M.S. Bulakh, L.E. Kogan, and O.I. Romanova, 13–141. Moscow: Academia.
- Burlak, S.A., and S.A. Starostin. 2005. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative Historical Linguistics]. Moscow: Akademia.
- Ehret, C. 2011. *History and the Testimony of Language*. Berkeley: University of California Press.
- Fleming, H.C. 2006. *Ongota: A Decisive Language in African Prehistory*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Gascuel, O. 1997. BIONJ: An Improved Version of the NJ Algorithm Based on a Simple Model of Sequence Data. *Molecular Biology and Evolution* 14 (7): 685–695.
- Hetzron, R. 1972. *Ethiopian Semitic: Studies in Classification*. Manchester: Manchester University Press.
- Kogan, L.E., and S.V. Loesov, eds. 2009. *Yazyki mira. Semitskie yazyki; Akkadskii yazyk; Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world. Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic Languages]. Moscow: Academia.
- Khelimskii, E.A. 1982. *Drevneishie vengersko-samodiiskie yazykovye kontakty* [The Earliest Hungarian-Samoyed Contacts]. Moscow: Nauka.
- Kitchen, A., et al. 2009. Bayesian Phylogenetic Analysis of Semitic Languages Identifies an Early Bronze Age Origin of Semitic in the Near East. *Proceedings of the Royal Society B* 276 (1668): 2703–2710. <https://doi.org/10.1098/rspb.2009.0408>
- Kogan, L.E. 2009. Ugaritskii yazyk [Ugaritic]. In *Yazyki mira. Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World. Semitic Languages. Akkadian Language. Northwest Semitic Languages], edited by L. Kogan and S. Loesov, 205–238. Moscow: Academia.
- Kogan, L.E. 2009. Khanaaneiskie yazyki [Canaanite Languages]. In *Yazyki mira. Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World. Semitic Languages. Akkadian Language. Northwest Semitic Languages], edited by L. Kogan and S. Loesov, 239–278. Moscow: Academia.
- Kogan, L. 2015. *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Boston: Walter de Gruyter.
- Kozintsev, A.G. 2021. Aziia ili Afrika? O lokalizatsii afraziiskoi prarodiny [Asia or Africa? Localizing the Afroasiatic Homeland]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 25–42. <https://doi.org/10.31857/S086954150016696-5>
- Militarev, A. 2000. Towards the Chronology of Afrasian (Afroasiatic) and its Daughter Families. In *Time Depth in Historical Linguistics*, edited by C. Renfrew, A. McMahon, and L. Trask, 1: 267–307. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.
- Militarev, A. 2004. Another Step towards the Chronology of Afrasian (I). In *Babel und Bibel 1: Ancient Near East, Old Testament and Semitic Studies*, edited

- by L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, and S. Tishchenko: 282–333. Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova.
- Militarev, A. 2005. Once More About Glottochronology and Comparative Method: The Omotic-Afrasian Case. In *Aspekty komparativistiki = Aspects of Comparative Linguistics* 1, edited by I.S. Smirnov, 339–408. Moscow: RGGU, 2005.
- Militarev, A. 2006. Towards the Genetic Affiliation of Ongota, a Nearly Extinct Language of Ethiopia (II). In *Babel und Bibel* 3, edited by L. Kogan, N. Koslova, S. Loesov, and S. Tishchenko, 489–512. Moscow: RGGU.
- Militarev, A. 2010. A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 1–34. *Voprosy yazykovogo rodstva = Journal of Language Relationship* 3: 43–78.
- Militarev, A. 2011. A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 35–54. *Voprosy yazykovogo rodstva = Journal of Language Relationship* 5: 69–95.
- Militarev, A. 2012. A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 55–74. *Voprosy yazykovogo rodstva = Journal of Language Relationship* 7: 71–104.
- Militarev, A. 2014. A Complete Etymology-Based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 75–100. *Voprosy yazykovogo rodstva = Journal of Language Relationship* 11: 159–185.
- Militarev, A. 2015. Addenda and Conclusion of an Etymology-Based 100-Item Wordlist for Semitic Languages. *Voprosy yazykovogo rodstva = Journal of Language Relationship* 13 (1–2): 91–138.
- Orel, V., and O. Stolbova. 1995. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary: Materials for a Reconstruction*. Leiden: E.J. Brill.
- Savà, G., and M. Tosco. 2000. A Sketch of Ongota, a Dying Language of Southwest Ethiopia. *Studies in African Linguistics* 29 (2): 59–135. <https://doi.org/10.32473/sal.v29i2.107366>
- Shriner, D., et al. 2018. Genetic Ancestry of Hadza and Sandawe Peoples Reveals Ancient Population Structure in Africa. *Genome Biology and Evolution* 10 (3): 875–882.
- Shriner, D., and C.N. Rotimi. 2018. Genetic History of Chad. *American Journal of Physical Anthropology* 167 (4): 804–812. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23711>
- Starostin, G.S. 2008. K voprosu o geneticheskoi prinadlezhnosti yazyka khadza [On the Genetic Affiliation of Hadza Language]. In *Afrikanskii sbornik 2007* [African Collection 2007], edited by V.F. Vydrin, 262–278. St. Petersburg: Nauka.
- Starostin, G.S. 2013. *Yazyki Afriki. Opyt postroeniia leksikostatisticheskoi klassifikatsii* [Languages of Africa. An Attempt at Constructing a Lexicostatistical Classification]. Vol. 1, Metodologiya. Koisanskii yazyki [Methodology; Khoisan Languages]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Stolbova, O.V. 2016. *Etimologicheskii slovar' chadskikh yazykov* [An Etymological Dictionary of Chad Languages]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. <https://book.ivran.ru/f/ilovepdfmerged.pdf>
- Theil, R. 2012. Omotic. In *Semitic and Afroasiatic: Challenges and Opportunities*, edited by L. Edzard, 369–384. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Tishkoff, S.A., et al. 2009. The Genetic Structure and History of Africans and African Americans. *Science* 324 (5930): 1035–1044.

НЕЙТРАЛЬНОЕ ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА НЕСЕТ ОТПЕЧАТОК ЕГО ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

В.В. Ростовцева, М.Л. Бутовская

Виктория Викторовна Ростовцева | <https://orcid.org/0000-0002-1846-9865> | victoria.v.rostovtseva@gmail.com | к. б. н., научный сотрудник центра кросс-культурной психологии и этологии человека | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Марина Львовна Бутовская | <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | marina.butovskaya@gmail.com | член-корр. РАН, д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, заведующая центром кросс-культурной психологии и этологии человека | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | Учебно-научный центр социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, 125993, Россия)

Ключевые слова

лицо человека, базовые эмоции, мимические выражения, невербальная коммуникация, распознавание эмоций, FaceReader, восприятие лица

Аннотация

При восприятии статичного нейтрального (с нейтральным эмоциональным выражением) лица человека глаз способен улавливать информацию, которая часто не поддается грубой морфометрической оценке. Авторы проверяют гипотезу о том, что нейтральное лицо может нести следы эмоциональной экспрессивности. Целью настоящей работы являлось исследование связи между формой статичного нейтрального лица человека и его индивидуальными особенностями мимической эмоциональной экспрессии. Для анализа была использована нейронная сеть FaceReader, которая на основе видео- и фотоизображений лица классифицировала и оценивала интенсивность эмоциональных выражений на выборке из 176 молодых мужчин и женщин европеоидного типа. Результаты показали, что статичное нейтральное лицо несет следы эмоциональной мимики. Эмоциональная окраска нейтрального лица оказалась достоверно связанной с предрасположенностью демонстрировать те или иные эмоциональные выражения в ходе динамичной коммуникации, при этом лицам мужчин были свойственны следы гнева, грусти и удивления, а женщин – грусти, страха и отвращения. Исследование является первым в своем роде и вносит вклад в понимание механизмов невербальной коммуникации человека.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения: 075-15-2022-328)

Статья поступила 14.06.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 05.08.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Ростовцева В.В., Бутовская М.Л. Нейтральное лицо человека несет отпечаток его эмоциональности // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 160–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060094> EDN: MRRALZ

Rostovtseva, V.V., and M.L. Butovskaya. 2022. Neutral'noe litso cheloveka neset otpechatok ego emotsional'nosti [Human Neutral Face Bears an Imprint of Emotionality]. *Этнографическое обозрение* 6: 160–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060094> EDN: MRRALZ

Лицо человека является одним из важнейших источников информации в визуальной коммуникации между людьми. Основная доля коммуникативной нагрузки приходится на динамичные выражения лица (мимику), которые участвуют в транслировании как эмоционального состояния человека, так и содержательных контекстных сообщений (намеренные подмигивания, гримасы) (Бутовская 2004). Часть информации, способной вызывать ответные реакции, может передаваться также через статичное лицо, а именно через его форму (Ростовцева и др. 2021; Butovskaya et al. 2022; Rostovtseva et al. 2022a), цвет и качество кожи (Fink et al. 2018), цвет глаз (Kleisner et al. 2013), размер зрачков (Kret 2018). Исследованиям формы лица человека и ее роли в коммуникативных процессах посвящено множество работ в области антропологии, этологии и психологии. Форма лица определяется рядом морфологических и анатомических характеристик, таких как особенности костной морфологии и строения мягких тканей. Эти характеристики отражают процессы индивидуального развития человека под действием генетических, физиологических и средовых факторов и несут информацию о происхождении, здоровье, гормональном статусе (Бутовская и др. 2014, 2015; Мезенцева и др. 2021; Fink et al. 2005; Rostovtseva et al. 2020; Whitehouse et al. 2015) и даже поведенческих предрасположенностях человека (Бутовская и др. 2016; Ростовцева и др. 2021¹; Haselhuhn et al. 2015; Stirrat, Perrett 2010). Для статичной морфологии лица коммуникативная функция является вторичной, в то время как мимика непосредственно задействована в процессе обмена информацией. Согласно ряду кросс-культурных исследований, спонтанное выражение и считывание базовых эмоций через мимику (радость, грусть, гнев, страх, удивление, отвращение) является кросс-культурной универсалией (Ekman 1971; Ekman et al. 1969, 1972; Matsumoto 2006), о чем также свидетельствует факт одинакового выражения эмоций на лицах у слепых от рождения людей и у людей зрячих (Charlesworth, Kreutzer 1973). Тем не менее существуют и некоторые культурные особенности мимической экспрессии, которые могут выражаться в предписаниях демонстрировать в определенных социальных контекстах те или иные эмоции, а также регулировать их интенсивность; “правила” демонстрации эмоций могут зависеть и от социального статуса человека (Matsumoto 2006). Интенсивность эмоциональной экспрессии и частота тех или иных выражений также сильно варьируют на личностном уровне, поскольку мимика тесно связана с индивидуальными особенностями нервной системы и психологических черт (Keltner 1996; Renneberg et al. 2005; Rostovtseva et al. 2022b). Из области челюстно-лицевой хирургии и косметологии известно, что мимические морщины, образующиеся при демонстрации эмоциональных выражений, с возрастом запечатлеваются на нейтральном (с нейтральным эмоциональным выражением) статичном лице – их наличие, положение и выраженность индивидуальны (Hillebrand et al. 2010). Однако вопрос о том, насколько мимика может сказываться на особенностях формы лица в молодом возрасте, в научной литературе практически не ставился.

На сегодняшний день множество исследований свидетельствуют о том, что статичное нейтральное лицо человека вызывает у окружающих определенные ответные реакции (оценочные, поведенческие). Одни лица воспринимаются окружающими как более агрессивные, склонные к соперничеству, другие – как вызывающие доверие, щедрые и склонные к кооперации (Brustkern et al. 2021; Butovskaya et al. 2022; Rezescu et al. 2012; Rostovtseva et al. 2022a; Wilson, Eckel 2006). Практика показывает, что при использовании стандартных методов классической и геометрической морфометрии установить морфологическую причину различий между такими лицами практически невозможно, даже если порой глаз человека улавливает некоторую информацию.

Основной целью настоящей работы является исследование возможной связи между формой статичного лица человека (с нейтральным эмоциональным выражением) и индивидуальными особенностями его мимической эмоциональной экспрессии. Мы предположили, что склонность демонстрировать при общении те или иные эмоциональные выражения может оставлять отпечаток на положении мягких тканей лица – и нейтральное статичное лицо будет нести следы этих эмоций.

Кроме того, в настоящей работе рассматриваются возможные половые различия в запечатлении эмоциональной мимической экспрессии на нейтральном лице. На сегодняшний день хорошо известно, что женщины чаще выражают позитивные эмоции (через улыбки), а также грусть и страх, нежели мужчины; в свою очередь, мужчины чаще, чем женщины, выражают гнев посредством мимики (см. метааналитические кросс-популяционные работы: *Chaplin, Aldao* 2013; *LaFrance et al.* 2003; *McDuff et al.* 2017). Что же касается интенсивности экспрессий, то исследования эмоциональной реактивности в целом указывают на то, что женщины больше подвержены эмоциональным реакциям, чем мужчины, что проявляется на кросс-популяционном уровне (*Chentsova-Dutton, Tsai* 2007). Важно отметить, что половые различия в интенсивности выражения эмоций именно через мимику до настоящего времени были довольно слабо изучены. Возможная причина видится в сложности объективной оценки степени мимической выраженности эмоции (*Hess et al.* 1997). Аппаратные методы в такого рода исследованиях стали получать распространение только в последнее время.

В настоящей работе выдвигаются следующие гипотезы: (1) статичное лицо с нейтральным эмоциональным выражением может нести информацию об индивидуальных особенностях эмоциональной мимической экспрессивности человека; (2) нейтральные лица мужчин и женщин будут различаться по степени запечатления эмоциональной мимики, при этом следы радостных эмоций будут лучше улавливаться на женских нейтральных лицах, чем на мужских.

В работе нами была использована нейронная сеть FaceReader (Noldus Information Technology) (подробнее см.: раздел “Методы исследования”). Индивидуальные особенности эмоциональной мимической экспрессивности оценивались с помощью нейтральной беседы на камеру. Нейтральная беседа была выбрана для унификации спонтанных мимических экспрессий (*Matsumoto* 2006). Поскольку FaceReader чувствителен даже к микромимическим выражениям лица, нейтральный формат коммуникации позволил уловить индивидуальные предрасположенности к эмоциональным выражениям без привязки к какому-либо контексту и ассоциированному с ним личному опыту. То есть человек предстал перед камерой таким, какой он есть при обычном общении. Используемый в настоящей работе подход к исследованию информативной составляющей нейтрального лица человека на сегодняшний день является новаторским. Мы предполагаем, что его применение позволит существенно продвигнуться в понимании механизмов визуальной коммуникации человека.

Методы исследования

Для выявления потенциальной связи между формой нейтрального лица и индивидуальными особенностями эмоциональной мимической экспрессии был проведен эксперимент, в котором были проанализированы мимические выражения участников при динамичной коммуникации (видео), а также следы эмоциональных выражений на статичном нейтральном лице (фотография). В исследовании приняли участие 176 студентов европеоидного типа из Нидерландов (89 мужчин, 87 женщин) в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст $22 \pm 2,5$ года).

Большинство из них были голландского происхождения (88%). В ходе эксперимента каждый участник приглашался в отдельную комнату, где должен был за 20 секунд рассказать о себе, глядя непосредственно в камеру. Видео записывалось при дневном освещении с использованием вебкамеры Logitech C920 Pro HD на максимальном разрешении (1080 p). Камера устанавливалась на уровне глаз на стандартном расстоянии до объекта (0,5 м). Участники не получали никаких инструкций относительно содержания своего рассказа и никакой информации о целях исследования. Во время записи экспериментатор находился в другом конце помещения за управляющим компьютером. После этого проводилась антропологическая фотосъемка. Каждый участник был сфотографирован во фронтальной перспективе с естественным положением головы и нейтральным выражением лица. Камера располагалась на уровне глаз на фиксированном расстоянии до объекта (1,7 м). Все студенты подписали согласие на участие до начала эксперимента.

Полученные видеозаписи были проанализированы с помощью системы распознавания эмоций FaceReader (Noldus Information Technology), которая на основе видео- и фотоизображений лица и положения 468 лицевых меток классифицировала и оценивала интенсивность эмоциональных выражений. Классификация эмоций в FaceReader производилась на базе методики, разработанной П. Экманом с соавторами (Facial Action Coding System [FACS]) (Ekman et al. 2002). Более 20 тыс. индивидуальных фотографий с различными эмоциональными выражениями лица и их интенсивностью были вручну закодированы сертифицированными специалистами, прошедшими обучение по методике FACS. Эта методика использует комплексную анатомическую систему для описания всех визуально различимых движений лица и разбивает каждое выражение лица на отдельные компоненты – движения отдельных мышц. Кодирование, произведенное экспертами, использовалось в дальнейшем для обучения нейронной сети. В нашем исследовании для классификации выражения шести базовых эмоций (радость, грусть, гнев, страх, удивление, отвращение), а также нейтрального выражения лица использовалась нейронная сеть для европеоидной внешности (обученная на основе выражений этих эмоций у представителей европеоидных популяций). Валидация распознавания базовых эмоций, проведенная разработчиками на фотоматериалах из базы “Amsterdam Dynamic Facial Expression Set” (ADFES; Нидерланды), показала 100% точность определения для всех эмоций, кроме грусти (95,8%). Несмотря на то что в среднем для европеоидных популяций точность рекомендуется принимать за 90%, мы полагаем, что в случае с исследованием голландской выборки она может быть более высокой (т.е. приближаться к результатам проведенной валидации на базе ADFES).

В нашем исследовании анализ 20-секундных видеороликов, отображавших динамичные элементы коммуникации участников, проводился покадрово: для каждого кадра была рассчитана интенсивность выражения каждой из базовых эмоций и нейтрального выражения лица – от 0 (совсем не выражено) до 1 (максимальная интенсивность). В дальнейшем анализе мы использовали средние значения интенсивности для каждой эмоции и нейтрального выражения, рассчитанные по всей продолжительности каждого видеоролика (частота составляла 30 кадров в секунду). С фотографиями участников работали аналогичным образом, но показатель интенсивности той или иной эмоции фиксировался для единственного кадра (см.: Рис. 1).

Статистический анализ полученных данных проводился в программе SPSS v. 26 (IBM Corp. 2019). Для выявления различий между двумя независимыми группами при ненормальном распределении значений переменных использовался U-критерий Манна-Уитни (U). Для выявления влияния множества неза-

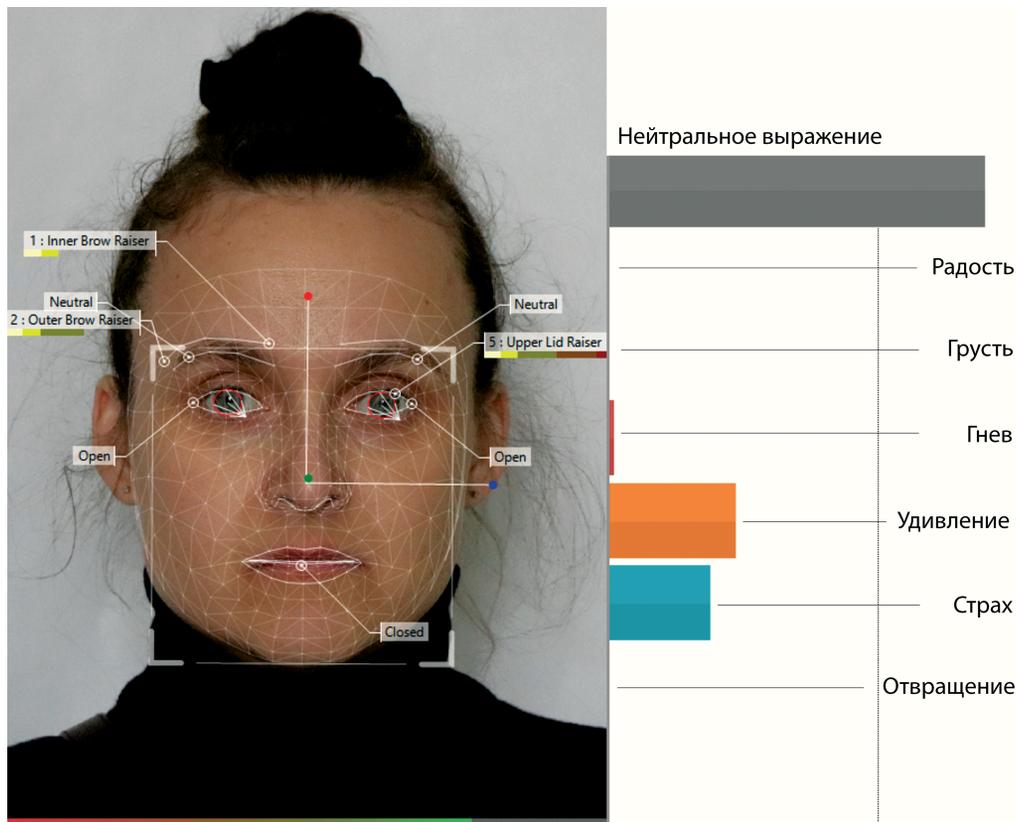

Рис. 1. Пример визуализации анализа нейтральной фотографии в системе FaceReader. Справа приведена диаграмма интенсивности эмоциональных выражений, зафиксированных при анализе нейтральной фотографии²

висимых переменных использовались общие линейные модели (General Linear Models) с дальнейшей проверкой значимых связей с помощью линейной регрессии и визуализации данных. Порог статистической значимости был принят в соответствии со стандартом (5%).

Результаты исследования

Анализ видео- и фотоматериалов показал, что FaceReader хорошо улавливал эмоциональные выражения как при динамичной коммуникации (видео), так и на статичном лице с “нейтральным” выражением. Последнее свидетельствует о том, что статичное нейтральное лицо человека несет следы эмоциональной экспрессии (см.: Рис. 1). На Рис. 2 представлены общие и половые различия в интенсивности экспрессии базовых эмоций между видео- и фотоматериалами.

Как и предполагалось исходя из условий эксперимента, основную долю выражений лица составила нейтральная мимика (см.: Рис. 2А). При этом фотографии были значительно более нейтральны в эмоциональном плане, чем динамичная коммуникация, запечатленная на видеозаписях. В целом как на видео ($U=2731,0$; $p=0,001$), так и на фото ($U=2806,0$; $p=0,006$) женщины были более эмоциональны, что определялось более низкими значениями нейтрального вы-

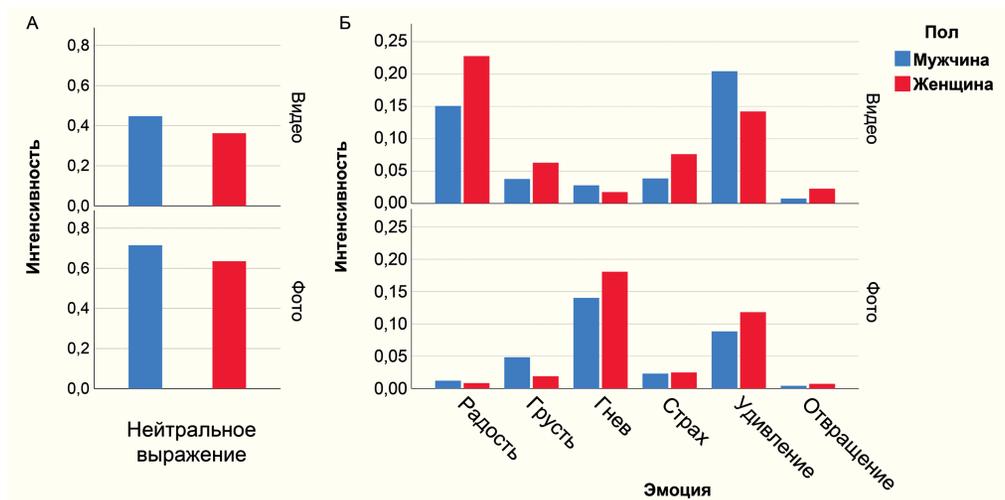

Рис. 2. Различия в эмоциональной экспрессии между видео- и фотоисточниками и между мужчинами и женщинами: (А) степень эмоциональной нейтральности видео- и фотоматериалов для мужчин и женщин; (Б) интенсивность выражения шести базовых эмоций при динамичной коммуникации (видео) и на статичном нейтральном лице (фото) для мужчин и женщин

ражения лица у женщин, чем у мужчин (см.: Рис. 2А). Результаты, полученные при анализе видеозаписей (см.: Рис. 2Б, верхняя панель), соответствуют результатам других авторов, изучавших половые различия в мимической эмоциональной экспрессии (*Chaplin, Aldao 2013; LaFrance et al. 2003; McDuff et al. 2017*), а именно: женщины были более предрасположены выражать радость ($U=4793,0$; $p=0,006$), грусть ($U=4946,0$; $p=0,001$), страх ($U=5416,0$; $p<0,001$), а также отвращение ($U=5565,0$; $p<0,001$) при динамичной коммуникации; в свою очередь, мужчины были немного более склонны выражать гнев, но в условиях нейтральной беседы на камеру эти различия не достигали статистической значимости. Также статистически незначимыми оказались и различия между мужчинами и женщинами в динамичном выражении удивления.

Результаты анализа фотографий (см.: Рис. 2Б, нижняя панель) показали, что следы таких эмоций, как радость и отвращение, хуже всего распознавались на нейтральных лицах и мужчин, и женщин. Страх и грусть в целом были выражены слабо, при этом нейтральные лица мужчин имели более высокие значения интенсивности выражения грусти, чем лица женщин ($U=2745,0$; $p<0,004$). Основными эмоциями, которые хорошо распознавались на нейтральном статичном лице, были гнев и удивление. Гнев был сильнее выражен на женских статичных лицах, чем на мужских ($U=4497,0$; $p<0,014$), а различия в выражении удивления, также как и в случае с динамичными экспрессиями, не достигали статистической значимости.

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что в динамике женщины выражали эмоции на лице более интенсивно, чем мужчины. На статичных нейтральных лицах следы эмоциональной мимики у женщин также были более заметны, при этом превалировало выражение гнева. Отпечатки грусти были более заметны на статичных нейтральных лицах мужчин. Половые различия в следах эмоций, наблюдаемые на фотографиях, имели направление, противоположное динамичной эмоциональной экспрессии.

На следующем этапе мы постарались ответить на вопрос: существует ли связь на индивидуальном уровне между динамичным выражением эмоций и их следами на статичном нейтральном лице? Для этого был проведен анализ с помощью построения общих линейных моделей, в которых зависимой переменной поочередно выступала интенсивность той или иной эмоции на статичном нейтральном лице (фотография), включая степень нейтральности выражения лица, а предикторами – интенсивности выражения всех шести эмоций и степень нейтральности выражения лица при динамичной коммуникации (видео). Помимо этого, в моделях учитывались пол участников и его взаимодействие с каждым из предикторов. Таким образом, модель оценивала, какие из выражений базовых эмоций при динамичной коммуникации у мужчин и женщин вносят вклад в объяснение тех следов эмоциональной экспрессии, которые наблюдаются на их статичном нейтральном лице. При обнаружении значимого вклада какого-либо из предикторов связь дополнительно оценивалась с помощью линейной регрессионной модели. В силу объемности данных и в целях экономии места в тексте статьи будут представлены только статистически значимые результаты. Анализ мимических выражений показал, что степень нейтральности выражений лица на фото определялась степенью нейтральности динамичной мимики на видео как у мужчин, так и у женщин, а также интенсивностью динамичного выражения гнева у мужчин (см.: Табл. 1, Рис. 3).

Таблица 1

Связь следов эмоциональной мимики на нейтральном фото и эмоциональных выражений при динамичной коммуникации

Предиктор	F	p	R ²
<i>а) зависимая переменная: степень нейтральности мимики на фото</i>			
Степень нейтральности мимики на видео	5,304	0,023*	0,223
Интенсивность гнева на видео x Пол	5,751	0,018*	
<i>б) зависимая переменная: интенсивность гнева на фото</i>			
Интенсивность гнева на видео	10.357	0,002**	0,206
<i>в) зависимая переменная: интенсивность грусти на фото</i>			
Интенсивность грусти на видео	8,594	0,004**	0,248
<i>г) зависимая переменная: интенсивность удивления на фото</i>			
Интенсивность удивления на видео	6,674	0,011*	0,184
<i>д) зависимая переменная: интенсивность страха на фото</i>			
Интенсивность страха на видео	6,912	0,009**	0,097
<i>е) зависимая переменная: интенсивность отвращения на фото</i>			
Интенсивность отвращения на видео x Пол	3,833	0,049*	0,308

Примечания: Представлены результаты общих линейных моделей (а–е), перечислены только статистически значимые эффекты. F – значение критерия Фишера, R² – коэффициент детерминации модели (указан с учетом всех предикторов, входивших в модель, а именно – шести базовых эмоций, нейтрального выражения и взаимодействия перечисленных факторов с полом), p – статистическая значимость (* – p<0,05; ** – p<0,01).

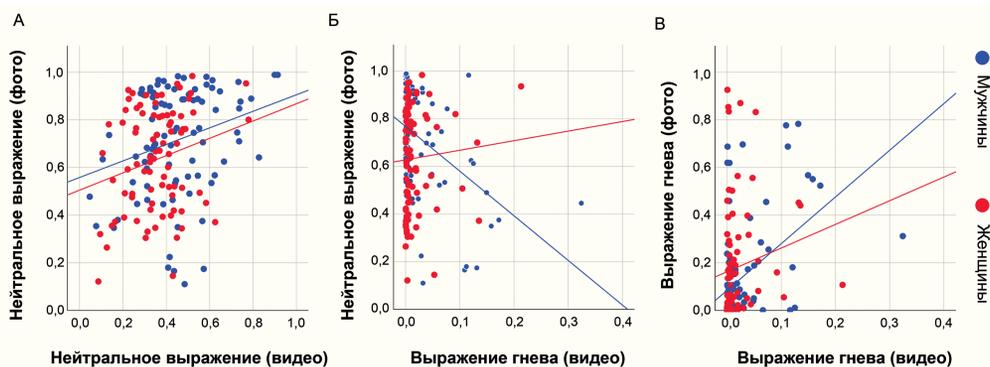

Рис. 3. Степень нейтральности выражения лица и выражение эмоции гнева: (А) линейная зависимость степени нейтральности выражения лица на фотографии от нейтральности мимических выражений в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,071$; $p=0,012$; женщины: $R^2=0,052$; $p=0,038$); (Б) линейная зависимость степени нейтральности выражения лица на фотографии от интенсивности выражения гнева в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,184$; $p<0,001$; женщины: $R^2=0,004$; $p=0,560$); (В) линейная зависимость интенсивности выражения гнева на фотографии от интенсивности выражения гнева в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,229$; $p<0,001$; женщины: $R^2=0,022$; $p=0,178$)

Чем более эмоционально нейтральным было выражение лица участников в ходе динамичной коммуникации, тем нейтральней было их лицо на фотографии (линейная регрессия для мужчин: $B=0,347$; $R^2=0,071$; $p=0,012$; линейная регрессия для женщин: $B=0,363$; $R^2=0,052$; $p=0,038$). При этом для мужчин степень нейтральности лица на фото также была отрицательно связана с интенсивностью выражения гнева при динамичной коммуникации, т.е. мужчины, которые выражали гнев на видео более интенсивно, в целом имели менее эмоционально нейтральные лица на фото (линейная регрессия для мужчин: $B=-1,873$; $R^2=0,184$; $p<0,001$; линейная регрессия для женщин: $B=0,402$; $R^2=0,004$; $p=0,560$). В свою очередь, интенсивность выражения гнева при динамичной коммуникации была положительно связана именно со следами гнева на статичном лице мужчин (см.: Рис. 3В) (линейная регрессия для мужчин: $B=1,959$; $R^2=0,229$; $p<0,001$). Для женщин общее направление связи было таким же (см.: Рис. 3В), однако связь была очень слабой и не достигала статистической значимости (линейная регрессия для женщин: $B=0,993$; $R^2=0,022$; $p=0,178$). Исходя из этих результатов можно заключить, что общая эмоциональная мимическая экспрессивность отражалась на статичном нейтральном лице участников: индивиды с менее выраженной эмоциональной экспрессивностью имели более эмоционально нейтральные статичные лица. При этом для мужчин более эмоциональное выражение лица на фотографии было связано именно с выражением гнева, что определялось интенсивностью выражения гнева при динамичной коммуникации.

Все остальные эмоциональные выражения, выявленные в ходе динамичной коммуникации участников, не являлись определяющими для степени нейтральности статичного лица, однако большинство их обнаруживало фоновую положительную связь со следами соответствующих эмоций на статичном лице (см.: Рис. 4). Выражения грусти на статичном лице и в ходе динамичной коммуникации оказались положительно связанными как у мужчин (линейная регрессия: $B=0,603$; $R^2=0,120$; $p=0,001$), так и у женщин (линейная регрессия: $B=0,181$; $R^2=0,150$; $p<0,001$) (см.: Рис. 4А), в то время как удивление выявило значительно

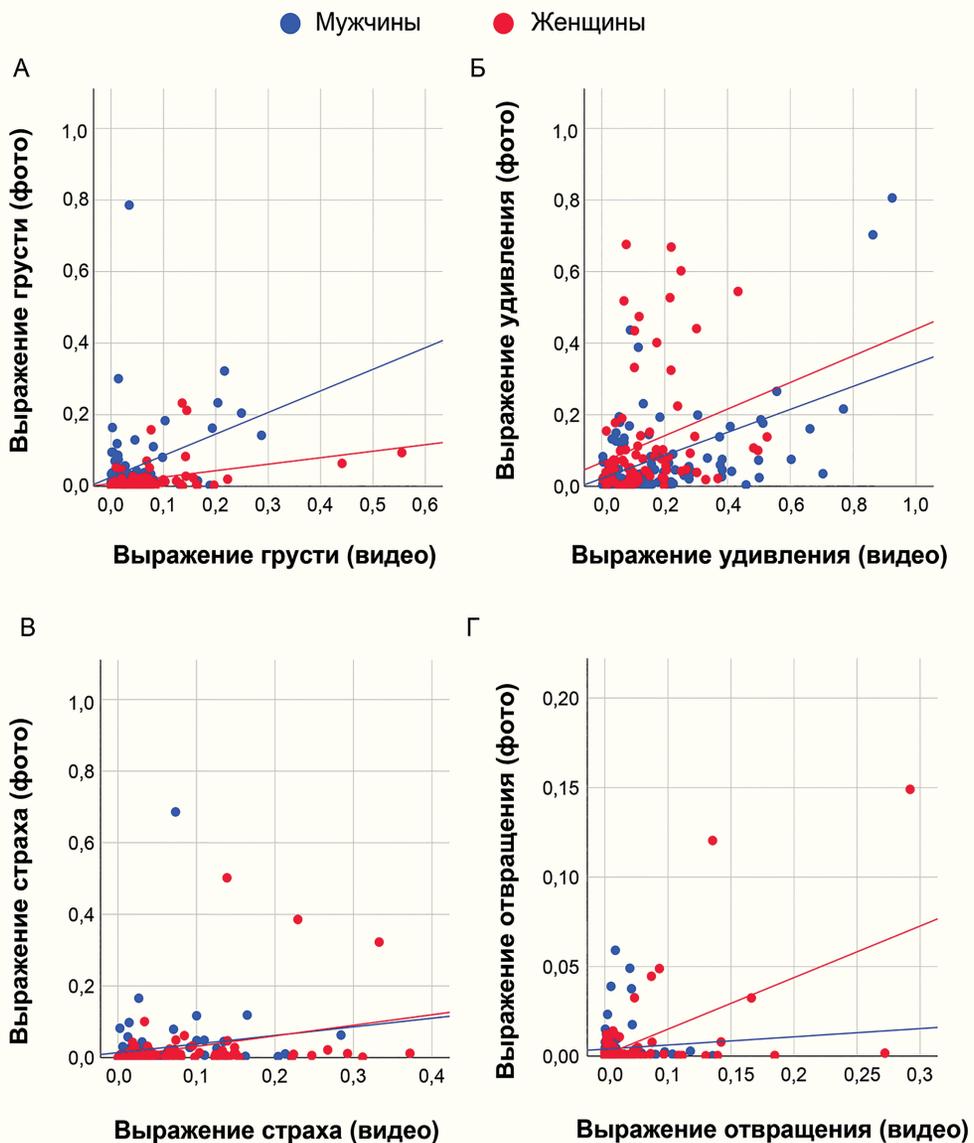

Рис. 4. Связь эмоциональных мимических выражений между фото и видео источниками: (А) линейная зависимость интенсивности выражения грусти на фотографии от интенсивности выражения грусти в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,120$; $p=0,001$; женщины: $R^2=0,150$; $p<0,001$); (Б) линейная зависимость интенсивности выражения удивления на фотографии от интенсивности выражения удивления в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,259$; $p<0,001$; женщины: $R^2=0,068$; $p=0,017$); (В) линейная зависимость интенсивности выражения страха на фотографии от интенсивности выражения страха в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,030$; $p=0,105$; женщины: $R^2=0,104$; $p=0,003$); (Г) линейная зависимость интенсивности выражения отвращения на фотографии от интенсивности выражения отвращения в ходе динамичной коммуникации (мужчины: $R^2=0,005$; $p=0,510$; женщины: $R^2=0,311$; $p<0,001$)

более сильную положительную связь у мужчин (линейная регрессия для мужчин: $V=0,322$; $R^2=0,259$; $p<0,001$; линейная регрессия для женщин: $V=0,372$; $R^2=0,068$; $p=0,017$) (см.: Рис. 4Б). Выражение страха на видео и на фото имело значимую положительную связь только у женщин (линейная регрессия: $V=0,295$; $R^2=0,104$; $p=0,003$), в то время как для мужчин связь имела то же направление, но не достигала статистической значимости (линейная регрессия: $V=0,240$; $R^2=0,030$; $p=0,105$) (см.: Рис. 4В).

Аналогичной была ситуация и с выражением отвращения в статике и в динамике: продемонстрирована положительная связь только у женщин (линейная регрессия: $V=0,288$; $R^2=0,311$; $p<0,001$), в то время как у мужчин связь вообще отсутствовала (линейная регрессия: $V=0,046$; $R^2=0,005$; $p=0,510$) (см.: Рис. 4Г). Выражение радости на статичном нейтральном лице не было связано с выражениями каких-либо эмоций при динамичной коммуникации ни у мужчин, ни у женщин, более того, следы радостного выражения были очень слабо выражены на нейтральных фотографиях.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что статичное нейтральное лицо человека несет отпечатки индивидуальных особенностей эмоциональной мимической экспрессии, при этом отмечаются определенные половые особенности: у мужчин определяющим является выражение гнева, кроме того, наблюдаются следы грусти и удивления; у женщин связь обнаруживается для таких эмоциональных выражений, как грусть, страх и отвращение.

Обсуждение результатов

Целью настоящей работы было изучение возможной связи между формой статичного нейтрального лица и особенностями эмоциональной мимической экспрессивности человека в процессе динамичной коммуникации. Были проанализированы выражения шести базовых эмоций: радости, грусти, гнева, страха, удивления, отвращения. Результаты исследования показали, что статичное нейтральное лицо несет отпечатки эмоциональной мимики; наиболее различимыми были следы гнева и удивления. Был проведен анализ того, насколько та или иная из этих шести эмоций, запечатленная на статичном нейтральном лице, может определяться динамичной индивидуальной мимикой. Анализ отпечатка каждой отдельной эмоции на статичном лице показал его достоверную связь с интенсивностью выражения этой же эмоции в динамике. Полученные результаты подтверждают нашу первую гипотезу: статичное лицо с нейтральным эмоциональным выражением может нести информацию об индивидуальных особенностях эмоциональной мимической экспрессивности человека, т.е. эмоциональный “профиль” человека может в целом объективно читаться на его нейтральном лице.

Вторая гипотеза предполагала, что нейтральные лица мужчин и женщин будут различаться по степени запечатления эмоциональной мимики, при этом следы радостных эмоций будут лучше улавливаться на женских статичных лицах. Полученные результаты действительно свидетельствовали о половых различиях: мужские фотографии были достоверно более эмоционально нейтральными, чем женские. Однако отпечатки радостных эмоций практически отсутствовали как на женских, так и на мужских снимках. В то же время фиксация индивидуальной эмоциональной мимики на статичном нейтральном лице отражала уже известные половые особенности мимической экспрессии: для мужчин были свойственны следы гнева, грусти и удивления, для женщин – грусти, страха и отвращения. Это подтверждается исследованиями, проводившимися ранее другими авторами, отмечавшими, что основным различием в эмоциональной мимической экспрессивности между мужчинами и женщинами, если отбросить мимику позитивных

эмоций (радости), как раз является предрасположенность к выражению гнева у мужчин, страха и грусти – у женщин (см. метааналитические кросс-популяционные работы: *Chaplin, Aldao* 2013; *LaFrance et al.* 2003; *McDuff et al.* 2017). В значительном количестве работ подчеркивается исключительная важность именно для женского пола эмоции отвращения, поскольку женщины в целом больше ей подвержены (*Al-Shawaf et al.* 2018) и уделяют ей больше внимания (*Kraines et al.* 2017). Более того, эмоцию отвращения по мимике лучше распознают женщины, чем мужчины (*Connolly et al.* 2019). Такие половые различия, по всей видимости, имеют эволюционные причины, которые кроются в половом разделении репродуктивных и социальных ролей на протяжении исторического развития вида *Homo sapiens* (*Buss* 2019). Интересным представляется то обстоятельство, что в нашем исследовании гнев на статичном лице мужчин запечатлялся тем сильнее, чем интенсивнее было выражение гнева при динамичной коммуникации. Для женщин же было в целом характерно повышенное выражение гнева на нейтральном лице, независимо от индивидуальной предрасположенности к динамичному мимическому выражению этой эмоции. Выражение удивления тоже в среднем имело довольно высокую интенсивность на нейтральных женских лицах, однако значимой связи между экспрессией этой эмоции в динамике и на статичном нейтральном лице у женщин обнаружено не было. Этот результат свидетельствует о том, что следы эмоциональных выражений на нейтральном лице не только могут быть связаны с запечатлением экспрессивных мимических предрасположенностей, но и могут отражать общие особенности формы лица в расслабленном состоянии; эти особенности, в свою очередь, при восприятии могут приобретать некоторую эмоциональную окраску. Таким образом, полученные нами результаты раскрывают несколько более сложную картину, нежели изначально предполагалось.

Настоящая работа является первым исследованием, в котором с помощью методов автоматического анализа проведено сопоставление эмоциональных динамических выражений лица и отражения эмоций на нейтральном лице. Поскольку работ такого рода до сих пор не было, характер нашего исследования можно определить как поисковый. Результаты анализа половых различий в динамичном выражении базовых эмоций, полученные с помощью системы FaceReader, полностью соответствовали ожиданиям, основанным на данных научной литературы. Это обстоятельство вселяет оптимизм относительно валидности выявленных для нейтральных фотографий связей, которые были получены впервые в мире. Тем не менее наше исследование имеет и некоторые ограничения. Несмотря на то что экспериментальные условия были стандартизированы, дизайн исследования не позволяет утверждать, что эмоциональные выражения, зафиксированные на видеозаписях, отражали стабильные индивидуальные предрасположенности участников к выражению тех или иных эмоций, а не были обусловлены некоторыми случайными флуктуациями (настроение, предшествующие события, реакция на камеру и т.д.). То обстоятельство, что результаты по половым различиям полностью соответствуют полученным ранее другими авторами данным, не дает повода полагать, что в стандартизированном экспериментальном контексте такие различия обнаруживались бы, не будь у участников к этому относительно стабильных предрасположенностей. Однако для того, чтобы с уверенностью заключить, что мы имеем дело с индивидуальными особенностями, необходимо проведение лонгитюдного исследования, которое также могло бы внести некоторую ясность относительно временной динамики запечатления эмоциональной мимики на нейтральном лице.

Основной вывод работы заключается в следующем: нейтральное лицо человека не только несет информацию об особенностях формы, возникающих в

результате морфогенеза костных и мягких тканей, но и отражает предрасположенности к той или иной мимической экспрессивности, варьирующей на индивидуальном уровне и зависящей от пола. Компонент варибельности черт лица может вносить весомый вклад в восприятие психологических характеристик человека по внешности, при том что классический набор морфологических метрик будет не всегда чувствителен к нему. Выявление дополнительного источника информации – отпечатавшихся на нейтральном статичном лице следов эмоциональных выражений – является очень важным для понимания механизмов восприятия внешности человека и визуальной коммуникации. Запечатленные эмоции могут вносить вклад в способность человека распознавать психологические черты личности по статичному лицу. Ряд исследований на сегодняшний день подтверждает, что человек (а также искусственные нейронные сети, обученные на основе человеческого восприятия) способен к такому распознаванию, хотя и с невысокой точностью (*Kachur et al. 2020; Tognetti et al. 2013; Verplaetse et al. 2007*). Для дальнейшего уточнения механизмов запечатления эмоциональных выражений на нейтральном лице, а также роли этого компонента в восприятии внешности человека необходимы дополнительные исследования. Полученные в настоящей работе результаты нуждаются в репликации и кросс-культурной валидации. Требуется дальнейшее изучение наблюдаемого явления с использованием модулей системы FaceReader, более детальный анализ движения мимических мышц и положения соответствующих точек на нейтральном лице.

Благодарности

Сбор данных проводился при поддержке программы стажировок Erasmus Mundus Action 2 programme ЕМА2 Aurora II (2013–2021).

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Примечания

¹ Этой теме посвящена и готовящаяся к выходу статья: *Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А.* Лицо лидера: экспериментальное исследование среди бурят // Эволюция (в печати).

² Фотография представлена в качестве примера. В связи с этическими ограничениями фотографии реальных участников эксперимента использованы быть не могут.

Источники и материалы

IBM Corp. 2019 – IBM SPSS Statistics for Windows, Version 26.0. New York: IBM Corp., 2019.

Научная литература

Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004.

Бутовская М.Л. и др. Пальцевой индекс, маскулинность лица и флуктуирующая асимметрия как маркеры полового отбора в традиционных африканских популяциях хадза и датога // Вестник Московского университета. Серия 23, Антропология. 2014. №. 2. С. 18–28.

Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Постникова Е.А. Симметричность лица и выраженность полового диморфизма в его пропорциях у исанзу, традиционных

- земледельцев восточной Африки // Экспериментальная психология. 2015. №. 4 (8). С. 77–90. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080406>
- Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Левина К.В., Ростовцева В.В.* Механизмы репродуктивного поведения человека: визуальные маркеры мужской привлекательности, их связь с ольфакторными маркерами, сексуальным опытом и фазой месячного цикла у женщин-экспертов // Журнал общей биологии. 2016. № 1 (77). С. 63–77.
- Мезенцева А.А., Бутовская М.Л., Ананьева К.И., Демидов А.А.* Маскулинность лица: морфология и восприятие // Психологический журнал. 2021. №. 2 (42). С. 71–81. <https://doi.org/10.31857/S020595920014246-6>
- Ростовцева В.В., Мезенцева А.А., Виндхагер С., Бутовская М.Л.* Лицо альтруиста: экспериментальное исследование просоциального поведения и морфологии лица бурят южной Сибири // Экспериментальная психология. 2021. №. 2 (14). С. 85–100. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140206>
- Al-Shawaf L., Lewis D.M., Buss D.M.* Sex Differences in Disgust: Why are Women More Easily Disgusted than Men? // *Emotion Review*. 2018. Vol. 10 (2). P. 149–160. <https://doi.org/10.1177/1754073917709940>
- Brustkern J., Heinrichs M., Walker M., Schiller B.* Facial Threat Affects Trust More Strongly than Facial Attractiveness in Women than It Does in Men // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11 (3). P. 1–9. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-01775-5>
- Buss D.M.* *Evolutionary Psychology: The New Science of the Mind*. N.Y.: Routledge, 2019.
- Butovskaya M.L. et al.* Facial Cues to Physical Strength Increase Attractiveness but Decrease Aggressiveness Assessments in Male Maasai of Northern Tanzania // *Evolution and Human Behavior*. 2022. Vol. 43 (2). P. 115–121. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2021.11.006>
- Chaplin T.M., Aldao A.* Gender Differences in Emotion Expression in Children: A Meta-Analytic Review // *Psychological Bulletin*. 2013. Vol. 139 (4). P. 735. <https://doi.org/10.1037/a0030737>
- Charlesworth W.R., Kreutzer M.A.* Facial Expressions of Infants and Children // *Darwin and Facial Expression* / Ed. P. Ekman. N.Y.: Academic Press, 1973. P. 91–168.
- Chentsova-Dutton Y.E., Tsai J.L.* Gender Differences in Emotional Response among European Americans and Hmong Americans // *Cognition and Emotion*. 2007. Vol. 21 (1). P. 162–181. <https://doi.org/10.1080/02699930600911333>
- Connolly H.L., Lefevre C.E., Young A.W., Lewis G.J.* Sex Differences in Emotion Recognition: Evidence for a Small Overall Female Superiority on Facial Disgust // *Emotion*. 2019. Vol. 19 (3). P. 455. <https://doi.org/10.1037/emo0000446>
- Ekman P.* Universal and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion // *Nebraska Symposium on Motivation* / Ed. R. Cole. Lincoln: Nebraska University Press, 1971. P. 207–283.
- Ekman P., Sorenson E.R., Friesen W.V.* Pancultural Elements in Facial Displays of Emotion // *Science*. 1969. Vol. 164 (3875). P. 86–88. <https://doi.org/10.1126/science.164.3875.86>
- Ekman P., Friesen W.V., Ellsworth P.* *Emotion in the Human Face: Guidelines for Research and an Integration of Findings*. N.Y.: Pergamon Press, 1972.
- Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C.* *Facial Action Coding System*. Salt Lake City: Research Nexus, a Subsidiary of Network Information Research Corporation, 2002.
- Fink B. et al.* Second to Fourth Digit Ratio and Face Shape // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2005. Vol. 272 (1576). P. 1995–2001. <https://doi.org/10.1098/rspb.2005.3179>
- Fink B., Matts P.J., Brauckmann C., Gundlach S.* The Effect of Skin Surface Topography and Skin Colouration Cues on Perception of Male Facial Age, Health

- and Attractiveness // *International Journal of Cosmetic Science*. 2018. Vol. 40 (2). P. 193–198. <https://doi.org/10.1111/ics.12451>
- Haselhuhn M.P., Ormiston M.E., Wong E.M.* Men's Facial Width-to-Height Ratio Predicts Aggression: A Meta-Analysis // *PLoS One*. 2015. Vol. 10 (4). P. e0122637. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0122637>
- Hess U., Blairy S., Kleck R.E.* The Intensity of Emotional Facial Expressions and Decoding Accuracy // *Journal of Nonverbal Behavior*. 1997. Vol. 21 (4). P. 241–257. <https://doi.org/10.1023/A:1024952730333>
- Hillebrand G.G., Liang Z., Yan X., Yoshii T.* New Wrinkles on Wrinkling: An 8-year Longitudinal Study on the Progression of Expression Lines into Persistent Wrinkles // *British Journal of Dermatology*. 2010. Vol. 162 (6). P. 1233–1241. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2133.2010.09709.x>
- Kachur A. et al.* Assessing the Big Five Personality Traits Using Real-Life Static Facial Images // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10 (1). P. 1–11. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-65358-6>
- Keltner D.* Facial Expressions of Emotion and Personality // *Handbook of Emotion, Adult Development, and Aging* / Eds. C. Magai, S.H. McFadden. San Diego: Academic Press, 1996. P. 385–401.
- Kleisner K., Priplatova L., Frost P., Flegr J.* Trustworthy-Looking Face Meets Brown Eyes // *PLoS One*. 2013. Vol. 8 (1). P. e53285. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0053285>
- Kraines M.A., Kelberer L.J., Wells T.T.* Sex Differences in Attention to Disgust Facial Expressions // *Cognition and Emotion*. 2017. Vol. 31 (8). P. 1692–1697. <https://doi.org/10.1080/02699931.2016.1244044>
- Kret M.E.* The Role of Pupil Size in Communication: Is There Room for Learning? // *Cognition and Emotion*. 2018. Vol. 32 (5). P. 1139–1145. <https://doi.org/10.1080/02699931.2017.1370417>
- LaFrance M., Hecht M.A., Paluck E.L.* The Contingent Smile: A Meta-Analysis of Sex Differences in Smiling // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129 (2). P. 305. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.2.305>
- Matsumoto D.* Culture and Nonverbal Behavior // *The Sage Handbook of Nonverbal Communication* / Eds. V. Manusov, M.L. Patterson. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2006. P. 219–235.
- McDuff D., Kodra E., Kaliouby R.E., LaFrance M.* A Large-Scale Analysis of Sex Differences in Facial Expressions // *PLoS One*. 2017. Vol. 12 (4). P. e0173942. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0173942>
- Renneberg B., Heyn K., Gebhard R., Bachmann S.* Facial Expression of Emotions in Borderline Personality Disorder and Depression // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2005. Vol. 36 (3). P. 183–196. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2005.05.002>
- Rezlescu C., Duchaine B., Olivola C.Y., Chater N.* Unfakeable Facial Configurations Affect Strategic Choices in Trust Games with or without Information about Past Behavior // *PLoS One*. 2012. Vol. 7 (3). P. e34293. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0034293>
- Rostovtseva V.V., Mezentseva A.A., Windhager S., Butovskaya M.L.* Second-to-Fourth Digit Ratio and Facial Shape in Buryats of Southern Siberia // *Early Human Development*. 2020. Vol. 149. P. 105138. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2020.105138>
- Rostovtseva V.V., Mezentseva A.A., Butovskaya M.L.* Perception of Emergent Leaders' Faces and Evolution of Social Cheating: Cross-Cultural Experiments // *Evolutionary Psychology*. 2022a. Vol. 20 (1). P. 14747049221081733.
- Rostovtseva V. et al.* Leaders-Cheaters in Male Group Cooperation: Differences in

Nonverbal Communication and Genetic Factors // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2022b. Vol. 19 (1). P. 124–149. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-124-149>

Stirrat M., Perrett D.I. Valid Facial Cues to Cooperation and Trust: Male Facial Width and Trustworthiness // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21 (3). P. 349–354. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2010.105138>

Tognetti A., Berticat C., Raymond M., Faurie C. Is Cooperativeness Readable in Static Facial Features? An Inter-Cultural Approach // *Evolution and Human Behavior*. 2013. Vol. 34 (6). P. 427–432. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2013.08.002>

Verplaetse J., Vanneste S., Braeckman J. You Can Judge a Book by Its Cover: The Sequel.: A Kernel of Truth in Predictive Cheating Detection // *Evolution and Human Behavior*. 2007. Vol. 28 (4). P. 260–271. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.04.006>

Whitehouse A.J. et al. Prenatal Testosterone Exposure is Related to Sexually Dimorphic Facial Morphology in Adulthood // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2015. Vol. 282 (1816). P. 20151351. <https://doi.org/10.1098/rspb.2015.1351>

Wilson R.K., Eckel C.C. Judging a Book by Its Cover: Beauty and Expectations in the Trust Game // *Political Research Quarterly*. 2006. Vol. 59 (2). P. 189–202. <https://doi.org/10.1177/106591290605900202>

Research Article

Rostovtseva, V.V., and M.L. Butovskaya. Human Neutral Face Bears an Imprint of Emotionality [Нейтральное лицо человека несет отпечаток его эмоциональности]. *Этнографическое обозрение*, 2022, no. 6, pp. 160–177. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060094> EDN: MRRALZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Victoria Rostovtseva | <https://orcid.org/0000-0002-1846-9865> | victoria.v.rostovtseva@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Marina Butovskaya | <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | marina.butovskaya@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Keywords

human face, basic emotions, facial expressions, nonverbal communication, emotion recognition, FaceReader, facial perception

Abstract

Perceiving a neutral human face, an eye can capture information that is not always available to a rough morphometric assessment. We hypothesized that a neutral face can bear traces of individual emotional expressiveness. The aim of the present study was to investigate the relationship between neutral facial shape and individual emotional facial expressiveness of a person. Videos and photographs of the same subjects were analyzed using the FaceReader neural network, which classified and estimated the intensity of emotional expressions for 176 men and women of European origin. The results revealed that a static neutral face bears an imprint of emotional facial expressions. The emotional coloring of a neutral face was significantly associated with individual predispositions

to demonstrate certain emotional expressions during dynamic communication. Men were characterized by imprinting traces of anger, sadness, and surprise, while women – of sadness, fear, and disgust. The study is the first of its kind and contributes to understanding the mechanisms of human nonverbal communication.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [075-15-2022-328]

References

- Al-Shawaf, L., D.M. Lewis, and D.M. Buss. 2018. Sex Differences in Disgust: Why are Women More Easily Disgusted than Men? *Emotion Review* 10 (2): 149–160. <https://doi.org/10.1177/1754073917709940>
- Brustkern, J., M. Heinrichs, M. Walker, and B. Schiller. 2021. Facial Threat Affects Trust More Strongly than Facial Attractiveness in Women than It Does in Men. *Scientific Reports* 11 (3): 1–9. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-01775-5>
- Buss, D.M. 2019. *Evolutionary Psychology: The New Science of the Mind*. New York: Routledge.
- Butovskaya, M.L. 2004. *Yazyk tela: priroda i kul'tura* [Body Language: Nature and Culture]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Butovskaya, M.L., et al. 2014. Pal'tsevoi indeks, maskulinnost' litsa i fluktuiruiushchaia asimmetriia kak markery polovogo otbora v traditsionnykh afrikanskikh populiatsiiakh khadza i datoga [Digit Ratio, Facial Masculinity and Fluctuating Asymmetry as Markers of Sexual Selection in Traditional African Populations of Hadza and Datoga]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 2, Antropologiya* 2: 18–28.
- Butovskaya, M.L., E.V. Veselovskaya, and E.A. Postnikova. 2015. Simmetrichnost' litsa i vyrazhennost' polovogo dimorfizma v ego proporsiiakh u isanzu, traditsionnykh zemledel'tsev vostochnoi Afriki [Facial Symmetry and Sexual Dimorphic Traits in Facial Proportions in Usanzu, Traditional Agriculturalists of the Eastern Africa]. *Ekspperimental'naiia psikhologiya* 4 (8): 77–90. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080406>
- Butovskaya, M.L., E.V. Veselovskaya, K.V. Levina, and V.V. Rostovtseva. 2016. Mekhanizmy reproduktivnogo povedeniia cheloveka: vizual'nye markery muzhskoi privlekatel'nosti, ikh sviaz' s ol'faktornymi markerami, seksual'nym opytom i fazoi mesiachnogo tsikla u zhenshin-ekspertov [The Mechanisms of Human Reproductive Behavior: Visual Markers of Male Attractiveness, Their Relation to Olfactory Markers, Sexual Experience and Phase of the Menstrual Cycle of Women-Experts]. *Zhurnal obshchei biologii* 1 (77): 63–77.
- Butovskaya, M.L., et al. 2022. Facial Cues to Physical Strength Increase Attractiveness but Decrease Aggressiveness Assessments in Male Maasai of Northern Tanzania. *Evolution and Human Behavior* 43 (2): 115–121. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2021.11.006>
- Chaplin, T.M., and A. Aldao. 2013. Gender Differences in Emotion Expression in Children: A Meta-Analytic Review. *Psychological Bulletin* 139 (4): 735. <https://doi.org/10.1037/a0030737>
- Charlesworth, W.R., and M.A. Kreutzer. 1973. Facial Expressions of Infants and Children. In *Darwin and Facial Expression*, edited by P. Ekman, 91–168. New York: Academic Press.
- Chentsova-Dutton, Y.E., and J.L. Tsai. 2007. Gender Differences in Emotional Response among European Americans and Hmong Americans. *Cognition and Emotion* 21 (1): 162–181. <https://doi.org/10.1080/02699930600911333>

- Connolly, H.L., C.E. Lefevre, A.W. Young, and G.J. Lewis. 2019. Sex Differences in Emotion Recognition: Evidence for a Small Overall Female Superiority on Facial Disgust. *Emotion* 19 (3): 455. <https://doi.org/10.1037/emo0000446>
- Ekman, P. 1971. Universal and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion. In *Nebraska Symposium on Motivation*, edited by R. Cole, 207–283. Lincoln: Nebraska University Press.
- Ekman, P., E.R. Sorenson, and W.V. Friesen. 1969. Pancultural Elements in Facial Displays of Emotion. *Science* 164 (3875): 86–88. <https://doi.org/10.1126/science.164.3875.86>
- Ekman, P., W.V. Friesen, and P. Ellsworth. 1972. *Emotion in the Human Face: Guidelines for Research and an Integration of Findings*. New York: Pergamon Press.
- Ekman, P., W.V. Friesen, and J.C. Hager. 2002. *Facial Action Coding System*. Salt Lake City: Research Nexus, a Subsidiary of Network Information Research Corporation.
- Fink, B., et al. 2005. Second to Fourth Digit Ratio and Face Shape. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 272 (1576): 1995–2001. <https://doi.org/10.1098/rspb.2005.3179>
- Fink, B., P.J. Matts, C. Brauckmann, and S. Gundlach. 2018. The Effect of Skin Surface Topography and Skin Colouration Cues on Perception of Male Facial Age, Health and Attractiveness. *International Journal of Cosmetic Science* 40 (2): 193–198. <https://doi.org/10.1111/ics.12451>
- Haselhuhn, M.P., M.E. Ormiston, and E.M. Wong. 2015. Men's Facial Width-to-Height Ratio Predicts Aggression: A Meta-Analysis. *PloS One* 10 (4): e0122637. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0122637>
- Hess, U., S. Blairy, and R.E. Kleck. 1997. The Intensity of Emotional Facial Expressions and Decoding Accuracy. *Journal of Nonverbal Behavior* 21 (4): 241–257. <https://doi.org/10.1023/A:1024952730333>
- Hillebrand, G.G., Z. Liang, X. Yan, and T. Yoshii. 2010. New Wrinkles on Wrinkling: An 8-year Longitudinal Study on the Progression of Expression Lines into Persistent Wrinkles. *British Journal of Dermatology* 162 (6): 1233–1241. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2133.2010.09709.x>
- Kachur, A., et al. 2020. Assessing the Big Five Personality Traits Using Real-Life Static Facial Images. *Scientific Reports* 10 (1): 1–11. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-65358-6>
- Keltner, D. 1996. Facial Expressions of Emotion and Personality. In *Handbook of Emotion, Adult Development, and Aging*, edited by C. Magai and S.H. McFadden, 385–401. San Diego: Academic Press.
- Kleisner, K., L. Priplatova, P. Frost, and J. Flegr. 2013. Trustworthy-Looking Face Meets Brown Eyes. *PloS One* 8 (1): e53285. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0053285>
- Kraines, M.A., L.J. Kelberer, and T.T. Wells. 2017. Sex Differences in Attention to Disgust Facial Expressions. *Cognition and Emotion* 31 (8): 1692–1697. <https://doi.org/10.1080/02699931.2016.1244044>
- Kret, M.E. 2018. The Role of Pupil Size in Communication: Is there Room for Learning? *Cognition and Emotion* 32 (5): 1139–1145. <https://doi.org/10.1080/02699931.2017.1370417>
- LaFrance, M., M.A. Hecht, and E.L. Paluck. 2003. The Contingent Smile: A Meta-Analysis of Sex Differences in Smiling. *Psychological Bulletin* 129 (2): 305. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.2.305>
- Matsumoto, D. 2006. Culture and Nonverbal Behavior. In *The Sage Handbook of Nonverbal Communication*, edited by V. Manusov and M.L. Patterson, 219–235. Thousand Oaks: SAGE Publications.
- McDuff, D., E. Kodra, R.E. Kaliouby, and M. LaFrance. 2017. A Large-Scale Analysis

- of Sex Differences in Facial Expressions. *PloS One* 12 (4): e0173942. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0173942>
- Mezentseva, A.A., M.L. Butovskaya, K.I. Ananieva, and A.A. Demidov. 2021. Maskulinnost' litsa: morfologiya i vospriiatie [Facial Masculinity: Morphology and Perception]. *Psikhologicheskii zhurnal* 2 (42): 71–81. <https://doi.org/10.31857/S020595920014246-6>
- Renneberg, B., K. Heyn, R. Gebhard, and S. Bachmann. 2005. Facial Expression of Emotions in Borderline Personality Disorder and Depression. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry* 36 (3): 183–196. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2005.05.002>
- Rezlescu, C., B. Duchaine, C.Y. Olivola, and N. Chater. 2012. Unfakeable Facial Configurations Affect Strategic Choices in Trust Games with or without Information about Past Behavior. *PloS One* 7 (3): e34293. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0034293>
- Rostovtseva, V.V., A.A. Mezentseva, S. Windhager, and M.L. Butovskaya. 2020. Second-to-Fourth Digit Ratio and Facial Shape in Buryats of Southern Siberia. *Early Human Development* 149: 105138. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2020.105138>
- Rostovtseva, V.V., A.A. Mezentseva, S. Windhager, and M.L. Butovskaya. 2021. Litso al'truista: eksperimental'noe issledovanie prosotsial'nogo povedeniia i morfologii litsa buriat yuzhnoi Sibiri [Altruistic Face: Experimental Study of Prosociality and Facial Morphology in Buryats of Southern Siberia]. *Eksperimental'naya psikhologiya* 2 (14): 85–100. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140206>
- Rostovtseva, V.V., A.A. Mezentseva, and M.L. Butovskaya. 2022. Perception of Emergent Leaders' Faces and Evolution of Social Cheating: Cross-Cultural Experiments. *Evolutionary Psychology* 20 (1): 14747049221081733.
- Rostovtseva, V.V., et al. 2022. Leaders-Cheaters in Male Group Cooperation: Differences in Nonverbal Communication and Genetic Factors. *Psychology. Journal of Higher School of Economics* 19 (1): 124–149. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-124-149>
- Stirrat, M., and D.I. Perrett. 2010. Valid Facial Cues to Cooperation and Trust: Male Facial Width and Trustworthiness. *Psychological Science* 21 (3): 349–354. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2020.105138>
- Tognetti, A., C. Berticat, M. Raymond, and C. Faurie. 2013. Is Cooperativeness Readable in Static Facial Features? An Inter-Cultural Approach. *Evolution and Human Behavior* 34 (6): 427–432. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2013.08.002>
- Verplaetse, J., S. Vanneste, and J. Braeckman. 2007. You Can Judge a Book by Its Cover: The Sequel.: A Kernel of Truth in Predictive Cheating Detection. *Evolution and Human Behavior* 28 (4): 260–271. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2007.04.006>
- Whitehouse, A.J., et al. 2015. Prenatal Testosterone Exposure is Related to Sexually Dimorphic Facial Morphology in Adulthood. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 282 (1816): 20151351. <https://doi.org/10.1098/rspb.2015.1351>
- Wilson, R.K., and C.C. Eckel. 2006. Judging a Book by Its Cover: Beauty and Expectations in the Trust Game. *Political Research Quarterly* 59 (2): 189–202. <https://doi.org/10.1177/106591290605900202>

“ГУАНАХАТАБЕИ”, “СИБОНЕИ”, “ИНДЕЙЦЫ”: АБОРИГЕНЫ КУБЫ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Э.Г. Александренков

Эдуард Григорьевич Александренков | <http://orcid.org/0000-0003-2139-7353> | ed_alex@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела Америки | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Куба, индейцы, гуапахатабеи, сибонеи, энкомьенда, поселение индейцев

Аннотация

Известные мне испанские источники времени завоевания и колонизации испанцами острова Куба (первая четверть XVI столетия) зафиксировали только два слова для названия разных групп местного населения: “гуапахатабеи” и “сибонеи”. Однако затем испанцы не пользовались этими этнонимами и всех туземцев называли “индейцами”. В первые годы колонизации число коренных обитателей значительно уменьшилось. Кроме того, они постоянно смешивались с испанцами. На Кубе не сохранилась особая категория населения, называемая “метисами”, и к середине XVII в. за лицами смешанного индейско-испанского происхождения закрепилось слово “индейцы”. Более того, это слово стало самоназванием для части, пусть и небольшой, населения острова. Целью данной статьи является изучение названных трансформаций, которые недостаточно описаны в литературе, хотя имели место в ряде областей Америки.

Термин “индейцы” долгое время служил для обозначения почти всех коренных обитателей Америки (кроме алеутов и эскимосов). Он был наложен на них европейцами и четко отделял местных жителей от пришельцев из Старого Света. Это разделение первоначально подразумевало отличия в физических чертах, языке и образе жизни в целом. На протяжении нескольких десятилетий в ряде испанских колоний, включая Кубу, слово *indio* (индеец), будучи по происхождению экзонимом, стало также эндонимом. На Кубе за этот период времени количество его носителей резко сократилось. Они утратили прежний язык и все элементы прежней духовной культуры. В XVII в. “индейцами” стали называться лица индейско-испанского происхождения (большая их часть). До наших дней такие люди сохранились на самом востоке острова. Они не отличаются по языку и культуре от соседей, но продолжают считать и называть себя “индейцами”; так их называют и соседи. В данной статье будут рассмотрены обстоятельства, которые привели к такому результату. Это возможно благодаря наличию опубликованных документов, созданных в периоды открытия Кубы и

Статья поступила 19.01.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 09.08.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Александренков Э.Г. “Гуапахатабеи”, “сибонеи”, “индейцы”: аборигены Кубы в XVI – первой половине XVII в. // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 178–195
<https://doi.org/10.31857/S0869541522060100> EDN: MRVFZP

Aleksandrenkov, E.G. 2022. “Guanakhatabei”, “sibonei”, “indeitsy”: aborigeny Kuby v XVI v. – pervoi polovine XVII v. [On “Guanahatabeys”, “Siboneys”, and “Indians”: The Aborigines of Cuba in the 16th – First Half of the 17th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 178–195
<https://doi.org/10.31857/S0869541522060100> EDN: MRVFZP

ее колонизации (сообщения путешественников, начиная с Христофора Колумба, отчеты представителей испанской короны на острове), а также сочинений нескольких историков того времени. Из этого обширного круга свидетельств были извлечены те, которые отражали понимание слова “индеец”. Расположение их в хронологическом порядке дает возможность увидеть трансформации этого понимания во времени.

Обитатели Кубы в период открытия острова

Корабли Христофора Колумба подошли к берегам Кубы в октябре 1492 г. с севера, пройдя острова, что сейчас называются Багамскими. Сведения об этом сохранились в бортовом журнале Колумба. Испанцы не знали языка местных обитателей, и записи Колумба отражают лишь то, что он мог наблюдать. Итак, он увидел “хорошие селения”, где жилища из пальмовых листьев, которые имели вид очень больших шатров, были расположены, как палатки в лагере, а улицы отсутствовали. Внутри испанцы нашли много скульптурных изображений женских фигур и “очень хорошо сделанных” масок, а также сетей, крючков и других приспособлений для ловли рыбы (*Colón* 1961: 74–75). Колумб не единожды отмечал наготу встреченных им людей. Появляются обобщения – “эти люди очень смиренные и робкие, нагие, как я сказал, без оружия и без закона” (*Ibid.*: 82).

В один из дней Колумб отправил двух испанцев и одного аборигена во внутренние районы острова. Посланники нашли поселение из 50 домов в виде огромных шатров (*alfaneques*), где обитали, по словам испанцев, 1000 человек. Пришельцев встретили очень торжественно и разместили в лучших домах, предоставив еду. Самые почтенные люди поселения взяли их под руки, ввели в главный дом и усадили на два сиденья, а мужчины уселись вокруг на земле. Пришедший с испанцами индеец, по их же словам, рассказал аборигенам о жизни христиан и о том, какие они хорошие люди. Затем мужчины вышли, вошли женщины и так же сели вокруг, целуя руки и ноги испанцам (*Ibid.*: 82). Колумб отмечал плодородие местных земель, писал о том, какие культуры возделывают местные жители, а также продолжал характеризовать людей следующим образом: они очень незлобивые и не воинственные, нагие, “как мать их родила” (*Ibid.*: 85–86).

На востоке острова испанцы встретили большие поселения и “очень возделанные земли” (*Ibid.*: 105–106). Там же видели лодки, одна из которых, по мнению Колумба, могла вместить 150 человек. Обитатели встреченных поселений в страхе убегали. Здесь Колумб упомянул орудия местных людей – дротики, на конце которых были острые обожженные палочки (*Ibid.*: 110–113). От берегов Кубы Колумб вышел к Гаити, откуда вернулся в Испанию.

Во втором плавании за Атлантику суда Колумба, отойдя от Эспаньолы (так испанцы стали называть остров Гаити) в конце апреля 1494 г., прошли вдоль южных берегов Кубы. Теперь у него был переводчик из тех людей, что он пленил в первом плавании. Об этом походе написали несколько авторов того времени. Первым, видимо, был итальянец Микеле Кунео, участник плавания. Наиболее интересные моменты в его письме – это данные о запасах рыбы и игуан у встреченных людей, а также сообщение об обитателях небольших островов, пищей которым служила рыба, а питьем, по словам Кунео, – морская вода, так как пресной там не было. Цвет кожи этих людей показался Кунео более темным, чем у обитателей других островов (*Cuneo* 1893: 103–104). У хрониста Педро Мартира, пользовавшегося рассказами участников плавания, есть некоторые детали, которых нет у Кунео. Наиболее существенная из них – это сообщение о том, что переводчик, индеец Диего, не смог понять речь человека, проживавшего в западной части Кубы (*Martyr D'Anghera* 1912: 98–99). Об этом плавании

рассказано также в книге сына Христофора Колумба, Фернандо (*Colón* 1944: 143–153); писал о нем и Бартоломе де Лас Касас, который почерпнул сведения у П. Мартира и Ф. Колумба (*Las Casas* 1951. Т. I: 391–392).

Пожалуй, наиболее подробно о пребывании Колумба у южных берегов Кубы написал королевский историк Андрес Бернальдес, получивший информацию от самого Колумба и от других участников экспедиции. Бернальдес отмечал гостеприимство и миролюбие, с которыми местные жители разных областей встречали мореплавателей, а также обилие пищи, предложенной туземцами. Бернальдес упоминал о том, что на западе острова один испанец будто бы видел людей, среди которых было несколько человек в длинных белых туниках. В другом месте уже местные жители говорили о правителе, который будто бы носил тунику, которая стлалась по земле.

После нескольких дней плавания, найдя воду и запасшись дровами, Колумб направился к Ямайке (*Bernaldez* 1875: 46–48, 62–65). От Ямайки корабли Колумба опять вышли к Кубе, к провинции Орнофай. Здесь мореплаватель беседовал с местным вождем и сопровождавшим его стариком. Из написанного Бернальдесом следует, что Колумб понимал то, что говорил и показывал жестами старик, а ответ Колумба излагал переводчик, который, кроме того, рассказал собравшимся о том, что он сам видел и узнал в Испании. Бернальдес со слов Колумба так суммировал впечатления от этой встречи испанцев с местными жителями: “Все те люди, островитяне и материковые, хотя кажутся глупыми и ходят нагими, согласно Адмиралу и тем, кто были с ним в этом путешествии, показались им достаточно разумными и острого ума”. Из Орнофая мореплаватель пошел на юг, но ветры заставили его идти в провинцию Макака, где он также был хорошо принят (*Ibid.*: 66–72). В четвертом плавании, в 1503 г., Колумб вышел к селению Макака на Кубе, где пополнил припасы (*Colón* 1944: 287–288).

Позже до южных берегов Кубы доходили испанские суда, вышедшие из северо-западных земель южноамериканского материка. Такой случай описал Мартир по рассказу очевидца, конкистадора Мартина Фернандеса де Энсисо. По его словам, туземцы приняли его любезно, особенно люди касика¹ по имени Комендадор. Это имя касик получил, когда проходившие через его земли испанцы крестили его, и он попросил назвать себя в честь правителя соседнего острова². У Комендатора в течение некоторого времени выздоравливал испанский моряк, который затем успешно возглавлял военные походы касика. Испанец убедил касика оставить своих богов и сделать своей покровительницей Богородицу. По просьбе касика испанец отдал ему образ Девы и посвятил ей церковь и алтарь. Следуя наставлениям моряка, касик и его люди на заходе солнца приходили туда, становились на колени, склоняли головы, брались за руки и повторяли *Ave Maria*. Когда туда прибыл Энсисо со своими людьми, индейцы показали им образ в окружении гирлянд и сосудов с пищей и питьем. Мартир привел краткий рассказ Комендатора о том, как его люди с помощью образа Девы Марии побеждали своих соседей-противников. Как результат, эти соседи попросили Энсисо окрестить их, и два священника за один день крестили 130 человек (*Martyr D'Anghera* 1912: 240–245).

Лас Касас в “Истории Индий” повторил написанное Мартиром о моряке, попавшем к Комендатору, и тоже не назвал его имя (*Las Casas* 1951. Т. II: 519–520). Видимо, речь шла об Алонсо де Охеда, о котором Лас Касас писал в другом месте своей книги. По этой версии, в 1510 г. испанское судно вошло в залив Хагуа в центральной части Кубы, откуда испанцы по суше направились на восток. Местные жители не допускали их в свои поселения и пытались убить. Однако в другом месте, в поселении Кузиба, куда испанцы пришли после многодневного перехода по болотам, их встретили доброжелательно – накормили, вымыли, дали отдохнуть.

Местный касик послал за отставшими, и тех, кто не мог идти сам, принесли на плечах. Испанцы провели в этом селении много дней. Охеда подарил касику образ Богоматери, возвел молельню с алтарем и, по словам Лас Касаса, как мог, объяснил индейцам, что мать Бога, обитавшего на небе, была защитницей людей. И индейцы стали почитать этот образ, украсили церковь хлопковыми полотнами, подметали, поливали и даже устраивали ареито (*areito*) (речь идет об общественных церемониях, состоявших из танцев и песнопений, которые были названы испанцами индейским словом “ареито” и играли важную роль в жизни аборигенов). Окрепнув, испанцы отправились дальше на восток и дошли до поселения Макака, где тоже были приняты хорошо (*Las Casas* 1951. Т. II: 401–404, 533).

Из представленного выше видно, что первые встречи испанцев с аборигенами Кубы проходили преимущественно мирно. Корабли Колумба могли спокойно пополнять запасы пресной воды, дров и продовольствия. Очевидно, те общины, с которыми соприкасались испанцы, не только в достатке обладали пищей, но и были в состоянии часть ее отдать. Во время второго плавания Колумб имел возможность беседовать с местными вождями; при этом, судя по описаниям этого плавания, аборигены и пришельцы общались на равных. Сходным образом в большинстве случаев проходили позже и встречи аборигенов Кубы с другими испанцами, которых ветра и течения заносили к берегам острова. В некоторых случаях местные обитатели под влиянием пришельцев добровольно принимали новые для них формы верований.

Аборигены острова в ранний колониальный период

Отношения равенства изменились, когда испанцы приступили к завоеванию Кубы. Отправившись с Эспаньолы под предводительством Диего Веласкеса, они высадились на самом востоке острова летом 1510 г. По расчетам кубинского демографа Х. Переса де ла Рива, к тому времени на Кубе могло обитать 112 тыс. человек. Большая их часть, 61 тыс., находилась на востоке, на территории провинции Ориенте. От Ориенте до Матансас демограф разместил 41 тыс. человек; на западе острова, по его предположению, находилось 10 тыс. человек; 90% населения, по его мнению, составляли земледельцы, занимавшие восточные и центральные области острова (*Pérez de la Riva* 1972: 61–84).

Участники первых плаваний у берегов Кубы и те, кто побывал на острове до его завоевания испанцами, не называли ни одного этнонима. В сообщениях Веласкеса встреченные аборигены фигурировали как “индейцы”. Однако позже испанцам стало известно о гуакахатабейбах (*guanahatabibes*), проживавших на самом западе острова, у которых жилище, “как у дикарей, потому что у них не было ни домов, ни мест поселений, ни земледелия, и они не едят ничего, кроме мяса, что добывают в лесах, и черепах, и рыбы” (CDI 1869: 424–425). Схожим образом о них писал Лас Касас в 1516 г., назвав их гуакахатабейями (*guanahatabeyes*): они живут, как дикари, не вступают в общение с индейцами острова, у них нет домов, они находят постоянно в пещерах, которые покидают только тогда, когда выходят ловить рыбу³. Там же упомянуты, без указания области их расселения, сибуней (*cibuneyes*), которые, по мнению Лас Касаса, индейцами острова воспринимались как слуги. И таковы же, считал он, почти все обитатели Садов⁴, названные Лас Касасом бродягами (*holgazanes*), которые не занимаются земледелием или чем-то другим, а живут только за счет ловли рыбы (*Las Casas* 1958: 14). Очевидно, Лас Касас объединил гуакахатабеев, сибунеев и жителей Садов по той причине, что они не занимались земледелием. Очевидно также, что он их отделял от “индейцев острова”, т.е. большинства населения Кубы, земледельцев, этнонима для которых он не приводит.

Несколько десятилетий спустя Лас Касас уже по-другому писал о коренном населении Кубы. По его мнению, первыми насельниками острова были “люди простейшие, мирные, кроткие, нагие, без помысла причинить кому-либо зло”. На их языке, пишет Лас Касас, они назывались “сибонейми” (*siboneyes*). Позже с Эспаньолы на Кубу переселилось некоторое количество людей; главной причиной перехода было то, что испанцы начали притеснять туземцев острова. В результате пришельцы с Эспаньолы подчинили сибонеев. Беглец с Эспаньолы, касик Атуэй, осел на Кубе в провинции Маиси (*Las Casas* 1951. Т. II: 507, 514). Здесь Лас Касас не назвал гуанатабеев и индейцев Садов. Можно только предположить, что он не сделал этого на том основании, что они, как он писал ранее, такие же, как сибуней (сибоней).

Ни в одном источнике, содержащем сведения о событиях колониально-го времени, т.е. после завоевания острова, я не нашел упоминания о гуанатабеех и сибонейх. Нет в этих источниках и какого-либо противопоставления обитателей самой западной части Кубы остальным аборигенам острова. Для колонистов и для властей все местные жители стали “индейцами”. От них в течение некоторого времени испанцы отделяли кайос (*cayos*), обитателей небольших островов⁵. Территория проживания земледельцев Кубы, которые составляли большинство населения острова, ко времени прихода испанцев делилась на несколько самостоятельных единиц, которые у испанцев получили название “провинций” или “касикатов” (*cazicazgos*). На этих землях находилось какое-то количество поселений, во главе которых стоял наиболее сильный касик. Между отдельными касикатами, как правило, были необитаемые или малонаселенные области. Социальная структура поселений, как можно судить по упоминаниям испанцев, была трехчастной: касик, его слуги, индейцы. Важную роль в жизни аборигенов играли ареито.

Когда испанцы высадились на Кубе, они легко преодолели слабое сопротивление Атуэя, который был схвачен и сожжен. Веласкес заложил первое испанское поселение, Баракоа, и испанцы несколькими отрядами двинулись на запад. В районе Баямо отряд Панфило Нарваэса подвергся ночному нападению индейцев, но и оно не имело успеха. Продвигаясь на запад, испанцы не имели военных столкновений с аборигенами. Тем не менее в поселении Каонао, в провинции Камагуэй, они напали на собравшихся там индейцев и убили, по словам Лас Касаса, очевидца событий, несколько сотен взрослых и детей (*Las Casas* 1951. Т. II: 535–538). В “Истории Индий” Лас Касаса представлено, как продвигались испанские отряды по острову. Так, после Каонао они разбили лагерь там, где было много посадок маниоки. У каждого испанца была своя хижина с мужчинами и женщинами, которых он вел с собой. Ибо, по словам Лас Касаса, никто (или немногие) не вел с собой меньше 8–10 человек, которых “добром или силой” взяли в тех селениях, что остались позади. Мужчин посылали за маниокой и на охоту, женщины делали из маниоки хлеб (*Ibid.*: 539).

К концу 1514 г. остров оказался в распоряжении испанцев. Были заложены еще несколько поселений (*villas*): Баямо, Санти-Спиритус, Тринидад, Пуэрто-Принсипе, Гавана и Сантьяго-де-Куба. Испанцы, получавшие статус “весино” (*vecino* – полноправный поселенец, как правило, семейный) той или иной ви-льи, имели право на усадьбу в поселении и землю для ведения хозяйства вне его, а также на энкомьенду⁶. По мере продвижения на запад и основания поселений Веласкес наделял участников захвата острова работниками из индейцев. Какая-то часть местных жителей, по преимуществу мужчины, попала в рабство.

В 1516 г. Лас Касас, только что вернувшийся с Кубы, где он служил в качестве войскового капеллана в 1514–1515 гг., написал, что в военных действиях погибло 15–20 индейцев, а за три-четыре месяца работы на приисках их умерло

100 тыс.⁷ Лас Касас назвал следующие причины: во время завоевания острова испанцами индейцы не могли сеять в течение полутора и более лет; когда они были разделены между испанцами, их заставили добывать золото, и у них не было запасов еды, и их практически не кормили; чрезмерный труд. На работу на приисках людей выводили до того, как начинался день, и там они копали до полудня, промывая золото, без еды и воды. В полдень им давали зерна (видимо, маиса) и, возможно, очень мало касабе. Зерна запивали водой, полной земли и ила, после этого работали до темноты. Ужинали тем же, что в обед, и спали на земле, вследствие чего многие заболели и умирали. Умерло также много женщин и детей, так как их некому было обеспечить пищей⁸.

Лас Касас назвал и другие сферы хозяйства, где эксплуатировался труд аборигенов. Они переносили грузы (как он написал, тягловыми животными были сами индейцы), вес которых был в две-две с половиной арробы⁹ и больше, на расстояние от 40 до 150 лиг. И им, как и работникам приисков, почти не давали еды. Их посылали на ремонт дорог, также недостаточно снабжая пищей. Индейцы были и гребцами судов (*barcos*), которые ходили на расстояния от 50 до 100 лиг; и, так как их практически не кормили, они умирали от голода. Нарушая королевские распоряжения, индейцев заставляли работать в праздники и воскресенья, а если случались свободные дни, они бродили в поисках пищи и, как заметил Лас Касас, в то время, когда они должны были отдыхать, они умирали. Испанцы забирали местных женщин и держали их как наложниц, жестоко обращаясь с ними¹⁰ (*Las Casas* 1958: 3–4). С Кубы шло снабжение испанцев, поселившихся в недавно основанной на материке Кастилии – дель-Оро, и на острове были хозяйства, где выращивали свиней и делали хлеб из маниоки на вывоз (CDI 1891. Т. 6: 5; *Las Casas* 1951. Т. III: 258). Там тоже должны были трудиться индейцы, единственная рабочая сила на острове на тот период времени. От непривычного и непосильного труда аборигены старались бежать, но их преследовали, ловили и наказывали. Лас Касас писал, что от бессилия и отчаяния они целыми семьями вешались и травились (*Las Casas* 1951. Т. III: 103–104).

В 1512 г. в Испании были приняты “Законы Бургоса”, которые должны были привести в норму эксплуатацию аборигенов испанцами. Законы регламентировали все аспекты жизни аборигенов, трансформируя большую их часть: труд, жилье, пищу, социальную структуру, семью и верования (*Konetzke* 1953: 38–57). Но эти законы не остановили падение численности аборигенов на островах, в том числе на Кубе. Помимо названных голода и чрезмерного труда, демографы отмечали эпидемии, самоубийства, высокую детскую смертность, вывоз аборигенов в другие земли и некоторые другие факторы (*Pérez de la Riva* 1972: 78–83).

Индейцы энкомьенды

На Эспаньоле сложилась практика разделения индейцев, предоставляемых колонистам короной, на две основные категории: “индейцы касика” и “набории”. Первые, когда не работали на хозяина-испанца, оставались под властью своего касика и проживали в своем поселении. Вторые по разным причинам находились в полном распоряжении своего испанского хозяина и обитали на территории его двора в испанском поселении или в поместье (*Александренков* 2017). В первые годы оккупации Кубы аборигены вручались во владение одному человеку преимущественно целыми поселениями, хотя были и вручения другого рода, в том числе одно поселение двум колонистам. Со временем, особенно при смене правителей острова или при необходимости предоставить энкомьенду новым поселенцам, имели место передел и дробление энкомьенд¹¹. Энкомендированные переходили от одного хозяина к другому, что, как неодно-

кратно отмечали современники, усиливало их эксплуатацию и влекло за собой уменьшение общего числа аборигенов.

В 1524 г. умер первый испанский правитель Кубы, Диего Веласкес, что вызвало не контролируемое короной перераспределение энкомьенд. Новому правителю, Гонсало де Гусману, предписывалось заняться разделением, основываясь на прежних королевских распоряжениях (CDI 1885. Т. 1: 342–344). К 1530 г. относится документ об энкомьендах индейцев Кубы, которые имели место с 1526 по 1530 г. В нем упомянуты 19 индейских поселений: Gvayguano, Guamayabon, Manumano, Salamanca, Yaguayhay, Aguahay, Sevilla, Gueraayo, Tinama, Aguaycanama, Guanabacoa, Aguayguano, Canareo (или Canaria), Hubahaybana, Sanlucar, Guruuguanico, Ana, Mayar, Canabacoa. Большая часть названий – индейские и, видимо, населенные пункты с этими названиями появились до прихода испанцев. Саламанка, Севилья, Канария, Санлукар – испанские слова и, возможно, эти поселения были образованы в соответствии с “Законами Бургоса”, но в источниках я не нашел упоминаний об этом. Некоторые поселения названы без упоминания касиков. Обращают на себя также внимание неоднократные пожалования индейцев без указания их касика или поселения, что можно рассматривать как свидетельство исчезновения (в любом случае, ослабления) института касиков.

Также в документе иногда речь шла о двух категориях индейцев, различение которых было обязательным для испанцев полтора десятилетия ранее – “индейцы касика” и “домашние набории”. Иногда это различие выражалось как “индейцы разделения” и “домашние набории”. Но в большинстве случаев говорилось об “индейцах” и “набориях”. В цитируемом перечне явственен неоднократный переход отдельных лиц, нескольких человек, поселения целиком или его части от одних испанцев-пользователей к другим. Этот фактор не только способствовал усилению эксплуатации аборигенов, но и разрушал остатки общинных структур и связей. Сокращалось число касиков. Уже в некоторых документах 1520-х годов говорилось об “индейцах поселений”, а не об “индейцах касиков”. Должно было уменьшаться и количество индейских поселений.

На Кубе, как и на Эспаньоле и на Сан-Хуане, корона намеревалась создать поселения аборигенов, свободных от энкомьенды. В ряде королевских грамот, начиная с правления Овандо (1502–1509), шла речь об индейцах, которые могли бы жить без попечительства испанцев, хоть и под их присмотром. В грамоте от декабря 1525 г. на имя вице-провинциала доминиканского ордена в Индиях говорилось, что всегда целью королей было освобождение индейцев, чтобы они жили цивилизованно, были привлечены к католической вере и освобождены от работ, – чтобы сохранялись и множились, а не уменьшались в числе. Поэтому те индейцы, которые по каким-то причинам не были энкомендированы, должны были быть освобождены, и им следовало определить их занятия и подати (Konetzke 1953: 79).

В сентябре 1526 г. аналогичная грамота была составлена относительно Кубы. Испанские поселенцы острова были против освобождения даже части индейцев. И обосновывали это тем, что, будучи свободными, те примкнут к бунтовщикам, которых, как утверждали колонисты, было большинство, убьют испанцев и “вернутся к порокам идолопоклонства”. Высказывалось также опасение, что испанцы, лишённые индейцев, уйдут в другие земли, и Кубу придется завоевывать заново (Ibid.: 84–85). Рохас утверждал, что индейцы могут достичь чего-либо хорошего только под страхом и принуждением и не способны жить самостоятельно (CDI 2 1888. Т. 4: 400–402). Гусман, другой правитель Кубы (в то время уже бывший), в письме королеве, датированном апрелем 1537 г., возражая против предоставления индейцам четырехмесячного перерыва в работах на испанцев (преимущественно на приисках), обосновывал это тем, что в тот период они совершали безрассудные поступки (*desvarios*) – некоторые

задумывали побег, другие совершали самоубийства. В этот перерыв они собирались на ареито, проходя до назначенного места 50–60 лиг (Гусман писал об индейцах испанских усадеб в Сантьяго). По словам Гусмана, ареито редко обходились без многих смертей. Находясь же на рудниках или занимаясь другими работами, индейцы становились толстыми и ухоженными, утверждал Гусман (Ibid.: 423–424)¹². Корона настаивала на проведении опыта по освобождению индейцев от энкомьенды (Papeles 1931: 132–135). Это противостояние длилось несколько лет. Наконец, поселение было основано в районе Баямо, переживало разные периоды, и к началу 1540 г. в нем насчитывалось не более 10 человек (CDI 1891. Т. 6: 139).

В 1530-е годы на Кубе насчитывалось от 4,5 до 5 тыс. индейцев, (цифры приведены на основе данных, предоставленных королевским чиновником, бывшим на Кубе в 1532 г.). По его подсчетам, на острове находилось почти 500 рабов-“негров”¹³; сведений о количестве проживавших там испанцев у него не было (CDI 1888. Т. 4: 252). Большая часть индейцев, как и в доколониальный период, была, очевидно, сосредоточена в восточной части острова. Губернатор Рохас, докладывая о проведенной им инспекции острова в 1534 г., утверждал, что в Тринидаде и Санти-Спиритус (это центральная часть острова), индейцы репартимьенто (разделения местных) уже “почти закончились”, и испанцы там жили за счет труда привозных индейцев-рабов (Ibid.: 336).

В документе 1532 г., содержащем обвинения против бывшего губернатора, при неоднократном упоминании энкомендированных индейцев (разной численности) гораздо реже названы наборы (Ibid.: 202–235). В списке испанцев весино Тринидада и Санти-Спиритус, составленном Рохасом, где были перечислены находившиеся в энкомьенде аборигены (наряду с рабами из Африки), которыми располагал каждый испанец, энкомендированные названы одним словом – “индейцы”. Отсутствие деления на “индейцев касика” и “наборий” говорит, видимо, о том, что подобное разграничение утратило свою значимость по причине отсутствия индейцев касиков и, видимо, самих касиков. Более значимым стало разграничение между местными энкомендированными индейцами и индейцами-рабами, в большинстве своем привозными. Это разграничение могло быть выражено по-разному: “местные индейцы” (*yndios naturales*) и “индейцы-рабы” (*esclavos yndios*) (Ibid.: 283), “индейцы” и “индейцы-рабы”, среди которых иногда различались местные и привозные (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 80). В то время аборигены Кубы в большинстве своем не знали языка своих хозяев. Известно, по крайней мере, что губернатор Рохас в один из эпизодов своего похода по острову общался с ними через переводчика (CDI 1888. Т. 4: 324).

Сопrotивление индейцев испанскому господству

1520–1540-е годы на Кубе – время активного сопротивления аборигенов испанским колонистам, начало которого историки иногда связывают со смертью Веласкеса. На самом деле, первые стычки с беглыми кайо были еще при этом губернаторе. Они разорили усадьбу предводителя испанцев, убили двух испанцев и увели много местных индейцев. Карательные меры со стороны властей включали смерть для сопротивлявшихся, а для остальных – разные меры наказания. Пленных предводителей следовало казнить – там, где это послужило бы уроком для других, как сказано в документе (Papeles 1931: 89–92).

Кубинский историк Ф. Пичардо Мойя выявил три группы восстаний индейцев Кубы и связал их с обитателями определенных областей. С 1523 по 1530 г. испанцев тревожили кайо, о которых речь шла выше. Восстания 1524–1532 и 1538–1544 гг. имели место на самом востоке острова – от мыса Маиси к западу

до Сантьяго (на юге) и Баракоа (на севере); обитателей этого региона Пичардо Мойя назвал тайнами (*Pichardo Moya* 1945: 13). Ничего похожего не было в центральных областях острова и на западе, хотя в районе Тринидада и Гаваны какое-то время были лагеря беглых (*Ibarra* 1976: 65).

Действия непокорных имели разные формы и масштабы – от нападений на одиноких испанцев и их индейцев до разорения усадеб, сожжения жилищ и убийства скота. Для борьбы с ними создавались специальные отряды, которые преследовали бунтовщиков. Тех, кто не бежал, убивали или пленили, чтобы затем казнить (CDI 1885. Т. 1: 152; CDI 1888. Т. 4: 164–165). С 1530 г. в провинции Баракоа стал известен Гуама, в подчинении у которого было несколько десятков человек (CDI 1888. Т. 4: 168, 254). Только в январе 1533 г. в метрополию сообщили, что большая часть его людей была убита (*Ibid.*: 308). Через два года губернатор Мануэль Рохас докладывал королю, что земля “замирена” от беглых индейцев (их он назвал симарронами), хотя в некоторых местах они остались, не причиняя вреда (*Ibid.*: 371, 385–386).

Известны были и пассивные формы сопротивления, в том числе такие, как самоубийство. В 1522 г. на Кубе состоялось судебное разбирательство по обвинению одного из первых конкистадоров Кубы Васко Поркальо де Фигероа, которому вменялось насилие по отношению к его индейцам. Поркальо признал, что трем взрослым индейцам и одному подростку он велел отрубить яички и члены. Взрослых он заставил есть эту плоть, обмазанную землей, а затем велел их сжечь. Были сожжены и еще двенадцать человек, “которые, по словам Поркальо, ели землю”. Поркальо объяснил свое решение тем, что в некоторых землях Кубы умирало до половины индейцев из-за поедания ими земли, и он хотел предотвратить это (CDI 1885. Т. 1: 124–125).

Что касается бунтов, то их причиной сами испанцы считали плохое обращение хозяев со своими индейцами. Бунты усилились, когда в 1539 г. губернатор Эрнандо де Сото ушел во Флориду, уведя многих местных испанцев, в том числе Васко Поркальо, которого индейцы боялись (CDI 1891. Т. 6: 48–50, 58). Колонистам стало известно, что индейцы, как беглые, так и мирные, пели на ареито, что испанцы долго не продержатся, так как остались только больные и слабые (*Ibid.*: 95). Против симарронов местные власти направляли специально созданные отряды, в которых, помимо испанцев, были “негры” и индейцы (*Ibid.*: 75–77). 1541 г. знаменателен тем, что в этом году отряд для преследования беглых состоял только из индейцев, и его возглавлял индеец. Среди 24 человек отряда были аборигены, находившиеся “на свободе” (т.е., видимо, из поселения-“опыта”), а также “хорошие”, выбранные из тех, что были у испанцев (в энкомьенде). Они получили снаряжение и, прочесывая остров, как сказано в источнике, наткнулись на лагерь беглых. Было убито 16 мужчин, столько же мужчин и женщин было схвачено, какая-то часть ушла. Пленных привели в Сантьяго, где их казнили. Из другого документа известно, что правые руки убитых предьявлялись как свидетельство их смерти. Все члены этого отряда получили много почестей и хорошую плату за работу, чем они, по словам авторов документа, остались очень довольны и выразили желание впредь ее исполнять (*Ibid.*: 175; 223). Активная борьба коренных обитателей острова с испанцами прекратилась в 1540-х годах – судя по тому, что позже о ней не говорилось в документах¹⁴.

“Новые законы” и индейцы Кубы

В последовавшие несколько лет в метрополии индейцы Кубы не были главными действующими лицами, хотя решалась их судьба. В метрополии завершилась тяжба между противниками энкомьенды и ее защитниками. На засе-

даниях Хунты, обсуждавшей с мая по ноябрь 1542 г. вопросы энкомьенды в испанских колониях, большинство высказалось за ее отмену, и 20 ноября 1542 г. были подписаны законы, получившие название “Новых” (*Morales Padrón* 1979: 422). Примечательно, что об индейцах островов Сан-Хуан, Куба и Эспаньола в законах говорилось отдельно¹⁵. Повелевалось не беспокоить их податями и службами бóльшими, чем тамошних испанцев, и “оставить их отдыхать” (*se dejen holgar*) – чтобы они множились и были наставляемы в католической вере (*Konetzke* 1953: 216–220). Как и в случае с “опытом”, колонисты Кубы, лишившиеся рабочих рук, были против освобождения индейцев. На их стороне оказались духовные власти. Так, епископ полагал, что индейцев нельзя будет наставлять в вере, так как они займутся ареито и предадутся порокам и разврату. В течение четырех месяцев отдыха индейцы, по словам епископа, только этим и занимаются, а также бродят и ловят рыбу в реках, и за это время забывают все, чему были научены за восемь месяцев работы (*CDI* 1891. Т. 6: 184).

Ко времени противостояния колонистов Кубы применению “Новых законов” и отмене рабовладения и энкомьенды относится отчет епископа Сармьенто о его инспекционном обходе острова, который дает некоторое представление о составе населения острова в целом. Вот какова названная им численность разных групп жителей в различных частях Кубы: Баямо – 30 весино (испанцев), женатых и в брачном возрасте, 400 индейцев наборий (т.е. местных, энкомендированных), около 200 “негров”; Пуэрто дель Принсипе – 14 весино, 235 энкомендированных индейцев, 160 рабов (“негров” и индейцев); Савана (поселение Васко Поркальо) – 80 индейцев (набориев и уроженцев Кубы), 120 “негров”-рабов; Санти-Спиритус – 18 женатых весино¹⁶; Гавана – 40 весино, 120 набориев и 200 рабов, индейцев и “негров” (*Ibid.*: 228–232). Епископ не назвал количество индейцев и рабов в Сантьяго, хотя несколько раз упоминал о них. Не назвал он и количество индейцев в Тринидаде, так как он туда не ходил по той причине, что там не жили весино-испанцы¹⁷. Не назван им и Баракоа. Также не упомянул он ни одного индейского поселения, которые еще должны были существовать в то время. Видимо, их обитатели приписывались к испанским вильям, которые были административными единицами. Какое-то число индейцев, как энкомендированных, так и рабов, могло обитать в самих испанских поселениях.

О жизни индейцев Кубы перед отменой энкомьенды и рабства известно немного. Наибольшее количество информации доступно об их работе на золотых приисках, о которой писали как противники, так и защитники энкомьенды. Индейцы исполняли также другие работы в разных хозяйствах испанцев – женщины выпекали касабе, мужчины обрабатывали землю и, вероятно, пасли скот. Эти процессы не описаны, и почти ничего не известно об их домашней жизни. Сармьенто упоминал о вознаграждении энкомендированных индейцев за труд одеждой (эта форма поощрения называлась, видимо, индейским словом *какона*) – в одних местах оно осуществлялось регулярно, в других – нет. При этом епископ написал, что для самих индейцев не имеет значения, надета ли на них одежда или нет.

К этому времени не была достигнута одна из главных целей короны – приобщить аборигенов к католической вере. Христианизация могла быть более успешной среди аборигенов, живших с хозяевами в испанских поселениях. Так, согласно Сармьенто, в монастыре г. Сантьяго “всех индейцев и негров” собирали по праздничным дням и рассказывали им о христианской доктрине. По-другому дело обстояло в глубинке. По словам того же Сармьенто, он и настоятель францисканского монастыря в Сантьяго несколько раз посылали одного монаха во внутренние районы, и это не принесло результата – индейцы бежали. Был послан второй монах, который вернулся, побывав у индейцев

Баямо и Пуэрто-Принсипе. Сармьенто не описал его деятельность, но отметил, что тот “ревностен в обращении индейцев”. Сармьенто сообщил также, что старается, чтобы энкомендеро обучали индейцев доктрине, но “это на них производит мало впечатления” (CDI 1891. Т. 6: 224). Лишь относительно Поркальо он написал, что его капеллан наставлял индейцев и рабов, при этом Поркальо заботился о наставлении лишь тех индейцев, которые работали в его доме. Индейцы Баямо, утверждал епископ, мало склонны к делам веры. Несколько лет спустя (1546 г.) губернатор Чавес сообщил королю, что он велел привести к нему индейцев, которые лучше остальных владеют кастильским языком, и спрашивал их о “христианских вещах” (*cosas de cristianos*). Оказалось, что “они так далеки от них, как если бы о них не знали”. Губернатор был уверен, что причиной было не плохое наставление индейцев, а их малое желание (узнать) дела веры (Ibid.: 270–271).

К тому времени, видимо, окончательно исчезли (или утратили свой авторитет) касики – они перестали упоминаться в документах.

В 1549 г. новый губернатор острова Гонсало Перес де Ангуло распорядился огласить королевскую грамоту об освобождении местных (т.е. энкомендированных) индейцев, а также индейцев-рабов (Ibid.: 312–313). Освобождение энкомендированных, хотя и вызвало протесты, было, видимо, осуществлено, а освобождение рабов затянулось из-за сопротивления местных властей. С ноября 1552 г. по август 1553 г. были освобождены индейцы-рабы на всей территории острова (Ibid.: 335, 356–357). Похоже, что в эти годы статус свободного индейца не давал ему заметного преимущества перед индейцем-рабом. Так, в январе 1552 г. городской совет Гаваны постановил наказывать 200 ударами плетью (*azotes*) индейца, свободного или раба, севшего на лошадь или в лодку. При повторном нарушении запрета нарушителю следовало вдобавок отрезать ухо (Marrero 1972: 221).

Согласно Пересу де ла Рива, на Кубе были освобождены 1800 местных индейцев (т.е. бывших в энкомьенде) и 200 – привезенных с материка (рабов). Он считал также, что на острове могло быть несколько тысяч беглых; в целом же общее количество индейцев могло составлять 5 тыс. человек (Perez de la Riva 1972: 77–78)¹⁸. Кубинский географ и историк Леви Марреро считал, что в середине XVI в. на острове проживало около 220 испанских весино, а также около 700 рабов-“негров” и около 1000 индейцев (Marrero 1972: 158). Таков был демографический результат намерений испанской короны, неоднократно оглашенных в разного рода документах, – привести аборигенов острова к цивилизованной жизни. Что касается социального аспекта, то после провозглашения “Новых законов” исчезли разные категории аборигенов – “индейцы касика”, “индейцы репартимьенто”, “индейцы пуэбло”, “местные индейцы”, “набории” и “индейцы-рабы” (включая привозных). Остались только “индейцы”.

Образование “поселений индейцев”

После выхода из-под опеки энкомьенды и освобождения от рабства большая часть индейцев, видимо, оказалась предоставлена сама себе. “Новые законы” не предписывали предоставления земли освобождаемым, и те из них, кто не остались в работниках у своего прежнего хозяина, вынуждены были “бродить” (*vagar*, по терминологии источников того времени). Неясна судьба немногих поселений индейцев (*pueblo de indios*)¹⁹ Кубы, которые, кажется, существовали в период “освобождения” и последовавших нескольких лет до появления соответствующих королевских распоряжений. Законом от июля 1552 г. разрешалось индейцев, не занятых своими делами (названы ремесленники и землепашцы), принуждать к тому, чтобы они не бездельничали (Recopilación 1841: Libro 6, título I, ley XXI).

В 1546 г. по королевскому распоряжению было создано собрание из членов Совета Индий, монахов и церковных иерархов Новой Испании. На нем было решено свести индейцев в поселения там, где это еще не было сделано. Соответствующий закон назывался *Que los indios sean reducidos á poblaciones* (“Чтобы индейцы были сведены в поселения”), он датирован 21 марта 1553 г. (Recopilación 1841: Libro 6, título 3, ley I). В нем не говорилось об отношении индейских поселений к земле. Не было и положения о самоуправлении этих поселений (оно появилось только в 1618 г.).

На Кубе поселение индейцев было образовано 12 июня 1554 г. в Гуанабакоа, чтобы разместить “бродивших по полям” индейцев для их доктринации и приведения к гражданской жизни. Это намерение было зафиксировано в актах кабильдо (городского совета) Гаваны, в юрисдикцию которой входила Гуанабакоа (Arrate 1964: 38). Городской совет Гаваны занимался делами жителей Гуанабакоа, в том числе таким важным, как наделение земель (*Azcárate Rosell* 1937: 239; *Marrero* 1974: 77–78).

Кубинский историк Х. Ле Риверенд считал, что, в соответствии с “Новыми законами”, все индейцы имели право на *весиндад* (статус весино), на земли для двора и другие земельные пожалования (*Le Riverend* 1960: 63). Подобного пункта в этих законах не было²⁰, но в актах кабильдо Гаваны более позднего времени зафиксированы просьбы индейцев о предоставлении им земельных участков (в поселении или за его границами) и об удовлетворении этих просьб. С 1550 по 1578 г. в Гаване для городских дворов (*solares*) получили земли 10 индейцев²¹. Будучи весино Гаваны, индеец Алонсо Гуанахо участвовал в выборах городского совета Гаваны (*Zayas y Alfonso* 1931: 45) и нес дозорную службу (*Marrero* 1974: 77). По сведениям, собранным Л. Марреро, в одно время с Гуанабакоа были основаны поселения индейцев в районе г. Сантьяго-де-Куба (*Ibid.*: 352–353). Жители индейских поселений восточных областей острова испрашивали земли преимущественно для возделывания сельскохозяйственных культур, но у некоторых были земли для ухода за скотом. Поселения располагали также землями, где пасся одичавший скот, который разрешалось забивать (*Ibid.*: 77).

Со временем некоторые из индейцев Кубы стали себя явно позиционировать не только как жители определенного поселения, но и как граждане острова. Так, в 1562 г. представители жителей Тринидад, где к тому времени почти два десятка лет не было испанцев, в обращении к губернатору острова назвали себя “индейцами Кубы, уроженцами вильи Тринидад” и выражали беспокойство о судьбе всего острова (*Zerquera y Fernández de la Lara* 1977: 87). Их хозяйственные занятия не отличались от того, чем занимались их соседи, испанцы вильи Санти-Спиритус, – выращивание сельскохозяйственных культур и разведение скота. Они так же, как испанцы, были христианами и просили епископа назначить им священника. Епископ, правда, нашел среди индейцев Тринидада “столько суеверных церемоний и идолопоклонства, и тот демон гулял среди них столь обычно и любезно, как он разгуливал сто лет назад”. Но в то время, по его мнению, подчиняться церкви и обрядам веры было трудно убедить не только индейцев, но и испанцев (*Ibid.*: 93, 91).

Индейцы, даже будучи весино того или иного поселения, в целом не стали равными в правах испанцам. Это видно и по жалобам обитателей Тринидада на своих соседей, испанцев из Санти-Спиритус, и по постоянным жалобам жителей Гуанабакоа на весино Гаваны.

Какая-то часть индейцев стала наемными работниками, занятыми в земледелии. Какое-то их число находилось вне поселений и вне испанских поместий, о чем говорят неоднократные намерения властей и отдельных испанцев второй половины XVI в. собрать их, в частности, в Гуанабакоа (*Arrate* 1964: 37;

Marrero 1974: 77–78; *Le Riverend Brusone* 1960: 63). Еще оставались группы, уклонявшиеся от контактов с испанцами. Видимо, в 1570-е годы несколько десятков таких индейцев были схвачены испанцами в болотах на юге Матансас (*Urrutia y Montoya* 1931. Т. 2: 70–71).

Смешанное испано-индейское население острова

На Кубе быстро появились лица, отцы которых были испанцами, а матери – индианками²². Начальный контингент испанцев на Кубе состоял преимущественно из мужчин, а подчиненное положение аборигенов позволяло держать местных женщин сожительницами, будь то в качестве служанки или рабыни (CDI 1888. Т. 4: 339–340). За лицами смешанного происхождения, рожденными от таких союзов, закрепилось название “метисы”. Основным критерием для применения этого названия к какому-то человеку, видимо, служило знание о том, кто были его родителями. Уже к середине XVI в., как явствует из документов, разграничение между “индейцами” и “метисами” могло быть не строгим. Так, при описании событий 1555 г., связанных с захватом Гаваны французскими пиратами, в составе защитников города были упомянуты “испанцы”, “негры” и “индейцы” (CDI 1891. Т. 6: 368, 370–371). В другом документе о них же говорилось как об “испанцах”, “метисах” и “неграх” (*Ibid.*: 390). Можно полагать, что для некоторых испанцев различие “метисов” и “индейцев” не представлялось важным. Со временем тенденция называть “индейцами” лиц индейско-испанского происхождения становится все более явной.

По отчету епископа Хуана дель Кастильо об инспекции своей епархии в 1569–1570 гг. видно, что в поселении индейцев Лос-Канеес проживало 20 женатых индейцев, а в Гуанабакоа – 60. Все еще только индейцы обитали в Тринидаде, 50 были женаты. Весино-аборигены были также в испанских поселениях Саване (10 индейцев и 10 испанцев), Санкти-Спиритус (20 и 20), Баракоа (17 индейцев и 8 испанцев) и Баямо (80 и 70) (*Papeles* 1931: 217–225). В этом перечне нет “метисов” и, скорее всего, эти лица смешанного происхождения попали в число “индейцев”, а некоторые, возможно, в число “испанцев”. В дополнении к сообщению епископа (сделанном, видимо, в метрополии), наоборот, написано, что на острове не осталось индейцев, и большинство его населения составляют “метисы” и “негры” (*Ibid.*: 226).

В “Ордонасах” 1574 г., составленных для управления Гаваной, в нескольких статьях (в четырех из 88) упоминаются “индейцы”. Одна из них предписывала учитывать интересы тех из них, что жили на землях, предоставляемых испанцам (№ 79). Еще одна регламентировала продажу вина на том основании, что “индейцы пьют вино очень беспорядочно, и по опыту видно, что, пока оно у них есть, они не работают, ничем не занимаются” (*Carrera y Justiz* 1905: 263, 274, 287). В этих распоряжениях, как и в отчете епископа Кастильо, не упоминались “метисы”.

На рубеже XVI–XVII вв. в церквах появились записи крещений, браков и смертей отдельно для “испанцев”, “негров”, “мулатов” и “индейцев”. Тогда же стали создаваться и церковные общины из этих категорий населения и, наконец, – отряды ополченцев (*Leiseca* 1938: 44; *Franco* 1985: 135–136; *Deschamps Chapeau* 1976: 20). “Метисы” в этих институтах не фигурировали. Скорее всего, население смешанного индейско-испанского происхождения светскими и духовными властями было относимо к категории “индейцев” – возможно, в силу его малочисленности. Метисы не могли расти в числе, так как постоянно уменьшалось число самих индейцев. Число метисов могло лишь уменьшаться за счет того, что при их последующих браках с испанцами (позже – “белыми”) потомки подобных браков могли восприниматься как испанцы (“белые”) (*Pichardo Moya*

1945: 17). Другой вектор уменьшения возможности индейско-испанской метисации – брачные отношения индейских женщин и метисок с “неграми”.

В начале XVII в. епископ Кубы назвал только два поселения индейцев, Гуанабакоа и Баракоа. Обитатели первого из них, по его словам, были “наполовину обиспаненными”, а второго – “обиспанены”. Индейцы, по сведениям епископа, были также в Пуэрто-Принсипе, Баямо и Сантьяго-де-Куба, где они жили в пригородах отдельными кварталами и тоже были “как обиспаненные” (*como españolados*) (цит. по: *Marrero* 1976: 14–15). Отчет другого епископа, написанный в 1620 г., отметил дальнейшее уменьшение числа индейцев или их исчезновение в некоторых поселениях. Там же епископ написал: “...нет больше индейцев на этом острове, что были бы настоящими индейцами, а лишь немногие, что я упомянул, они в каждом поселении уже смешаны с испанцами. С ними обращаются так же, как с остальными испанцами, и так же их наставляют” (*Documentos* 1973: 574).

Очевидно, что слова двух епископов свидетельствуют о том, что в их время этноним “индейцы” употреблялся по отношению к лицам смешанного происхождения, говоривших на испанском языке и исповедовавших католическую религию.

* * *

На протяжении последующих столетий компактные группы людей, называемых и называвших себя “индейцами”, сохранялись на Кубе, главным образом за счет наличия трех официально учрежденных “поселений индейцев”. Помимо Гуанабакоа на западе, это были Эль-Каней (или Сан-Луис-де-лос-Канеес), ставшее таковым в 1618 г., и Хигуани, образованное в 1701 г. (оба – на востоке острова). Гуанабакоа утратила этот статус в 1743 г., Хигуани – в 1837, а Эль-Каней – в середине XIX в. (*Александренков* 2018: 296, 306–307). На востоке острова упразднение “поселений индейцев” привело к их исходу в другие, относительно недоступные места, где они сохранили свою “индейскую” самоидентификацию. Потомков этих людей смогли изучить в XX в. физические антропологи (*Pospišil* 1976; *Rivero de la Calle* 1978).

Использование слова “индейцы” (*indios* и др. на разных языках) для обозначения коренных обитателей Америки давно уже подвергается критике, будучи рассматриваемо как наследие колониального прошлого континента (*Bonfil Batalla* 1972). Полагаю, что следует различать разные контексты использования этого слова. Изначально и последовательно оно применялось колониальными властями, хронистами, исследователями и другими (т.е. внешними наблюдателями) по отношению к коренным обитателям Америки в целом или к их отдельным этносам и группам (с добавлением их названия – например, “индейцы куна” и др.). В этом случае оно являлось и является экзонимом, и от него можно отказаться. В случае с Кубой ситуация другая – как показано в статье, слово *indios* стало использоваться и как самоназвание, т.е. стало эндонимом. Более того, к середине XVII в. этим словом стали называться люди смешанного происхождения, культура которых была отлична от культуры аборигенов начала XVI в. – в языковой, социальной и религиозной сферах.

Примечания

¹ Словом “касик” (*casique*) испанцы называли местных предводителей разного уровня – как вождей, под чьей властью находились обширные территории с многочисленным населением и которых испанцы именовали “великими касиками” или “королями”, так и тех, кто стоял во главе поселений разной величины.

² На Эспаньоле с 1502 по 1509 г. правил Николас де Овандо, имевший титул Комендатора Калатравы.

³ Лас Касас употребил слово *pesca*, которое в испанском языке означает “ловить” (как рыбу, так и других обитателей водоемов).

⁴ *Jardines* – так со времени плаваний Колумба назывались острова у берегов Кубы.

⁵ Эти острова по-испански именовались *caños*. Их обитателями, видимо, являются те, кого Лас Касас в 1516 г. назвал “индейцами Садов”.

⁶ *Encomienda* (вручение), синоним – *repartimiento* (разделение). Институт приобрел окончательную форму в “Законах Бургоса” 1512 г., которыми предусматривалось, что испанец, получивший работников в энкомьенду, мог располагать ими по своему усмотрению и, в свою очередь, должен был приобщать их к христианской вере, вознаграждать за труд, а также обеспечивать пищей и одеждой.

⁷ В другом издании документа названы “семь тысяч душ” (CDI 1891. Т. 6: 8).

⁸ В другой работе Лас Касас написал: по причине того, что у истощенных матерей пропадало молоко, только за три месяца умерло 7 тыс. детей (*Las Casas* 1951. Т. III: 91).

⁹ Арроба – мера веса; кастильская арроба равнялась приблизительно 11,5 кг.

¹⁰ Лас Касас утверждал, что захват местных женщин был обычным делом для испанцев в Индиях (*Las Casas* 1951. Т. II: 535).

¹¹ Во второй половине 1520 г., после смерти прежнего энкомендеро, одна треть индейцев и наборий поселения досталась его вдове, а остальные, числом 120, 45 и 4 человека, были вручены другим испанцам (CDI 1888. Т. 4: 113–114).

¹² Схожим образом через несколько лет высказался епископ Кубы (CDI 1891. Т. 6: 183–185).

¹³ Так тогда называли темнокожих рабов.

¹⁴ О борьбе аборигенов Кубы против испанцев см.: *Ibarra* 1976.

¹⁵ Ямайка не была названа, видимо, по той причине, что к тому времени число проживавших там аборигенов было незначительным.

¹⁶ Епископ не был в Санкти-Спиритус и узнал о нем со слов его жителей. Видимо, поэтому он не указал другие категории населения.

¹⁷ Испанцев там не было приблизительно с 1534 до 1570 г. (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 82, 85).

¹⁸ В завершении статьи автор назвал 5–6 тыс. (*Perez de la Riva* 1972: 82).

¹⁹ О такого рода поселениях говорилось в королевской грамоте для епископа, датированной мартом 1541 г. (CDI 1891. Т. 6: 158–159).

²⁰ Лишь законом от 1 декабря 1573 г. предусматривалось, что вновь образованные поселения индейцев должны “располагать водами, землями” для возделывания и для общинного выпаса (*exido*) и лесами (*Recopilación* 1841: Libro 6, título 3, ley VIII).

²¹ Для сравнения, в тот же период: испанцы – 174, вдовы испанцев – 12, свободные “негры” – 1, свободные “негритянки” – 6 (*Marrero* 1974: 82–83).

²² Не знаю ни одного случая из раннего колониального времени, когда брачную пару составляли бы отец-индеец и мать-испанка.

Источники и материалы

Arrate 1964 – *Arrate J.M.F. de. Llave del Nuevo Mundo. Antemural de las Indias Occidentales. La Habana descripta: noticias de su fundación, aumentos y estados. La Habana: Comisión Nacional de la UNESCO, 1964.*

Azcárate Rosell 1937 – *Azcárate Rosell R. Historia de los indios de Cuba. La Habana: Editorial Trópico, 1937.*

- Bernaldez* 1875 – *Bernaldez B.A.* Historia de los Reyes Católicos. T. 2. Sevilla: Imprenta que fué de D. José María Geofrin, 1875.
- CDI 1869 – Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas, sacados de los Archivos del Reino, y muy especialmente del de Indias. T. XI. Madrid: Imprenta de J.M. Perez, 1869.
- CDI 1885–1932 – Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar. Segunda serie. T. 1–25. Madrid: Est. Tipográfico “Sucesores de Rivadeneyba”, 1885–1932.
- Colón* 1944 – *Colón F.* Historia del Almirante de las Indias don Cristobal Colón. Buenos Aires: Editorial Bajel, 1944.
- Colón* 1961 – *Colón Cr.* Diario de navegación. La Habana: Publicación de la comisión Nacional Cubana de la UNESCO, 1961.
- Cuneo* 1893 – *Cuneo M. de.* Lettera // Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana pel quarto centenario dalla scoperta dell’America. P. III. T. II. Roma: Il Ministero Della Publica Istruzione, 1893. P. 95–107.
- Documentos 1973 – Documentos para la historia de Cuba. T. I. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1973.
- Konetzke* 1953 – *Konetzke R.* Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493–1810. Vol. I (1493–1592). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1953.
- Las Casas* 1951 – *Las Casas B. de.* Historia de las Indias. T. I–III. México; Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 1951.
- Las Casas* 1958 – *Las Casas B de.* Obras escogidas, V. Opúsculos, cartas y memoriales. Madrid: Ediciones Atlas, 1958.
- Martyr D’Anghera* 1912 – *Martyr D’Anghera P.* De Orbe Novo. The Eight decades of Peter Martyr d’Anghera: 2 vols. T. 1 // Translated from the Latin with Notes and Introduction by Fr. A. MacNutt. N.Y.: The Knickerbocker Press, 1912.
- Papeles 1931 – Papeles existentes en el Archivo General de Indias relativos a Cuba y muy particularmente a la Habana. T. I (1512–1578). La Habana: Imprenta “El Siglo XX”, 1931.
- Recopilación 1841 – Recopilación de leyes de los reinos de las Indias. Tomo segundo. Quinta edición. Madrid: Boix editor, 1841.
- Urrutia y Montoya* 1931 – *Urrutia y Montoya I.J. de.* Teatro histórico, jurídico y político militar de la isla Fernandina // Obras del doctor Ignacio José de Urrutia y Montoya. T. 1–2. La Habana: Academia de la Historia de Cuba, 1931.
- Zayas y Alfonso* 1931 – *Zayas y Alfonso A.* Lexicografía antillana. Diccionario e voces usadas por los aborígenes de las Antillas Mayores y de algunas de las Menores y consideraciones de su significado y de su formación. T. II. Habana: Tipos.-Molina y cía., 1931.

Научная литература

- Александренков Э.Г. Аборигены Эспаньолы в отчете о разделении 1514–1515 гг. // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 81–92.
- Александренков Э.Г. Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе (конец XV – середина XVI вв.). М.: ИЭА РАН, 2018.
- Bonfil Batalla G.* El concepto de indio en América: Una categoría de la situación colonial // Anales de Antropología. 1972. Vol. 9. P. 105–124. <http://dx.doi.org/10.22201/iaa.24486221e.1972.0.23077>
- Carrera y Justiz F.* Introducción a la historia de las instituciones locales de Cuba. T. 2. Habana: La Moderna Poesía, 1905.

- Deschamps Chapeau P.* Los batallones de pardos y morenos libres. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1976.
- Franco J.L.* Apuntes para una historia de la legislación y administración colonial en Cuba (1511–1800). La Habana: Editorial Ciencias Sociales, 1985.
- Ibarra J.* La gran sublevación india de 1520 a 1540 y la abolición de las encomiendas // Santiago. Revista de la Universidad de Oriente. 1976. No. 22. P. 61–86.
- Le Riverend Brusone J.J.* La Habana (Biografía de una provincia). La Habana: Academia de la Historia de Cuba, 1960.
- Leiseica J.M.* Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba. La Habana: Talleres tipográficas de Carasa y Cía, 1938.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 1. Río Piedras: San Juan, 1972.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 2. Madrid: Playor, 1974.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 3. Madrid: Playor, 1976.
- Morales Padrón Fr.* Teoría y leyes de la conquista. Madrid: Edición cultura hispánica, 1979.
- Pérez de la Riva J.* Desaparición de la población indígena de Cuba // Universidad de la Habana. 1972. Num. 196–197 (2–3). P. 61–84.
- Pichardo Moya F.* Los indios de Cuba en sus tiempos históricos. La Habana: Academia de la Historia, 1945.
- Pospíšil M.* Indian Remnants from the Oriente Province, Cuba. Bratislava: Univerzita Komenského pre Prírodoved, fak. UK v Bratislave, 1976.
- Rivero de la Calle M.* Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente // Cuba Arqueológica. Santiago de Cuba: Editorial Oriente, 1978. P. 149–176.
- Zerquera y Fernández de Lara C.* La villa india de Trinidad en el siglo XVI // Revista de la Biblioteca Nacional José Martí. 1977. Num. 2, Agosto. P. 71–94.

Research Article

Aleksandrenkov, E.G. On “Guanahatabeys”, “Siboneys”, and “Indians”: The Aborigines of Cuba in the 16th – First Half of the 17th Century [“Guanakhatabei”, “sibonei”, “indeitsy”: aborigeny Kuby v XVI–pervoipolovine XVII v.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 178–195 <https://doi.org/10.31857/S0869541522060100> EDN: MRVFPZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Eduard Aleksandrenkov | <http://orcid.org/0000-0003-2139-7353> | ed_alex@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Cuba, Indians, Guanahatabeys, Ciboneys, encomienda, pueblo de indios

Abstract

In the available Spanish sources related to the period when Spain conquered and colonized Cuba (the first quarter of the 16th century), there are but two words by which various groups of the local population were addressed – Guanahatabeys and Ciboneys. In the later periods, the Spanish did not use these ethnonyms and referred to all natives as Indians. During the first colonization years, the numbers of native residents of the island significantly decreased. Furthermore, they kept mixing with the Spanish. In Cuba, however, a distinctive population category such as mestizo did not take shape, and individuals of mixed ancestry would be uniformly called Indians by the mid-17th century. Moreover, this word became a self-designation for a part,

albeit small, of the island's population. This article attempts to explore these historical transformations which have not received enough attention in scholarly literature.

References

- Aleksandrenkov, E.G. 2017. Aborigeny Espan'oly v otchete o razdelenii 1514–1515 gg. [Española's Natives in the Account of Repartimiento of 1514–1515]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 81–92.
- Aleksandrenkov, E.G. 2018. *Aborigeny Bol'shikh Antil'skikh ostrovov v kolonial'nom obshchestve (konets XV – seredina XVI vv.)* [Natives of the Greater Antilles in the Colonial Society (Late 15th – Mid 16th Centuries)]. Moscow: IEA RAN.
- Bonfil Batalla, G. 1972. El concepto de indio en América: Una categoría de la situación colonial [The Concept of Indian in America: A Category of the Colonial situation]. *Anales de Antropología* 9: 105–124. <http://dx.doi.org/10.22201/iaa.24486221e.1972.0.23077>
- Carrera y Justiz, F. 1905. Introducción a la historia de las instituciones locales de Cuba [Introduction to the History of Cuba's Local Institutions]. Vol. 2. Habana: La Moderna Poesia.
- Deschamps Chapeau, P. 1976. *Los batallones de pardos y morenos libres* [The Battalions of Pardos and Free Morenos]. La Habana: Editorial Arte y Literatura.
- Franco, J.L. 1985. *Apuntes para una historia de la legislación y administración colonial en Cuba (1511–1800)* [Notes for a History of Colonial Legislation and Administration in Cuba (1511–1800)]. La Habana: Editorial Ciencias Sociales.
- Ibarra, J. 1976. La gran sublevación india de 1520 a 1540 y la abolición de las encomiendas [The Great Indian Uprising of 1520 to 1540 and the Abolition of Encomiendas]. *Santiago. Revista de la Universidad de Oriente* 22: 61–86.
- Le Riverend Brusone, J.J. 1960. *La Habana (Biografía de una provincia)* [Havana (Biography of a Province)]. La Habana: Academia de la Historia de Cuba.
- Leiseca, J.M. 1938. *Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba* [Notes for the Ecclesiastical History of Cuba]. La Habana: Talleres tipográficas de Carasa y Cía.
- Marrero, L. 1972. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. Vol. 1. Río Piedras: San Juan.
- Marrero, L. 1974. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. Vol. 2. Madrid: Playor.
- Marrero, L. 1976. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. Vol. 3. Madrid: Playor.
- Morales Padrón, Fr. 1979. *Teoría y leyes de la conquista* [Theory and Laws of Conquest]. Madrid: Edición cultura hispánica.
- Pérez de la Riva, J. 1972. Desaparición de la población indígena de Cuba [The Disappearance of the Indigenous Population of Cuba]. *Universidad de la Habana* 196–197 (2–3): 61–84.
- Pichardo Moya, F. 1945. *Los indios de Cuba en sus tiempos históricos* [The Indians of Cuba in Their Historical Times]. La Habana: Academia de la Historia.
- Pospíšil, M. 1976. *Indian Remnants from the Oriente Province, Cuba*. Bratislava: Univerzita Komenského pre Prírodoved, fak. UK v Bratislave.
- Rivero de la Calle, M. 1978. Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente [Survival of Descendants of American Indians in the Area of Yateras, Oriente]. In *Cuba Arqueológica* [Archaeological Cuba], 149–176. Santiago de Cuba: Editorial Oriente.
- Zerquera y Fernández de Lara, C. 1977. La villa india de Trinidad en el siglo XVI [The Indian Town of Trinidad in the 16th Century]. *Revista de la Biblioteca Nacional José Martí* 2 (Agosto): 71–94.

МЕМОРАТИВНЫЙ ЛАНДШАФТ МАЛОГО ГОРОДА: КОНФИГУРАЦИИ И СЛОИ

Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова

Наталья Вадимовна Веселкова | <http://orcid.org/0000-0002-0855-8901> | vesselkova@yandex.ru | к. соц. н., доцент кафедры прикладной социологии | Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина (ул. Мира 19, Екатеринбург, 620002, Россия)

Елена Викторовна Прямикова | <http://orcid.org/0000-0002-6783-008X> | ryamikova@yandex.ru | д. соц. н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории “Международный центр демографических исследований” | Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина (ул. Мира 19, Екатеринбург, 620002, Россия) | профессор кафедры философии, социологии и культурологии | Уральский государственный педагогический университет (пр. Космонавтов 26, Екатеринбург, 620091, Россия)

Ключевые слова

меморативный ландшафт, социальная память, многослойность, актуализация, забвение, политика памяти

Аннотация

Меморативный ландшафт (МЛ) любого города представляет собой сложную многослойную систему. В фокус внимания помещены четыре малых российских города, различающихся давностью существования: “старые” Котельнич и Красноуфимск и “молодые” Инта и Медногорск. Формирование меморативного ландшафта рассматривается по критериям связи с местом меморизируемых событий, временем создания и актуализацией. В современном ландшафте анализируемых городов четко выделяются три подвергаемые меморизации эпохи: купеческое прошлое, советский период и даже этапы истории планеты Земля, когда человечества еще не было. Общей тенденцией является стремление к меморизации, привязанной к местности. Конфигурации элементов меморативного ландшафта, логика и динамика актуализации обеспечивают МЛ уникальность в рамках конкретного города.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00418]

Почти три четверти городов в России относятся к категории малых¹. Каждый малый город имеет свою историю, находящую отражение в сегодняшней жизни. Для аналитического описания представленности прошлого в настоящем мы прибегаем к понятию меморативного ландшафта (МЛ), который понимается как род культурного ландшафта (в терминах Б. Родомана и

Статья поступила 05.06.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 27.09.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 196–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060112> EDN: MSGFEH

Veselkova, N.V., and E.V. Pryamikova. 2022. Memorativnyi landshaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi [Memorative Landscape of a Small City: Configurations and Layers]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 196–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060112> EDN: MSGFEH

В. Каганского [Родоман 2002; Каганский 2013; ср.: Цурик 2015]), воплощающий работу социальной памяти. Иными словами, в МЛ входит все то, что в культурном ландшафте относится к памяти с ее вещественными и нарративными элементами². Воспоминания разных людей пересекаются между собой, образуя узлы памяти в пространстве малого города. Дж. Олик использует термин “фигурации памяти”, понимая под ним “сложноструктурированные и постоянно меняющиеся паттерны образов и смыслов, несводимых ни к заданной форме изображения, ни к контексту настоящего или к событию в прошлом” (Олик 2012: 69). Действительно, события, которые изменили жизнь горожан к лучшему или к худшему, например, расцвет или угасание промышленных предприятий, пересказываются, интерпретируются, обрастают определенными коннотациями, меняющимися в зависимости от ситуации в настоящем. Меморативный ландшафт высвечивается как некая картина смыслов, являющаяся следствием фигураций памяти, воспроизводимых жителями, и отражающая ситуацию прошлого и настоящего этого города.

В определении памяти мы делаем акцент на движении информации о прошлом³. Метафора реки, которая разливается или мелеет в определенные периоды и в определенных местах, как нельзя лучше выражает изменчивость и динамику памяти (Вандышев и др. 2022а). В масштабе небольшого поселения очень хорошо видно, что на конкретную конфигурацию МЛ влияют не только собственная история города и общенациональная политика памяти, но и деятельность градообразующего предприятия и местных властей, институции гражданского общества и вовлеченность жителей.

В фокусе внимания этой статьи – четыре малых города из разных регионов России, выбранные исходя из возраста поселения: если Котельнич (с его Алексеевской ярмаркой) и Красноуфимск были известны как торговые центры уже в XVIII–XIX вв., то Инта и Медногорск возникли в связи с разработкой месторождений, строительством шахт и предприятий уже в советский период (см.: Табл. 1). Различаются эти поселения и текущим социально-экономическим положением. Тяжелее всего оно в Инте: с закрытием всех шахт (к началу 2020-х годов по сравнению с концом 1990-х) она потеряла более половины населения. На ее фоне остальные города выглядят более благополучно: стоящий на федеральной трассе Котельнич и Медногорск, в котором не без потерь, но продолжают работать два больших завода, за тот же период лишились менее трети жителей, Красноуфимск, где самым массовым местом трудоустройства служит железная дорога, – менее 20%.

Таблица 1

Характеристика изучаемых городов

Город	Год основания/статус города	Численность населения, чел. (2021 г.)	Регион
Котельнич	1143 г. (первое упоминание) / 1780 г.	22 508	Кировская обл.
Красноуфимск	1735 г. (построена крепость) / 1781 г.	37 444	Свердловская обл.
Медногорск	1915 г. (строительство туннеля) / 1939 г.	24 321	Оренбургская обл.
Инта	1932 г. (открытие месторождения) / 1954 г.	23 701	Республика Коми

На данном этапе эмпирическую базу продолжающегося исследования составляют проведенные в 2021–2022 гг. 136 малоформализованных мобильных (*go-along*) и стационарных интервью, ментальные карты, предоставленные информантами фото и иные документы, а также данные наблюдения и исследовательского фото-мэппинга, материалы локальных СМИ, включая местные паблики в социальных сетях.

Многослойность меморативного ландшафта

Внимание к палимпсестной сложности (*Mutin* 2005; *Binder* 2015) МЛ настраивает исследовательскую оптику на анализ не застывших структур, а динамики, показывающей совместность разнородных элементов. Возможно, приходит пора вновь обратиться к открытиям множественности 60–70-х годов XX в. (несколько обесцененным вседозволенностью наступавшей тогда на пятки постмодернистской ризомы): в 1960-е годы на множественность реальностей ориентировала феноменологическая социология и “Социальное конструирование реальности” П. Бергера и Т. Лукмана, в 1970-е над пониманием ландшафта как палимпсеста работал Д. Майнинг (напоминает И. Митин [*Mutin* 2014; *Meinig* 1979]).

Пожалуй, самую объемную картину дает лотмановский образ города как котла “текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням”, предложенный в статье 1984 г. (*Лотман* 1992: 13). Собственно, наблюдаемая в поле конкретная “стыковка различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов”, посредством которой город осуществляет работу памяти через “разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы” (Там же), и составляет предмет нашего интереса.

Сегодня “многослойность” оказывается востребованной и для популярного описания туристских достопримечательностей, скажем, маленького Котельнича (*Курбатов* 2018), и для построения научной концептуализации. Так, Р.Ф. Туровский апеллирует к “слоистости русской истории”, рассуждая о том, почему “советский пласт в культурном ландшафте... частично законсервировался, стал еще одной своеобразной традицией”, войдя “в плоть и кровь региональной идентичности” (*Туровский* 2003: 141). Помимо слоев памяти Т. Коул оперирует также близким нам понятием масштабов памяти, вслед за авторами анализируемых в его обзоре работ призывая учитывать, насколько современная память (о Второй мировой войне) в разных частях Европы связана с предшествующей (о Первой мировой войне) (*Cole* 2002: 135–136). Есть исследования об отдельных европейских (*Wallman* 2020) и восточно-европейских (*Musekamp* 2010, 2013), что иногда особо подчеркивается (*Pakier, Wawrzyniak* 2015), поселениях, а Э. Хелин и С. Кауфман с помощью понятия слоев памяти описывают ситуацию в Аргентине в национальном и персональном измерениях (*Jelin, Kaufman* 2017).

Слои не просто различны, они находятся в динамических, зачастую неравновесных отношениях. Л.Н. Мазур выделяет в “слоистой структуре” историко-культурного и меморативного ландшафтов российских исторических городов “памятники и следы доимперского, имперского и советского прошлого”, объясняя доминирование одного из слоев памяти историко-культурным капиталом города и его современной стратегией развития (промышленность, туризм, многофункциональный центр) (*Мазур* 2022). Более широкой рамкой, задающей приоритеты МЛ и их смену, выступают общенациональная политика символов и политика памяти (в соответствии с которыми, например, в позднесоветское время Октябрьская революция в МЛ стала вытесняться Великой Отечественной войной). К. Шлёгель замечает, что понятие слоев памяти соединяет место и время, подобно бахтинскому хронотопу (*Schloegel* 2008). Можно видеть, однако,

что в основе выделения слоев зачастую лежит только временное измерение – история ландшафта (ср.: *Митин* 2014). Мы предлагаем анализировать МЛ в единстве критериев места, времени и степени актуальности.

МЛ в нашей трактовке включает пространственно “заземленные” элементы культурного ландшафта, отсюда принципиальным становится характер *связи с местом*. По этому критерию выделяются элементы МЛ трех типов: 1) без связи с местом, 2) имеющие связь с городом, но не с конкретным местом, 3) имеющие связь с конкретным местом событий (*Веселкова* 2022). По *времени* создания элементы МЛ различаются по дистанции, отдаляющей меморизацию от памятных событий: можно различать кратко-, средне- и долгосрочный МЛ, имея в виду не только количество истекших лет, но и качественные изменения, смену эпох. В целом именно временное измерение превращает “простую” гетерогенность в слоистость. Так, история Земли до появления человечества тоже становится объектом меморизации. Во-первых, это связано с тем, что существуют следы обитателей тех времен. В Красноуфимске жители находят отпечатки древнейших существ на известняке, который буквально валяется под ногами:

Ж.: ...это все на дороге у нас лежит. Вот это все – дно пермского моря.

М.: По крайней мере, знаете, их можно найти в любой момент, если снега нет, посмотреть просто – вымывает иногда их. Вот. То есть даже не надо ни в какой карьер ездить, никуда.

Ж.: ...А лучшие экземпляры [сын] свои отдал, в Москве, в музее палеонтологии хранятся (КФЖ47 и ее сын КфМ13⁴).

Во-вторых, эта меморизация носит своего рода вторичный характер: открытия ученых, зафиксированные в научно-популярной форме, становятся общераспространенным знанием и воспринимаются как история, но уже не человечества, а Земли в целом.

Актуализация МЛ – это деятельность по управлению МЛ⁵. Позитивная, созидательная актуализация происходит за счет внесения новых текстов и кодов либо возрождения старых. Стратегия и конкретные формы актуализации могут различаться по степени активности: варьировать от агрессивных до мягких, от радикальной, тотальной замены до компромиссных решений. Итогом становится определенное соположение слоев, которое мы называем конфигурацией МЛ. Это понятие восходит к фигурационной социологии Н. Элиаса и фигурациям памяти Дж. Олика (*Олик* 2012) и используется здесь для обозначения относительно устойчивого (при всей подвижности и внутренней сложности) конкретного состояния МЛ, доступного для эмпирической фиксации. Взятые в движении на определенном историческом отрезке, такие соположения создают динамику МЛ.

Созидательные усилия нередко сопровождаются деструкцией прежних слоев МЛ; невнимание к каким-то сторонам МЛ, недостаток действий или бездействие также оказываются деятельностью по управлению МЛ. Для понимания подобных эффектов мы привлекаем типологию забвения П. Коннертона (*Connerton* 2008; ср.: *Ассман* 2019; о забвении в исследованиях памяти см.: *Трубина* 2011: 30–31). Старые поселения, уже в статусе города встретившие революции и гражданскую войну, сохранили значительный слой МЛ об этих событиях.

Чего стоят одни только памятные доски, отмечающие, кажется, все шаги происходивших преобразований. Например, в Красноуфимске:

Здесь в 1905–1907 г.г.
была явочная квартира
подпольной организации РСДРП (б)⁶.

Здесь в 1918 г. формировался
кавалерийский полк
им. Володарского

в Котельниче:

Памятник истории
В этом здании
в конце 1918 г.
размещалось правление
горкома РКСМ

Памятник истории
В этом здании
в 1918–1919 гг. работала
чрезвычайная комиссия (ЧК)
по борьбе с контрреволюцией
и саботажем

Готовые слиться со стенами, эти доски не включены ни в какие коммеморации, информанты не говорят о них, в мобильных интервью проходят мимо, совершенно не замечая.

Тех же, кто даст себе труд взглянуть, не может не впечатлить количество и разнообразие памятных досок (в Котельниче, напр., есть несколько домов, которым в 1922 г. присвоили имена героев гражданской войны, о чем и гласят соответствующие таблички). Вместе с мемориалами, топонимикой и т.п. они создавали поверх старого ландшафта плотные слои новых, призванных через непрерывность и повсеместность меморируемых революционных практик продемонстрировать историческую закономерность установленного порядка.

Сегодня все эти знаки на месте, они не подвергались “репрессивному стиранию” (первый тип забвения по П. Коннертону), как, скажем, сначала царская символика в раннесоветском обществе, затем напоминания о “врагах народа”, а в период десталинизации – посвященные “вождю народов” памятники и топонимы. Скорее “революционный” слой МЛ обязан своей дезактуализацией “предписанному забвению”, служащему “формированию новой идентичности” (второй и третий типы по П. Коннертону) (*Connerton* 2008: 61–64). В итоге активно формируемый в наши дни МЛ идет стык в стык, в смысле Ю.М. Лотмана, с этим спящим “революционным” слоем. Что же представляет из себя современный слой?

Актуальный меморативный ландшафт: три пласта прошлого

Как показывает исследование, в актуальном МЛ четко выделяется три пласта прошлого. Первый отсылает к истории планеты Земля: в Котельниче есть “Динопарк” и Палеонтологический музей, в Красноуфимске создается “Палеотропа”, в Инте рассказывают об обнаруженном в этих местах ископаемом интазухусе. Второй характерен прежде всего для старых городов и связан с их торговым, купеческим прошлым. Третий охватывает советское время, демонстрируя как трагические периоды жизни страны (революционное переустройство общества, репрессии, война), так и ретроспективно воспринимаемые как более благополучные по сравнению с настоящим 1960–1970-е годы.

В соответствии с текущей общенациональной политикой памяти тема Великой Отечественной войны является осевой для всех четырех городов; она определенно доминирует в МЛ Котельнича, Красноуфимска и Медногорска – это бросается в глаза в ходе наблюдения и признается информантами: “Памятников у нас очень много <...> в основном все памятники посвящены подвигу котельничан в годы Великой Отечественной войны” (КтМ56).

Тема войны красной нитью проходит через музеи изучаемых городов, включая музеи школ и колледжей. Рассказывает руководитель одного из музеев образовательной организации:

Орден, который у нас в центре, – это вот как раз макет настоящего Ордена Отечественной войны. Я думаю, что это является, вот, моей гордостью, скажем так. Ярко все, чтобы это все запомнилось. Дети с удовольствием вот прямо около этого Ордена всегда фотографируются... есть у меня... экскурсия, называется “История одного экспоната”... как раз вот об Ордене Великой Отечественной войны (МдЖ64).

Все четыре наших города во время войны находились в тылу, поэтому здесь нет меморизации боевых действий, но особое место занимает память о погибших в эвакуации. В Медногорском пос. Ракитянка в 1958 г. на месте братской могилы поставили обелиск умершим в эвакогоспитале воинам Советской Армии (Обелиск... 2019). Ученики местной школы ухаживают за этим памятником, он входит в маршрут посвященного Дню Победы автопробега “От обелиска к обелиску”. Один из двух монументов, возведенных в Котельниче к 20-летию Победы, также посвящен умершим в эвакогоспиталях, он расположен на Братском кладбище. Как и в Медногорске, он реализует меморизацию третьего типа – на месте событий, в данном случае захоронений.

Другой котельничский памятник – погибшим воинам-землякам – находится в центре города и осуществляет меморизацию второго типа, т.е. связанную с городом, но не с конкретным местом. Спустя еще 20 лет, в 1985 г. был открыт мемориал боевой и – что стало характерным для общенациональной политики памяти того периода – трудовой славы котельничан в годы Великой Отечественной войны. Больше всего рассказов и эмоций, однако, вызывает памятник, установленный в Котельниче в 2010 г., и не только потому, что он ближе по времени, но и в силу его специфичности, как считают местные жители, именно для их города. Это Мемориал в память об умерших во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Созданный в Котельниче в 2008 г. Фонд “Земля Вятская”⁷, как рассказывают наши собеседники, “поддержал идею ЗАГСа”, работники которого “вдруг обнаружили списки, нигде не опубликованные, захороненных у нас в городе эвакуированных граждан” (КтЖ55).

Теперь на плитах высечено около трех тысяч фамилий с указанием возраста, много детей, треть имен – из блокадного Ленинграда. Своей формой памятник обыгрывает железнодорожную тему и расположен на месте старого ж/д вокзала. Его открыли 17 июля, в день, когда в 1941 г. с прибывшего эшелона впервые сняли умерших по дороге людей. Таким образом, мемориал имеет двойную связь с местом: с перроном, к которому прибывали поезда, и датой, которая теперь отмечается как местный День памяти. И хотя памятники жертвам блокадного Ленинграда, не перенесшим эвакуации, в 2009 и 2015 гг. появились в Ярославле, в 2018 г. в Вологде (и эта тенденция сохраняется) – все они установлены не на перронах, а на кладбищах. Вероятно, поэтому котельничане считают свой мемориал совершенно особенным, он стал своего рода символом города, его изображения можно встретить на туристских магнитиках.

Красноуфимск гордится тем, что на его территории в годы войны формировалось несколько дивизий. В 1970-е годы историей одной из них вместе со своими студентами начал заниматься преподаватель училища А.Ф. Ларин. В учебном заведении возник отряд “Поиск-221” и был открыт музей, в котором хранились собранные материалы; с уходом А.Ф. Ларина в начале 2000-х годов музей прекратил свое существование. О трагической истории 152 “замерзшей” дивизии заговорили только после перестройки, теперь одна из улиц Красноуфимска носит имя этой дивизии (Муланурова 2004; Дьяконова 2015).

В 2010-е годы, всерьез занявшись брендингом, оба исторических города во главу угла поставили актуализацию древнейших пластов прошлого. В Котельниче в этом смысле показателен проект “Котел времен” – в целях туристического продвижения город позиционируется как: 1) родина динозавров, 2) старый город, где сохранилось свыше 30 памятников истории и культуры X–XIX вв.⁸, 3) место проведения Алексеевской ярмарки (Проект... 2011). В конце 2011 г. проект получил 10 млн руб., победив в областном конкурсе, в 2014 г. выиграл уже федеральный грант. В итоге в овраге на берегах речки Балакиревицы расположился “Динопарк”, имевший значительный коммерческий успех, пока ини-

циативу не перехватил областной центр. Ежегодные раскопки в окрестностях Котельнича продолжают пополнять Палеонтологический музей, который по замыслу должен работать в тандеме с “Динопарком”. Объекты “Динопарка” – не просто аттракционы, а отсылка к месту неподалеку от Котельнича, где обитали парейзавры.

В Краеведческом музее появились новые экспозиции, показывающие купеческий быт и магазин советских времен. На улицах установили стенды со старыми фотографиями, призванные, по словам представителя руководства и одного из вдохновителей проекта, воссоздать “единое историческое пространство города”, сильно пострадавшего от пожара 1926 г. Задаваемые стендами два пешеходных маршрута (пока реализован только один) призваны сделать “визуально реальной” “связь прошлого и настоящего” (КтМ56). По словам информантов, сведения оказались интересны не только приезжим, но и местным жителям, стенды не подверглись вандализму, что наши собеседники считают очень показательным. Все составляющие “Котла времен” работают с мемориацией, стремящейся ко второму и третьему типам, т.е. привязке к местности.

Красноуфимск с 2015 г. брендирует себя как “город земских традиций”, работая с наследием соответствующего периода (1870–1917 гг.) (Беляева, Ладыгина 2022), чуть позднее был запущен проект “Палеотропа” (Ладыгина 2020). И хотя челюстной аппарат геликоприона, акулы пермского периода, ныне хранящийся в местном краеведческом музее, был найден на территории Красноуфимского уезда еще в XIX в. (Открытие геликоприона б.г.), такого системного внимания вымершая фауна удостоилась лишь в 2020-е годы. На главной улице, от музея до набережной, появилось несколько современных арт-объектов: древний большерогий олень – мегалоцерос, упомянутый выше геликоприон и др. Целевой группой “Палеотропы” считают не только детей, но всю учащуюся молодежь. По словам сотрудника администрации, в городе 3 тыс. студентов колледжей, поэтому нужны интересные городские пространства. “Палеотропа” позволяет переноситься в виртуальную реальность: наводишь планшет, что-то оживает, начинается какое-то действие (КфМ45). Мы наблюдали энтузиазм горожан при установке фигуры оленя, в соцсетях появились положительные отклики. У части красноуфимцев, однако, обращение к столь давнему прошлому, ранее совсем не актуализированному, вызвало отторжение: “Не нужно ничего этого. Смысла в этом нет. Никто не знает ничего про этих чудовищ, да и прямого отношения к жизни и истории города это не имеет. Город был основан как крепость, как торговый город. Развивать нужно эти темы”, – читаем в интернет-обсуждении эскиза палеотропы (Эскизы... 2020). Два измерения МЛ, место и время, работают в данном случае не в унисон: привязка к местности при слишком большой временной дистанции не спасает от ощущения чуждости, несвязанности с историей города.

Если в Котельниче и Красноуфимске активно продвигаемое палеонтологическое наследие соседствует с актуализацией купеческого города и с советским пластом МЛ с ярко выраженной темой Великой Отечественной войны, то в Инте конфигурация МЛ совсем иная (Прямыкова 2022). И хотя тут тоже есть свои древние ископаемые и, конечно, военные памятники, доминирующей с 1990-х годов стала тема политических репрессий. Про открытие интазухуса, ископаемого “крокодила”, рассказывают через судьбу геолога Георгия Дмитриева, отбывавшего срок в Минлаге, где в 1948 г. он и обнаружил в шахтных отвалах останки раковин, рыб и, как выяснилось, не известного ранее животного (Корольков и др. 2016)⁹.

Квинтэссенцией темы стал Музей истории политических репрессий (обособленное структурное подразделение Интинского краеведческого музея), разместившийся в знаменитой водонапорной башне. Построенная, как и весь город,

руками заключенных, она была пущена 4 октября 1954 г., когда Инта получила статус города. В 1984 г. башня была включена в эмблему города, а 4 октября 2014 г. в ней заработал музей (Музей истории... б.г.; *Артеев* 2021). Его становление воплощает закономерности формирования слоя МЛ, посвященного политическим репрессиям.

Еще в 1954 г. в основание шпиля башни тайно была заложена капсула времени с посланием потомкам, фотографиями и т.п., подготовленная заключенным Артуром Тамвелиусом, одним из авторов уникального художественного облика башни. Вскоре, однако, лотос на шпиле заменили звездой. Прорабу удалось забрать и сохранить надежно упакованный сверток с посланиями, который вскрыли только в 1991 г. Его содержимое вошло в большую экспозицию краеведческого музея о ГУЛАГовских временах, а копии посланий с 2014 г. представлены в самой башне.

На рубеже 1980–1990-х годов в Инте шли бурные обсуждения истории башни и ее дальнейшей судьбы, предлагалось устроить здесь смотровую площадку или детский планетарий (*Хабаров* 1990; *Детская болезнь* 1990)¹⁰. В руководстве города отмечают и другие обстоятельства, повлиявшие на превращение здания в Музей истории политических репрессий, – от необходимости ремонта и до обнаружения новых артефактов периода ГУЛАГа: “...люди начали когда выезжать... и начали вскрываться бараки, вот. А в бараках люди находили <...> под подокозник прятали вот эти документы, вещи какие-то и <...> вот это все начало появляться. Много, много появилось в музее экспонатов новых вот такого плана, и <...> встал вопрос, т.е. куда это все размещать” (ИнЖ49). Главной же была потребность обратиться к тяжелой судьбе своего города – из проговаривания трагедии оформлялась и гордость малой родиной. Теперь рассказ о башне, Тамвелиусе и капсуле времени сопровождает едва ли не каждое упоминание об Инте, есть он и в книге первого директора Интинского краеведческого музея историка Л.Н. Малофеевской (*Малофеевская* 2004: 299–304), и в фотоальбоме 2021 г. (Интинские новости 2021).

В советский период память о репрессиях не могла быть открыто представлена на официальном уровне – “всё было замечательно, все, всё зашорено” (наша собеседница показывает руками квадрат вокруг головы) (ИнЖ45). Л.Н. Малофеевская пишет о том, как в начале 1970-х годов представитель КГБ запретил рассказывать в музейной экспозиции о первооткрывателе интинских углей И.Н. Сорвачеве, считавшемся врагом народа (*Малофеевская* 2004: 14). Тем не менее начало меморизации “трудного прошлого” уходит во времена существования лагеря, о чем говорят не только капсула Тамвелиуса, но и первый в СССР памятник политзаключенным “Дзимтеней” (“Родине”), установленный в 1956 г. на Восточном кладбище, и другие свидетельства, представленные в Интинском музее истории политических репрессий (см., напр.: *Баранов* 2017).

На волне перестройки меморизация стала открытой и очень активной. В 1990 г. на инициативной основе в Инте появилось три памятных знака: “Жертвам сталинизма”, “Женщинам ГУЛАГа” и “Рупинтоелис” (“Скорбящий спаситель”). Уже с конца 1980-х годов (т.е. до того, как в 1991 г. был учрежден общенациональный День памяти жертв политических репрессий 30 октября) люди стали стихийно собираться у памятника “Дзимтеней”, “чтобы почтить память погибших земляков”, с 2004 г. эта традиция приобрела форму ежегодной акции “Кольцо Покаяния” (*Батманова* 2020; *Интинский...* 2021). С конца 1990-х годов деятельность ГУЛАГа в республике Коми становится предметом целого ряда научных публикаций (*Морозов* 1997; *Максимова* 2005; *Жеребцов и др.* 2006; *Игнатова* 2006, 2009, 2011). В настоящее время в актуализации данной темы происходит определенный спад, в Инте заметный, в частности, по сравнению с паломничеством 2000-х годов. Тогда приезжало много поляков, литовцев, латышей, “очень мощная... была тема Карсавина” (похороненного в пос. Абезь, где

действует небольшой филиал Интинского музея [Прокофьева 2020]) – но еще до пандемии этот поток почти иссяк; мемориальный туризм, по оценке специалистов городской администрации, не превышает 5%.

В трех остальных городах тема репрессий почти не представлена и проявляется лишь при целенаправленном поиске. Сопоставимых с Интой лагерей тут действительно не было, однако везде есть свое “трудное прошлое”. Так, в 1937 г. были расстреляны все руководители строящегося Медногорского комбината, о чем в музее предприятия рассказывает специальная экспозиция и альбом с выдержками из документов и фотографиями – все это собиралось в конце 1990-х годов при создании этого музея. Он находится на закрытой территории комбината и работает по запросу, штатного сотрудника нет. Именно в Медногорске в беседах с информантами мы пытались выяснить, почему память о “неудобном прошлом” почти не актуализируется. В ответ нам рассказывали о судьбах спецпереселенцев, в том числе семей раскулаченных, о спецгоспиталях, куда помещали солдат и офицеров, выбравшихся из нацистского плена, – и почти ничего о трагической судьбе оренбургского казачества. Все эти истории практически не возникают в интервью без специальных вопросов, не рассматриваются при изучении истории в школе и отсутствуют в МЛ. Позиция наших информантов очень проста: не надо ворошить прошлое, так как темы противостояний первой половины XX века до сих пор болезненны для целой череды поколений; затрагивать эти моменты, говорят информанты-педагоги, можно только в старших классах.

В Котельниче, рассказывая об известном горожанине, одна из собеседниц, понизив голос, обмолвилась, что он прошел лагерь. Чуть более развернуто тема (начального периода) репрессий возникла в двух интервью, когда информанты показывали на левый берег Вятки:

Там у нас, кстати, Поклонный крест. Вот здесь. Мы установили станцией [юных туристов]. Там, значит, были найдены захоронения репрессированных. <...> сейчас бурно разрослась растительность. А когда кустов нету, то он прямо вот где-то вот здесь. Мы с батюшкой Владимиром его освящали (КтЖ55).

Здание детского сада “Вишенка”, а когда-то, во времена революции, здесь был штаб революционеров, потом было НКВД. <...> И когда, значит, проводились ремработы, то находили, как бы, скелеты расстрелянных людей. <...> Революционное [время], 17-й, 18-й годы. А НКВД чуть позже, в послевоенное время [после гражданской войны], когда гонения были на религию, на культовые мероприятия. Здесь очень много привозилось тоже с округи священнослужителей, работников религиозных организаций, и тоже велись расстрельные действия. За рекой есть место, которое называется Красный Яр, т.е. там стоит Поклонный крест, потому что туда увозили очень много именно работников культовых организаций, и велись массовые расстрелы. Вывозили на баржах туда (КтЖ52).

Далее углубляться информантка не стала, а в ответ на расспросы сообщила только, что памятника жертвам политических репрессий в Котельниче нет, по ее словам, эта тема “у нас не затронута”. Между тем в 2005 г. появился подготовленный школьниками 12-минутный фильм “Красный Яр. Котельничский район” (Красный Яр б.г.), рассказывающий о поисковом проекте, по результатам которого и был установлен Поклонный крест в Кобыльем логу:

В 2003 г. члены научного общества станции юных туристов от директора музея истории крестьянства Котельничского района узнали о расстрелах за рекой Вяткой в 1918–1919 гг. Возникла идея проекта. Расспросили старожилы, поработали в архивах, побывали за рекой и выявили несколько мест расстрелов. 29 октября 2004 г., накануне дня памяти жертв политических репрессий, установили Поклонный крест в память о жертвах политических репрессий (Красный Яр б.г.).

Сами по себе памятный знак или какая-то акция, не включенные в систему, остаются вне соответствующего МЛ и не способны дать устойчивой активизации памяти. Ровно в те же годы, что и в Котельниче, поисковые работы в местах массовых захоронений при активном участии учащихся велись Интинским краеведческим музеем (*Владиминова 2006*) – один из наших информантов вспоминал о таком своем опыте, – в Инте это стало актуальным слоем МЛ, а в Котельниче нет.

* * *

Аналитическая оптика МЛ нацеливает внимание на разнообразные проявления работы памяти в культурном ландшафте; при этом “ландшафтность” отвечает за системность и территориальную заземленность. Мы попытались раскрыть на примере четырех малых российских городов продуктивность этого подхода, основывая анализ МЛ на совокупности критериев места, времени и степени актуальности.

Динамика МЛ подчиняется общим закономерностям, среди которых заметно стремление к актуализации локального наследия различной временной глубины. В старых городах можно обнаружить сходную актуализацию как существовавшего до возникновения человечества, так и купеческого или земского прошлого, в молодых – актуализируется индустриальное наследие; осевой везде остается тематика Великой Отечественной войны. Внимание к военной теме, безусловно, связано с государственной политикой памяти, но к ней не сводится, поскольку семейные истории, школьные рассказы о конкретных людях, знакомых и родственниках, которые большей частью ушли из жизни, формируют и вполне конкретную живую память.

Актуализация различных слоев МЛ не только определяет новые возможности для брендинга города, но и создает особую атмосферу, которая повышает значение поселения в глазах самих жителей, обеспечивая уникальность, противостоящую “провинциальной” усредненной локальности. Так, в Котельниче актуализируются активность купечества и Алексеевская ярмарка, а в Красноуфимске одним из центров меморации досоветского периода является Земская больница, воспроизводящая уникальную картину работы медиков того времени. По-разному представлена тематика репрессий: в Инте – это одна из основных тем истории города, а в Медногорске – частный случай, зафиксированный в музее медно-серного комбината.

Рассказанная история города, воплощенная в МЛ, несмотря на сходство актуализируемых периодов-слоев, специфично расставляет акценты, создавая различные конфигурации. Одна часть некогда героизированной раннесоветской памяти сохраняется в спящем, дезактуализированном состоянии, другая так и остается непроработанной. Трудное прошлое гражданской войны и раскулачивания оказывается под спасительной, как представляется некоторым информантам, сенью предписывающего забвения. На этом “осторожном” фоне ярким пятном выделяется Инта, память которой пронизана именами заключенных и достигнутыми благодаря им победами. С темой репрессий тут могла бы соперничать только тема славного шахтерского прошлого, утраченная вместе с ушедшим периодом городского благоденствия. Таким образом, избирательная множественность меморизации, ее внутренняя логика и динамика в каждом из городов создают характерные конфигурации МЛ, где поверх общих закономерностей прослеживаются местные, особенные черты.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 21-18-00418) “Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)”.

Благодарим анонимных рецензентов за полезные рекомендации.

Примечания

¹ По состоянию на 01.01.2021 в РФ насчитывалось 795 малых городов, что составляет 71,2% от общего числа городов (*Мазур 2022*).

² Подробнее о понятии МЛ, его характеристиках и структуре см.: *Вандышев и др. 2022б; Веселкова 2022*.

³ Обзор концепций социальной памяти см.: *Вандышев и др. 2022а*.

⁴ Здесь и далее для цитат из интервью используется шифр, где первые две буквы означают город: Кт – Котельнич, Кф – Красноуфимск, Ин – Инта, Мд – Медногорск, следующая буква – пол (М/Ж), цифрами обозначен возраст информанта.

⁵ Благодарим к. филол. н. Н.Б. Граматчикову за комментарии к аспекту актуальности МЛ, высказанные на конференциях и в личном общении. Если Н.Б. Граматчикова относит к МЛ только ту часть историко-культурного ландшафта, которая находится в актуальном состоянии, то в нашей трактовке МЛ включает и актуализированные, и “спящие” слои.

⁶ В воспроизведении надписей здесь и далее сохранено оригинальное написание.

⁷ Благотворительный фонд пропаганды научного и культурного наследия “Земля Вятская” просуществовал до 2018 г.

⁸ В том числе памятники археологии Котельничское и Скорняковское городища, памятники архитектуры Гостиный двор и Никольский храм.

⁹ Впрочем, в актуализации открытия Г. Дмитриева в 2019 г., когда группой ученых из разных стран в Коми были обнаружены останки «еще одного древнего “крокодила”», ГУЛАГовский контекст уже не фигурирует (*В Коми... 2019*).

¹⁰ Благодарим за предоставленные газетные материалы Н.И. Лосеву.

Источники и материалы

Артеев 2021 – *Артеев А.* Приполярная готика Инты // Республика. 16.03.2021. <http://respublika11.ru/2021/03/16/pripolyarnaya-gotika-inty/>

Баранов 2017 – [*Баранов Н.А.*] Экскурсия в башне // Рамиз Демиркушак. YouTube. 2017. 29 марта. <https://youtu.be/Ip0Sa5mPL7E>

Батманова 2020 – *Батманова Л.* Не изменяя традициям // Искра. 03.11.2020. <https://iskratgg.ru/index.php/novosti/104-tema-nomera/9340-ne-izmenyaya-traditsiyam>

В Коми... 2019 – *В Коми нашли еще одного древнего “крокодила”* // Интинские новости. ВКонтакте. 25.10.2019. https://vk.com/wall-36787841_52918?w=wall-41887208_37832

Владимирова 2006 – *Владимирова Е.* По следам ГУЛАГовских времен // Искра. 12.06.2006.

Детская болезнь 1990 – “Детская болезнь” или Дань памяти // Искра. 1990. 20 января. С. 2.

Дьяконова 2015 – *Дьяконова О.* Замерзшая дивизия // Уральский следопыт. 2015. № 5. С. 3–7.

- Интинские новости 2021 – Красочный фотоальбом об Инте // Интинские новости. 30 октября 2021. https://vk.com/intanews?w=wall-41887208_59387
- Интинский... 2021 – Интинский краеведческий музей. ВК. 30.10.2021. https://vk.com/inta_museum?w=wall-52829447_2767
- Красный Яр б.г. – Красный Яр. Котельничский район // Яранская епархия. YouTube. <https://clck.ru/pkK2T> (дата обращения: 03.11.2021).
- Курбатов 2018 – Курбатов А. Многослойный Котельнич. Жуковлянские валуны, парейазавры и купеческий городок // Свой Кировский.рф. 14.09.2018. <https://kirov-portal.ru/blog/mnogoslojnyj-kotelnich-zhukovlyanskije-valuny-parejazavry-i-kupecheskij-gorodok-4380>
- Ладыгина 2020 – Ладыгина Т.А. Палеонтология Красноуфимска: изучаем вместе с профессором из Москвы Пермский период Палеозойской эры // Красноуфимский краеведческий музей. 09.04.2020. <http://www.museum-kruf.ru/paleontologiya-krasnoufimska-izuchaem-vmeste-s-professorom-iz-moskvy-permskij-period-paleozojskoj-ery>
- Малофеевская 2004 – Малофеевская Л.Н. Город на большой Инте. Сыктывкар, 2004.
- Мулланурова 2004 – Мулланурова Г. Из названия улицы узнала о дивизии // Знак вопроса. 2004. № 19. С. 2.
- Музей истории... б.г. – Музей истории политических репрессий // Российская музейная компания. https://www.ros-museumstroy.ru/portfolio/muzei-podklyuch/5686?PAGEN_1=2 (дата обращения: 03.11.21).
- Обелиск... 2019 – Обелиск “Воинам Советской Армии умершим от ран” // Библиотеки Медногорска. 25.07.2019. <https://bibka56.ru/zakhoroneniya/obelisk-voinam-sovetskoj-armii-umershim-ot-ran>
- Открытие геликоприона б.г. – Открытие геликоприона // Геликоприон. Виртуальный музей “На рифах Пермского моря” (Красноуфимский краеведческий музей). С. 37–44. <http://www.gelik.museum-kruf.ru/rif/#11> (дата обращения: 03.11.2021).
- Проект... 2011 – Проект “Котел времен” победил в областном конкурсе // Котельнич.info. 07.12.2011. <https://www.kotelnich.info/home/item/582-proekt-kot%D1%91l-vrem%D1%91n-pobedil-v-oblastnom-konkurse.html>
- Прокофьева 2020 – Прокофьева Н. А вокруг – безымянные могилы. По местам политрепрессий // Живу в Коми. ЯндексДзен. 20.10.2020. <https://zen.yandex.ru/media/id/5a1833d3482677a03feabf27/a-vokrug-bezymiannye-mogily-po-mestam-politrepresii-respubliki-komi-5f96b163bc35081b52a4b6f7>
- Хабаров 1990 – Хабаров П. Сохраним гордость города // Искра. 1990. 18 августа. С. 7.
- Эскизы... 2020 – Эскизы для палео-тропы // КСК66. 05.06.2020. <https://clck.ru/pkheE>
- Научная литература*
- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019.
- Беляева М.А., Ладыгина Т.А. Условия конструирования и сохранения меморативных ландшафтов малых городов // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 73–80.
- Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022а.
- Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022б. № 1. Т. 34. С. 69–94.

- Веселкова Н.В.* Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 50–61.
- Жеребцов И.Л. и др.* Очерки по истории политических репрессий в Коми: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд “Покаяние”, 2006.
- Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Коми в 1930–1950-е гг. // Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: б.и., 2006. С. 121–177.
- Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2009.
- Игнатова Н.М.* Смертность спецпереселенцев в Северном крае в 1930-е годы: причины, масштаб, статистический учет // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 42–52.
- Каганский В.* Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA: сборник 2013 / Ред.-сост. А. Курилкин. М.: Strelka Press, 2013. С. 50–72.
- Цурик Т.О.* (ред.) Культурный ландшафт Курского края: особенности и перспективы развития. Курск: Университетская книга, 2015.
- Корольков А.Т., Мурзинцева А.Е., Лямина Н.А. Г.А.* Дмитриев. Трудная судьба и палеонтологические открытия // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия, Науки о Земле. 2016. Т. 17. С. 103–114.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 9–21.
- Мазур Л.Н.* Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 20–49.
- Максимова Л.А.* Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа // Серия препринтов “Научные доклады”. № 39-2005. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005.
- Митин И.И.* Палимпсест, место как палимпсест (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 347–348.
- Митин И.И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 147–156.
- Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1997.
- Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Прямикова Е.В.* Память в малом городе: опыт исследования полярных кейсов Инты и Котельнича // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 61–72.
- Родоман Б.Б.* Региональная архитектура и культурный ландшафт // География. 2002. № 10. С. 3–6.
- Трубина Е.* Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени:

- социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2011. С. 25–44.
- Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России / Науч. ред. М. Бассин, К.Э. Аксенов. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.
- Binder J.* Stadt als Palimpsest – Zur Wechselwirkung von Materialität und Gedächtnis. Berlin: Neofelis Verlag, 2015.
- Cole T.* Scales of Memory, Layers of Memory: Recent Works on Memories of the Second World War and the Holocaust: Review Article // Journal of Contemporary History. 2002. Vol. 37. No. 1. P. 129–138.
- Connerton P.* Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 59–71. <https://doi.org/10.1177/1750698007083889>
- Forcinito A.* Introduction: Layers of Memory and the Discourse of Human Rights: Artistic and Testimonial Practices in Latin America and Iberia // Hispanic Issues On Line. 2014. Vol. 14. P. 1–17.
- Jelin E., Kaufman S.G.* Layers of Memories: Twenty Years after in Argentina // Commemorating War: The Politics of Memory / Ed. G. Dawson. L.: Routledge, 2017. P. 89–110.
- Meinig D.W.* Introduction // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. D.W. Meinig. N.Y.: Oxford University Press, 1979. P. 1–7.
- Musekamp J.* Zwischen Stettin und Szczecin: Metamorphosen einer Stadt von 1945 bis 2005 (Vol. 27). Darmstadt: Otto Harrassowitz Verlag, 2010.
- Musekamp J.* Archäologie lokaler Identität: Schichten der Erinnerung in Stettin seit 1989 // Osteuropa. 2013. Vol. 63. No. 8. P. 19–33.
- Pakier M., Wawrzyniak J.* Introduction: Memory and Change in Eastern Europe: How Special? // Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives / Eds. M. Pakier, J. Wawrzyniak. N.Y.: Berghahn Books, 2015. P. 1–20.
- Schloegel K.* Places and Layers of Memory – Reflections on the Eastern Part of Europe // Osteuropa. 2008. Vol. 58. No. 6. P. 13–25.
- Wallman S.* Sometime Kin: Layers of Memory, Boundaries of Ethnography. N.Y.: Berghahn, 2020.

Research Article

Veselkova, N.V., and E.V. Pryamikova. Memorative Landscape of a Small City: Configurations and Layers [Memorativnyi landshaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 196–212. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060112> EDN: MSGFEH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Natalia Veselkova | <http://orcid.org/0000-0002-0855-8901> | vesselkova@yandex.ru | Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)

Elena Pryamikova | <http://orcid.org/0000-0002-6783-008X> | pryamikova@yandex.ru | Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia) | Ural State Pedagogical University (26 Kosmonavtov St., Ekaterinburg, 620091, Russia)

Keywords

memorative landscape, social memory, layering, oblivion, actualizations politics of memory

Abstract

The memorative landscape of any city is a complex multi-layered system. The focus of attention is placed on four small Russian cities, differing in the age of existence: the “old” Kotelnich and Krasnoufimsk and the “young” Inta and Mednogorsk. The formation of a memorative landscape is considered according to the criteria of connection with the place of memorized events, the time of creation and actualization. In the modern landscape of the analyzed cities, three epochs subjected to memorization are clearly distinguished: the prehistory of mankind, the merchant past, and the Soviet period. The general trend is towards location-based memorization. The configurations of the memorative landscape elements, the logic and dynamics of actualization ensure its uniqueness within a particular city.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00418]

References

- Assmann, A. 2019. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of History – Obsession with History]. Moscow: NLO.
- Belyaeva, M., and T. Ladygina. 2022. *Usloviia konstruirovaniia i sokhraneniia memorativnykh landshaftov malykh gorodov* [Construction and Preservation of Memorative Landscapes of Small Towns]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 73–80. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Binder, J. 2015. *Stadt als Palimpsest – Zur Wechselwirkung von Materialität und Gedächtnis* [City as Palimpsest – On the Interaction of Materiality and Memory]. Berlin: Neofelis Verlag.
- Cole, T. 2002. Scales of Memory, Layers of Memory: Recent Works on Memories of the Second World War and the Holocaust: Review Article. *Journal of Contemporary History* 37 (1): 129–138.
- Connerton, P. 2008. Seven Types of Forgetting. *Memory Studies* 1 (1): 59–71. <https://doi.org/10.1177/1750698007083889>
- Forcinito, A. 2014. Introduction: Layers of Memory and the Discourse of Human Rights: Artistic and Testimonial Practices in Latin America and Iberia. *Hispanic Issues On Line* 14: 1–17.
- Jelin, E., S.G. Kaufman. 2017. Layers of Memories: Twenty Years after in Argentina. In *Commemorating War: The Politics of Memory*, edited by G. Dawson, 89–110. London: Routledge.
- Ignatova, N.M. 2006. *Spetspereselentsy v Komi v 1930–1950-e gg.* [Special Settlers in Komi in the 1930s–1950s]. In *Etnicheskii faktor v demograficheskom razvitiu Respubliki Komi (seredina XIX – nachalo XXI veka). Ocherki istorii narodonaseleniia* [Ethnic Factor in the Demographic Development of the Komi Republic (Mid 19th – Early 21st Century): Essays on the History of Population], edited by V.V. Fauzer, 121–177. Syktyvkar.
- Ignatova, N.M. 2009. *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930-e – 1950-e gg.* [Special Resettlers in the Republic of Komi in the 1930–1950s]. Syktyvkar: Komi NTs URO RAN.
- Ignatova, N.M. 2011. *Smertnost' spetspereselentsev v Severnom krae v 1930-e gg.: prichiny, masshtab, statisticheskii uchet* [Mortality Rate of Special Settlers in the Northern Krai in the 1930s: Causes, Scale, Statistical Records]. *The New Historical Bulletin* 2 (28): 42–52.

- Kaganskiy, V. 2013. Kak ustroena Rossiia? Portret kul'turnogo landshafta [How is Russia Organized? Portrait of a Cultural Landscape]. In *STRELKA: sbornik 2013* [STRELKA: Collection 2013], edited by A. Kurilkin, 50–72. Moscow: Strelka Press.
- Korolkov, A.T., A.E. Murzintseva, and N.A. Lyamina. 2016. G.A. Dmitriev. Trudnaia sud'ba i paleontologicheskie otkrytiia [G.A. Dmitriev: Difficult Fate and Paleontological Discoveries]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii, Nauki o Zemle* 17: 103–114.
- Tsurik, T.O., ed. 2015. *Kul'turnyi landshaft Kurskogo kraia: osobennosti i perspektivy razvitiia* [Cultural Landscape of the Kursk Region: Features and Development Prospects]. Kursk: Universitetskaia kniga.
- Lotman, Y.M. 1992. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City]. In *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected Articles, 3 vols], 2: 9–21. Tallin: Aleksandra.
- Maksimova, L.A. 2005. Lagernaia industrializatsiia v Komi: opyt analiza [Camp Industrialization in Komi: Experience of the Analysis]. In *Seriia preprintov "Nauchnye doklady"* [Series of Preprints "Scientific Reports"] 39-2005. Syktyvkar: Syktyvskii gosudarstvennyi universitet.
- Mazur, L. 2022. Malye goroda Rossii: osobennosti formirovaniia istoriko-kul'turnogo landshafta [Historical-Cultural Landscape and Its Development in Small Russian Towns]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 20–49. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Meinig, D.W. 1979. Introduction. In *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*, edited by D.W. Meinig, 1–7. New York: Oxford University Press.
- Mitin, I.I. 2005. Palimpsest, mesto kak palimpsest (Materialy k slovariu gumanitarnoi geografii) [Palimpsest, Place as a Palimpsest (Materials for the Dictionary of Humanitarian Geography)]. In *Gumanitarnaia geografiia: nauchnyi i kul'turno-prosvetitel'skii al'manakh* [Humanitarian Geography: Scientific and Cultural and Educational Almanac], edited by D.N. Zamiatin, 2: 347–348. Moscow: Institut Naslediia.
- Mitin, I.I. 2014. Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskii podkhod v kul'turnoi geografii [Place as a Palimpsest: A Mythogeographical Approach in Cultural Geography]. In *Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoi geografii: ekspertnye mneniia, analitika, kontsepty* [The Phenomenon of Culture in Russian Social Geography: Expert Opinions, Analytics, Concepts], edited by A.G. Druzhinina and V.N. Streletskogo, 147–156. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta.
- Morozov, N.A. 1997. *GULAG v Komi krae. 1929–1956* [GULAG in the Komi Region: 1929–1956]. Syktyvkar: Syktyvskii gosudarstvennyi universitet.
- Musekamp, J. 2013. Archäologie lokaler Identität: Schichten der Erinnerung in Stettin seit 1989 [Archeology of Local Identity: Layers of Memory in Szczecin Since 1989]. *Osteuropa* 63 (8): 19–33.
- Musekamp, J. 2010. *Zwischen Stettin und Szczecin: Metamorphosen einer Stadt von 1945 bis 2005* [Between Stettin and Szczecin: Metamorphoses of a City from 1945 to 2005]. Vol. 27. Darmstadt: Otto Harrassowitz Verlag.
- Olick, J. 2012. Figuratsii pamiati: protsesso-reliatsionnaia metodologiia, illiustriruemaia na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case], translated by D. Khlevniuk. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 11 (1): 40–74.
- Pakier, M., and J. Wawrzyniak, eds. 2015. Introduction: Memory and Change in Eastern

- Europe: How Special? In *Memory and Change in Europe: Eastern Perspectives*, edited by M. Pakier and J. Wawrzyniak, 1–20. New York: Berghahn Books.
- Priamikova, E. 2022. Pamiat' v malom gorode: opyt issledovaniia poliarnykh keisov Inty i Kotelnicha [Memory in a Small Town: The Cases of Inta and Kotelnich]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 61–72. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Rodoman, B.B. 2002. Regional'naia arkhitektura i kul'turnyi landshaft [Regional Architecture and Cultural Landscape]. *Geografiia* 10: 3–6.
- Schloegel, K. 2008. Places and Layers of Memory – Reflections on the Eastern Part of Europe. *Osteuropa* 58 (6): 13–25.
- Turovskiy, R.F. 2003. Sootnoshenie kul'turnykh landshaftov i regional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii [Correlation of Cultural Landscapes and Regional Identity in Modern Russia]. In *Identichnost' i geografiia v sovremennoi Rossii* [The Identity and Geography in Contemporary Russia], edited by M. Bassin and K.E. Aksenov, 139–173. St. Petersburg: Gelikon Plus.
- Trubina, E. 2011. Uchas' vspominat': vektory issledovaniia pamiati [Learning to Remember: Vectors of Memory Research]. In *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamiati* [Power of Time: Social Boundaries of Memory], edited by V.N. Yarskaya and E.R. Yarskaya-Smirnova, 25–44. Moscow: Variant; TsSPGI.
- Vandyshchev, M.N., E.V. Pryamikova, and N.V. Veselkova. 2022. *Industrial'naia pamiat': masshtaby i mnozhestvennost'* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Vandyshchev, M.N., N.V. Veselkova, and E.V. Pryamikova. 2022. Memorativnyi landshaft: kontseptsii i opyt primeneniia [Memorial Landscape: Concept and Experience of Application]. *Sotsiologiya vlasti* 1 (34): 69–94.
- Veselkova, N.V. 2022. Memorativnyi landshaft: opyt metodologicheskoi refleksii [Memorative Landscape: Experience of Methodological Reflection]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov* [Memorative Landscapes of Small Towns], edited by L. Mazur and D. Magier, 50–61. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet.
- Wallman, S. 2020. *Sometime Kin: Layers of Memory, Boundaries of Ethnography*. New York: Berghahn.
- Zherebtsov, I.L., et al. 2006. *Ocherki po istorii politicheskikh repressiy v Komi* [Essays on the History of Political Repressions in Komi]. Syktyvkar: Fond “Pokaianie”.

СОЦИАЛЬНАЯ ЛОГИСТИКА: ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ПОСТАВКИ ПРОДУКТОВ НА “СЕВЕРНЫЕ ОКРАИНЫ”

В.В. Васильева

Валерия Владиславовна Васильева | <https://orcid.org/0000-0002-0142-7968> | vvasilyeva@eu.spb.ru | к. и. н., научный сотрудник отдела Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

Арктика, российский Север, антропология логистики, логистика, инфраструктура, грузоперевозки, цепочки поставок, завоз продуктов, частное предпринимательство

Аннотация

В центре внимания в статье находится логика формирования частными предпринимателями с “северных окраин” – арктических территорий с наиболее нестабильными инфраструктурными связями – цепочек поставок и выбора точек закупки. Под социальной логистикой понимаются социальные факторы, вплетенные в предпринимательскую деятельность и формирующие их логистические практики. В статье показано, что в доставке продуктов частными предпринимателями в ряд населенных пунктов наблюдается значительная специфика: схемы доставки крайне нестабильны и гибки, а точки отгрузки при этом избираются не по принципу минимизации издержек перевозки, а под влиянием альтернативных факторов, составляющих рациональность этой группы. Автор в русле антропологических исследований логистики рассуждает о функционировании этих практик внутри современного логистического порядка и показывает, что он не обязательно предполагает стабильность грузопотоков, а альтернативная логика выбора точек отгрузки не противоречит его базовым принципам.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [грант № 19-78-10002]

Оbjectом исследования данной статьи стал определенный тип частного предпринимателя, содержащего в северном поселке продуктовый магазин. Обычно это энергичная женщина пенсионного возраста с длительной историей проживания в этом населенном пункте, знающая практически всех ныне живущих и помнящая уехавших жителей, получившая опыт работы в качестве сотрудника торгового предприятия перед тем, как открыть свое дело в 1990-е или 2000-е годы. Как правило, она сама описывает себя как человека,

Статья поступила 11.03.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 03.10.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Васильева В.В. Социальная логистика: частные предприниматели и поставки продуктов на “северные окраины” // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 213–232. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060124> EDN: MSKRPU

Vasilyeva, V.V. 2022. Sotsial’naia logistika: chastnye predprinimateli i postavki produktov na “severnnye okrainy” [Social Logistics: Private Entrepreneurs and Food Supplies to the “Far Reaches” of the Russian Arctic]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 213–232. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060124> EDN: MSKRPU

которому “приходится крутиться” – и действительно, наблюдая за ней, можно увидеть, как много задач она одновременно решает и как много процессов контролирует: штат сотрудников в магазине обычно минимален. В течение года эта активность переносится в разные локации: помимо непосредственно поселка, ее кипучая деятельность требуется также в точках отправки грузов в случае оптовой загрузки, обычно это отправка речным и морским транспортом – “водой”. Причем часто хозяйка магазина называет эту деятельность по покупке и отправке товаров “отпуском” и совмещает ее с посещением родственников и друзей, медицинскими обследованиями и обновлением гардероба. В точках загрузки, где она не присутствует лично, она тем не менее зачастую опирается на свои социальные связи, а не на услуги логистических компаний.

Сходство предпринимательских практик в ряде населенных пунктов впервые привлекло мое внимание во время работы над проектом историко-антропологического изучения Северного морского пути, в ходе которого мы последовательно интервьюировали представителей логистической сферы, в том числе владельцев магазинов, в значительном числе арктических населенных пунктов. Похожими оказались практики предпринимателей в районах, куда в современных инфраструктурных условиях завоз грузов затруднен в связи с нестабильностью работы транспорта и его слабой в сравнении с советским периодом институциональной поддержкой, влекущими за собой исключительно высокую долю транспортных издержек при формировании конечной цены продукта; такие районы я в этой статье называю “северные окраины”. В этих условиях лавирование владельцев магазинов между различными способами доставок, отличающимися между собой длительностью, стоимостью, типом перевозимого груза и присущими им рисками, оказывается особенно актуальным. В рамках данной статьи я сосредоточусь на логике выстраивания северными предпринимателями из отдаленных поселков цепочки поставок и выбора ими точек закупки в разрезе их “социальной логистики” – включенности в предпринимательскую деятельность социальных факторов.

Материалом послужил корпус из 35 глубинных полуструктурированных интервью, обширный в географическом отношении: проанализированы интервью из Архангельска (2018), Амдермы (2018), Нарьян-Мара (2017), Салехарда (2017), Диксона (2018), Дудинки (2018), Хатанги (2017, 2018), Юрюнг-Хая (2015), Тикси (2018), Усть-Неры (2021), Певека (2021), Провидения (2019), Анадыря (2019)¹. Среди них есть интервью с предпринимателями, представителями муниципальной и региональной власти, потребительских обществ, муниципальных предприятий, логистических компаний. Часть из перечисленных населенных пунктов – административные центры, где формируется региональная политика, часть – контрастные случаи логистически (относительно) благополучных поселков, которые помогают рассуждать о специфике торговли в отдаленных поселках.

В качестве поселков на “северных окраинах” – населенных пунктов с нестабильными инфраструктурными связями – рассматриваются Амдерма, Диксон, Хатанга и Тикси. Эти населенные пункты заметно различаются между собой. В первую очередь, различается численность населения: в Амдерме и Диксоне проживает 498 и 514 человек соответственно, в Тикси – 4808 человек², в Хатанге – 2642 человека³. Отличается также состав населения и доля коренных жителей в нем. Сходство исторической судьбы этих населенных пунктов – все они были важными портами Северного морского пути и пережили упадок в постсоветское время⁴ – также не должно вводить в заблуждение: примеры сходных по логистическим условиям населенных пунктов можно найти не только на арктическом побережье.

В описываемых поселках, как и в большинстве современных небольших

населенных пунктов на Севере, население занято преимущественно в социальной сфере (администрация, школа, детский сад, коммунальное обслуживание). Такие специализированные организации советского времени, как метеостанции, портовые и гидрографические службы, сильно сократили штат сотрудников или прекратили свою работу. Интенсивность природопользования в этих поселках варьируется, однако во всех из них домохозяйства в той или иной мере полагаются на ресурсы, добытые с помощью охоты и рыболовства. Количество магазинов в рассматриваемых поселках коррелирует с численностью их населения: если в небольших Амдерме и Диксоне лишь два-три предпринимателя, содержащих по одной точке продаж, то в Хатанге и Тикси насчитывается больше десятка индивидуальных предпринимателей, иногда с несколькими магазинами в разных частях поселка. Товары в магазинах приобретают все без исключения поселковые жители, однако в зависимости от материального положения различается набор покупаемых товаров: в необходимый минимум входят крупы и макароны, мука, сахар, сухое молоко, яичный порошок и растительное масло; молочные продукты и фрукты относятся скорее к деликатесам. Посещают магазины также тундровые жители, окказионально приезжающие в поселок и совершающие крупную закупку базовых продуктов. Цены в магазинах на одни и те же категории товаров редко различаются значительно, однако в крупных поселках небольшое занижение цен на ходовые продукты используется как стратегия конкурентирования между предпринимателями.

Следует подчеркнуть, что речь в этой статье не идет о северной логистике в целом: логистическая схема многих северных населенных пунктов относительно постоянна (например, в проанализированных материалах это Усть-Нера, Юрюнг-Хая, Провидения, Анадырь), и в них предпринимательская деятельность может принимать иные формы. Я описываю не некий универсальный тип северного предпринимателя, а лишь узкую группу предпринимателей, практики и социальный портрет которых оказались схожими. Поселки, в которых они ведут свою деятельность, характеризуются отсутствием стабильной логистической схемы и развитой инфраструктуры доставки в эти регионы.

Исследования предпринимательства на Севере

Частное предпринимательство в его современной форме – относительно недавнее явление не только на Севере и в Сибири, но и в целом в России. Массовый рост официальной и неформальной частной торговли связан с транзитным постперестроечным периодом, временем значительных пертурбаций в сфере собственности и прекращения существования многих государственных предприятий. Переходному периоду российской экономики и зарождающемуся слою частных предпринимателей посвящено значительное число социологических (напр.: *Radaev* 2001; *Фадеева* 2001; *Волков* 2012) и антропологических (напр.: *Konstantinov* 1997; *Humphrey* 2002; *Humphrey, Mandel* 2002) исследований. Обычно в качестве характерной черты частной торговли в постсоветской России исследователи отмечают значительную долю неформального (в том числе в ранние годы криминального) сектора. Самая распространенная для сельской местности модель отношений неформального бизнеса с государственными предприятиями – это использование ресурсов зачастую доживающего свои последние дни сельхозпредприятия его работниками для частной предпринимательской деятельности. Для раннего постперестроечного периода в качестве характерной черты выделяют распространенность бартерных сделок, типична также опора на родственные и дружеские социальные сети для поддержания и расширения бизнеса. Исследователи зачастую трактуют эту деятельность как отчасти вынужденную –

следствие появления значительного числа безработных и выбор по принципу лучшей опции из возможных. Следует отметить, что фигура постсоветского предпринимателя не представляется исключительной, и типологические параллели ей можно найти во многих других регионах мира (напр.: *Chalfin* 2000; *Peng* 2004; *Khavel et al.* 2009), а также в досоветской России (напр.: *Dmitriev* 2004: 153).

Существует ряд работ об особенностях северной торговли, однако обобщения в рамках этого макрорегиона затруднены в связи с его неоднородностью. В северных поселках в логистическом отношении может как практически отсутствовать разница с “материковой” Россией, так и иметься значительные особенности – в частности, могут полностью отсутствовать круглогодичные наземные и водные артерии, соединяющие населенные пункты с центрами дистрибуции продуктов. Так, Аймар Венцель, рассматривая предпринимательскую деятельность в центральной Якутии, малоспецифичной в инфраструктурном отношении в сравнении с центральной Россией, пишет о “вынужденных” (*reluctant*) предпринимателях (*Ventsel* 2017, 2019), выбравших эту деятельность из-за того, что в 1990-е годы она была лучшей опцией для людей, задачей которых было выживание. В своей работе “вынужденные” предприниматели опираются на неформальные родственные связи и ощущают определенную этическую ответственность перед сообществом. В качестве специфически “северных” черт автор видит непривлекательность и непрестижность для них работы в связи с отсутствием у них северных льгот (надбавок к зарплате и возмещения затрат на транспорт при поездке в отпуск раз в два года) и невозможностью обеспечить их своим работникам, а также слабость институционального контроля, благодаря которой предпринимателям в Якутии предоставляется большая свобода действий. Он приходит к выводу, что торговцы не руководствуются в своей деятельности экономической рациональностью в западном понимании, предпочитают диверсификацию для минимизации рисков расширению бизнеса, сулящему большие доходы, не солидаризируются между собой для совершения коллективного действия, выбирая общение в кругу социальных связей, образованных по иному принципу. Все эти черты, за исключением институциональных условий, сложно причислить к северным особенностям.

В то же время Венцель в другой своей статье (*Ventsel* 2011) рассматривает предпринимателей в одном из северных улусов Якутии – Анабарском, расположенном на расстоянии более двух с половиной тысяч километров от столицы республики (при этом около трети пути представляет собой сезонную дорогу – зимник). Он фокусируется преимущественно на фигуре приезжих “коммерсантов”, которые не живут в поселке постоянно, а сезонно преодолевают огромное расстояние для торговли в этом улусе, а также на регулярных закупочных поездках постоянно торгующих в поселке предпринимателей. Венцель делает вывод о большей значимости длительных перемещений в жизни северных коммерсантов. Это касается не только их практик, но и идентичности – преодоление расстояний, по мнению автора, является частью их представлений о себе, включающих также элементы героизма, ощущение покорения суровой природы и цивилизаторской миссии. Кроме того, он пишет также о распространенности бартерной торговли и продаже товаров в долг как особой северной черте, однако с этим трудно согласиться. Более точным кажется тезис Григория Юдина и Ивана Павлюткина (*Yudin, Pavlyutkin* 2015), исследовавших долговую торговлю в небольшом городке Костромской области и утверждавших, что возможности существования долговых отношений в сообществе способствует его небольшой размер и, соответственно, теснота социальных связей. Привлечение “коммерсантов” к благотворительной деятельности в качестве одной из “организаций” села (*Кадук* 2018: 148–150) также можно отнести скорее к сельской специфике.

Кроме того, более ярко отличия от практик в центральной части страны проявляются при рассмотрении деятельности представителей другого типа северной торговли – перекупщиков оленьих пánтов (рогов животного в период их роста) на Ямале (*Stammer* 2011). Сбор продукции и обмен ее на продукты осуществляется скупщиками прямо в оленеводческих стойбищах, при этом необходимо успеть осуществить его в течение короткого периода. В связи с этим “коммерсант” должен обладать тесными социальными связями с несколькими сообществами: не только с самими оленеводами, но и с агентами, позволяющими получить доступ к транспорту, – местной администрацией, грузовой компанией, пилотами вертолетов, поставщиками топлива. Ключевыми в этом весьма закрытом бизнесе являются личные отношения и происхождение предпринимателей из локальной среды. Фактором, влияющим на конфигурацию торговых отношений и предопределяющим необходимость наличия социальных связей, оказывается разреженность арктической транспортной инфраструктуры.

Таким образом, можно заметить, что в работах об особенностях северной торговли обычно выделяют сходные тренды с общероссийскими, в некоторых случаях несколько “запаздывающие” относительно материковой части страны. Большинство отличий между предпринимательской деятельностью на Севере и в центральной части страны так или иначе связаны с более сложной логистической ситуацией в Арктике⁵. При этом подавляющее число исследований фокусируются на предпринимателях как части локального сообщества, их деятельности в поселке, а также их представлениях о себе, но не обращаются к специфике выстраивания логистических цепочек.

Теоретический контекст

Логистика как отдельная сфера анализа транспортных и складских издержек при транспортировке продукта представляет собой глубоко укоренившуюся в современном капиталистическом мире практику. Тем более удивительно, что “логистическая революция” совершилась относительно недавно – в 1950-е годы – и ее зарождению мы обязаны военной сфере (*Allen* 1997). Разумеется, фирмы имели дело с необходимостью доставлять товар и прежде, однако именно в это время сформировались институциональные условия для конкуренции между компаниями на основе эффективности их логистики: регуляции в сфере транспорта стали менее жесткими, в распоряжении появился опыт военных доставок после великих войн XX в., изменились потребности покупателей. Принципиально новым в этом подходе стало то, что транспортировка, хранение, скорость доставки потребителю стали рассматриваться в комплексе как единая система. Это позволило пересмотреть простую логику минимальных затрат как максимальной выгоды и рассмотреть эффективность как результат работы нескольких переменных (например, влияющих на нее скорости доставки, длительности хранения, объема партии). Для анализа этой системы в компаниях стали появляться специальные отделы, набиравшие все больший вес внутри организации. Новым для того времени также стала тенденция делегирования логистических задач третьей стороне – фирмам, чьей специализацией стало логистическое посредничество (*Ibid.*).

В современном мире описанный логистический порядок стал практически повсеместным. Он настолько глубоко укоренился в глобальной экономике, что потребовалось его критическое осмысление социальными учеными (*Tsing* 2005; *Bonacich, Wilson* 2008; *Cowen* 2014; *Guyer* 2016). Как показали исследователи, то, что сейчас видится единственной рациональной логикой ведения управленческих процессов, на самом деле представляет собой вышедшую за пределы

экономической сферы и к нынешнему моменту стремящуюся к тотальности идеологию менеджмента, во многом сформировавшую регулирование труда, управление населением, пространственную мобильность (Cowan 2014). Таким образом, логистика включает в себя не только менеджмент цепочек поставок; ее необходимо понимать как калькулятивную логику и пространственную практику циркуляции, присущую современному миру. Развитие логистики трансформировало не только физическое движение материалов, но и принципы организации пространства (Chua et al. 2018).

В логистике эффективность транспортировки товаров строится на работе стабильных цепочек поставок, представленных как кооперацией значительного числа институций, так и устойчивым пространственным пролеганием. На первый план начинает выходить защита этой устойчивости, обеспечение условий для циркуляции продукции по этому каналу во что бы то ни стало, так как разрыв цепочки означал бы прерывание стабильности грузопотоков. Таким образом, циркуляторная система современного мира в значительной степени переконфигурировала и современную политическую картографию – интересы защиты логистических цепочек вывели сферу деятельности правительственных и частных институций за пределы национального государства (Cowan 2014).

Анна Цзин (Цзин 2017) показала, что формы отношений внутри отдельно взятой цепочки поставок – в данном случае поставок высоко ценимого в Японии гриба мацутаке – неоднородны по своему характеру. Как строго рыночные практики циркуляции можно охарактеризовать транспортировку этого продукта лишь в одном месте цепочки – при перевозке из США/Канады в Японию. До и после этого сбор и транспортировку продукта движут нерыночные смыслы: от идеалов “свободы” неформально занятого сообщества в орегонских лесах до традиций дарения и глубокой вплетенности в социальные отношения в Японии. Причем вовлеченные в мацутаке-логистику группы в разных частях этой цепочки зачастую не имеют ни малейшего представления друг о друге, а их практики имеют под собой различную культурную логику – таким образом, это не связанная между собой сеть, а множество ассамбляжей. Исследование Цзин демонстрирует, что капиталистическая экономика глубоко зависима от окологривалистических форм отношений, и парадоксальным образом неформальный, нерегулируемый труд занимает важное место в глобальной системе циркуляции.

Логистике “на обочине” капитализма был посвящен специальный номер журнала *Environment and Planning D*, редакторы которого поставили своей целью собрать вместе исследования, посвященные взаимосвязи между локальным уровнем “медвежьих углов” и глобальной логистикой (Schouten et al. 2019). Они показывают, что, несмотря на специфические формы, которые приобретает логистика в портах и бывших промышленных городах Африки, при строительстве шоссе в Андах, при отправке контейнеров с дешевыми товарами из Китая в Нигерию, все эти примеры тесно переплетены с мировой логистикой, и при этом население этих отдаленных мест занимает специфические ниши, в том числе зарабатывая деньги на препятствовании движению транспорта (Schouten 2019). Одно из самых значимых для данной статьи наблюдений было сделано в статье Финна Степьютата и Тобиаса Хагманна (Stepputat, Hagmann 2019). Они рассматривают отгон домашнего скота из Сомали в порт Бербера ко времени хаджа для дальнейшей отправки в Саудовскую Аравию. Эта практика построена на сложной социальной инфраструктуре личных и клановых отношений, позволяющих пастухам получать доступ к воде и пастбищам. Авторы задаются вопросом, можно ли рассматривать сомалийских пастухов просто как “пехоту” глобализации или, отождествляя их с агентами доминирующего логистического порядка, мы что-то упускаем из виду. Они приходят к выводу, что для разных участников циркуля-

ция⁶ приобретает различные смыслы, и капиталистическая логика – лишь одна из существующих рациональностей, побуждающих людей к перемещению товаров.

Таким образом, антропологические исследования логистики, опубликованные преимущественно в последнее десятилетие, представляют собой научную сферу, как было метко отмечено (*Aung 2021*), фокусирующуюся на заминках, разрывах, конфликтах, неравномерности в циркуляции. Этот фокус контрастирует с исследованиями инфраструктуры, которые сосредотачиваются на материальных явлениях, опосредующих связность и обмен, что позволяет этим подходам взаимно обогатить друг друга. Как будет показано в статье, деконструкция капиталистической фантазии о связности необходима не только для исследования глобальных корпораций и крупных рынков, она полезна также при рассмотрении малозаметных, но в то же время повсеместных локальных логистических практик. Современные представления о логике перемещения грузов диктуют образ логистических практик, построенных на универсальной рациональности, однако в действительности они в значительной мере обусловлены социальностью и имеют значительную региональную специфику.

Логистические возможности на “северных окраинах”

В логике глобальной циркуляции схемы завоза грузов на “северные окраины” – бутылочные горлышки (*chokepoints*) огромной протяженности (*Carse et al. 2020*)⁷. Единственный всесезонный канал перевозки – это авиасообщение, однако оно не только крайне дорого для перевозки грузов, но и нерегулярно в связи с местными погодными условиями: сильный ветер и метели могут вызывать задержки и отмены авиарейсов вплоть до нескольких недель. Всесезонные автодороги существуют только в пределах населенных пунктов; железных дорог, помимо небольших участков, используемых промышленными корпорациями, нет. Наибольшие объемы грузов завозятся в навигационный период – обычно с июля по октябрь – с помощью речного и морского транспорта, однако и здесь перевозку нельзя назвать гладкой для частных предпринимателей из небольших поселков. Малые для этого вида транспорта объемы груза вынуждают устанавливать формальные и неформальные отношения с частными компаниями, попутно с основными задачами завозящими мелкие грузы. Эти сложности усугубляются старением флота на большинстве крупных сибирских рек и снижением интенсивности судопотока по сравнению с советским периодом. Еще один возможный сезонный способ доставки – зимник, устанавливающийся не ранее января и действующий в среднем до мая. При отсутствии официального (прокладываемого за счет средств регионального/муниципального бюджета или промышленной компании) зимника часто доступны “низовые” опции: перевозка вездеходами, снегоходами или грузовиками по поддерживаемой частными усилиями сезонной дороге. Для северных предпринимателей вне зависимости от характера наземной перевозки это обычно влечет за собой необходимость договариваться (часто неформально) с отдельными частными водителями и риски порчи продукции в пути.

Помимо институциональных особенностей северной торговли – слабости государственного контроля за предпринимательской деятельностью и дополнительной финансовой нагрузки в виде необходимости обеспечивать себе и работникам “северные льготы” – следует также отметить целый ряд других. В рамках действующего законодательства существование полностью государственных предприятий торговли не предусмотрено (*Луговской, Сычева 2015*), однако в северных регионах принимаются меры по поддержке частного предпринимательства в форме специальных программ и субсидирования доставки “социаль-

но значимых” продуктов (их список отличается от региона к региону и от года к году), а также в некоторых регионах с помощью занимающих промежуточное положение между коммерческими и некоммерческими организациями потребительских обществ и государственных предприятий, формально не относящихся в сфере торговли. В рассматриваемых в статье регионах применяются только различные формы субсидирования. В таком случае сотрудничество возможно только с официальными перевозчиками, с которыми заключается договор, при этом предпочтение обычно отдается наиболее быстрым способам доставки – вертолетами и самолетами.

Некоторые продукты, не считающиеся выгодными для перевозки, предприниматели тем не менее намеренно приобретают в связи с ощущением ответственности перед сообществом (дешевые и тяжелые продукты; рискованные для перевозки свежие продукты)⁸. Эта форма неэкономического поведения может, подобно долговым тетрадам – практикам беспроцентного кредитования в небольших сообществах, – быть проанализирована в качестве примера медиации между логикой дара и рыночными отношениями (*Yudin, Pavlyutkin* 2015). Однако важно также подчеркнуть, что неэкономическое поведение предпринимателей может быть отчасти продиктовано давлением со стороны администрации, которая, наследуя советской модели обеспечения Севера, по-прежнему рассматривает контроль за пищевой безопасностью в числе своих обязанностей, в то время как реальных рычагов влияния на продуктовое обеспечение не имеет.

В каждом конкретном случае баланс между логистическими опциями разнится в зависимости от локальных транспортных условий, индивидуальных преимуществ и финансовых возможностей бизнеса. В некоторых населенных пунктах конфигурация этих факторов позволяет наладить стабильные, относительно бесперебойные поставки, организованные через посреднические фирмы и, таким образом, их схема завоза более или менее постоянна с некоторыми поправками на сезонность, большой риск незавоза и порчи, отсутствие системы страхования грузов. Однако в центре моего внимания будут находиться случаи, в которых ни один из способов доставки, существующих в распоряжении у северных предпринимателей, не может претендовать на стабильную бесперебойную работу. В связи с небольшими объемами завозимого товара можно было бы утверждать, что практики предпринимателей с “северных окраин” представляют собой маргиналию, однако важно подчеркнуть, что частные предприниматели в этих населенных пунктах – единственные, кто систематически снабжает поселки продовольствием, т.е. все продукты, которые можно найти в поселке в свободной продаже, завезены их усилиями⁹. Огромные территории страны связаны между собой именно такими нестабильными цепочками поставок, подерживаемыми частными предпринимателями.

Нестабильные схемы завоза

Для анализа практик предпринимателей с “северных окраин”, которые касаются используемых ими схем завоза, обратимся к рассмотрению отдельных случаев. Типичным является пример хозяйки магазина в Тикси Виктории Юрьевны¹⁰ (1952 г.р.), которая осуществляла один крупный завоз в год по выработанной схеме (об этом подробнее в следующем разделе), а небольшие партии грузов завозила двумя в разном отношении нестабильными способами. Первый из них – это завоз с готовыми брать попутный груз судами, некоторые из которых предлагали свои услуги лишь окказионально, а некоторые длительное время работали в этом регионе. В связи с тем, что между предпринимателем и перевозчиком в таких случаях никогда не заключался официальный договор, опираться в оценке их ра-

боты и возможных рисков можно было только на практику. Поэтому Виктория Юрьевна, имея негативный опыт с одним из судов (“Ну, там очень много воруют. Я не знаю, кто ворует, но не хватает очень много. И я не стала. Два раза привозила. Мне [при подсчете груза. – В.В.] не хватило один мешок лука, ящика окороков”), предпочитала выбирать ситуативно. Кроме того, она полагалась на мелкие поставки “скоропорта” – продуктов с коротким сроком хранения и требованиями к температурному режиму при перевозке – с помощью авиатранспорта. Фактором неопределенности в этом случае была не столько нерегулярность транспорта (хотя задержка в связи с погодными условиями в Тикси, безусловно, нередки), сколько непростое регулирование разрешенного в каждом рейсе объема груза: “Если там полный самолет, то могут ни одного килограмма не взять. Потому что каждый пассажир имеет свой багаж. То есть, дополнительный багаж не берут на Тикси. А есть такие дни, в которые летают меньше народа. Тогда могут пятьсот – семьсот килограмм привезти” (август 2018). Осложняет ситуацию также то, что при этом необходимо приходиться к договоренности с другими предпринимателями о доле в общем объеме груза и оперативно организовывать загрузку на самолет в Якутске. Таким образом, в предпринимательских практиках в Тикси при организации завоза задействуется логика возможностей, а не потребностей – т.е. объем завоза продуктов свыше базовой летней поставки может варьироваться, и в отдельном магазине и в целом в поселке количество и ассортимент продуктов могут значительно колебаться.

Государственное субсидирование доставки в логике северных предпринимателей представляется местным властям единственным рациональным способом ведения предпринимательской деятельности на Севере. При рассмотрении практик торговли в Диксоне нам посчастливилось с перерывом в несколько дней побеседовать как с самими предпринимателями, так и с представителями управления муниципального заказа и потребительского рынка районной администрации. Их точки зрения на практики торговли в этом населенном пункте заметно различались в отношении логики выбора средств доставки:

Во-первых, очень сложно, трудно... стало. Ни администрация (не помогает, никто. – В.В.), сами знаете: всё сами. Отчитываются они, что де... проделана работа, и ты-ты-ты и ты-ты-ты. Ну в основном, всё сами делаем. С Атомфлотом¹¹ они, вот, письма, договора пишут, у них вот эта работа. А в летний период всё мы сами. <...> Сюда никто не едет, во-первых. Частник “Ураган” привозит в летний период нам груз <...>. Во-первых... очень, конечно, дорого. Во-вторых, он не отвечает –самое главное, что и ледокол. Они, вот, загрузили – то, бывает, и месяц, и полтора гуляют, и двадцать дней. Вы не представляете, сколько мы убытков (потерпели. – В.В.) <...> Никто с нами договора не заключает в письменном виде, никто, все в устной форме, на словах (ж., 1951 г.р., владелица продуктового магазина, Диксон, апрель 2018);

Ну, а там проблемы не только в доставке, там проблемы в тех бабушках, которые, там, предприниматели, которые ничего не хотят. Нет, у нас есть же программа по субсидированию транспортной составляющей продуктов питания, в том числе и Диксон туда входит. Но они практически не заявляют никакие продукты, потому что у них там альтернативные пути доставки, они договариваются с экипажами, с пассажирами, возят без документов. <...> Я говорю, у них такой... преклонный возраст, советские методы воспитания, работают <...>. Туда не ходят часто суда, это ж не советское время! Обычно они завозят с углем, ну, порядка трех рейсов <...>. А у нас нет вариантов, мы пытались туда кого-то затащить, чтоб создать им конкуренцию. Даже не то, что конкуренцию: они завтра бросят, у них такой возраст уже, и там торговать некому будет. Туда даже азербайджанцы не хотят заходить, которые везут залазят <...>. (Диксонские предпринимательницы. – В.В.) не хотят ничего, я говорю. Они даже в этом субсидировании – если, допустим, Хатанга без проблем участвует в программе субсидирования, то Диксон (нет. – В.В.) (м., ок. 1978 г.р., сотрудник администрации, Дудинка, апрель 2018).

Мы видим, что в рамках доставки речным транспортом обеими сторонами упоминается значительное количество альтернативных способов ее осуществления: от договоренностей о перевозке ледоколами до попутных и рыболовецких судов. Хозяйка магазина настойчиво утверждает свою деятельность как автономную от каких бы то ни было мер поддержки: все описанные ею способы доставки представляют собой ее личные договоренности с различными судами. Поддержка администрации, по ее словам, ограничивается исключительно подписанием договора с “Атомфлотом” и ведением бумажной отчетности. Представитель администрации, напротив, утверждает, что единственным рациональным путем ведения торговли было бы участие в программе субсидирования. Однако очевидно, что он не рассматривается как возможный частными предпринимателями, и это не объясняется, вопреки мнению администрации, тем, что предприниматели ожидают, что “в поселке купят по любой цене”: стремление к поиску надежного и недорогого пути завоза у предпринимателей заметно даже в описанном в цитатах отчаянном поиске попутных способов доставки. Таким образом, требуются иные объяснения выбора именно такой конфигурации схем завоза.

Использование субсидии корректнее было бы рассматривать как одну из опций наравне с другими формальными и неформальными способами осуществления доставки, в зависимости от локальных условий оцениваемую как привлекательная или непривлекательная, однако принципиально не меняющую паттерн нестабильных схем завоза в тех населенных пунктах, где они применяются. Особенно ярко видна слабость такого рода интерпретаций властных структур на примере второго подведомственного муниципальной администрации крупного поселка – Хатанги. Несмотря на использование субсидий, в Хатанге встречаются сходные практики маневрирования между окказионально появляющимися возможностями для перевозки. При этом в данном случае они касаются не водного, а воздушного транспорта и перевозок зимником. Как и в случае с Тикси, разрешенный к перевозке объем на каждом авиарейсе определяется в последний момент, и, кроме того, возможны неформальные договоренности с нерейсовыми самолетами. Решение о перевозке по зимнику также принимается исходя из текущей ситуации, а выбор осуществляется между перевозкой из Норильска и Красноярска, с недавнего времени в пользу последнего в связи с ростом закупочных цен в Норильске. Таким образом, субсидирование транспортных расходов представляет собой скорее одну из предпринимательских стратегий, отбрасываемую по той или иной причине, однако очевидно недостаточную в качестве единственной.

Как пишет Бренда Чалфин (*Chalfin 2000*), неустановление стабильных условий сделок в торговых практиках может быть стратегическим ресурсом, с помощью которого находящиеся в начальной точке поставок сборщицы ореха ши имеют возможность влиять на формирование рынка, перестраивая баланс экономических коалиций. Благодаря этому складывается уникальная для каждого сезона ситуация, и решение о сбыте орехов принимается ситуативно, исходя из двух логик: краткосрочной стратегии выживания и долгосрочных вложений. Разного рода неопределенность, таким образом, может не рассматриваться как проблема, а, наоборот, использоваться в качестве зазора для манипулирования. Кажется, что этот пример можно сравнить с логикой ведения предпринимательской деятельности на Севере: именно гибкость и изменчивость схем, ситуативность логистических возможностей и маневрирование между возможностями оборота капитала, потребностями локального сообщества и рисками личных убытков являются основой их деятельности; однако, в отличие от рассмотренного Чалфин случая, они не обладают таким влиянием на рынок, а ситуативно

создают наиболее выгодные для себя условия в рамках весьма ограниченных возможностей.

Слабость государственного регулирования “на северных окраинах” в данном случае выступает необходимым условием для воспроизводства этой модели. В рамках этой логики усиление контроля в последние годы рассматривается как нежелательное, а турбулентные 1990-е и 2000-е годы описываются как благополучные:

Когда начинала, еще, ну, как бы проще было, и вертолеты загружала, и это. Договоришься с ребятами – весь экипаж, все знакомые были, все. Вот, работали, все просто было: договорился, есть место – загрузили. А сейчас? И на самолетах есть с Красноярска ребята. Запрещают, их ловят, их наказывают. Один раз поймали, второй раз поймали, сказали: “Зачем нам? Из-за ста килограмм-двести”, – говорит, – “лишиться работы!”. Там строго всё, девочки, всё, всё везде, перекрыли дышалку везде (ж., 1951 г.р., владелица продуктового магазина, Диксон, апрель 2018).

Таким образом, сама инфраструктура, используемая северными предпринимателями, находится в постоянном процессе изменений. В этом играют значительную роль внешние факторы: например, уменьшение числа судов, курсирующих по необходимым предпринимателям маршрутам, или запреты на перевозку ими попутного груза. Однако не менее заметным трендом является перестройка самой инфраструктуры под нужды предпринимателей: так, перенаправление маршрутов прокладываемого низовыми усилиями зимника на Таймыре напрямую связано с изменением конъюнктуры рынка закупок (Васильева 2019: 72). Несомненно, второй тренд характерен не только для Севера, однако в арктических условиях велика доля бездорожного транспорта, позволяющего прокладывать принципиально новые маршруты вне существующей транспортной инфраструктуры. Возможность маневрировать между различными способами доставки позволяет предпринимательской деятельности быть более гибкой и устойчивой к изменениям.

Выбор точек закупки

В современной логистике наиболее рациональным поведением для минимизации издержек на перевозку рассматривается выбор предпринимателями поставщиков по одному из двух критериев. С одной стороны, экономически целесообразна была бы закупка в крупном городе, интегрированном в общероссийскую транспортную сеть и находящемся в одном плече перевозки дешевым транспортом – “водой” или “землей” – от поселка (например, для Амдермы это Архангельск летом или Воркута зимой, для Диксона – Красноярск летом или Мурманск зимой), так как груз из этих населенных пунктов не требует промежуточной перегрузки. С другой, предпочтение может быть отдано более сложной логистической схеме, но при этом минимальной закупочной цене продукции. В этом случае закупки осуществляются у производителей, которые, как правило, расположены в сырьевых зонах или районах с высокой концентрацией населения (Тугачева, Капникова 2021). Так, значительная часть производителей зерновых культур, сахара, растительного масла расположена в Южном федеральном округе, вблизи мест произрастания сырья, а такие отрасли, как производство кондитерских изделий или ликероводочной продукции, преобладают в Центральном федеральном округе, где сконцентрировано наибольшее количество населения. Однако предприниматели с “северных окраин” в целом ряде случаев не придерживаются этих стратегий.

Выбор точек закупки предпринимателями привлек внимание в беседе с уже

упомянутой хозяйкой магазина Викторией Юрьевной в Тикси. Как выяснилось в ходе разговора, она закупается товарами в крайне неожиданном с логистической точки зрения месте – в городе Краснодаре, откуда груз преодолевает гигантские расстояния: более 6000 км по железной дороге, а потом более 3500 км водным транспортом по реке Лене, чтобы попасть в поселок. Краснодар, хоть и представляет собой важнейший центр производства сельскохозяйственной продукции, является далеко не самым близким к Якутии населенным пунктом – так, значительно ближе закупки муки и круп вблизи мест его производства можно было бы осуществлять на Алтае. Как выяснилось, основная причина этого лежит в неэкономической сфере – там сейчас проживают дети информантки. Ее мотивация была следующей: “Я туда еду в отпуск. Я на море отдохнула, а потом, после, я пошла и поработала: загрузила контейнера и отправила. А потом я сюда уже лечу самолетом”. Эта стратегия не была уникальной – ей пользовались не только ее коллеги в Тикси (по словам Викторией Юрьевны, их местами отгрузки были Санкт-Петербург и Иркутск, также места проживания родственников), но и предприниматели в других поселках.

Точка закупки необязательно была логистически атипична, однако все эти случаи объединяло то, что город, в котором проводилась генеральная закупка, – это место, с которым предприниматель обязательно имеет социальные связи. Так, в уже описанной в предыдущем разделе ситуации предпринимательницы из Диксона загрузка осуществляется в Красноярске и представляет собой наименее затратную точку закупки, однако ее выбор также предопределен социальными связями, существующими в этой точке. Сходный случай представляет собой практика в одном из тиксинских магазинов, где большую часть года продавцы управляют магазином самостоятельно. Хозяйка магазина уже несколько лет живет в Москве – генеральной точке загрузки для их магазина – и основной ее задачей является осуществление закупки и отправки груза. В поселок она приезжает, чтобы проконтролировать работу сотрудников (по совместительству ее близких друзей), лишь несколько раз в год.

Показательна также беседа, произошедшая в Хатанге с семьей, владеющей продуктовым магазином. На вопрос о том, почему они не возят продукты морем из западной Арктики – Мурманска и Архангельска, в качестве основного аргумента была выдвинута проблема неукорененности в этом месте – отсутствия как социальных связей, так и проверенных источников закупки и трудовых ресурсов для загрузки:

Инф. 1: Это ж надо тоже узнавать, людей каких-то искать. Тут сами полетели – уже знаем. Загрузили, привезли, что загрузишь, то как бы и жуем.

Инф. 2: Мы, во-первых, в Красноярске сами прожили, как бы и там знаем. То есть это ж нужно еще товар так же искать в Архангельске. [Нрзб], чтоб загрузить его. В Красноярске более-менее ориентируемся. (*Инф. 1:* ж., 1958 г.р., владелица продуктового магазина, Хатанга; *Инф. 2:* ж., 1980 г.р., ее дочь, август 2018).

При этом в практики владельцев магазина в точке закупки входит формирование перечня продукции, закупаемой у оптовых поставщиков, закупка у нескольких из них, перевозка и накопление грузов и, наконец, формирование общего контейнера с наиболее выгодными в отношении стоимости и сроков хранения продуктами. Интересно, что, помимо продуктовых баз, предприниматели закупаются также товарами, продающимися в сетевых магазинах в розницу по акциям. Экономическая подоплека этого вполне очевидна: акционные продукты действительно могут продаваться по ценам ниже закупочных, однако эта деталь хорошо иллюстрирует количество усилий, вкладываемых ими в формирование отправляемого груза. Не менее показательна в отношении объема

трудозатрат, а также тесной спаянности закупочной деятельности и работы социальных связей, что подсолнечные семечки продавцы получают от подруги владелицы магазина из Ставрополя, откуда она отправляет их оптовыми партиями в Красноярск.

Использование “своего человека”, зачастую близкого родственника, в городе для закупки и отправки продукции поселковым предпринимателям представляет собой распространенную стратегию, неоднократно отмечавшуюся исследователями (напр.: *Ventsel* 2019: 180–181). В проанализированных материалах социальные связи основываются не только на родстве, но и на разделении опыта: например, это могут быть коллеги по работе в торговле в советское время или предприниматель, раньше возивший из Воркуты в Амдерму вездеходами продукты, а теперь загружающий для хозяина амдерминского магазина “субсидированные вертолеты” продуктами. Таким образом, даже в ситуации, когда загрузка продуктов не осуществляется рассматриваемыми предпринимателями самостоятельно, они тем не менее полагаются на доверенных людей (что, естественно, не исключает наличия формализованных отношений в других точках). В некоторых случаях это может быть связано с отсутствием логистических компаний, оказывающих такие услуги в выбранной точке отгрузки, но не менее характерен этот паттерн и в случае их наличия.

При этом даже формализованные отношения с поставщиком для северных предпринимателей имплицитно предполагают наличие определенной степени знакомства друг с другом, в том числе, вероятно, в связи с логистической спецификой этих населенных пунктов и необходимостью эту специфику длительное время разяснять: предметом расхожих шуток выступают логисты из крупных городов-хабов, прокладывающие маршрут на карте без учета их инфраструктурных особенностей. Отсутствие грузопотоков между поселком и теми или иными точками, как упоминалось, зачастую связывается информантами с отсутствием “своих людей” там. Так, характерен подход хатангской предпринимательницы, решившей наладить поставки из Санкт-Петербурга: первое, что она планирует сделать – поехать туда для установления личных отношений с представителями логистических компаний.

Таким образом, для предпринимателей с “северных окраин” характерна значительная самостоятельность в осуществлении логистических операций в противовес опоре на сложившиеся в этой сфере компании, которые, по мнению предпринимателей, не в состоянии обеспечить качественную доставку в их регионы. Нежелание обращаться к логистическим компаниям часто мотивируется предпринимателями также соображениями экономии, однако, учитывая выбор ими атипичных точек отгрузки, а также необходимости совершения дальней поездки для собственноручной закупки и отправки груза (оправдываемой, однако, совмещением с проведением отпуска), трудно однозначно сказать, обосновано ли это мнение реальными финансовыми расчетами. Еще одна характерная черта предпринимательства на “северных окраинах” – значительная обусловленность социальными связями – проявляется на разных этапах: при выборе точки отгрузки, на этапе закупки и упаковки партии товара, при выборе транспортных возможностей для перевозки груза.

* * *

В этой статье были проанализированы практики, специфичные для территорий, которые определены не географически, а в связи со слабостью инфраструктурных связей с “материком” и обозначены как “северные окраины” – области, находящиеся на обочине “нормального” логистического порядка.

Понятие “логистика” имеет определенный, сложившийся в ходе выделения ее в отдельную прикладную науку, круг коннотаций: в частности, принадлежность потоков грузов и информации, а также труда к глобальному капиталистическому миру, установление стабильных цепочек поставок и направление ресурсов на обеспечение этой стабильности и бесперебойной работы. Многие из этих представлений в последние годы оспариваются социальными исследователями: показано, что в разных частях цепочки поставок людьми движет отнюдь не только капиталистическая логика (Цзин 2017; *Stepputat, Hagmann* 2019), а циркуляция на окраинах может принимать разнообразные формы, которые, с одной стороны, подстраиваются под не зависящие от них логистические потоки, с другой – глубоко укоренены в локальных практиках (*Schouten et al.* 2019). Рассматривая формирование схем завоза у частных предпринимателей на “северных окраинах”, я стремлюсь поставить под сомнение также необходимость устойчивости цепочек поставок для функционирования в логике современного логистического порядка. Иными словами, секьюритизация стабильности траекторий перемещения грузов, считающаяся неперенным атрибутом современной глобальной логистики, как показывает проанализированный материал, далеко не всегда необходима для стабильной работы поставок.

Описанные практики частных предпринимателей на Севере характеризуются частой сменой схем доставки и их гибкостью. Точки отгрузки при этом избираются не по принципу минимизации издержек перевозки, как можно было бы ожидать, а исходя из иной рациональности. Для представителей этой группы возможность осуществлять генеральную загрузку самостоятельно или с помощью знающих специфику доставки на “северные окраины” людей или организаций, т.е. внимание к ассортименту товара, его качеству, наличие навыков его упаковки и укладки в контейнер, оказываются более важным фактором выбора точки загрузки, нежели инфраструктурная близость. А возможность совмещать эту задачу с личными планами позволяет не рассматривать поездки предпринимателей для осуществления генеральной загрузки исключительно как трудовозатраты. Главный принцип логистики – учет не только расстояния и стоимости, но и других факторов, влияющих на эффективность продажи товара, – парадоксальным образом оказывается ими не нарушен, хоть и перечисленные компоненты рациональности северных предпринимателей, разумеется, являются экзотическими для классической логистической модели. Сильная опора этих практик на социальные связи и возможность быстрой перестройки элементов, составляющих годовой цикл поставок, приводит не к хрупкости цепочек поставок, а – напротив – к возможности этой системы быть более устойчивой к меняющимся внешним условиям.

Сходство практик предпринимателей из столь далеких друг от друга населенных пунктов, объединенных между собой лишь сложностью инфраструктурной ситуации, примечательно само по себе. Сопоставимы и социальные характеристики самих предпринимателей: возрастная группа, опыт работы на государственное торговое предприятие и начало частной предпринимательской деятельности в переходные 1990-е годы. Можно предположить, что формирование практик доставки для всех них пришлось на период кардинальной перестройки логистической системы, когда готовых решений не существовало, благодаря чему оформилась устойчивая норма гибких поставок, модифицирующаяся в связи с усилением государственного контроля и сужением спектра возможностей неформальной доставки, а также с появлением формальных институций и изменениями в мерах регуляции и поддержки частного бизнеса. Эта социальная группа заменила централизованные государственные поставки и не действует по принципу простой максимизации прибыли, а осознает себя ответ-

ственной за благополучие локального сообщества институцией, и, таким образом, деятельность предпринимателей с “северных окраин” не может быть без значительных социальных последствий заменена иной логикой формирования цепочек поставок.

Примечания

¹ Большинство проанализированных интервью были проведены совместно с К.А. Гавриловой.

² По данным ФСГС на 1 января 2022 г. См.: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 05.08.2022).

³ Информация о муниципальном образовании // Официальный сайт органов местного самоуправления сельского поселения Хатанга. <http://hatanga24.ru/information/our-settlement> (дата обращения: 05.08.2022).

⁴ Об этом см. подробнее в готовящейся к печати статье: *Гаврилова К.А.* Ностальгические нарративы об инфраструктуре, снабжении и государстве в “великих портах” советского Северного морского пути // Северные морские пути России: взгляд разных дисциплин / Отв. ред. В.В. Васильева, К.А. Гаврилова. М.: Новое литературное обозрение. 2023.

⁵ Ср.: “Значит, у нас зона рискованного земледелия, как я говорю. И надо понимать, что что такое МСП (малое и среднее предпринимательство. – В.В.) в районах Крайнего Севера. Это не так, как на материке. На материке они все работают с колес. У них есть оптовики. У них проблем нету. Им привезут! Им промаркируют! Им даже скажут место... Ну, они скажут: вот место на прилавке – им выставят. Мерчендайзер придет, им там всё это туда-сюда. И так далее. А у нас – нет” (ж., ок. 1960 г.р., владелица продуктового магазина, Анадырь, август 2019).

⁶ В данном случае авторы намеренно последовательно используют термин “циркуляция” вместо “логистики”, таким образом подчеркивая свое отстранение от традиции использования второго для обозначения мира высокоинформатизированных систем и точной калькуляции затрат (*Stepputat, Hagman* 2019: 796–797).

⁷ Как отмечают Э. Карсе и др. (*Carse et al.* 2020: 7–8), для этих “узких мест” характерны профессионалы особого типа: они обладают уникальными навыками работы именно в этих условиях, позволяющими им занимать специфическую нишу и получать ресурсы именно благодаря своей уникальности. Сходные наблюдения делает М. Саксер (*Saxer* 2019: 196). Ср. также с водителями на “диких” зимниках (*Васильева* 2019).

⁸ «Это нужно опять здесь встречать, и опять эти машины искать, чтобы вывезти “теплый” груз. Ну, не особо охота, если честно. Ну все равно, бывает иногда просят (жители поселка. – В.В.), продавец говорит, что надо. И тогда отправляю. А так, все равно там кто-то возит свежести какие-то. И потом, иногда бывает и замораживается, опасно тоже» (ж., ок. 1960 г.р., владелица продуктового магазина, Хатанга, март 2017).

⁹ Нельзя, впрочем, говорить о том, что они представляют собой единственный источник продовольствия для жителей этих отдаленных пунктов. Представители локальных сообществ в значительной мере обеспечивают себя самостоятельно с помощью задействования обширных социальных сетей поддержки и использования личного транспорта (*Васильева, Гаврилова* 2022), заказов продукции через интернет, а также с помощью более формализованных форм ко-

операции. В частности, несколько семей из п. Амдерма сообщают, что за год морской контейнер из Архангельска продуктами для индивидуального потребления: «Раньше мы заказывали как-то только овощи, на работе вот собирались. <...> Естественно, что-то портится, овощи те же. Мы заказали огурцов свежих, пришла коробочка, а она, корабль болтался там три недели где-то, естественно, все это сгнило. И начинается, кто-то говорит: “Вот, а чего это я должен за эту гниль?” А мы собираемся, собрались только свои. Если у нас все это испортилось, то уже мы раскидываем на всех, и никто как бы не имеет никаких претензий друг к другу. <...> Даже мы, четыре семьи, и то у нас там два бухгалтера, двое, ну девочки, два бухгалтера, а двое, девочки, как бы это ну не связаны с бухгалтерией. И каждый год на протяжении нескольких лет мы им на пальцах объясняем, как транспортные, как чего, чего к чему, потому что иногда кажется, что дорого» (ж., 1962 г.р., бухгалтер, Амдерма, апрель 2018).

¹⁰ В статье используются только псевдонимы.

¹¹ Длительное время между районной администрацией Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района и ФГУП “Атомфлот” существовало соглашение о попутном завозе ледоколами на Диксон партий грузов. Соглашение было разорвано в 2018 г.

Научная литература

- Васильева В.В.* Инфраструктура вне государства: “дикие” зимники и вывоз промысловой продукции на Таймыре // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 4. С. 61–75.
- Васильева В.В., Гаврилова К.А.* Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // *Антропологический форум*. 2022. № 54. С. 99–131. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131>
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012.
- Кадук Е.В.* Особенности восприятия современных практик долговой торговли и благотворительности в Анабарском улусе Республики Саха (Якутия) // *Кунсткамера*. 2018. № 2. С. 143–152. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-143-152>
- Луговской Р.А., Сычева Э.В.* Стратегическая необходимость создания государственных торговых предприятий в России // *Международный научный журнал*. 2015. № 2. С. 7–15.
- Тугачева Л.В., Капнинова О.С.* Современное состояние и перспективы развития пищевой промышленности в России // *Индустриальная экономика*. 2021. № 3 (3). С. 45–52. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_3_3_45
- Фадеева О.П.* Неформальная занятость в сибирском селе // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2 (2). С. 61–92.
- Цзин А.Л.* Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem, 2017.
- Allen W.B.* The Logistics Revolution and Transportation // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1997. Vol. 553 (1). P. 106–116.
- Aung G.* A “Becoming Logistical” of Anthropology? // *Focaal – Journal of Global and Historical Anthropology*. 2021. Vol. 2021 (91). P. 115–124. <https://doi.org/10.3167/fcl.2021.910109>
- Bonacich E., Wilson J.B.* Getting the Goods: Ports, Labor, and the Logistics Revolution. L.: Cornell University Press, 2008.
- Carse A. et al.* Chokepoints: Anthropologies of the Constricted Contemporary // *Ethnos: Journal of Anthropology*. 2020. <https://doi.org/10.1080/00141844.2019.1696862>

- Chalfin B.* Risky Business: Economic Uncertainty, Market Reforms and Female Livelihoods in Northeast Ghana // *Development and Change*. 2000. Vol. 31 (5). P. 987–1008.
- Chua C., Danylyuk M., Cowen D., Khalili L.* Introduction: Turbulent Circulation: Building a Critical Engagement with Logistics // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2018. Vol. 36 (4). P. 617–629. <https://doi.org/10.1177/0263775818783101>
- Cowen D.* *The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014.
- Dmitriev V.S.* Small-Numbered Peoples and Small Business: Steps toward Finding Common Ground // *Sibirica*. 2004. Vol. 4 (2). P. 150–161. <https://doi.org/10.1080/13617360500150178>
- Guyer J.I.* *Legacies, Logics, Logistics*. Chicago: University of Chicago Press, 2016.
- Humphrey C.* *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
- Humphrey C., Mandel R.* (eds.) *Markets and Moralities: Ethnographies of Postsocialism*. L.: Routledge, 2002.
- Khavel S., Bruton G., Wood E.* Informal Business in Africa // *Entrepreneurship Theory & Practice*. 2009. Vol. 33 (6). P. 1219–1238.
- Konstantinov Y.* Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula // *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. 2009. Vol. 26(1). P. 27–49. <https://doi.org/10.1080/08003830902951524>
- Peng Y.* Kinship Networks and Entrepreneurs in China's Transitional Economy // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 109 (5). P. 1045–1074. <https://doi.org/10.1086/382347>
- Radaev V.* *The Development of Small Entrepreneurship in Russia* // WIDER Discussion Paper. No. 2001/135. Helsinki: The United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER), 2001. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52995/1/339060417.pdf>
- Saxer M.* Provisions for Remoteness: Cutting Connections and Forging Ties in the Tajik Pamirs // *Social Anthropology*. 2019. Vol. 27 (2). P. 187–203. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12640>
- Schouten P.* Roadblock Politics in Central Africa // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2019. Vol. 37 (5). P. 924–941. <https://doi.org/10.1177/0263775819830400>
- Schouten P., Stepputat F., Bachmann J.* States of Circulation: Logistics off the Beaten Path // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2019. Vol. 37 (5). P. 779–793. <https://doi.org/10.1177/0263775819851940>
- Stammler F.* Capitalism in the Tundra or Tundra in the Capitalism? Specific Purpose Money from Herders, Antlers and Traders in Yamal, West Siberia // *Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems: Markets and Livelihoods* / Eds. J. Gertel, R. Le Heron. Farnham: Ashgate, 2011. P. 231–246.
- Stepputat F., Hagmann T.* Politics of Circulation: The Makings of the Berbera Corridor in Somali East Africa // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2019. Vol. 37 (5). P. 794–813. <https://doi.org/10.1177/0263775819847485>
- Tsing A.L.* *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Ventsel A.* Siberian Movements: How Money and Goods Travel in and out of Northwestern Sakha // *Folklore*. 2011. Vol. 49. P. 113–130. <https://doi.org/10.7592/fej2011.49.ventsel>
- Ventsel A.* Reluctant Entrepreneurs of the Russian Far North // *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges* / Eds. R.W. Ortung, M. Laruelle. Washington: The George Washington University, 2017. P. 383–387.

Ventsel A. Reluctant Entrepreneurs of the Russian Far East: Another View on the Economic Strategies of Entrepreneurs // *Folklore*. 2019. Vol. 75. P. 173–190. <https://doi.org/10.7592/FEJF2019.75.ventsel>

Yudin G., Pavlyutkin I. Recording the Ambiguity: The Moral Economy of Debt Books in a Russian Small Town // *Cultural Studies*. 2015. Vol. 29 (5–6). P. 807–826. <https://doi.org/10.1080/09502386.2015.1017145>

Research Article

Vasilyeva, V.V. Social Logistics: Private Entrepreneurs and Food Supplies to the “Far Reaches” of the Russian Arctic [Sotsial’naia logistika: chastnye predprinimateli i postavki produktov na “severnye okrainy”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 213–232. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060124> EDN: MSKRPU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valeria Vasilyeva | <https://orcid.org/0000-0002-0142-7968> | vvasilyeva@eu.spb.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Arctic, Russian North, logistics, infrastructure, freight traffic, supply chains, product delivery, shipment locations, private entrepreneurship

Abstract

The article focuses on the ways in which private entrepreneurs from Russia’s “Far Reaches” – Arctic territories lacking reliable communication infrastructures – make their choices regarding purchases, contractors, and supply chains. Taking social logistics as a range of social factors that are embedded in entrepreneurship and are instrumental in shaping actual logistics solutions, I attempt to show the specifics of supply and delivery chains used by private entrepreneurs working in the area under consideration. These chains are highly irregular and flexible, while entrepreneurs’ rationality for the choice of shipment locations is often not cost minimization but other factors. Drawing on approaches developed in the emergent field of anthropology of logistics, I examine the functioning of practices within the current logistical order and argue that the latter does not necessarily imply reliability of freight traffic and that the alternative rationalities for choosing shipment locations still do not necessarily contradict its foundational principles.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 19-78-10002]

References

- Allen, W.B. 1997. The Logistics Revolution and Transportation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 553 (1): 106–116.
- Aung, G. 2021. A “Becoming Logistical” of Anthropology? *Focaal – Journal of Global and Historical Anthropology* 2021 (91): 115–124. <https://doi.org/10.3167/fcl.2021.910109>
- Bonacich, E., and J.B. Wilson. 2008. *Getting the Goods: Ports, Labor, and the Logistics Revolution*. London: Cornell University Press.

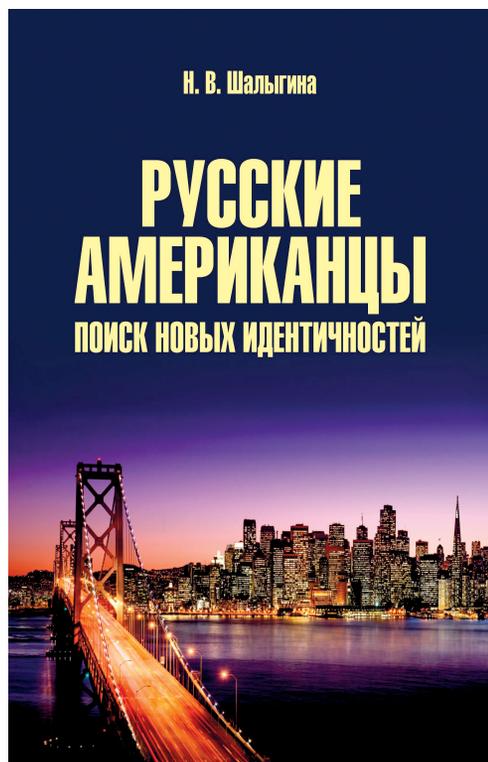
- Carse, A. et al. 2020. Chokepoints: Anthropologies of the Constricted Contemporary. *Ethnos: Journal of Anthropology*. <https://doi.org/10.1080/00141844.2019.1696862>
- Chalfin, B. 2000. Risky Business: Economic Uncertainty, Market Reforms and Female Livelihoods in Northeast Ghana. *Development and Change* 31 (5): 987–1008.
- Chua, C., M. Danyluk, D. Cowen, and L. Khalili. 2018. Introduction: Turbulent Circulation: Building a Critical Engagement with Logistics. *Environment and Planning D: Society and Space* 36 (4): 617–629. <https://doi.org/10.1177/0263775818783101>
- Cowen, D. 2014. *The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Dmitriev, V.S. 2004. Small-Numbered Peoples and Small Business: Steps toward Finding Common Ground. *Sibirica* 4 (2): 150–161. <https://doi.org/10.1080/13617360500150178>
- Fadeeva, O.P. 2001. Neformal'naia zaniatost' v sibirskom sele [Informal Employment in a Siberian Village]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 2 (2): 61–92.
- Guyer, J.I. 2016. *Legacies, Logics, Logistics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Humphrey, C. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Humphrey, C., and R. Mandel, eds. 2002. *Markets and Moralities: Ethnographies of Postsocialism*. London: Routledge.
- Kaduk, E.V. 2018. Osobennosti vospriiatiia sovremennykh praktik dolgovoi torgovli i blagotvoritel'nosti v Anabarskom uluse Respubliki Sakha (Yakutiia) [Perception Peculiarities of Contemporary Debt Trade and Charity Practices in the Anabar Ulus (District) of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Kunstkamera* 2: 143–152. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-143-152>
- Khavel, S., G. Bruton, and E. Wood. 2009. Informal Business in Africa. *Entrepreneurship Theory & Practice* 33 (6): 1219–1238.
- Konstantinov, Y. 2009. Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula. *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies* 26 (1): 27–49. <https://doi.org/10.1080/08003830902951524>
- Lugovskoy, R.A., and E.V. Sycheva. 2015. Strategicheskaiia neobkhodimost' sozdaniiia gosudarstvennykh torgovykh predpriatii v Rossii [Strategic Need of Creation of the State Trade Enterprises in Russia]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal* 2: 7–15.
- Peng, Y. 2004. Kinship Networks and Entrepreneurs in China's Transitional Economy. *American Journal of Sociology* 109 (5): 1045–1074. <https://doi.org/10.1086/382347>
- Radaev, V. 2001. The Development of Small Entrepreneurship in Russia. *WIDER Discussion Paper* 2001/135. Helsinki: The United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER). <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52995/1/339060417.pdf>
- Saxer, M. 2019. Provisions for Remoteness: Cutting Connections and Forging Ties in the Tajik Pamirs. *Social Anthropology* 27 (2): 187–203. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12640>
- Schouten, P. 2019. Roadblock Politics in Central Africa. *Environment and Planning D: Society and Space* 37 (5): 924–941. <https://doi.org/10.1177/0263775819830400>
- Schouten, P., F. Stepputat, and J. Bachmann. 2019. States of Circulation: Logistics off the Beaten Path. *Environment and Planning D: Society and Space* 37 (5): 779–793. <https://doi.org/10.1177/0263775819851940>
- Stammler, F. 2011. Capitalism in the Tundra or Tundra in the Capitalism? Specific Purpose Money from Herders, Antlers and Traders in Yamal, West Siberia In *Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems: Markets and Livelihoods*, edited by J. Gertel and R. Le Heron, 231–246. Farnham: Ashgate.

- Stepputat, F., and T. Haggmann. 2019. Politics of Circulation: The Makings of the Berbera Corridor in Somali East Africa. *Environment and Planning D: Society and Space* 37 (5): 794–813. <https://doi.org/10.1177/0263775819847485>
- Tsing, A.L. 2005. *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton: Princeton University Press.
- Tsing, A.L. 2017. *Grib na kraiu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem.
- Tugacheva, L.V., and O.S. Kapninova. 2021. Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia pishchevoi promyshlennosti v Rossii [Current State and Prospects for the Development of the Food Industry in Russia]. *Industrial'naiia ekonomika* 3 (3): 45–52. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_3_3_45
- Vasilyeva, V.V. 2019. Infrastruktura vne gosudarstva: “dikie” zimniki i vyvoz promyslovoi produktsii na Taimyre [Infrastructure beyond the State: “Wild” Winter Roads and Export of Fishery and Hunting Goods in the Taimyr Peninsula]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 61–75.
- Vasilyeva, V.V., and K.A. Gavrilova. 2022. Obmennye praktiki i sotsial'nye seti kak mekhanizmy preodoleniia defitsitov v lokal'nykh soobshchestvakh Taimyra i Kamchatki [Exchange Practices and Social Networks as Means of Coping with Shortages in Local Communities of Taimyr and Kamchatka]. *Antropologicheskii forum* 54: 99–131.
- Ventsel, A. 2011. Siberian Movements: How Money and Goods Travel in and out of Northwestern Sakha. *Folklore* 49: 113–130. <https://doi.org/10.7592/fej2011.49.ventsel>
- Ventsel, A. 2017. Reluctant Entrepreneurs of the Russian Far North. In *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*, edited by R.W. Orttung and M. Laruelle, 383–387. Washington: The George Washington University.
- Ventsel, A. 2019. Reluctant Entrepreneurs of the Russian Far East: Another View on the Economic Strategies of Entrepreneurs. *Folklore* 75: 173–190. <https://doi.org/10.7592/FEJF2019.75.ventsel>
- Volkov, V.V. 2012. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Violent Entrepreneurship, 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Yudin, G., and I. Pavlyutkin. 2015. Recording the Ambiguity: The Moral Economy of Debt Books in a Russian Small Town. *Cultural Studies* 29 (5–6): 807–826. <https://doi.org/10.1080/09502386.2015.1017145>

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

“АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА” РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЕЕ АДАПТАЦИЯ К СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (РЕЦ. НА: ШАЛЫГИНА Н.В. РУССКИЕ АМЕРИКАНЦЫ: ПОИСК НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ. М.: ИЭА РАН, 2021. 390 с., илл.)

Маргарита Кемальевна Любарт | <http://orcid.org/0000-0003-3781-4422> | Margarita_Lubart@mail.ru | к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Книга Н.В. Шалыгиной посвящена российской диаспоре в Соединенных Штатах, одной из самых многочисленных русскоязычных диаспор в мире, и отвечает на вопрос “кто же такие русские американцы?” Несмотря на то что монография содержит весьма интересный экскурс в историю российской миграции в США и предыдущих поколений русской диаспоры, в центре внимания автора прежде всего новый, еще мало исследованный этап российской эмиграции, последовавший сразу за распадом СССР. В то время впервые после десятилетий изоляции, наконец, открылись границы, а на постсоветском пространстве действовало множество “выталкивающих” факторов (тяжелое экономическое положение, сложности жизни в России), способствующих отъезду. Более того, появилась возможность попасть в США – страну, которая для многих была “землей обетованной”.

Если начинать отсчет от послереволюционной эмиграции в США начала

Рецензия поступила 06.05.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 17.05.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Любарт М.К. “Американская мечта” российской эмиграции и ее адаптация к современной американской реальности (рец. на: Шалыгина Н.В. Русские американцы: Поиск новых идентичностей. М.: ИЭА РАН, 2021) // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 233–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060136> EDN: MSLHGH

Lyubart, M.K. 2022. “Amerikanskaia mechta” rossiiskoi emigratsii i ee adaptatsiia k sovremennoi amerikanskoi real'nosti [The “American Dream” of Russian Immigrants and Its Adaptation to the Current American Reality]: A Review of Russkie amerikantsy: Poisk novykh identichnostei [Russian Americans: Search for New Identities], by N.V. Shalygina. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 233–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060136> EDN: MSLHGH

XX в., то выезд из стран бывшего СССР в 1990-е – начале 2000-х годов и в 2000–2020-е годы – это уже четвертый и пятый этапы. Как отмечает автор, «даже по прошествии 30 лет представление об истинных размерах ... [четвертой] волны, о соотношении и динамике ее отдельных потоков, включая “утечку умов”, массовую женскую и бизнес-эмиграцию, фактически отсутствует» (с. 8). Поэтому актуальность этой темы, новой для российской миграциологии, несомненна.

Исследование основано на многих ценных источниках, помогающих увидеть разные стороны жизни российских эмигрантов. Это наблюдения автора, проживавшего в США в 1990-е годы и неоднократно посещавшего эту страну позднее, нарративные документы (письма, автобиографии, СМИ, интернет-ресурсы, в т.ч. иммигрантская блогосфера и мемуаристика, социальные сети, интернет-опросы), статистические и архивные данные, другие источники. Наиболее ценными, как отмечает сама Н.В. Шалыгина, стали материалы контролируемого включенного наблюдения, “полного погружения” в жизнь российской диаспоры, позволившие в рамках неформальных бесед выйти на автобиографические повествования людей. Большую роль сыграли личное знакомство автора со многими российскими эмигрантами и возможность частного общения и бесед. Изучение объекта “изнутри” позволило обратиться к качественным характеристикам российской эмиграции, обращая внимание на те вопросы, которые предлагала приехавшим сама жизнь. Книга построена на фактическом материале, реализая жизни российской диаспоры, отсылке к характерным экономическим, культурным, социальным ситуациям.

Большой интерес представляет глава “Теоретические подходы к изучению современных миграций”, в которой анализируются основные направления миграциологии на современном этапе, делается обоснование избранных автором источников и методов изучения русскоязычной иммиграции в США. Применение нескольких теоретических подходов делает исследование интересным и глубоким.

В своей работе Н.В. Шалыгина опирается на теорию диаспор и разделяет точку зрения Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова: способностью создавать диаспоры обладают только этносы, устойчивые к ассимиляции, т.е. обладающие большой культурной основой. Закономерно, что такой сложный феномен, как миграция и формирующиеся на их основе диаспоры, исследуется собственно антропологическими и междисциплинарными методами. Весьма плодотворным, например, является обращение к этносоциологическому и этнопсихологическому подходам, которые учитывают “не только количество мигрантов и их состав, но и ценностные установки”, а также помогают выявлять, “как особенности культуры этноса, т.е. выработанной им в течение поколений традиции, отражаются на миграционном поведении его членов, с одной стороны, и как миграции влияют на структуру этноса, его традиции, на межэтнические отношения – с другой” (с. 38). Обращение автора к теории лиминальности как методологическому приему изучения миграций помогает анализировать состояния “перехода” мигрантом разных стадий процесса адаптации. Н.В. Шалыгина показывает, что на деле представляют собой этапы вхождения приезжих из России в американское общество, выделяет характерные особенности этих этапов.

Исследовательница неоднократно обращается к важнейшим в мигрантологии вопросам идентификации и идентичности. Об их значении можно судить уже при анализе мотивов и целей наших соотечественников, их представлений о своем будущем в США: кто-то “искренне считает переезд за океан лучшим решением большинства своих проблем, связанных с достижением жизненного успеха, полноценной самореализацией, профессиональным ростом, обеспечением будущего детей, благополучием повседневной жизни”, кто-то “откровенно сомневается в преимуществах американского образа жизни”, в его приемлемости и

«“пригодности” для российского менталитета», значимой оказывается и возможность сохранения в новых условиях “своих собственных культурных основ” (с. 5). В контексте исследования речь идет также о сложном сочетании одновременно нескольких идентичностей (этнической, общероссийской и советской), что “затрудняет понимание адаптационного ресурса бывших россиян в США, делает его противоречивым и во многих случаях труднопредсказуемым” (с. 6).

Характеризуя российскую миграцию 1990 – начала 2000-х годов, автор отмечает, что ее начало “пришлось на период наиболее глубокого проникновения идей глобализации в общественное сознание большинства населения всего мира” и что “большинство российских граждан покидали страну на добровольных началах, нередко сохраняя при этом гражданство, юридические права, имущество и профессионально-деловые отношения” (с. 13). Для этой волны был характерен высокий интеллектуальный уровень отъезжавших (“утечка мозгов”). Кроме того, в 1990-е годы отмечена никогда ранее не существовавшая массовая женская эмиграция. Помимо выездов за рубеж в составе семей или в связи с воссоединением семей, появились “самостоятельные потоки, в том числе так называемый трафик женщин в качестве новейшей формы фактической торговли людьми” (с. 10). Автор характеризует опыт постсоветской волны русскоязычной эмиграции начала 1990-х годов в США как не просто адаптацию, но “вживание” наших соотечественников в новую для них американскую действительность, т.е. “личное освоение отдельными людьми окружающего пространства на уровне повседневных практик, индивидуальных реакций, эмоционального восприятия, переживания обыденных фактов, мелких, частных событий и бытовых проблем, которые в итоге способны оказывать определяющее влияние на весь алгоритм адаптации” (с. 6).

Рассматривая формирование новой культурной компетенции “русских американцев” и факторы, влияющие на этот процесс, автор сочетает социокультурный антропологический, психологический и лингвистический подходы. Интересно обращение к теме ментальных границ межкультурного взаимопонимания на основе анализа проблем овладения языком. Подтверждая идеи Н. Хомского, Н.В. Шалыгина подчеркивает, что “полноценная языковая компетенция” есть “важнейший фактор реформатирования менталитета иммигранта” (с. 67), а ее недостаточность является препятствием для реальной адаптации. Этот процесс связан с формированием новой языковой идентичности, которая анализируется исследовательницей с позиций понятийной категории, обозначаемой как “культурная компетенция”. Автор показывает, что “в условиях иммиграции усвоение нового языка сопряжено с изменением восприятия многих составляющих другой культуры, включая и такие ее элементы, как иной стиль поведения, алгоритмы повседневной жизни, нормы общения и т.п.”. Культурная компетенция весьма важна и в семейных отношениях: так, например, неполное вербальное взаимопонимание (от “душевных” бесед до юмора) является одним из препятствий вступления российских девушек в брак с американцами (с. 79–80).

Н.В. Шалыгина выделяет некоторые важные расхождения, актуальные дихотомии российско-американских коммуникаций: сотрудничество–соревнование, индивидуализм–коллективизм, прагматизм–идеализм, рациональность–эмоциональность, планирование–склонность к импровизации. Кроме того, жителей США и наших соотечественников отличает разная степень доверия к институтам и системе человеческих взаимоотношений, а также асимметрия гендерных идентичностей и весьма разнящиеся принципы воспитания детей. К числу факторов, не способствующих взаимопониманию русских и американцев, относится также несовпадение социальной (понятие “средний класс”, концепты *professional* и “интеллигенция”), этнической и расовой идентичностей, различное понимание допустимого в разговоре, политкорректности, асимметрия то-

лерантности/интолерантности, а также проявления всех этих различий как в частной, так и в общественной жизни.

Большое внимание Н.В. Шалыгина уделила адаптации в США бывших россиянок (Гл. 3. “Женские сценарии адаптации россиянок в США. Ресурсы и возможности”). Автор исследует влияние условий жизни в эмиграции на изменение мужских и женских моделей поведения и показывает, что в случае с нашими соотечественниками гендерные отличия оказываются довольно неожиданными и существенными.

Важнейшим фактором, повлиявшим на адаптивные возможности россиян в США в 1990-х годах, исследовательница считает отсутствие достоверной информации о “заокеанских” реалиях, мифологизацию американского образа жизни, что было характерно для начала постсоветской эпохи и поддерживалось СМИ, голливудскими фильмами и т.д. Идеалистические представления о США порождали неоправданные надежды и замедляли процессы адаптации.

В условиях американских реалий, которые не всегда соответствовали радужным ожиданиям мигрантов из России, адаптивнее оказались женщины. Их отличала большая активность в поисках работы, согласие на труд, требующий более низкой квалификации, чем тот, которым они занимались на родине, стремление к преодолению всех фаз культурного шока из-за значительного разрыва между прежними и новыми условиями жизни, настойчивость и целеустремленность.

Н.В. Шалыгина выделяет следующие адаптивные сценарии русскоязычных женщин-эмигранток в США:

- успешная профессиональная самореализация;
- вынужденная самореализация (когда женщины берутся за любую, даже неквалифицированную работу, лишь бы заработать хоть что-нибудь и прокормить семью);
- приспособленческая самореализация (стратегия “спуглеров”, или жен программистов, обычно довольно образованных женщин, но, по условиям контракта мужа, не имеющих права работать в США);
- самореализация по типу “цифровых кочевников” (*digital nomads*) – специалисты в IT-областях, работающих дистанционно и ориентированных на творчество и самореализацию, но не на привычную “оседлую” жизнь и традиционные семейные ценности. В этом случае речь идет о “женском” варианте феномена “цифрового номадизма” – виде высококвалифицированной (часто транснациональной) миграции, связанной с высокими технологиями и весьма отличающейся от других видов миграции.

В главе “Этнокультурная идентичность новых русских американцев: похожая непохожесть” автор фокусирует внимание на вопросах адаптации наших соотечественников с точки зрения этнокультурной идентичности. По мнению Н.В. Шалыгиной, кризис этнокультурной идентичности, учитывая глобализационные процессы, является закономерным и довольно универсальным в современном мире (с. 174–175). Заметим, что русскоязычная эмиграция в США чаще всего изучалась преимущественно как “русская”. Н.В. Шалыгина впервые выделяет внутри нее три самых многочисленных этнических группы – собственно русские, украинцы, евреи – и дает им сравнительную характеристику. Анализируя модели поведения представителей этих трех групп, она отмечает, что наиболее безболезненно трансформация идентичности в США проходит у евреев, “принимая во внимание их исторический опыт и особенности иммиграционной политики России и США” (с. 176).

Большое внимание в исследовании уделяется роли еврейской, русской и украинской диаспор в процессе адаптации мигрантов. В книге описывается широкий спектр организаций российской диаспоры, делается экскурс в их богатую

историю (начиная с первой послереволюционной волны и до сегодняшнего дня), показывается их роль в сохранении традиций. Среди прочего речь идет об их издательской деятельности – она вносила и вносит большой вклад в сохранение русского языка и культуры, в формирование менталитета мигрантов, в информирование о жизни русской общины в США и о выдающихся ученых, писателях, художниках и т.д. К числу факторов, способствующих сохранению русской культурной идентичности, относятся также теле- и радиовещание на русском языке, обширная просветительская деятельность культурных центров в разных штатах, учебных заведений и православных воскресных школ, детских центров творческого развития. Автор повествует и о работе религиозных организаций, корпусов русских кадетов, созданных еще представителями первой волны эмиграции, и т.д. В том же ключе рассказывается и о многогранной деятельности украинских организаций (Академии наук, музеев, библиотек, институтов, обществ), об украинской прессе и их роли в сохранении украинской идентичности. Отмечается нацеленность нового поколения мигрантов не столько на фиксацию своей “украинскости”, сколько на эффективную интеграцию в американскую жизнь.

Еврейской диаспоре, по мнению автора, существенную помощь в адаптации и сохранении идентичности обеспечивает такой специфический механизм поддержки, как филантропия. Этот социокультурный феномен начиная с конца XIX в. “постоянно наращивает свои возможности и влияние на жизнь американского государства” (с. 294). Именно поддержка еврейских организаций часто является одним из важнейших (если не главным) аргументов при принятии решения о переезде в Америку. Специфической особенностью еврейских общин, на которой отдельно останавливается исследовательница, является то, что большое внимание они уделяют вопросу религии. У некоторых мигрантов возникают проблемы в связи с необходимостью в той или иной степени погружаться в изучение различных течений иудаизма, что является одним из условий вхождения в общинную инфраструктуру американских евреев (с. 336–337). Вместе с тем русскоязычные евреи, переезжающие в США в последнее время, все меньше связывают свои жизненные планы с “еврейским проектом”, нацеливаясь на интеграцию именно в американское общество, а не в еврейскую общину.

Монография Н.В. Шалыгиной интересна как своими методологическими подходами, так и богатством фактического материала, позволяющего составить представление о многих аспектах жизни российских эмигрантов, процессах формирования их идентичности. Эта работа является важным вкладом в изучение и понимание современных миграционных процессов, благодаря ей в нашу науку входят большие пласты новой информации. Монографию отличает высокий профессионализм, свидетельствующий о широком научном и культурном кругозоре исследовательницы.

Book Review

Lyubart, M.K. The “American Dream” of Russian Immigrants and Its Adaptation to the Current American Reality [“Amerikanskaia mechta” rossiiskoi emigratsii i ee adaptatsiia k sovremennoi amerikanskoi real’nosti]: A Review of *Russkie amerikantsy: Poisk novykh identichnostei* [Russian Americans: Search for New Identities], by N.V. Shalygina. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 233–237. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060136> EDN: MSLHGH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Margarita Lyubart | <http://orcid.org/0000-0003-3781-4422> | Margarita_Lubart@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИКАХ (РЕЦ. НА: МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИК С ФИННО-УГОРСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ: ПОЗИЦИИ, НАСТРОЕНИЯ, РИСКИ: МОНОГРАФИЯ / Ю.П. ШАБАЕВ, В.Н. БИРИН, Н.П. МИРОНОВА И ДР. М.: РГГУ, 2021. 388 с.)

И.А. Снежкова

Ирина Анатольевна Снежкова | <https://orcid.org/0000-0001-7247-4975> | snezhkova@mail.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

В основу данной коллективной монографии положены результаты социологического исследования в республиках РФ с финно-угорским населением (Карелия, Коми, Удмуртия, Марий Эл, Мордовия), посвященного изучению этнополитических и этнокультурных позиций молодежи (старших школьников и студентов), их социальных страхов и предубеждений, а также результаты экспертного опроса, проводившегося в этих регионах в сентябре–октябре 2020 г. Кроме того, использовались материалы более ранних опросов и данные статистики, касающиеся демографической ситуации и социально-экономических проблем в этих республиках.

Авторами коллективной монографии стали исследователи, которые занимались указанными регионами: В.Н. Бирин (Карелия), Н.П. Миронова, М.Р. Ткаченко (Коми), О.В. Васильева (Удмуртия), Г.С. Зеленева

Рецензия поступила 16.06.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 30.06.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Снежкова И.А. Положение молодежи в финно-угорских республиках (рец. на: Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски: монография / Ю.П. Шабает, В.Н. Бирин, Н.П. Миронова и др. М.: РГГУ, 2021) // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060148>
EDN: MSMOGP

Snezhkova, I.A. 2022. Polozhenie molodezhi v finno-ugorskikh respublikakh [The Condition of Youth in Finno-Ugric Republics]: A Review of Molodezh' v politicheskom i kul'turnom prostranstve respublik s finno-ugorskim naseleniem: pozitsii, nastroeniia, riski: monografiia [Youth in the Political and Cultural Space of the Republics with Finno-Ugric Population: Positions, Sentiments, Risks], by Y.P. Shabaev, V.N. Birin, et al. *Этнографическое обозрение*, 2022, no. 6, pp. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060148>
EDN: MSMOGP

(Марий Эл), А.В. Мартыненко (Мордовия); общее научное руководство и редактирование осуществлено Ю.П. Шабаевым.

В качестве объекта исследования была выбрана молодежь, поскольку именно она наиболее остро реагирует на возникающие в обществе проблемы. Такой срез позволяет выявить самые болезненные для социума вопросы и наметить пути для их решения. Выбор территорий, где коренным населением являются финно-угорские народы, не случаен. Карелия, Удмуртия, Марий Эл, Коми и Мордовия характеризуются географическим, национальным, культурным и конфессиональным своеобразием.

Было опрошено 1500 респондентов – по 300 в каждом столичном городе (Петрозаводске, Сыктывкаре, Ижевске, Йошкар-Оле, Саранске): 150 старшеклассников из нескольких школ и 150 студентов из нескольких вузов (естественники и гуманитарии). Выборка должна была содержать достаточно высокую долю респондентов, представляющих финно-угорское население республик.

Коллективная монография создавалась под эгидой Центра социально-политических исследований и информационных технологий Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук; книга состоит из восьми глав, введения и заключения.

Автор введения и первых трех глав д. и. н. Ю.П. Шабаев останавливается на общих тенденциях и основных проблемах, существующих в регионах с финно-угорским населением. Описывая социально-экономическую ситуацию во всех пяти республиках, Ю.П. Шабаев характеризует ее как неудовлетворительную. Поскольку автохтонное население преимущественно проживает в сельской местности, а положение аграриев по-прежнему остается достаточно тяжелым, крупнейшей проблемой становится бедность, подчеркивает автор. Далее он рассматривает вопросы институционального обеспечения государственной молодежной политики и ее нормативно-правового обоснования, анализирует уровень удовлетворения базовых потребностей молодежи.

Ю.П. Шабаев останавливается и на демографических процессах: так, в изучаемых регионах молодые люди в возрасте до 30 лет на сегодняшний день составляют около пятой части населения, что является низким показателем и свидетельствует о недостаточном демографическом благополучии. Многие юноши и девушки уезжают в центральные регионы РФ (в Санкт-Петербург, Москву, Екатеринбург, Казань) или в страны Евросоюза (в Финляндию, Венгрию, Эстонию) – они принимают участие в различных программах учебных заведений этих стран и, как правило, обратно не возвращаются. Кроме того, протестный потенциал молодежи (особенно студенческой), как показывают современные исследования, никуда не исчез, и его стараются использовать в своих интересах различные политические силы, в том числе за рубежом. Не дремлют и этнонационалистические, религиозные и субкультурные (типа футбольных фанатов) неформальные молодежные организации. По мнению исследователей, нужно проводить активную молодежную политику и прежде всего обеспечивать молодых людей рабочими местами, жильем и достойным заработком, а также вовлекать их в политическую, творческую и предпринимательскую деятельность. Ю.П. Шабаев останавливается на взглядах и позициях молодежи, касающихся актуальных вопросов местной жизни, общих для всех пяти республик.

Во всех республиках опрос проводился по одной схеме, в подавляющем большинстве использовались одни и те же вопросы, которые условно можно было бы разделить на несколько блоков. Полученные ответы также оказались в целом схожи. Кроме того, авторы монографии использовали одну и ту же схему

и для презентации данных, что облегчает сравнение полученных материалов: вначале приводятся результаты опроса экспертов (по 30 человек в каждом регионе) – в их число вошли научные работники, преподаватели вузов, чиновники и др., затем анализируются ответы молодых людей.

Экспертам было предложено высказать свое мнение об актуальных проблемах жизни региона до и в условиях пандемии коронавируса. Почти две трети экспертов полагают, что в настоящее время их республики испытывают экономические и социальные сложности (60%), связанные в первую очередь с введенными в связи с COVID-19 ограничениями, четверть экспертов (25%) считают, что сохраняются вполне нормальные условия, и только 10% говорят о кризисе. Более двух третей экспертов полагают, что сложившаяся ситуация и ее последствия могут привести к росту социальной напряженности. Однако, если поддержка населения со стороны государства будет эффективна, этот рост не будет критическим. Эксперты отмечают, что в условиях кризиса часто происходит радикализация взглядов населения, особенно молодежи, а это ведет к росту социального экстремизма. Они также говорят о возможности выступлений на национальной почве – но большинство все-таки надеется, что все выльется лишь в отдельные акции и массовых волнений не будет.

По проблемам реализации молодежной политики также были заданы соответствующие вопросы экспертам. По их мнению, несмотря на то что закон “О молодежной политике в Российской Федерации” (№ 489-ФЗ) был подписан еще 30 декабря 2020 г., во всех республиках он реализовывался недостаточно разумно. Это связано с тем, что федеральные структуры не прописали четких целевых показателей молодежной политики, а главное – ясных критериев оценки ее успешности. Эксперты добавляли, что в числе последних следовало бы назвать преодоление безработицы среди молодых людей, уменьшение их оттока из республик в поисках хорошего заработка, достойное соотношение средних доходов по региону и доходов молодых специалистов, уровень обеспечения молодых семей жильем и многое другое. Важно заметить, что, по мнению экспертов, именно отъезд молодежи преимущественно в центральные регионы является своеобразной формой социального протеста, в нашем случае – против социальных реалий в республиках с финно-угорским населением.

Результаты опроса студентов и старших школьников в 2020 г. выявили самые острые проблемы молодежи. Во всех пяти республиках молодые люди проранжировали их следующим образом: финансовые (70%); завершение образования (60%); будущее трудоустройство (60%); отсутствие собственного жилья (50%); распространение эпидемий (40%). В меньшей мере молодежь волнуют межнациональные отношения (15%), рост преступности (15%), угроза терроризма (10%). Следует отметить, что ответы старшеклассников (хотя практически повторяли ответы студентов) в большинстве своем были более оптимистичными; это связано с тем, что многие социальные и финансовые проблемы им помогают решать родители. К сожалению, на вопрос о перспективах своего будущего в республиках большинство опрошенных ответили, что в данный момент испытывают неуверенность в финансовом отношении, но надеются на лучшее (60%).

Интересным был вопрос о доверии молодежи к государственным институтам: Президенту РФ, правительству страны, Госдуме, главе республики, органам местного самоуправления и другим структурам. Полученные ответы позволяют охарактеризовать уровень доверия в целом как низкий – налицо кризис доверия к институтам власти. Так, только треть молодых людей доверяют Президенту, правительству – 20%, столько же – Государственной Думе (20%); это объясняется невысоким уровнем жизни, неудачной пенсионной реформой,

наличием коррупции, преследованием оппозиции. Больше доверия вызывают республиканские (40%) и местные (44%) органы управления.

Целый ряд вопросов касался склонности молодежи к протестным действиям и активным антиправительственным акциям, в частности под руководством А. Навального. Молодые люди в большинстве своем выходить на улицы по призыву оппозиционера и его сторонников (на периферии А. Навального знают мало) не готовы, но они готовы к активным протестам с целью улучшения социального и материального положения в республиках. Большой блок вопросов был посвящен межэтническим отношениям. Респондентам было предложено высказаться и по поводу интереса и доверия к национальным объединениям и их лидерам. Абсолютное большинство опрошенных ответили, что, к сожалению, мало знают о деятельности таких руководителей и организаций.

Если говорить о предоставлении преимуществ на рынке труда, в политической и культурной сферах представителям коренных национальностей, в сравнении, например, с русскими, которые численно преобладают в республиках, то к этой позиции молодые люди в основном относятся отрицательно. Они считают, что национальность не должна давать никаких преференций в работе. Негативно высказались респонденты и о том, что при выборе глав республик приоритет должен отдаваться кандидатам коренной национальности: "...представители всех народов, проживающих в республике, имеют равные права". Для сравнения: в 1990-е годы, как правило, люди отмечали, что преимущество при выборе президента республики и других руководителей должны иметь представители коренной национальности, о чем свидетельствуют данные опросов, проведенных в республиках в конце XX в. Исследования 2020 г. говорят о том, что произошло смещение в сторону доминирования гражданской идентичности, поэтому национальность лидера региона не имеет значения. Интерес к политике большинство респондентов проявили слабый: 60% не участвуют ни в какой политической жизни и не состоят ни в каких политических организациях.

Некоторые вопросы носили несколько провокационный характер: выяснялась позиция молодых людей в отношении мигрантов, выступлений футбольных фанатов, радикальных религиозных и националистических организаций, исламских радикалов, языческих группировок, идей ЛГБТ-сообщества и т.п. Молодежь продемонстрировала довольно высокий уровень толерантности – доминировали спокойные, позитивные ответы, отрицающие экстремизм.

В итоговых комментариях некоторые старшеклассники и студенты благодарили организаторов опроса за то, что были подняты актуальные и важные проблемы, касающиеся молодежи. Встречались и замечания, в которых респонденты посчитали вопросы анкеты слишком "мягкими и лояльными", молодые люди хотели бы видеть "больше конкретики и меньше обыденных ясных всем проблем". Часть опрошенных, напротив, отмечала "слишком много провокационных вопросов, из-за которых можно столкнуться с неприятностями".

В заключение можно сказать, что результаты исследований показали два возможных сценария развития событий в республиках с финно-угорским населением. Первый ведет к формированию пассивного поколения, лишённого активных социальных перспектив (в пользу этого сценария говорят миграционный кризис, кризис доверия к институтам власти, социально-экономические проблемы регионов). Второй сценарий предполагает превращение молодого поколения в один из главных драйверов развития республик – он может быть реализован на основе эффективной региональной молодежной политики, прагматичного взаимодействия власти и молодежи, поощрения активности молодых людей в различных сферах жизни.

Book Review

Snezhkova, I.A. The Condition of Youth in Finno-Ugric Republics [Polozhenie molodezhi v finno-ugorskikh respublikakh]: A Review of *Molodezh' v politicheskom i kul'turnom prostranstve respublik s finno-ugorskim naseleniem: pozitsii, nastroyeniia, riski: monografiia* [Youth in the Political and Cultural Space of the Republics with Finno-Ugric Population: Positions, Sentiments, Risks], by Y.P. Shabaev, V.N. Birin, et al. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 238–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060148> EDN: MSMOGP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina Snezhkova | <https://orcid.org/0000-0001-7247-4975> | snezhkova@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)